

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт

Р.Л. Ахмедшин

**ЛЕКЦИИ ПО ПРАВОВОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

Учебное пособие

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 343.95(075.8)

ББК 88.47я73

A95

Серия основана в 2014 г.

Ахмедшин Р.Л.

A95 Лекции по правовой психологии : учебное пособие. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 454 с. – (Библиотека магистранта).

ISBN 978-5-94621-679-1

ISBN 978-5-94621-850-4 (отд. кн.)

В предлагаемом пособии по курсу «Правовая психология» отражена тенденция интеграции психологического знания во многие общественные науки. Подаваемый материал изложен таким образом, чтобы сформировать начальные навыки использования психологического знания в процессе исполнения профессиональных обязанностей юриста.

Издание предназначено для обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется вопросами психологической природы правовых явлений.

УДК 343.95(075.8)

ББК 88.47я73

Рецензенты:

проф., д-р юрид. наук *Н.Т. Ведерников*;

проф., д-р юрид. наук *С.Э. Воронин*

ISBN 978-5-94621-679-1

ISBN 978-5-94621-850-4 (отд. кн.)

© Ахмедшин Р.Л., 2019

© Томский государственный университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. Общая часть	5
Тема 1. Историко-методологические вопросы использования психологического знания в правовых науках	7
Тема 2. Личность в общей и правовой психологии	31
Тема 3. Деятельность и поведение в общей и правовой психологии	63
Раздел 2. Специальная часть	103
Тема 4. Криминальная психология	105
Тема 5. Следственная психология	150
Тема 6. Виктимная психология	184
Тема 7. Криминалистическая психология	216
Тема 8. Психологические аспекты проведения осмотра места происшествия	240
Тема 9. Психологические аспекты проведения обыска	274
Тема 10. Психологические аспекты проведения допроса и очной ставки	304
Тема 11. Судебно-психологическая экспертиза	346
Тема 12. Пенологическая и пенитенциарная психология	370
Тема 13. Судебная психология	409
Глоссарий	441

Раздел 1

Общая часть

Тема 1. Историко-методологические вопросы использования психологического знания в правовых науках

Предмет и методы правовой психологии. Соотношение правовой психологии со смежными отраслями психологии и права

Выступая отраслью психологического знания, правовая психология имеет свой четко определенный предмет. Предметом правовой психологии выступают психологические закономерности, возникающие, существующие и изменяющиеся в системе «человек и право». Практические работники, ежедневно встречаясь с поведенческими проявлениями, нуждаются в глубоких и систематичных знаниях человеческой психики.

Поскольку закономерности, связанные с психикой, имеют объективный характер, «материнской» для правовой психологии является психологическая наука, следовательно, правовая психология относится к естественным наукам.

Конечно, нельзя сказать, что правовая психология осуществляет синтез психологического знания и основ юриспруденции. Дело в совершенно разноректорной природе обеих «материнских» для правовой психологии наук.

Правовая норма не есть явление объективного порядка, в подавляющем большинстве случаев она выступает результатом воли «господствующего класса», социополитического или экономического – неважно. Юриспруденция (лат. *jūris prūdentia* «правоведение» – от *jūris* «право» (род. п. – *jūs*) + *prūdentia* «предвидение, знание») – это всего лишь знание зафиксированных правил поведения.

Правовая наука – всегда выраженная правда сегодняшнего дня, которая завтра будет признана ошибочной на уровне основополагающих принципов. Право – предельно анархичное отражение гуманитарной парадигмы, претендующее на объективность разве что лишь в рамках собственной доктрины.

Психологические закономерности – явление предельно объективное, полностью соответствующее естественнонаучной парадигме, отражающее законы физики, химии и биологии. Последнее более справедливо для прикладной психологической науки, а не для академической психологии.

Нельзя синтезировать право и психологию, как нельзя скрестить ужа и ежа. Однако можно найти области, в которых реализуется право, и исследовать человеческий фактор в области правовых отношений. Таким образом, использование психологических знаний – форма объективизации знаний правовых, которые сами по себе научными могут считаться весьма условно.

Возникшее в начале XX в. понимание связи юридической практики и психологии через анализ деятельности следователей и судей предопределило возникновение понятия «судебная психология». А.Р. Ратинов, понимая, что предмет новой науки более широк, был прав, вводя новый термин «юридическая психология». Однако термин «юридическая психология» сегодня неприменим так же, как и термин «судебная психология».

Рассуждая в методологическом ключе, прежде всего необходимо осознать крайнюю неудачность термина «юридическая психология». Термин «юридический» происходит от лат. *juridicus* «судебный, судья» (*iūs* (*jūs*) «право, справедливость» + *dīcere* «говорить, произносить»). Однако оба эти понимания не соответствуют современному уровню знаний о психологических аспектах системы «человек–право». С одной стороны, современное знание о психологических аспектах системы «человек–право» – это гораздо больше, чем психология судебная (*juridicus* «судебный, судья»), с другой стороны, – больше, чем психология лиц, говорящих о праве, или психология правоговения (*jūs* + *dīcere* «право, справедливость + говорить, произносить»).

Таким образом, термин «юридическая психология», предложенный в 1960-х гг. профессором А.Р. Ратиновым, и область знания о психологических аспектах системы «человек–право», официально включенная в 1969 г. в перечень научных специальностей, не адекватны ее предмету в современном понимании.

Если мы признаем предметом рассматриваемой науки психологические закономерности, возникающие, существующие и изменяющиеся в системе «человек и право», то более удачным для такой науки будет термин «правовая психология».

В современных исследованиях термин «правовая психология» встречается как название раздела области знания о психологических аспектах системы «человек–право», изучающего психологические аспекты правопонимания, правотворчества, формирования индивидуального, группового и общественного правового сознания, правовой социализации личности и ее правоисполнительного поведения.

Вспомним, что существует фундаментальное различие в структуре социального мира и мира природы, а значит, «методы общественных наук *tote coelo* (абсолютно) отличны от методов естественных наук... общественные науки – идиографические, характеризуются индивидуализирующей концептуализацией, нацелены на единичные ассерторические утверждения, в то время как естественные науки – номотетические, характеризуются генерализирующей концептуацией и нацелены на общие аподиктические утверждения. Последние должны иметь дело с постоянными отношениями величин, которые могут быть измерены и подтверждены экспериментально, тогда как ни измерение, ни эксперимент неосуществимы в общественных науках. Вообще считается, что естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, а общественные науки – с психологическими и интеллектуальными, следовательно, метод первых заключается в объяснении, а метод последних – в понимании» (Schutz A., 1954).

Предлагаемые к исследованию в рамках правовой психологии как отрасли правовые закономерности носят выраженную идеографическую природу, что входит в противоречие с естественнонаучной природой правовой (юридической) психологии.

Место правовой психологии в системе психологических и юридических знаний

Человек есть мерило всего. Научное познание ориентировано прежде всего на понимание природы человеческой, а так как значительная часть этой природы есть природа психического, неудивительно, что вся система научного знания ощущает потребность в использовании психологического знания. Психологическое знание выступает связующим звеном различных областей науки всех циклов в системе «человек–право».

Юридические науки не могут замыкаться в собственных рамках и не учитывать экономические, демографические, культурные, психологические и других факторы при решении своих задач. Если же подобное происходит, то право превращается из знания научного в знание талмудистское, набор предписаний, которые Власть спускает своим слугам.

Как же знание о закономерностях в системе «человек–право» оптимизирует правовые отрасли знания? Отвечая на этот вопрос, можно выделить следующие формы подобной оптимизации:

- определяет адекватность элементов правовой системы природе человека;
- способствует моделированию адекватных условий и содержания правового регулирования деятельности человека в конкретных сферах его жизни;
- корректирует девиантные и деликтные формы человеческого поведения в контексте поведения целесообразного, урегулированного нормами права.

При этом необходимо отметить влияние выявленных закономерностей в системе «человек–право» и на психологические области знания; они заключаются в следующем:

- способствуют более глубокому пониманию отклоняющегося поведения, оптимизируя исследования о психологической норме;
- способствуют более глубокому пониманию природы поведения человека в критических ситуациях и в пограничных состояниях;

– продуцируют знание, сближающее психологическое и социологическое знание.

Таким образом, нельзя говорить только о заимствующей из общей психологии природе знания в сфере «человек–право».

Принципы и задачи правовой психологии

Принципы правовой психологии. Как известно, принцип в науке (от лат. *principium* «основа») – это системообразующая основополагающая идея. Правовая психология базируется как на принципах общей психологии, так и на принципах правовых, трактуя их применительно к своей области знания.

К числу принципов правовой психологии следует отнести следующие:

- естественнонаучность парадигмы исследования личности;
- дуалистичное сосуществование прикладного и академического подходов к личности; антагонистическая природа вышеупомянутых подходов компенсируется четко определенными функциональными познавательными «нишами»;
- дуалистичное сосуществование гомеостатичного (энергосберегающего) и гетеростатичного (энергозатратного) подходов в исследованиях личности; антагонистическая природа вышеупомянутых подходов компенсируется четко определенными функциональными познавательными «нишами»;
- психоаналитический принцип разделения в сознании исследователя его личности и исследуемой проблемы, контроль перенесения личного в научное;
- научность, использование научно апробированных методов и методик;
- системность, в идеале отдельные элементы исследуемого объекта рассматриваются как взаимодействующие, взаимообусловленные, взаимосвязанные части единого целого;
- детерминированность; под детерминированностью процессов понимается предопределенность, т.е. наличие у каждого следствия строго определенной причины;

- историзм: явления характеризуются закономерным, направленным и необратимым изменением (развитием или деградацией);
- единство сознания человека и его деятельности как частный случай общедиалектического принципа. «Деятельность обуславливает формирование сознания, психических связей, процессов, свойств, а они, в свою очередь, осуществляют регуляцию человеческой деятельности, являются условием ее адекватного выполнения (Рубинштейн С.Л., 1973);
- законность: рекомендуемые исследователями прикладные методики не должны противоречить нормам права;
- гуманность: рекомендуемые исследователями прикладные методики не должны противоречить правилам профессиональной этики;
- личностный подход: в исследованиях личности необходимо понимание, как объективные внешние факторы воздействуют и преломляются через сознание конкретной личности.

Задачи правовой психологии. Комплекс целей и задач правовой психологии определяется ее структурными функциональными особенностями. Напомним, что любое знание формирует знание как науку, знание как прикладную сферу и знание как учебную дисциплину.

Правовая психология как наука имеет цель – познание закономерностей системы «человек–право» – и комплекс следующих научно-познавательных задач:

- поиск баланса в «синтезе» психологических и юридических знаний между естественнонаучной и гуманитарной исследовательскими парадигмами;
- адаптация терминологического аппарата «материнских» наук под исследование конкретных проблем;
- разработка методики и методов теоретических и прикладных исследований;
- выявление методологических особенностей исследования закономерностей в отдельных структурных разделах правовой психологии.

Правовая психология как прикладная область имеет цель – разработать методики, позволяющие использовать закономерности

в системе «человек-право» – и комплекс следующих научно-практических задач:

- психологическая оптимизация правоприменительной, правоохранительной и правотворческой деятельности;
- психологическое обеспечение правоохранительной деятельности юристов различной специализации, наиболее эффективного применения ими норм права;
- разработка приемов недопущения манипулирования в отношении лиц юридических профессий;
- разработка приемов эффективного манипулирования в отношении контрагентов лиц юридических профессий;
- разработка мер психологического воздействия на лиц с противоправным поведением;
- выработка рекомендаций по усовершенствованию правового регулирования жизни общества;
- мониторинг достижений смежных наук;
- разработка методических рекомендаций для решения задач отдельных структурных разделов правовой психологии.

Правовая психология как учебная дисциплина имеет цель – оптимизировать понимание и использование обучающимися закономерностей системы «человек-право» – и комплекс следующих научно-познавательных задач:

- теоретическое обеспечение учебной дисциплины;
- методическое обеспечение учебной дисциплины;
- способствование профессионально-психологическому развитию личности работников юридических специальностей;
- формирование достаточного уровня знаний у обучающегося в области отдельных структурных разделов правовой психологии.

Методы правовой психологии

Известно, что существует три уровня методологии:

- уровень общенаучной методологии;
- уровень частной методологии наук о человеке;
- уровень специальной методологии правовой психологии.

Отдельно отметим, что специальная методология очень редко представлена специфическими методами, обычно выступая в виде достаточно оригинального комплекса частнонаучных методов.

Уровень частной методологии наук о человеке. Вышеперечисленные цели и задачи достигаются посредством использования следующих частнонаучных методов.

Наблюдение – непосредственное восприятие исследуемого феномена. Метод наблюдения широко используется в ходе проведения следственных действий.

Преимущество метода: широкая возможность исследования в силу простоты и доступности.

Недостаток метода: субъективность восприятия и трактовки результатов. Наблюдение является самым ненадежным методом, поэтому он должен использоваться в комплексе с другими методами.

Выделяют такие виды наблюдения, как включенное наблюдение (исследователь выступает полноправным участником наблюдаемого события) и не включенное (исследователь не выступает участником наблюдаемого события), открытое (наблюдаемые знают о наблюдении) и скрытое (наблюдаемые не знают о наблюдении). Также по характеру контактов с изучаемыми объектами наблюдение разделяется на непосредственное и опосредованное. Понятно, что в свете сказанного включенное, открытое и опосредованное наблюдение имеет еще более низкую исследовательскую ценность, чем остальные формы, также не обладающие высокой ценностью.

Самонаблюдение (интроспекция) – самонаблюдение и самофиксация его результатов. Данный метод возник на рубеже XIX–XX вв. как один из первых исследовательских методов. В практической деятельности юриста самонаблюдение носит вспомогательный характер, так как уровень субъективизма достигает предельных величин.

Интервьюирование – процесс сбора первичной информации, основанный на непосредственном взаимодействии исследователя и опрашиваемого. В процессе *интервью* происходит получение информации в рамках свободного опроса по заданной теме. Используется в случаях, когда эмпирический материал не набран,

либо для уникальных групп исследуемых, которые предварительно не изучались.

Основное назначение *беседы* в рамках данного метода состоит в том, чтобы в процессе общения с субъектом получить необходимую информацию о нем и других лицах. Во время беседы исследователю следует пробудить у собеседника интерес к обсуждаемым вопросам, желание отвечать на них и участвовать в диалоге. По сравнению с интервью беседа менее формализована и подвержена в высокой степени элементу субъективизма.

Преимущество метода: простота использования, узкотематическая направленность.

Недостаток метода: широко встречающиеся у субъектов интервьюирования несовпадения изложенного и воспринятого в силу различного объема опыта, уровня культуры и пр. («слово не столько обозначает, сколько имеет смысл»).

Анкетирование – процесс сбора первичной информации, основанный на опосредованном взаимодействии исследователя и опрашиваемого. Анкетирование представляет собой опрос по большому количеству параметров и характеризуется свободой выбора ответа. Используется, когда предварительный эмпирический материал собран, но объем его недостаточен.

Преимущество: детальность информации, возможность использовать математические способы обработки данных.

Недостаток: анкета тем точнее, чем больше в ней вопросов, но одновременно с этим большое количество вопросов утомляет исследуемого, понижая достоверность исследования; соответственно, основная проблема – определение оптимального количества вопросов, поиск баланса между однозначностью ответов и их точностью.

Тестирование – выполнение определенного объема заданий с заранее установленным диапазоном нормы, характерной для исследуемой выборки (стандартизацией). Используется, когда имеются достаточно разработанная система и область представлений изучаемого свойства, предварительный эмпирический материал собран в достаточном количестве. Поэтому на основании полученных знаний по специфической методике можно определить развитие

той или иной характеристики человека. В процессе тестирования по разработанному ранее алгоритму определяется степень исследуемого свойства: в норме, около нормы, вне нормы.

Особенностью данного метода является то, что тест – не универсальное средство измерения, он определяет понимание нормы применительно к конкретной группе (социальной, национальной, религиозной).

Преимущество: очень высокая точность и надежность, достигаемая при соблюдении правил процедуры тестирования и правил обработки его результатов.

Недостаток: каждый тест предназначен для определенной группы лиц и имеет узкоцелевую направленность и зависимость от выполнения правил процедуры тестирования.

В наше время в академической психологии и обывательской среде растет уверенность, что тестирование характеризуется непolitкорректностью и его познавательная ценность должна быть переосмыслена.

Социометрия – исследование межличностных взаимоотношений в группе посредством выявления самооценок ее членов. Применяется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений.

Преимущество: наиболее эффективное исследование таких эфемерных явлений, как групповые отношения.

Недостаток: высокая вероятность искажения результатов из-за осознанно / неосознанно неискренних ответов.

Эксперимент – моделирование поведения человека в определенных условиях с целью получения данных о его способностях воспринимать, обрабатывать и реагировать на тот или иной раздражитель.

Преимущество: высокая надежность результата и возможность использовать применительно к малым группам, в условиях, отличающихся от привычных для объекта исследования.

Недостаток: этические ограничения. Эксперимент как метод научного познания является одним из ведущих в психологических науках, в определенной степени предопределяя самостоятельность

психологии от философии, однако пограничность исследуемых в правовой психологии ситуаций сильно ограничивает его применение. Особенно сказанное характерно для лабораторных экспериментов.

В правовой психологии как прикладной области знания наиболее эффективны констатирующий эксперимент, выявляющий определенные психические особенности исследуемого, и преобразующий эксперимент, изменяющий уже имеющиеся у него особенности.

В правовой психологии как учебной дисциплине ограниченно целесообразно использование формирующего эксперимента, вырабатывающего у обучающегося конкретные навыки и реже свойства.

Метод обобщения независимых характеристик связан с получением служебных и иных характеристик личности из разных источников, что позволяет избежать тенденциозных, неадекватных личностных оценок, прийти к обоснованным выводам, а также увидеть личность во всех ее проявлениях, оценивать человека объективно, с разных сторон, исключив субъективное к нему отношение. Биографический метод – метод выявления и обобщения биографических данных. Сведения получаются из автобиографии обследуемого лица, принадлежащих ему документов, корреспонденции, сообщений различных учреждений, родственников и т.п. При психологическом исследовании возможны применение различных личностных тестов и вопросников, сбор сведений о фактах и событиях, имеющих социально-психологическое значение в жизни человека с момента его рождения и до того периода, который интересует следователя, суд. Развитие биографического метода лежит в области алгоритмизации трактовки биографических фактов, что, в частности, хорошо представлено в работах В.Л. Юаня (2015–2019).

Преимущество: многоаспектность исследования, возможность использования новейших исследовательских методик.

Недостаток: сложность алгоритмов получения информации, возможность неправильной трактовки материалов исследования.

Метод экспертной оценки – комплексный метод использования всего спектра частнонаучных методов с задействованием специальных алгоритмов анализа полученных результатов.

Преимущество: использование системного подхода, в котором недостатки каждой группы методов нивелируются комплексностью использования всего методологического арсенала.

Недостаток: результат проведенного исследования крайне зависим от профессионализма исследователя. Ошибка трактовки данных, как правило, гораздо меньше заметна для неспециалистов, чем в случаях использования отдельных методов.

Уровень специальной методологии правовой психологии представлен достаточно небольшим арсеналом методов, что свидетельствует о «молодости» правовой психологии.

Лонгитюдный метод исследования асоциального поведения – проведение многократных исследований одних и тех же лиц на протяжении длительного времени в целях отслеживания динамики личностных изменений. Находит отражение прежде всего при исследовании личности правонарушителя и личности жертвы деликта.

Преимущество: нестатичное исследование личности предопределяет высокую объективность полученных результатов.

Недостаток: проблема вычленения однородных факторов, предопределяющих личностные изменения на протяжении всего времени исследования.

Метод междисциплинарного исследования асоциального поведения – проведение исследований, в которых участвуют представители смежных областей знания (социологии, психологии, психиатрии).

Преимущество: многоаспектность проводимых исследований.

Недостаток: невысокая результативность подобных исследований, возникающая в силу различия научно-исследовательских традиций в различных областях знания. Большой спектр межличностных проблем, возникающих при взаимодействии представителей различных областей знания.

Метод судебно-психологической экспертизы – комплексный метод использования всего спектра частнонаучных методов с задействованием специальных алгоритмов анализа полученных результатов при исследовании участников процессуальных отношений. Частный случай метода экспертной оценки.

Преимущество: использование системного подхода, в котором недостатки каждой группы методов нивелируются комплексностью использования всего методологического арсенала.

Недостаток: результат проведенного исследования крайне зависим от профессионализма исследователя. Однако этот недостаток ввиду существования методических рекомендаций проведения отдельных видов экспертизы проявляется в гораздо меньшей степени, чем в аналогичном частнонаучном методе.

Методы управления участником правоотношений в рамках процессуально-правового пространства – очень неоднозначная с точки зрения общей этики группа методов. Метод реализуется в применении методик убеждения и внушения в отношении участников правоотношений. Убеждение – это осознаваемое воздействие на сознание, чувства и волю лица, внушение – неосознаваемое воздействуемым влияние на него в целях реализации процессуальных норм. Традиционное тактическое воздействие в правовой психологии и криминалистике базируется на балансе убеждения и внушения как способов воздействия на личность.

Преимущество: эффективное достижение целей праворегулирования.

Недостаток: этическая неоднозначность.

Структура правовой психологии. Проблемы систематизации знаний в правовой психологии

Правовая психология не является ликбезом для юристов, это не популяризация психологической материи. Особое предметное пространство предопределило уникальные области психологического познания, имеющие выраженную специфику, как методологическую, так и содержательную. Однако говорить о правовой психологии как о достаточно четко структурированной области, имеющей выраженную систему знания, спорно.

Система (др.-греч. σύνθεσις «целое, составленное из частей») научного знания представляет собой структурированную совокуп-

ность его разделов, имеющих выраженную взаимообусловленность. Однако крайне сложно найти взаимообусловленность разделов «виктимная психология» и «психопрофилактика стрессов работников юридических специальностей». Система «человек–право» крайне разнообразна, следовательно, разнообразно и предметное пространство правовой психологии.

В правовой психологии целесообразно использовать термин «структура», а не «система». Система – это совокупность элементов, находящихся во взаимосвязи, которые в едином целом образуют свойства, не характерные для элементов в отдельности. Структура – это расположение элементов, хотя и достаточно однородных, в определенном системном порядке.

В правовой психологии четко сформировавшейся системы нет. Накоплен большой массив информации, но затруднительно связать его в одно целое, проследить взаимосвязи между отдельными структурными блоками. Информацию, образующую правовую психологию, можно только структурировать. Вероятно, это обусловлено прежде всего тем, что базовые юридические науки на момент становления правовой психологии уже были сформированы и в настоящее время не имеют реальной тенденции к рецепции знаний правовой психологии. То есть необходимо понимать, что само существование такой области знания, как правовая психология, есть результат неспособности правовых наук использовать в своих исследованиях знания о личности. Не эпизодически и доктринально, а на уровне современного их развития.

В структуру правовой психологии принято включать:

– общую часть правовой психологии, которая включает в себя основные положения современной психологии, механизм заимствования информации из смежных областей знания, методологию исследований в правовой психологии и историю ее развития;

– специальную часть правовой психологии, которая включает в себя следующие основные разделы: криминальная психология; виктимная психология; следственная психология; криминалистическая психология; судебная психология, пенитенциарная и пено-

логическая психология; психология юридического труда (психолого-правовая эргономика); реабилитационная правовая психология (психопрофилактика стрессов работников юридических специальностей); психотехника в работе юриста; психология чрезвычайных ситуаций; психологии права, власти, общества.

История развития правовой психологии

История развития науки – процесс крайне неоднозначный, особенно если эта наука не может похвастаться высокой результативностью в силу молодости. История науки должна прослеживаться по неким конкретным вехам. И вехи эти не в работах премудрых старцев, излагающих свое понимание и видение человека во всех его проявлениях, а в открытиях прикладного характера, совершенных исследователями. Часто, обсуждая историю развития правовой психологии, разные авторы говорят о теориях, созданных в рамках рассуждений об отношениях людей к праву, законности, правосудию, о формировании общечеловеческих представлений о справедливости и правомерности. Так, в историю развития психологии «падают» рассуждения Демокрита (460–370 гг. до н.э.), Сократа (469–399 гг. до н.э.), Платона (427–347 гг. до н.э.), Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), Аврелия Августина (354–430), Шарля Луи Монтескье (1689–1755). Однако мало использовать в своих рассуждениях понятия «разум», «человек», «смысл», чтобы считать эти исследования даже протопсихологическими. Мировосприятие перечисленных авторов полностью умозренческое, значит, речь идет не о психологии, а о философии.

Также нерационально включать в историю развития правовой психологии работы, к примеру, Чезаре Беккариа (1738–1794), так как он оперирует правовой материей, которая, может быть, только косвенно сближается с психологическими проблемами и уж точно не ориентирована на естественнонаучный характер психологического знания. Выраженную философскую направленность имели и труды таких отечественных исследователей, как М.М. Щербатый (1733–1790) и А.Н. Радищев (1749–1802).

Несмотря на свою «молодость», правовая психология имеет ряд достижений, относящихся к очень далеким от сегодняшнего дня временам. Разные культуры в удаленных друг от друга регионах установили зависимость между переживаемыми эмоциями и нарушением слюноотделения, повышением жажды, изменением ритма работы сердечно-сосудистой системы, вегетососудистыми проявлениями вовне (покраснение или побледнение кожных покровов), изменениями мимики лица и тональности голоса. Также эмпирически было установлено влияние всевозможных атрибутивных элементов (правосудия, религиозных обрядов и пр.) на понижение критичности восприятия человека и его способности к критическому анализу. Например, неожиданно для подозреваемого его вводили в слабоосвещенную комнату, где лежал труп убитого, и это приводило к тому, что предложения признаться воспринимались им как обладающие гораздо большей весомостью. Вышеперечисленное практиковалось в практике расследования еще в Древнем мире.

В целом рациональным видением справедливости объясняются находки древних авторов в разработке приемов воздействия на мотивацию лиц через их страх перед волей предков (Древний мир) или страх за собственную физическую и психическую целостность (Средние века и Новое время).

Вехами в развитии правовой психологии выступают исторические события, предопределившие в значительной степени исследовательский вектор и результативность современной науки изучения системы «человек–право».

1487 – «Молот ведьм» Г. Крамера. Достаточно полная компиляция приемов воздействия на подследственного, прежде всего в процессе допроса.

1724 – «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова. Дается убедительная классификация преступников по «степени испорченности». В работе также содержатся психологически эффективные способы допроса.

1792 – «О необходимости психологических познаний при обсуждении преступлений» К. Экартегаузена. Обоснована идея психологического анализа преступного события как системообразующего.

1792 – «Мысли о криминальной психологии» И.Х. Шауманна. Обоснование целесообразности эмпирического синтеза фактов, касающихся психологии преступного поведения и психологии личности преступника.

Поиск смысла человеческого существования, который И. Кант определил в своих знаменитых четырех вопросах (Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?), в XIX в. перешел на уровень научного познания.

Одновременно в середине XIX в. возникает крайне негативная для правовой психологии тенденция замены психологических исследований их своеобразной «рекламой». Так, С.И. Баршев в работе «Взгляд на науку уголовного законодательства» (1858) писал: «Ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии... и если судья не знает психологии, то это будет суд не над живыми существами, а над трупами». К.Я. Яневич-Яневский в статье 1862 г. «Мысли об уголовной юстиции с точки зрения психологии и физиологии» отмечал важность, с одной стороны, исследования права с учетом природы человека, а с другой – наличия у юристов психологической компетентности. К сожалению, данная тенденция достаточно выражена и сегодня.

1808 – «Психология в ее основных применениях к судебной жизни» И. Гофбауэра. Обосновывается приоритет естественнонаучной методологии при изучении личности преступника. Базой для исследований признаются такие естественные науки, как анатомия, биология, физиология, психиатрия.

1814 – «Опыт философии теории вероятностей» П.С. Лапласа. Первая попытка создать научную методику оценки свидетельских показаний посредством использования математических методов.

1835 – «Систематическое руководство по судебной психологии» И. Фридрейха. Содержит первую удачную попытку систематизировать результаты исследования человека в рамках психологии уголовного судопроизводства.

1871 – «Основы психологии» Г. Спенсера. Отправная точка для становления психологии как науки.

1876 – «Преступный человек» Ч. Ломброзо. Статистически обоснованный вывод о влиянии биологического фактора, выраженного в наследственной дегенеративности, на предрасположенность к преступному поведению. Исследования Ч. Ломброзо в дальнейшем показали, что треть заключенных, совершивших насильственные преступления, являются носителями атавистических черт, отличающих их от нормального человека; треть – это пограничный биологический вид, треть – случайные правонарушители. Для структуры преступности конца XIX в. с ее выраженной сертификационной составляющей выводы были объективными.

1877 – «Психологические особенности преступников по новейшим исследованиям» Л.Е. Владимирова. Разработана классификация преступников, используемая до сих пор. Один из выводов – социальные причины преступности проистекают из индивидуального характера преступника.

1877 – работы А. Моссо с плетизмографом (прибор для измерения кровенаполнения сосудов и изменений пульса). Установлено, что предъявление исследуемому образов, внушающих страх, отражается на частоте сердцебиения.

1878 – «Теория невменяемости и отрицания свободной воли» Э. Ферри. Аргументирована порочность принципа свободы воли, который является системообразующим для уголовно-правовой науки.

Особо отметим, что открытия, совершенные Ч. Ломброзо и Э. Ферри в рамках естественнонаучной парадигмы, были категорически (без убедительных аргументов) отвергнуты представителями правовых наук как несовместимые с гуманитарной парадигмой. Вероятно, это первый канонический случай конфликта парадигм в правовой психологии, показавший, что, несмотря на научную обоснованность нового знания, в правовом регулировании будет принята точка зрения, соответствующая потребностям государства и общества, несмотря на ее ненаучность.

1881 – выходит первый журнал экспериментальной психологии «Философские исследования».

1881 – эксперименты Ч. Ломброзо с гидросфигмографом (прибор для фиксации на диаграмму изменений кровяного давления допрашиваемого). Установлено, что переживаемые допрашиваемым вопросы о преступном событии отражаются перепадами его кровяного давления.

1882 – «Преступный человек» Д.А. Дриля. Основной идеей выступало положение о целесообразности междисциплинарного подхода в изучении феноменов в системе «человек–право», что заложило саму возможность существования правовой психологии.

1886 – «Лекции по общей теории права» Н.М. Коркунова. Интерпретация права как механизма защиты человеческих интересов. Вывод о том, что право есть инструмент обеспечения определенного порядка при возникновении конфликтов в межличностных отношениях.

1890 – «Законы подражания» Г. Тарда. Обоснован тезис о том, что преступному поведению, как и всякому другому, люди могут обучаться в реальном обществе на основе механизмов «подражания» и «научения».

1893 – «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции» Г. Гросса. Обосновано существование в структуре личности преступников отдельной группы базового психологического свойства, отражающегося в их преступной деятельности. Систематизированы достижения и мифы науки о человеке конца XIX в.

1899 – П.И. Ковалевским обоснована целесообразность разделения психопатологии и юридической психологии, а также необходимость введения этих дисциплин в курс юридического образования.

1902 – «Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания» В. Штерна. Вывод применительно к психологии допроса – «память человека не является объективным отражением реальности, а выступает, скорее, как искажение в угоду узкоэгоистическим интересам личности, ее намерениям и свойствам». Допрос – крайне ненадежный источник информации.

1903 – «Экспериментальное изучение интеллекта» А. Бине. Получен вывод о том, что в среднем уровень интеллекта у преступников не ниже, чем у населения в целом.

1903 – «Судебная экспертиза документовъ, производство ея и пользование ею» Е.Ф. Буринского. Автор – основатель «судебного почерковедения», исследовавший почерк комплексно с задействованием данных естественных наук (медицины, анатомии, физиологии, психиатрии, психологии).

1904 – «О психологии свидетельских показаний (доклад на заседании уголовного отделения юридического общества)» О.Б. Гольдовского. Подтверждение основного вывода В. Штерна о ненадежности результатов допроса как информационного источника.

1905 – «Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология» Л.И. Петражицкого. Аргументирован тезис о том, что науки о праве и государстве должны базироваться на анализе психических явлений. Попытка аргументации того, что реально существуют только психические процессы, а социально-исторические образования – их внешние проекции.

1906 – Э. Клапаред вводит термин «юридическая психология».

1912 – «Объективный психологический метод в применении к изучению преступности» В.М. Бехтерева. Тезис о целесообразности комплексного подхода к изучению личности преступника.

1914 – «Основы психотехники» Мюнстерберга. В рамках «психотехники» (психологии труда) отдельно выделено психологическое изучение профессиональной юридической деятельности (профессиональные требования к работникам правоохранительных органов, комплекс рекомендаций по их подбору и обучению, а также научной организации их труда).

1929 – «Судебно-психологическая экспертиза» А.Е. Брусиловского. Раскрыто современное понимание места психологической экспертизы в судебном процессе.

1930 – доклад «Об итогах и перспективах изучения судебной психологии» А.С. Тагера на I съезде по изучению поведения человека. Предложена целостная структура правовой психологии, включающая три основных раздела: криминальную психологию,

процессуальную психологию (психологическая организация судопроизводства), пенитенциарную психологию.

1933 – Л. Килер сконструировал полевой переносной полиграф, в конструкцию которого был добавлен канал измерения сопротивления кожи.

1936 – в Советском Союзе вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Основанная на объективной потребности ограничения педологических экспериментов практика реализации данного постановления привела к длительному мораторию на психологические исследования, в том числе и в системе «человек–право». Психология изгоняется из академического пространства, но лабораторные эксперименты в рамках ведомственных подразделений проводятся.

1942 – исследование Г. Клайнфельтером и Ф. Олбрайтом клинической картины синдрома Клайнфельтера – наследственного заболевания, связанного с генетическими аномалиями в виде ряда тройных половых хромосом XXУ и ХУУ.

1947 – «Учение о несвободе воли с практической стороны» И.М. Сеченова. «Принудительные меры в отношении преступников, базируясь на физиологических и психологических знаниях о внутренних закономерностях развития личности, должны преследовать цель их исправления».

1964 – в СССР вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию правовой науки и улучшению юридического образования в стране». Психология снова возвращается в академическое пространство.

1965 – первый случай успешного диагностического (психиатрического) профилирования, проведенного Д. Брусселем при расследовании серии взрывов, совершенных Ж. Милаускасом (Метески).

1960–1970-е гг. в правовой психологии и криминалистике характеризуются дискуссиями о необходимом объеме изучения личности преступника. Суть мнений об объеме исследования личности обвиняемого сводится или к попытке дать общую формулу данных об обвиняемом, или к конструированию перечней и классификаций сведений о личности обвиняемого, подлежащих исследованию.

1975 – Г. Кайзер на II международном криминологическом симпозиуме в Сан-Паулу привел данные о том, что встречаемость лиц, имеющих хромосомные отклонения, среди правонарушителей практически такая же, что и среди всего населения в целом. Первый случай столь крупной фальсификации данных в правовой психологии. Дело в том, что исследование встречаемости соотносилось со всем массивом преступников, а асоциальное поведение лиц с синдромом Клайнфельтера характерно только для насильственных преступлений, прежде всего с внезапно возникшим умыслом. Впоследствии такая же подмена была совершена и отечественными исследователями.

1971 – Госкомитетом по науке и технике при Совете Министров СССР было принято решение о введении в реестр научных специальностей под номером 19.00.06 новой специальности – «юридическая психология».

1988 – «Сексуальные убийства: мотивационная модель» исследовательской группы Д. Дугласа. Разработана системная методика криминалистического профилирования серийных преступников.

1990-е – начало 2000 гг. в правовой психологии и криминалистике характеризуются активным заимствованием достижений зарубежных исследователей.

1996 – «Анализ высказываний: что на самом деле показывают слова подозреваемых?» С.Х. Адамс. Предложена методика анализа показаний допрашиваемых, в основу которой положены психологические приемы лингвистического анализа.

2000-е – активное развитие технологий профайлинга, объединяющих знание о поведенческом реагировании и методы их фиксации и последующей обработки с помощью компьютерных технологий.

В завершение отметим, что поиски системообразующего признака личности велись более успешно за рубежом, и в силу информационной изоляции отечественного научного мира в те годы не находили достаточного отображения в работах советских исследователей. Это ни в коем случае не умаляет заслуг отечественных авторов и не может служить им упреком, однако необходимо

отметить, что современная психологическая мысль развивается в трех основных направлениях: психоаналитическом, бихевиористском и гуманистическом. Парадигма же отечественных исследователей (в том числе и в данный момент) в основном соответствует установкам гуманистической психологии, которая, хотя и признана многими исследователями, является лишь одной из нескольких.

По нашему твердому убеждению, ориентирование лишь на гуманистическое психологическое направление привело к тому, что в отечественной науке личность исследуется как статутное образование (потребности, интересы, мотивы, эмоционально-волевые качества, характер и т.д.) в чистом виде. Бихевиористское направление могло бы значительно обогатить потенциал правовой психологии возможностью исследования того, как вышеуказанные компоненты реализуются в поведенческом акте. Психоаналитическое же направление способно продемонстрировать исследователю не мотив, а мотивационный комплекс, который, как показывают зарубежные исследования, значительно эффективнее выводит на поисковые признаки лица, совершившего преступление.

Помимо богатой эмпирической базы, отечественная правовая психология характеризуется таким важным элементом, как методологическая направленность исследований. Вероятно, в силу рефлексии как свойства российского менталитета в общественных науках в России преобладает теоретический аспект исследуемой проблематики. Представляется, что данный фактор окажется значимым там, где оказались несостоятельными зарубежный практицизм и направленность на эмпирику.

Основные понятия темы: наблюдение, эксперимент, тестирование, анкетирование, интервьюирование, метод экспертной оценки, криминальная психология, виктимная психология, следственная психология, криминалистическая психология, пенитенциарная и психологическая психология, психология юридического труда (психолого-правовая эргономика), реабилитационная правовая психология, судебная психология.

Литература

1. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней : учебник для вузов. М. : Фонд «Мир» ; Академический Проект, 2007. 572 с.
2. Костицкий М.В. Введение в юридическую психологию : методологические и теоретические проблемы. Киев : Выща школа, 1990. 257 с.
3. Мокий В.С., Лукьянова Т.А. Методология научных исследований. Трансдисциплинарные подходы и методы : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2018. 160 с.
4. Морозов А.В. История психологии : учеб. пособие для вузов. М. : Фонд «Мир» ; Академический проект, 2007. 287 с.
5. Розин В.М. История и методология юридической науки. Юридическое мышление : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М. : Юрайт, 2018. 206 с.
6. Сокол В.Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике. Краснодар, 2019. 324 с.
7. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Юридическая психология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 360 с.

Контрольные вопросы

1. Каковы причины использования разными авторами терминов «юридическая психология», «правовая психология», «судебная психология»?
2. Какова цель правовой психологии?
3. Какова целевая нагрузка исследований методов правовой психологии в решении прикладных задач?
4. Определите спектр взаимодействия правовой психологии с неюридическими науками.
5. Определите спектр взаимодействия правовой психологии с юридическими науками.
6. Охарактеризуйте содержательное различие правовой психологии и криминалистики.
7. Почему применительно к правовой психологии рационально использовать термин «структура», а не «система» науки?
8. Чем объясняется интерес к правовой психологии в наше время?

Тема 2. Личность в общей и правовой психологии

Психика и сознание как центральные психические категории

Психика человека – это центральное образование, обуславливающее особенности человеческого вида. Термин «психика» происходит от греческого «психос» – душа.

Психика – это системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении субъектом объективного мира, в построении им неотчуждаемой от него картины этого мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности.

Феномен психики как способность активного отражения реальности или совокупность душевных процессов и явлений проявляется на определенной ступени биологической эволюции живых организмов. Эволюция форм отражения реальности от биологической формы к психической исторически прошла три этапа:

– этап сенсорной эволюции – характеризовался способностью организма к отражению отдельных раздражителей, имеющих исключительно биологическую значимость (способность к раздражимости);

– этап перцептивной эволюции – характеризовался способностью организма отражать в целом комплекс раздражителей, имеющих кроме биологической значимости свойства биологической нейтральности (способность к чувствительности);

– этап интеллектуальной эволюции – характеризовался способностью организма отражать не только сами значимые объекты, но и их функциональные связи.

Человеку присуща высшая форма психики – сознание. Сознание человека – это сформированная в процессе общественной

жизни высшая форма психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в форме словесных понятий и чувственных образов. Традиционно к признакам, характеризующим сознание, относят речь, мышление и способность к абстрагированию.

Говоря о сознании, необходимо затронуть вопрос о его структуре, однако учитывая, что теоретическая модель сознания на современном уровне познания весьма условна, четкие структурные блоки исследуемого феномена выделить невозможно. В том же виде, в котором сознание понимается сегодня, оно структурно состоит:

– из познавательных процессов (формирование совокупности знаний об окружающем мире); сюда входят ощущение, восприятие, мышление, память;

– из самоидентификационных процессов (противопоставление себя окружающему миру); сюда входят самосознание, самопознание и самооценка;

– из эмоционально оценочных процессов; сюда входят чувства, эмоции, переживания;

– из аналитических процессов (сознание формирует новые образы и понятия, которых ранее не было в нем, с помощью воображения, мышления и интуиции);

– из процессов целеполагания (исходя из потребностей человека, сознание формирует цели деятельности и направляет человека на их достижение).

На стадии становления психологической науки сознание неизменно выступало в психологии как нечто абстрактное, предельно нематериальное, лишь как условие протекания психических процессов. Так, В. Вундт говорил, что «сознание заключается в том, что какие бы то ни было психические состояния мы находим в себе, и поэтому мы не можем познать сущности сознания. Все попытки определить сознание... приводят или к тавтологии, или к определениям происходящих в сознании деятельностей, которые уже потому не суть сознание, что предполагают его». Его поддерживали многие исследователи того времени; так, П. Наторп

утверждал, что «сознание лишено собственной структуры, оно лишь условие психологии, но не ее предмет. Хотя его существование представляет собой основной и вполне достоверный психологический факт, но оно не поддается определению и выводимо только из самого себя».

Сейчас принято считать, что сознание обладает не только структурой, но и достаточно четко обозначенными свойствами, подлежащими исследованию современным научным инструментарием. Традиционно выделяют следующие свойства сознания:

- активность (сознание связано с деятельностью);
- избирательность (сознание направлено не на весь мир в целом, а только на определенные его объекты);
- абстрактность (сознание оперирует обобщенными и абстрактными понятиями);
- целостность (наличие единой системы управления психическими процессами, что верно только при ряде оговорок);
- устойчивость (относительная стабильность во времени);
- динамичность (способность к непрерывному развитию, которая обуславливается кратковременными психическими процессами);
- потенциальная индивидуальность (сознание каждого человека несколько отличается от сознания других людей).

Самоидентификационные психические процессы детерминируют существование у человека самосознания. Самосознание – сознание субъектом самого себя в отличие от окружающего мира.

Содержательно самосознание понимается как психический феномен, осознание человеком себя в качестве субъекта деятельности, в результате которого представления человека о самом себе складываются в мысленный «образ Я». Осознание своих психических качеств и самооценка приобретают наибольшее значение в подростковом и юношеском возрасте.

Самосознание как психическая конструкция ориентировано на решение следующих задач:

- оценка и анализ приобретенного опыта как уникальной информации;

– обеспечение внутренней сбалансированности личности, самоидентификации себя в контексте полученного опыта в различные периоды своего существования;

– обеспечение реализации способности к моделированию своего существования в контексте самоидентификационных процессов.

Направления изучения личности в психологии: общая проблематика

Требование о единстве исследовательского подхода к личности в правовой психологии может показаться нереализуемым. Действительно, в персонологии на сегодняшний день сложилось такое громадное количество подходов, что попытки найти общие взгляды даже в наиболее признаваемых концепциях природы личности кажутся в принципе нереализуемыми. Действительно, психодинамическое (З. Фрейд), диспозициональное (Р. Кеттел), бихевиористское (Б. Скиннер), социально-когнитивное (А. Бандура), феноменологическое (К. Роджерс), гуманистическое (А. Маслоу), палеопсихологическое (Б.Ф. Поршнев) направления содержат порой противоположные и взаимоисключающие положения. Что же, поиск единого подхода в познании природы человека заранее обречен на неудачу? Ведь кажется неразрешимой дилемма: с одной стороны, существует большое количество разных подходов к природе личности, а с другой – большинство из них подтверждено практическими исследованиями и многолетней практикой применения.

Личность – весьма многогранное понятие, к тому же весьма динамичное. Действительно, обладая различными возрастными, половыми, культурными особенностями, выступая в широком спектре социальных ролей, имея разные биологические предпосылки для развития, принадлежа к различным стратосам, люди чрезвычайно сильно отличаются друг от друга.

Психологическая наука относительно недавно выделилась из знания философского, поэтому еще ориентируется порой на понятия, допустимые для ненаучного знания, но неприменимые для познания научного. Если для философского подхода исследования

природы человека представляют интерес, несмотря на достаточно сомнительные результаты подобной работы, то в научной сфере подобные исследования ради исследования представляются нецелесообразными.

Ни один из существующих подходов к природе личности не истинен абсолютно в силу многоаспектности психики человека, многофакторности условий, в которых он существует. Поэтому каждый конкретный подход должен применяться в той сфере человеческой деятельности, для которой он изначально разрабатывался, или в той, где он проходил адаптацию. Так, основатель психоаналитического направления З. Фрейд в основном работал с невротиками, поэтому когда основные положения своей теории он применил в исследованиях детской психики (сначала невротической, а потом и нормальной), то в результате получил образ некоего «антиангелочка», из которого просто обязан вырасти будущий пациент психоаналитика.

Положения теории К. Юнга достаточно близко примыкают к мистике и ориентированы на потребность человека в приобщении к высшим образам. Сам К. Юнг полагал, что подобная «самореализация» доступна только способным и высокообразованным людям, имеющим к тому же достаточный для этого досуг. Соответственно, для остальных представителей рода человеческого этот подход не актуален.

Кто-то из авторов отработывал свои исследования на малолетних, кто-то – на несовершеннолетних, кто-то – на лицах, получающих высшее образование, кто-то – на профессионалах в различных областях человеческой деятельности. Соответственно, повторимся: для конкретной формы проявления психического необходимо использование конкретного психологического подхода к личности, использование этого же подхода в других аспектах нецелесообразно. Указанное положение и составляет содержание принципа единства исследовательского подхода к личности.

Одним из краеугольных камней в исследованиях личности выступает детерминирование поведения биологическим, социальным или индивидуально-психологическим фактором.

Проблема – конституционализм или инвайронментализм, «природа или воспитание» – зародилась, вероятно, в момент возникновения интереса к исследованиям личности. Она и сегодня достаточно актуальна, и без преувеличения можно констатировать, что решение ее тем или иным образом принципиально определяет содержание всей персонологической теории во всем ее многообразии.

Теории, базирующиеся на идее конституционализма (биологической обусловленности поведенческого реагирования), имеют давнюю историю. Например, в разработанных Р. Кеттелом и Г. Айзенком теоретических положениях подчеркивается значимость генетической предрасположенности и физической конституции в развитии основных черт личности. В психоаналитической концепции биологический субстрат индивидуума (Оно) представлен в виде унаследованного базисного компонента личности, закрепленного в конституции данного индивидуума.

Теории, базирующиеся на идее инвайронментализма (социальной обусловленности поведенческого реагирования), – тоже не новы в психологии. Один из основоположников психологической науки Д. Уотсон в своих исследованиях делал акцент на основных процессах обусловливания, полагая, что влияние окружающей среды выступает базовым фактором человеческого поведения. Исследование получения опыта посредством научения значимо именно потому, что научение – психологический процесс, посредством которого окружающая среда формирует поведение.

Наличие в человеке биологического и социального начала, а также начала, опосредованного двумя вышеназванными (индивидуально-психологического), косвенно признавалось и отечественной психологической наукой, даже в период идеологического давления в советский период. Вспомним, отрицая идеи психоанализа, отечественные психиатры и, в меньшей степени, психологи активно использовали проективные психодиагностические методики, базирующиеся по своей природе на психоаналитических положениях.

Так, формально отрицая автономность категорий «генетическое» отечественные психологи ввели в понятийный аппарат психологии термин «человек». Человек – субъект, обладающий созна-

нием, в чистом виде признаком, присущим всем *Homo sapiens*. Как видно, данный термин является квинтэссенцией биопсихологических детерминант. В отличие от человека в отечественной психологии выделяли «личность» как субъекта отношений и сознательной деятельности, носителя устойчивой системы социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности. Таким образом, термин «личность» является квинтэссенцией социально-психологических детерминант.

Термин «индивидуальность» в отечественной психологии обозначал совокупность характерных особенностей и свойств, отличающих один индивидуум от другого, своеобразие психики и личности индивида, ее неповторимость, уникальность.

Как видно из анализа терминов, даже отечественная психология использовала в вопросе о структуре личности дифференцированный подход, базирующийся на доминировании биологического, социального и индивидуально-психологического факторов, формально, правда, всегда оговаривая доминанту социальной составляющей личности.

В споре между конституционалистами и инвайронменталистами основная часть исследователей заняла промежуточную позицию в рамках интеракционистского подхода. Эти исследователи утверждали, что поведение человека должно рассматриваться как итог взаимодействия конституции и окружающей среды. Конституциональный фактор проявляется по-разному в разных условиях среды, а влияние среды будет давать различный эффект в зависимости от конституции данного человека.

Казалось бы, позиция инвайронменталистов убедительна, соответствует требованиям системного подхода к многоплановому феномену личности, однако так ли это?

Не отрицая идеи взаимообусловленности сущего, тем не менее отметим, что описанное структурирование грозит уходом в эклектику, так как, «не умея фиксировать определенность отношений, в которых совершаются переходы противоположностей, страшась релятивизма и не желая быть односторонним, эклектик ищет спасение в формуле “и то и другое”», как утверждал В.Н. Сагатовский.

Главная же проблема идеи интеракционизма в психологии заключается в том, что она противоречит принципу эволюционной специализации организма, не относить который к сфере психического нет никаких оснований. Суть названного принципа сводится к тому, что природа человека в его деятельности делает ставку на структуры, наиболее развитые, как правило, за счет понижения эффективности всех остальных структур. Представляется, что компромисс в вопросе о биологической или социальной детерминации лишает исследователя преимуществ, характерных для этих подходов.

О субъективных сложностях исследования личности. Помимо объективных сложностей исследования личности, в не меньшей степени тормозят их и сложности субъективные.

Наука – это не хладнокровное познание сущего. Учитывая, что научная деятельность – разновидность деятельности человеческой, неудивительно, что научное познание также несвободно от целого ряда субъективных факторов.

Факторы, определяющие качество содержания получаемого знания о личности, в частности, могут быть сведены к следующему:

- само наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта;
- уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта;
- социальный заказ общества;
- академические традиции;
- исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, возможности сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации).

Наличие объективных закономерностей, предопределяющих природу исследуемого объекта, подразумевает принципиальную познаваемость исследуемого объекта. Принципиальная познаваемость проистекает из самой природы установок научного познания. Здесь речь идет об объективности существования исследуемого объекта.

Нельзя изучать объект высокой степени абстракции и надеяться на получение практикоценного результата. Чем более общим является понимание объекта исследования, тем оно менее результативно.

Чем больший круг исследуемых феноменов включает исследуемый объект, тем более общими будут выводы проводимого исследования. Психологически авторов, стремящихся к избыточной теоретичности, понять несложно, ведь под заявкой глубокого теоретического осмысления наиболее удобно прятать отсутствие смысла проводимого исследования.

Уровень научных знаний, необходимых для процесса познания исследуемого объекта, никогда не бывает избыточным, однако всегда достаточен для научного познания хотя бы на уровне гипотез.

Исследовательский потенциал ученого (наличие арсенала методик, эффективных и достаточных алгоритмов сбора эмпирического материала, уровень его знаний и квалификации) – категория объективная, но тем не менее малоисследованная и до предела дискуссионная. Примером негативного следствия для успешного исследования фактора «исследовательский потенциал ученого» является недооценка значимости биологических теорий преступности, проистекающая из того, что «большинство криминологов имеют плохую подготовку в области биологии, немногие из них имеют интерес или склонность к выправлению ситуации и, таким образом, прилипают к биологии свободных теорий, которые были в моде, когда они были аспирантами» (Walsh A., Beaver K.M., 2006).

Из факторов, которые определяют содержание получаемого знания о личности преступника, наиболее проблемными являются фактор социального заказа общества и фактор академических традиций.

Социальный заказ общества предопределяет получение от естественных наук знания, необходимого для прогресса науки и техники, а от гуманитарного знания, наоборот, – необходимого для стабилизации общества, недопущения революционных изменений и прогресса. Естественно, в первом направлении часто встречаются шарлатаны, а во втором бунтари, но они не составляют ту массу, которая бы определяла вектор научного развития, регулируемый социальным заказом общества. Социальный заказ общества – это фактор контрпознания, делающий науку ненаучной, но, к сожалению, как и любой социорегулятивный механизм, объективный по своей природе.

Резюмируя сказанное, говоря о социальном заказе той или иной теории, мы будем в дальнейшем помнить о ее политической и доктринальной ангажированности как объективной реальности.

Содержательно почти все современные теории личности, пытаюсь изначально уйти от признания значимости идеи конституционализма, все равно приходят к ней, хотя бы на уровне идей интеракционистского подхода. В чем же причина такого нежелания признавать самодостаточность или хотя бы самостоятельность биологического фактора?

Нам подобная причина видится достаточно простой. Современное общество базируется на принципах гуманизма. Гуманистическая доктрина в своей идейной базе содержит установку на позитивизм человеческой природы. Вследствие базирования на этической материи, она недоказуема и непроверяема. Необходимо отметить, что гуманистическая доктрина в современном мире является наиболее признанной. Идея прав человека как некоей позитивной сущности пропагандируется европейской философией с XVIII в., хотя справедливости ради отметим, что многие из отцов данной идеи пропагандировали ее только в своих работах, но не в личной жизни. Но это, конечно, частности.

Идея гуманизма бесконечно прекрасна, но ее реализация в форме даже доктринальных научных положений еще ожидает своих исследователей. Данная доктрина должна реализовываться в исследовательской практике, но, вероятно, ее реализация должна происходить в форме локальных исследований, а не в форме обвала, которую мы наблюдаем с 20-х гг. XX в.

Биологическая детерминанта очень плохо вписывается в гуманистическую концепцию, что делает ее формально (но не фактически) отторгаемой большинством ученых. Значимость биологической детерминанты человеческого поведения ставит под сомнение центральное положение науки уголовного права: речь идет о свободе воли человека. В рамках биологических теорий положение о недоминантности сознательной сферы психики является одним из основных, что противоречит самой доктрине уголовного права. Именно это обстоятельство предопределяет крайне настороженное

отношение большинства исследователей в области правовой психологии к биологическим теориям личности.

Академические традиции как фактор, который определяет содержание получаемого знания о личности преступника, вероятно, является наименее исследованным. Больше всего современный исследователь боится обвинений в исследовательском радикализме, избыточном новаторстве, отходе от исследовательских традиций и направлений исследовательских школ. Неудивительно, что немаловажная задача для современного криминолога – не дать четкий, однозначный ответ, опасаясь обвинений от коллег и огульной бездоказательной критики, как это было с Ч. Ломброзо, В. Штерном, И.С. Ноем, Б.Ф. Поршневым.

Анализируя деятельность академического сообщества в рассматриваемом вопросе, всегда необходимо помнить: утверждение о том, что история исследований преступника, как и «история криминалистики, – это увлекательное исследование, в основе которого работа отдельных научных пионеров, а не организации, систематизированной, финансируемой государством, спроектированной и предназначенной для оказания помощи государственным обвинителям» (Kiely T.F., 2001), имеет под собой определенные основания.

Доминанта только одного из факторов в поведении человека полностью соответствует таким системообразующим для наук о человеке понятиям, как «эволюционная специализация» – эффективное направление в развитии организма за счет второстепенных структур, «правило прогрессирующей специализации» Ш. Депере – группа, вступившая на путь специализации, как правило, в дальнейшем развитии будет идти по пути все более глубокой специализации (Депере Ш., 1915), «принцип доминанты Ухтомского» – все поступающие в организм сигналы содействуют эффекту одного единственного инстинктивного поведения (Ухтомский А.А., 1950; Поршнева Б.Ф., 1974), «акцентуации характера» – переразвитие определенных психологических свойств за счет остальных.

Вера в правоту одной теории так же необъективна, как и вера в то, что единой детерминанты для конкретной группы нет, а есть

сложный комплекс причин, который в силу своей сложности познаваем на уровне высокой абстракции. Смешна убежденность исследователей, что применительно к разнородной группе лиц эффективно понимание только в одном аспекте (биологическом, социальном или личностном). Такое понимание целесообразно в исследовании только достаточно однородной группы, например не всех серийных преступников, а серийных преступников определенного типа.

Учитывая сказанное, сформулируем ряд выводов:

– Выступая сложным образованием, психика человека не может регулироваться только биологическим, социальным или индивидуально-психологическим фактором.

– Комплексное детерминирование названными факторами неэффективно в силу несоответствия принципу эволюционной специализации.

– Преимущественная детерминация конкретным фактором может зависеть от психических особенностей отдельных групп лиц.

– Преимущественная детерминация конкретным фактором может зависеть от конкретной ситуации или сферы проявления психического.

– В системе детерминант один из факторов всегда доминирует.

– В зависимости от доминирования того или иного фактора для понимания психологической природы происходящего целесообразно использовать конкретную персонологическую теорию.

Рассмотрим наиболее характерные персонологические теории, объясняющие поведение личности действием конкретного фактора (биологического, социального или индивидуально-психологического).

Биологический подход в исследованиях личности

В основе биологического подхода лежит отрицание принципа «свободы воли» у человека, как минимум в области, не требующей больших энергозатрат. Биологический подход в исследованиях

личности наиболее ярко представлен современной психоаналитической теорией, которая была разработана З. Фрейдом в начале XX в. Понятно, что по прошествии столетия ряд положений был пересмотрен, что сделало это учение более гибким. В рамках правовой психологии целесообразно изучить только основы психоанализа, так как большинство прикладных методик базируется именно на данной теории.

Современный психоанализ перенял из концепции З. Фрейда два базовых положения.

Положение 1. Наша психика представляет из себя не целостное образование, а пусть и взаимосвязанные, но достаточно автономные психологические блоки. Сегодня выделяют четыре таких блока: «Я», «Сверх-Я», «Оно» и «Сверх-Оно». Оговоримся сразу, не все названные блоки изучены достаточно, поэтому мы ограничимся описанием только двух основных структурных конгломератов психики: бессознательного («Оно») и сознательного («Сверх-Я»).

Бессознательное представляет собой хранилище остатков инстинктивных побуждений, а также эмоций и воспоминаний, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены или вытеснены в область бессознательного. Бессознательное «руководствуется» принципами целесообразности и рационализма и лишено эмоциональных переживаний. Не стоит воспринимать бессознательное как нечто примитивное и слабоорганизованное, дело обстоит как раз наоборот. Эволюционно бессознательное – более древняя структура, поэтому зачастую именно оно детерминирует человеческое поведение и восприятие. Основной принцип – принцип разрядки.

Сознание состоит: 1) из ощущений и переживаний, которые человек осознает в данный момент времени; 2) норм должного поведения неинстинктивного (социального) характера и социальных запретов. Сознание преломляет в себе выход бессознательного вовне. Не следует воспринимать сознательное только как ведомую конструкцию, ведь чаще всего именно оно определяет форму поведенческого акта, адаптируя под конкретную ситуацию внешнюю сторону поведения, диктуемого бессознательным. Основной принцип – принцип реальности.

Положение 2. Стабилизация психического напряжения, возникающего вследствие несовпадения векторов бессознательного и сознательного, достигается путем задействования механизмов неосознаваемой психической защиты в области действия такого структурного элемента психики, как «Я». Ниже мы приведем классификацию механизмов психической защиты, несколько адаптированную под решение задач правовой психологии. К механизмам психической защиты (с учетом существующих терминологических несовпадений) целесообразно отнести:

– генерализацию (компенсацию) – выдвижение такой жизненной философии, которая бы преподносила недостатки лица как достоинства, тем самым не предполагая осознания истинного положения дел (пример – философия бодипозитива или феминизма);

– рационализацию – выдвижение ложной аргументации, позволяющей не углубляться в анализ психотравмирующих обстоятельств (пример – аргументация своего выбора, начинающаяся со слова «просто» или оправдания, почему человек не сделал чего-то при наличии возможностей, рассуждения о причинах опоздания на урок от школьника или о неготовности к экзамену от студента);

– проекцию – перенос психического напряжения на объекты окружающей действительности, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне (выбор стиля одежды, любимых информационно-развлекательных жанров, выбор цветовой гаммы и пространственной организации и пр.);

– сублимацию – перенос психического напряжения в социально одобряемую сферу (пример – выбор экстремальных профессий или форм активности);

– перенос (реактивное образование) – перенос психического напряжения на конкретных лиц, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне (в быту часто встречается в перенесенной агрессии с фигуры начальника на фигуру супруга или детей, в более сложной форме – в моделировании образа «кровного» врага);

– отрицание – отказ воспринимать как реальную психотравмирующую информацию (пример – отказ фиксировать у себя выра-

женные симптомы тяжелой болезни или начальных форм алкоголизма);

– забывание – отказ удерживать в памяти психотравмирующую информацию (является более «мягкой» формой механизма отрицания);

– регрессию – переход на более простой уровень ролевого поведения, возврат к детской модели поведения как способу нереагирования на психотравмирующие обстоятельства (пример – ситуативный инфантилизм). Исследователи считают, что регрессия является причиной падения уровня интеллектуальной продуктивности личности и шизофрении;

– интроекцию – присоединение к себе чужого «я» или чужой среды (пример – феномен кумиров как некритического образа для подражания);

– вытеснение – своеобразный сбой механизма трансформации психического напряжения, выражаемый в одномоментном неконтролируемом выводе напряжения из бессознательного (оговорки, описки, сны). Некоторыми авторами понимается как механизм психологической защиты, который вытесняет проблему из области сознания в область бессознательного, но не удаляет ее из психики человека, сохраняя эмоциональную напряженность.

Исследователи также выделяют ситуативные, не являющиеся системообразующими для значимого количества людей механизмы психической защиты:

– фантазирование – создание мнимой действительности, в которой происходит то, чего не происходит в реальной жизни;

– разрядка – поведенческий акт импульсивного характера, снимающий психическое напряжение путем совершения простых действий (пример – жевание жевательной резинки, хлопки в ладони или фэйспалм, плевки);

– изоляция – выделение психотравмирующей части себя и неприятие ее (пример – сосуществование мистера Джекила и доктора Хайда, сосуществование в родительской семье почтительного сына, а вне ее – выраженного асоциала).

Без сомнения, современный психоанализ не ограничивается перечисленным, но как способ познания личности и в описанном

объеме достаточно информативен и целесообразен. Отметим еще один аспект: конечно, биологических теорий личности много, но в прикладном плане именно психоанализ показал свою крайне высокую эффективность.

Социальный подход в исследованиях личности

Социальный подход в исследованиях личности наиболее ярко представлен современной бихевиористской (поведенческой) теорией. Бихевиористская концепция была разработана Э. Торндайком в конце XIX в. Понятно, что по прошествии столетия ряд положений бихевиоризма, как и психоанализа, был пересмотрен, что также сделало это учение более гибким. В рамках правовой психологии целесообразно изучить только основы бихевиоризма, так как значительное количество прикладных методик базируются именно на данной теории.

Понимая многомерность психики, часть исследователей считали целесообразным не изучать столь сложный феномен, который может оказаться вообще категорией непознаваемой, и решили сосредоточиться на проявлении психического вовне, т.е. на поведении. Отсюда и название направления – бихевиоризм. Уместно привести выражение одного из основателей бихевиоризма: «Я определяю теорию как попытку объяснить поведение в терминах чего-то, происходящего в другой вселенной, такой, как разум или нервная система. Я не верю, что теории такого рода существенны или полезны. Кроме того, они опасны, они служат причиной для беспокойства».

Отметим, что ряд исследователей полагают, что бихевиоризм – это теория конституционалистская, однако мы соглашаемся с Л. Хеллом, который писал: «Уотсон делал упор на основных процессах обусловливания, основываясь на исходной предпосылке о том, что окружающая среда имеет определяющее значение в формировании поведения человека. В самом деле исследование научения считают таким важным именно потому, что научение – психологический процесс, посредством которого окружающая среда формирует поведение».

Основная концептуальная идея бихевиоризма была озвучена Б.Ф. Скиннером, который утверждал: «В поведенческом анализе человек рассматривается как организм, который обладает приобретенным набором поведенческих реакций. Он – не порождающий фактор; он локус, точка, в которой множество генетических условий и обстоятельств окружения соединяются в совместном действии. Как таковой, он остается, несомненно, уникальным. Никто другой не обладает его генетическими данными, и безоговорочно никто другой не имеет такого же личного прошлого, которое присуще только ему. Следовательно, никто другой не ведет себя таким же образом».

Бихевиористы полагают, что развитие психики происходит при жизни ребенка и зависит от стимулов, поставляемых средой. В силу сказанного они полагали неактуальной идею возрастной периодизации, так как не допускали существования универсальных закономерностей развития в данный возрастной период. В качестве доказательств исследователи приводят результаты экспериментов, показывающие, что при целенаправленном обучении уже двухлетние дети получали навык чтения и письма. Основным выводом из этих опытов было положение о доминировании средового фактора и малозначительности фактора биогенетического.

Научение, по мнению бихевиористов, определяется эффективностью подкрепления приобретенного опыта. Такое научение было определено как оперантное научение.

С точки зрения исследователей-бихевиористов, суть оперантного научения состоит в том, что подкрепленное поведение стремится повториться, а поведение неподкрепленное или наказуемое склонно не повторяться или подавляться.

Динамика приобретения и сохранения моделей оперантного поведения зависит от режима применяемого подкрепления. Под режимом подкрепления понимается вероятность, с которой подкрепление будет происходить. Это называется режимом непрерывного подкрепления и, к сожалению, характерно разве только для начального периода научения, а научению социальному поведению свойственно нерегулярное подкрепление. В силу сказанного

бихевиоризм особо пристальное внимание уделял прерывистому режиму подкрепления, который имеет четыре основные разновидности.

– С постоянным соотношением. В данном режиме организм подкрепляется по наличию заранее определенного числа соответствующих реакций (сдельная зарплата). Этот режим является всеобщим в повседневной жизни, и ему принадлежит значительная роль в контроле над поведением. Здесь обычно устанавливается чрезвычайно высокий оперантный уровень, так как чем чаще организм реагирует, тем большее подкрепление он получает.

– С постоянным интервалом. В данном режиме организм подкрепляется после того, как с момента предыдущего подкрепления проходит твердо установленный временной интервал (регулярная зарплата).

– С вариативным соотношением. В данном режиме организм подкрепляется на основе какого-то в среднем предопределенного числа реакций (игра в рулетку). При игре в казино презюмируется возможность выигрыша, но вероятность его достаточно условна. Однако большое количество попыток предопределяет субъективное психологическое ожидание скорого выигрыша как естественной формы ожидаемого подкрепления.

– С вариативным интервалом. В этом режиме организм получает подкрепление после того, как проходит неопределенный временной интервал (процесс научного познания или опредмеченной творческой деятельности). Подобно ранее рассмотренному режиму, когда подкрепление наступает после того, как с момента предыдущего подкрепления проходит твердо установленный временной интервал, рассматриваемый режим характеризуется подкреплением, определяемым временным фактором. Однако этот временной фактор вариативен в определенных пределах. При рассматриваемом режиме подкрепления организм стремится установить постоянную скорость реагирования.

Бихевиористы установили, что оптимальность режима подкрепления может быть детерминирована как вознаграждением, так и наказанием. Как вознаграждение, так и наказание могут быть

реализованы двумя способами. Вознаграждение усиливает реакцию; наказание – ослабляет ее.

Не стоит воспринимать бихевиоризм как механическую персонологическую теорию. Бихевиористы полагают, что условные подкрепляющие стимулы очень важны в контроле поведения человека, что каждый человек проходит только ему свойственную науку научения, и маловероятно, что всеми людьми управляют одни и те же подкрепляющие стимулы. Возможные вариации с точки зрения бихевиоризма в количественном аспекте неограниченны.

Концепция бихевиоризма как связующее звено между человеком и средой его обитания в той или иной степени нашла отображение во многих персонологических теориях. Это произошло прежде всего из-за мощнейшего экспериментального подтверждения положений данной теории. Действительно, нет больше направлений в персонологии, которые характеризовались бы таким громадным количеством экспериментальных исследований, их эвристической ценностью и научной состоятельностью.

В завершение вспомним об историческом парадоксе – бихевиоризм по признанию самих бихевиористов зародился в нашей стране в трудах В.М. Бехтерева, И.П. Павлова и И.М. Сеченова и одновременно с этим нигде он не был отторгаем настолько, насколько он отторгался советской и частично современной российской психологической наукой. Отметим еще один аспект: конечно, социальных теорий личности много, но в прикладном плане именно бихевиоризм показал свою крайне высокую эффективность.

Индивидуально-психологический подход в исследованиях личности

Индивидуально-психологический подход в исследованиях личности представлен в достаточно незначительном количестве персонологических теорий, а его возникновение относят к середине XX в.

Действительно, если ученые до сих пор спорят о приоритете и роли биологического и социального факторов в становлении лич-

ности, то можно представить, каков уровень научных познаний в области более сложных феноменов.

Пусть поведение в определенной степени детерминировано биологическими факторами, что свидетельствует о том, что человек – всего лишь игрушка генов, случайность, ценность, которая им самим не определяется. Пусть поведение в определенной степени детерминировано социальными факторами, и это свидетельствует о том, что человек всего лишь игрушка обстоятельств, возникшая в силу совпадения определенных социальных детерминант (семьи, школы, окружения). Но где же человек как самодостаточная ценность, как нечто, действительно уникальное, как сущность, созданная самим человеком, а не совокупностью случайностей? Необходимость в ответах на данные вопросы привела к возникновению индивидуально-психологического подхода к личности.

Оговоримся сразу, данное направление весьма гипотетично и в научном плане состоятельно в гораздо меньшей степени, чем остальные. Пусть идеи, в нем содержащиеся, достаточно спорны, но это направление в максимальной степени ориентировано на получение ответов на вопросы «Что же такое человек и в чем смысл его существования?»

Один из ярких представителей этого направления А. Маслоу говорил: «Жизнь человека нельзя понять, если не принимать во внимание наивысшие стремления. Рост, самоактуализацию, стремление к здоровью, поиски самотождественности и самостоятельности, жажду прекрасного (и другие способы выражения стремления «вверх») сейчас нужно принять безоговорочно как широко распространенную и, возможно, универсальную тенденцию».

А. Маслоу сделал предположение, что большинство людей, если не все, нуждаются во внутреннем совершенствовании и в той или иной степени стремятся к нему. Однако отметим, что даже такой политкорректный исследователь, как А. Маслоу, полагал, что только некоторые – как правило, одаренные – люди реализуют потребность в самоактуализации. Отчасти дела обстоят столь неблагоприятным образом потому, что многие люди просто не понимают целесообразности психического развития

в рамках самосовершенствования. Им мешает страх успеха (комплекс Ионы), который мешает человеку в его стремлении к самосовершенствованию.

Необходимо отметить, что совершенствованию личности препятствуют социальные стереотипы, полорольевые модели поведения и культурно-национальные штампы. Д. Зиглер говорит, что «людям требуется “благоприятное” общество, в котором они могли бы наиболее полно раскрыть свои человеческие возможности. С этой точки зрения ни одно общество в человеческой истории не предоставляло оптимальной возможности для самоактуализации всех его членов, хотя, надо признаться, некоторые все же намного лучше других в смысле обеспечения условий для самосовершенствования индивида».

Понимание своей самооценности на этапе реализации потребности в самоактуализации невозможно без противостояния «террору среды». Подобное понимание на практике выражается в разработке собственной этической системы.

Процесс самоактуализации чрезвычайно сложен, и мы видим его движущими силами не реализацию лица в какой-либо деятельности (подобная реализация – индикатор процесса самоактуализации), предполагающей полное задействование потенциала лица. По нашему мнению, самоактуализация является результатом создания человеком собственной этической концепции. «Будем хорошо мыслить, – вот основной принцип морали», – говорил Р. Декарт. Социальные нормы, локализованные на сознательном уровне психики, вызывают напряжение в бессознательном в силу своей чужеродности и нерациональности (именно чужеродности, а не ложности и неадекватности). Редко кто может внятно объяснить, не задействуя такой психологический механизм защиты, как рационализация, почему нельзя совершать неэтические поступки. Процесс самоактуализации позволяет понизить чужеродность социальных запретов и предписаний ввиду индивидуального осознания правоты этических канонов, тем самым понижая напряжение в бессознательном и направляя психическую энергию сдерживания последнего в сферу сознательного, оптимизируя его.

Может возникнуть вопрос: зачем в рамках нашего исследования мы рассматриваем вопрос, ответ на который в течение жизни получают немногие лица, вопрос о самоактуализации? По данным А. Маслоу, самоактуализация достигается менее чем в 1% случаев в популяции англосаксонского типа. Какова же тогда вероятность реализации (наличие рассматриваемой потребности характерно для каждого человека) данной потребности у осужденного, лица, оказавшегося в криминальной ситуации слабее ее обстоятельств?

В истории криминалистической науки имя основателя французской криминальной полиции (Сюртэ националь – Главное управление национальной безопасности министерства внутренних дел Франции; основной контрразведывательный и полицейский орган страны) Э.Ф. Видока стоит особняком. Бывший заключенный, возглавивший тайную полицию и зачисливший в штат своего отдела два десятка бывших заключенных, за годы своей деятельности (1810–1833) обезвредил громадное количество преступников (только за один год более восьмисот), ликвидировал притоны в Париже, создал картотеку примерно на пять миллионов преступников, разработал теоретические основы агентурной деятельности и внедрил их в практику, сформировал у сыщиков установку на использование достижений науки в процессе расследования преступлений. История Видока – яркий пример самоактуализации осужденного, нашедшего способ стать тем, кем он мог стать, история изменения человека вследствие изменения сферы деятельности.

В правовой психологии целесообразность изучения личности в рамках индивидуально-психологического подхода диктуется двумя факторами:

- для возможного противодействия актуализированному противнику;
- для оптимизации психического потенциала работников юридических специальностей.

Правосознание: психологическая природа и сущность

Правосознание – это совокупность представлений и чувств, взглядов и эмоций, оценок и установок, выражающих отношение людей к действующему праву. Само существование правовых явлений неразрывно связано с волей и сознанием людей. Требования общественной жизни не могут быть выражены в качестве юридических предписаний до тех пор, пока они не будут осознаны человеком и не станут руководством к действию, точнее, к правопослушному поведению.

Структурно правосознание делится:

- на знание содержания, целей и задач правовых предписаний;
- субъективное отношение к правовым нормам;
- готовность руководствоваться правовыми нормами.

Не следует путать конформность как свойство характера и добровольное, глубоко осознанное осуществление правовых требований, понимание их правильности и разумности.

Ряд исследователей выделяют следующие разновидности правосознания:

- индивидуальное – личное отношение человека к праву (отражает взгляды и убеждения конкретно взятого индивида);
- групповое – отношение к праву различных малых социальных групп и коллективов;
- корпоративное – правосознание представителей различных профессий, социальных групп и слоев;
- массовое – правосознание значительных по объему общностей людей;
- общественное – отношение к праву всего общества (сумма накопленных знаний, представлений о праве за все время существования человечества).

Оговоримся, целесообразность данной классификации носит, скорее, идеологический характер. Действительно, разве можно охарактеризовать как нечто целостное правосознание всего общества, стратифицированного и предельно неоднородного? Конечно же, это утопия.

Что касается правосознания группового, корпоративного и массового, то представляется затруднительным изучать названные феномены посредством использования психологических знаний. Общие выводы об особенностях данных разновидностей правосознания, вероятно, и возможны, но необходимо помнить, что наиболее эффективно психологическая наука изучает отдельного человека во всей уникальной совокупности его психических проявлений. Изучение достаточно аморфного по своему содержанию образования целесообразно посредством методов таких областей знания, как философия или теория государства и права.

Структура правосознания традиционно включает в себя следующие смысловые блоки:

– правовую идеологию (отношение общества к праву в целом – правовая среда личности): правовые доктрины и понятия, принципы, уровень юридической науки в целом;

– правовую психологию (эмоциональная оценка обществом и отдельными людьми правовых явлений): чувства, настроения, переживания. Отметим, что более точным будет название «психологическая идентификация с правом»;

– индивидуальные знания о праве (уровень знаний каждой отдельной личности): уровень ученого-правоведа, неспециалиста и т.д.;

– личностные ценности индивида (личный опыт и система убеждений, опираясь на которые человек оценивает правовые явления);

– волевой потенциал индивида (личный опыт и система убеждений, опираясь на которые человек принимает решения, определяющие правомерность или неправомерность его поведения).

Таким образом, основными структурными элементами правосознания выступают знание правовых предписаний, принятие их и руководство ими.

Правосознание – это отношение человека к существующим и вновь принятым законам. Правосознание обычно не существует в «чистом» виде, ибо взаимосвязано с другими видами и формами сознания реальности и действительности. Так, достаточно часто высокий уровень правосознания переплетается с моральными воз-

зрениями. Люди оценивают право и правовые явления с точки зрения этических категорий добра и зла, справедливости и несправедливости, совести и чести и т.д.

Между правом и правосознанием существует тесная взаимная связь. Эта связь в некоторой степени может проявляться как во влиянии правосознания на право, так и наоборот – во влиянии права на правосознание. Прежде всего это влияние проявляется в процессе формирования права и весьма заметно на его завершающей стадии – стадии правотворчества. Оно заключается в том, что правосознание пусть в незначительной степени, но вырабатывает представления о необходимости и потребности принятия определенных нормативно-правовых решений.

Определяющее значение правосознания выражается в соблюдении правовых предписаний. Как форма общественного сознания оно оказывает корректирующее воздействие на сознание отдельных индивидов и таким образом способствует повышению их уровня. Соблюдение требований законодательства находится в прямой зависимости от уровня правосознания каждого члена общества.

Выделяют несколько уровней правосознания. Прежде чем раскрыть их, вспомним, что основными структурными элементами правосознания выступают знание правовых предписаний, личностное принятие их и руководство ими. Основным системообразующим элементом является принятие предписаний (минимальные познания в области права есть у каждого, а факт принятия предопределяет руководство правовыми предписаниями в процессе деятельности). Принятие правовых предписаний – очень сложное, многогранное образование. Причины принятия, а следовательно, и природа правосознания неоднородны.

Лица, характеризующиеся доминированием биологического фактора, склонны к правопослушному поведению в силу страха перед наказанием. Страх как детерминанта поведения характерен для многих сфер человеческой деятельности, но в теории правосознания исследователи почему-то пытаются обойти стороной эту важную составляющую феномена правосознания.

Лица, характеризующиеся доминированием социального фактора, склонны к правопослушному поведению в силу привычки, ролевого стереотипа как следствия прочно закрепленной в сознании в процессе воспитания модели должного поведения. Представляется, что данная группа выступает наиболее многочисленной, но, к сожалению, достаточно инертной в плане отношения к правовым новациям.

Лица, характеризующиеся доминированием индивидуально-психологического фактора, склонны к правопослушному поведению в силу глубинного осознания правильности и необходимости данного поведения, базирующегося к тому же на достаточном знании и понимании буквы и духа закона. Проблемой выступает то, что оптимальная модель правосознания в сознании этих лиц тесно связана с идеей справедливости или идеей целесообразности модификации всего общества в рамках достаточно агрессивной социальной модели. Таких представителей немного, о чем говорилось на прошлой лекции, и они в стабильном обществе базовые социальные тенденции не контролируют.

Возвращаясь к уровням правосознания, традиционно выделяем обыденное, профессиональное и научное правосознание.

Первый уровень представлен обыденным правосознанием. Этот уровень свойствен значительной части общества, он формируется на базе повседневного опыта граждан. Для людей с данным уровнем правосознания характерно знание общих принципов права, в которых, как правило, правовые воззрения переплетаются с нравственными представлениями. Обыденное правосознание складывается в процессе семейного воспитания, под влиянием государственной пропаганды и идеологической обработки граждан. Оно стихийно формируется под влиянием конкретных условий жизни, личного жизненного опыта и правового образования, доступного населению. Обыденное правосознание – это отношение к праву, оценка правовых норм на уровне бытовой логики, соответствия правовых предписаний положениям морали и принципу справедливости. Именно обыденное правосознание – идеальный объект психологического изучения.

Второй уровень – профессиональное правосознание, которое складывается в ходе специальной подготовки, в процессе осуществления практической юридической деятельности. Субъекты этого уровня обладают специализированными, детализированными знаниями действующего законодательства, умениями и навыками его применения. Формированию профессионального правосознания в современных условиях должно быть уделено особое внимание. Сущность и особенности правового сознания юристов конкретизируются в содержании правовой идеологии и правовой психологии, в системе присущих данной профессиональной группе правовых знаний, представлений, установок, ценностных ориентаций и т.д. Несколько неактуально изучение профессионального правосознания в правовой психологии, потому что единственное, пожалуй, что в нем есть психологического, – это элемент обладания определенным объемом информации. Отношение же к этой информации, его генезис и особенности ничем не отличаются от отношения к правовым предписаниям представителей первой группы.

Третий уровень – научное, теоретическое правосознание. Оно характерно для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений. Научное правосознание – это попытка совместить идеологическую компоненту пропаганды законопослушного поведения и реальное знание о процессах правопослушного поведения. Принято считать, что научное правосознание, в отличие от обыденного, формируется на базе широких и глубоких правовых обобщений, знания закономерностей и социальных исследований социально-правовой действительности. В идеале именно научное правосознание должно быть непосредственным источником правотворчества, служить совершенствованию юридической практики. Научное правосознание ориентировано в том числе на научное и околонучное развенчивание идей «отмирания» права, правового нигилизма, представлений о законе как о воле государства и т.д.

Психологическая структура личности. Структурная концепция А.Г. Ковалёва

Нет сомнений, что личность – образование целостное, однако исследования личности в правовой психологии должны быть ориентированы на элементаристский подход. Элементаризм – позиция в персонологии, согласно которой личность может быть объяснена только путем исследования каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо от остальных. В противовес элементаризму сторонники холистского подхода считают, что поведение человека можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Если взять наиболее типичных представителей холистского подхода (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Э. Эриксон, Э. Фромм, Г. Олпорт, Д. Келли, А. Маслоу), то можно констатировать слабую эмпирическую подтверждаемость теоретических построений этой группы исследователей, что не характерно для теорий сторонников элементаристского подхода (Р. Кеттел, Г. Айзенк, Б. Скиннер, А. Бандура, Д. Роттер). Возможно, когда-нибудь будет создана холистская теория, которая будет впоследствии плодотворно исследована и эмпирически подтверждена, однако до этого момента следует пользоваться теориями пусть и не столь «красивыми», как холистские, но реализуемыми в сфере практической, – теориями элементаристскими.

Сегодня правовой психологией набран достаточный исходный эмпирический материал, и, как следствие возникает необходимость его структурирования. Неудивительно, что в отечественной правовой психологии стали встречаться высказывания о целесообразности структурирования как обязательного элемента современных исследований. Вот пример подобного высказывания А.Ф. Зелинского.

«Структура личности – это прежде всего психологическое понятие. Никто, вероятно, не сомневается в том, что всякая личность, в том числе и личность преступника, представляет собой самоуправляемую биосоциальную систему высочайшей сложности

и что элементы (подструктуры) личности взаимодействуют между собой на психологическом уровне. Но когда высказывается мнение о том, что структура личности преступника состоит из социально-демографических признаков (пол, возраст, род занятий и пр.), общественной деятельности (партийная принадлежность, членство в профсоюзе), нравственных свойств (добрый, злой, скупой, щедрый и т.п.) и иных особенностей характера, то трудно избавиться от впечатления, что это лишь перечень разноплановых свойств людей, как грешников, так и праведников, а структурного в нем ничего нет».

Несмотря на свою гипотетическую природу, хотя любые размышления о психике в целом весьма гипотетичны, структурные концепции продолжают оставаться основным признаком любой теории личности. Стабильные характеристики личности, принятые за точку отчета, в структурных концепциях выполняют роль основных строительных блоков человеческой психики.

При исследовании структуры личности необходимо стараться избегать постановки исследовательского акцента на абстрактных элементах структуры. Очень спорна с точки зрения прикладной, но признаваема в академических кругах структура, предложенная в 1984 году Б.Ф. Ломовым. В ней автор выделял три основных подсистемы:

– когнитивную, в которой реализуется функция познания, включающая в себя познавательные процессы (восприятие, память, внимание, мышление и др.);

– регулятивную, которой реализуется эмоционально-волевая функция;

– коммуникативную, которая реализуется в общении и взаимодействии с другими людьми.

Л. Хьелл и Д. Зиглер описывают три пути решения проблемы структурирования личностных характеристик.

1. Один из наиболее популярных примеров структурных концепций – это концепция черт личности. Личностная черта анализируется как достаточно устойчивое образование психики, пред-

определяющее ограниченный выбор поведенческих реакций в конкретной жизненной ситуации. Можно проследить аналогию с житейскими определениями, даваемыми непрофессионалами, когда они рассуждают о наиболее характерных поведенческих реакциях других людей. Г. Олпорт, Р. Кеттел и Г. Айзенк выступают ведущими авторитетами в области изучения черт личности. Названные исследователи полагали, что структуру личности лучше всего схематически представить в терминах гипотетических качеств, детерминирующих особенности поведения.

2. Иным примером структурных концепций личности выступает концепция типа личности. Тип личности описывается в виде совокупности множества различных черт, образующей уникальную психологическую конструкцию, имеющую четко очерченные границы. По сравнению с концепциями, имеющими дело с чертами личности, подобные концепции подразумевают более постоянные и более обобщенные поведенческие характеристики. Так как обычно человек склонен к ограниченному количеству ролевых позиций и жизненных сценариев, их описывают как принадлежащие к тому или иному типу. Например, К. Юнг утверждал, что люди делятся на две группы: интровертов и экстравертов. Позже мы осветим еще одну оригинальную типовую концепцию акцентуаций характера.

3. Наиболее сложной разновидностью структурной концепции выступают модели личности, включающие ряд функциональных структурных элементов. Так, предложенное З. Фрейдом разделение психики личности на четыре уровня – «Оно», «Сверх-Оно», «Я» и «Сверх-Я» – служит иллюстрацией необычайно сложного описания структуры и ее организации. Другие теоретики, наоборот, предлагают более просто организованные системы, с ограниченным набором составных частей и малым количеством связей между ними. Примером может служить структурная концепция А.Г. Ковалёва.

В отечественной психологической науке структурная концепция А.Г. Ковалёва признана наиболее научно состоятельной, поэтому целесообразно кратко рассмотреть ее содержание.

Структура личности, полагает А.Г. Ковалёв, образуется как результат психических процессов, психических состояний и психических свойств личности, т.е. в виде единства направленности характера, темперамента и способностей.

– Под психическими процессами следует понимать отдельные кратковременные проявления психической деятельности человека, изучаемые в динамике и условно вычлняемые в качестве относительно изолированных объектов исследования.

– Психическое состояние – это отдельное проявление психической деятельности человека, изучаемое в статике и условно вычлняемое в качестве относительно изолированного объекта исследования.

– Психическое свойство – это категория, указывающая на устойчивое психическое проявление, характерное для индивида, преобладающее в его психической деятельности, закрепленное в структуре личности.

Взаимосвязь данных психических элементов наблюдается в процессе генезиса психологического свойства. Психические процессы, достигающие определенной силы, являются причиной возникновения определенного психического состояния; в свою очередь, психические состояния, повторяясь достаточно часто, формируют то или иное психологическое свойство.

Любая исследовательская школа на определенном этапе исследований встает перед проблемой структурирования психологически значимых компонентов в целях создания динамической модели личности. Вопрос о структуре личности, функциональных связях ее элементов выступает индикатором эффективности научно-исследовательских попыток познания человека.

Основные понятия темы: психика, сознание, правосознание, психические процессы, психические состояния, психические свойства, характер, темперамент, человек, личность, индивидуальность, сознательное, бессознательное, механизм психической защиты, генерализация, рационализация, проекция, перенос, сублимация, отрицание, забывание, регрессия, интроекция, вытеснение, научение, подражание.

Литература

1. Батыршина А.Р. Психология воли и волевой регуляции : библиографический указатель литературы. М. : Флинта, 2017. 720 с.
2. Кавун Л.В. Психология личности. Теории зарубежных психологов : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2018. 109 с.
3. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб. : Нестор-История, 2016. 344 с.
4. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: эмпириальная психология. М. : Ленанд, 2019. 328 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2015. 705 с.
6. Столяренко Л. Основы психологии. Ростов н/Д : Феникс, 2017. 475 с.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер, 2017. 608 с.

Контрольные вопросы

1. Каковы причины появления в персонологии биологических, социальных и индивидуально-психологических теорий?
2. Определите сферу использования биологических теорий личности при решении задач, стоящих перед правовой психологией.
3. Определите сферу использования социальных теорий личности при решении задач, стоящих перед правовой психологией.
4. Определите сферу использования индивидуально-психологических теорий личности при решении задач, стоящих перед правовой психологией.
5. Охарактеризуйте схему взаимодействия между биологическим, социальным и индивидуально-психологическим факторами в жизнедеятельности человека.
6. Чем обусловлено различие направленности (гомеостатическое и гетеростатическое) различных потребностей человека?
7. Каковы основные подходы к пониманию природы правосознания?

Тема 3. Деятельность и поведение в общей и правовой психологии

Соотношение понятий активности, поведения, деятельности

В отечественной психологии понятие «активность» раскрывается через понятие живой и неживой активности. Любые формы материи обладают качеством движения, в том числе изменения, развития, отражения. Отражение – это способность отвечать на воздействие. Биологическая форма движения материи (жизнь) – новая ступень развития материи.

Всякий живой организм избирательно (активно) относится к внешним раздражителям, тем самым обнаруживая качественно новое свойство материи – саморегулирование. Например, одноклеточные организмы обнаруживают раздражимость к веществам, необходимым для поддержания жизни, и остаются индифферентными к веществам нейтральным. Отражение внешних воздействий живыми организмами зависит не только от силы и характера этих воздействий, но также и от внутреннего состояния организма.

Активность – это всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика как источник преобразования, поддержания жизненно важных связей с окружающим миром. По мнению Ф. Энгельса, активность – это присущая только живому существу способность к самостоятельной силе реагирования.

Источником активности живого существа является комплекс его потребностей. Потребность – это состояние живого существа, выражающее его зависимость от конкретных условий существования, порождающая активность по отношению к этим условиям.

У животных, в отличие от растений, возникает новый вид раздражимости – чувствительность. Переход от раздражимости к чувствительности связан с изменением образа жизни.

У высокоразвитых животных чувствительность формируется и развивается в органах чувств, в дальнейшем возникает и развивается центральная нервная система (ЦНС). В целом для животных характерны активное ориентирование во внешней среде и образование временных и более устойчивых связей или условных рефлексов на сочетание различных раздражителей.

Поведение – это присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней и внутренней активностью.

Для животных, особенно низших, характерны формы поведения, обусловленные инстинктивной памятью, проявляющейся в безусловных рефлексах, инстинктах. Инстинкты – это врожденные оптимальные формы реагирования на окружающие условия среды.

Инстинкты приобретают цепной характер, наследственно вызывая серию приспособительных реакций. Внешне инстинктивное поведение порой может быть не совсем целесообразным, но инстинктивные формы поведения строго ориентированы на определенные внешние условия и теряют свою внешнюю целесообразность, как только исходные условия подвергаются изменениям; они носят стереотипный характер. Принято считать, что инстинктивное поведение животных с изменением среды не изменяется. Условные инстинктивные связи хотя и образуются, но лишь эпизодически, в рамках инстинктивной программы поведения.

У высших животных на первый план выходят новые формы поведения, которые определяются большим количеством условных нервных связей, имеющих условно-рефлекторную природу. Высшие животные начинают воспринимать и анализировать целые ситуации, приспосабливаться к условиям, регулируя свое поведение. У них различают навыки и интеллектуальные действия.

Навык – такие действия живого существа, в основе которых лежат условные связи, функционирующие в режиме пониженной энергозатратности.

Основу интеллектуального поведения составляют отражение сложных отношений между отдельными предметами, способность

предвосхищать результат определенной ситуации. Это поведение является уже типом разумного поведения. Проявляется оно в процессе поиска путей удовлетворения своих потребностей.

Классик отечественной психологии А.Н. Леонтьев полагал, что побуждения, которые порождают деятельность, расходятся с непосредственной целью, управляющей этой деятельностью. Речь идет о деятельности человека с сознательной целью, с желаемым в будущем результатом деятельности и о цели, которая обусловлена определенными требованиями. Рассматриваемый феномен следует отнести к психической регуляции деятельности (наличие в деятельности какой-либо сознательной цели). Психика должна отражать собственные объективные свойства вещей (для этого есть определенные языковые средства), которыми должна определяться деятельность.

Деятельность – внутренняя и внешняя психическая активность человека, регулируемая сознаваемой целью.

В случаях, когда осознание цели отсутствует, речь идет об импульсивном поведении. Такое поведение уравнивается эмоциями.

Понятие «активность» наиболее широкое, потом идет понятие «поведение», затем «деятельность».

Различение понятий «деятельность» и «активность» с использованием друг друга характерно преимущественно для отечественной психологии.

Структура деятельности. При рассмотрении структуры деятельности следует исходить из того, что деятельность представляет собой процесс, побуждаемый (во внутреннем плане) мотивом, направляемый к достижению определенного результата, представленного (во внутреннем плане) в виде идеального образа (осознанной цели деятельности).

Поскольку речь идет об отдаленном результате, то требуется решение ряда задач, связанных с постановкой ряда промежуточных целей. Каждый относительно законченный элемент деятельности, направленный на выполнение одной простой задачи, называется действием.

Деятельность человека осуществляется посредством различных действий. Частные задачи могут распадаться на более мелкие. В этом случае они не носят более сложный характер, составляя цепь актов, связанных друг с другом определенным образом. Эти акты содержательно характеризуются частными действиями, или операциями.

Более мелкая единица в структуре деятельности – отдельное движение – механизмы, посредством которых осуществляется деятельность. Результат движения не осознается как конечная цель.

Во внешнем плане деятельность реализуется через ряд последовательных действий. Действия складывается из операций, которые реализуются посредством выполнения отдельных движений, связанных друг с другом в пространстве и во времени.

Любая реальная деятельность содержательно имеет внутреннюю и внешнюю стороны.

Понятия динамического стереотипа и установки

Приступая к новой деятельности, человек не располагает устоявшимся алгоритмом движений, составляющим этот вид деятельности, и адаптивными способами его использования в конкретных условиях.

На восполнение этого пробела направлены подражание (процесс усвоения опыта, обусловленный природными примитивными адаптивными механизмами) и научение (процесс освоения реальности через осознаваемую цель усвоить опыт). В результате процессов подражания и научения человек овладевает знаниями – это результат усвоения информации о значимых свойствах, необходимых для успешной организации тех или иных видов идеальной или практической деятельности.

Одних знаний для деятельности недостаточно, в начале любой деятельности человек вынужден контролировать определенные элементы действий. В процессе повторения он может выполнять их как единый целенаправленный акт, при этом не ставя цель созна-

тельно подбирать оптимальные способы выполнения действий, формируя, следовательно, психическую стереотипизацию действий.

Образующиеся в результате многократных повторений автоматически выполняемые элементы сознательной деятельности называются навыками.

Навык – это сложившийся в результате многократных повторений и реализуемый на автоматическом, неосознанном уровне результат освоения операций, из которых состоят определенные виды деятельности.

Речь идет о бессознательной регуляции движений, а не деятельности. В результате многократного решения некоторых задач человек получает возможность исключать ряд актов из структуры деятельности и направлять свой психический потенциал на решение более сложных задач. Это естественный механизм психического регулирования.

В основе любого навыка лежит выработка условно-рефлекторных связей. В результате образования нервного пути, его закрепления при повторении возникает определенная автоматизация процессов возбуждения и образуются системы условно-рефлекторных связей. Данная система условно-рефлекторной связи носит название динамического стереотипа. Таким образом, динамический стереотип – это система условно-рефлекторной связи, обеспечивающая поиск оптимального режима движений и его ответственности поставленной задаче в сходных условиях.

Свойства объекта реальности выступают объективными образованиями, а действия и переживания, вызываемые объектом у разных людей, индивидуальны, так как источник особенностей переживаний лежит в самом индивиде. Существенным и характерным является индивидуально избирательный характер связей отношения, что обусловлено опытом, который представляет систему временных связей человека, определяет и опосредует характер его реакции на воздействия окружающего мира.

Под понятием «отношения» подразумевают то латентное состояние, которое определяет основанный на прошлом опыте характер действий или переживаний человека по поводу каких-либо

обстоятельств. В развитом плане отношения человека характеризуются их сознательностью, выраженной избирательностью и сложностью.

«Установки» можно рассматривать как неосознанные отношения, а «отношения» как осознанные установки».

И установка, и отношение относятся к психическим структурам. Конечно, функционируют они на почве существующего и созревающего генотипа, но в значительной степени являются социально детерминированной стороной психики и личности. Д.Н. Узнадзе охарактеризовал установку как готовность личности к определенной обусловленной потребностью деятельности, как опирающийся на прошлый опыт механизм, определяющий особенности реагирования.

Эмоция в отношении и установке является обязательным компонентом, выступая в качестве своеобразного фона существования последних. Таким образом, отношение является порождением установки, того, что хранится в бессознательном, в совокупности с воспринимаемым объектом; проходя через сознание субъекта, она формирует целую систему связей, т.е. отношение.

Потребности представляют собой сторону основного отношения – конативную (от лат. *conape* «стремиться, помогать») тенденцию обладания.

Подводя итог всему сказанному, еще раз отметим, что отношение – это целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, которая выражает ее личный опыт, внутренне определяет ее действия и переживания. Потребности представляют одну из сторон отношения – тенденцию обладания, стремления, образуя структуру, проявляющуюся в переживании тяготения к объекту и в активной устремленности к овладению им.

Установка – это определенное внутреннее неосознаваемое состояние, или предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении определенного объекта, что обеспечивает устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту. Это неосознанная готовность дей-

ствовать определенным образом и в определенном направлении в сходной ситуации. Установку также можно понимать как стереотипизированную мысль, идею.

Понятия динамического стереотипа и установки являются одними из основных в правовой психологии. Дело в том, что стереотипизированная деятельность человека независимо от формы слабо поддается волевому контролю, позволяя исследователю получить информацию об изучаемом объекте в целях моделирования его поведения, как ретроспективного, так и перспективного. Помимо сказанного, совокупность динамических стереотипов и установок позволяет понимать содержательную сторону таких явлений, как *modus operandi* и *modus vivendi*.

Более сложной формой стереотипизации выступает ролевая позиция как совокупность динамических стереотипов и установок, предопределяющих не критично воспринимаемые сценарии жизни личности. Так же как динамический стереотип и установка, ролевая позиция воспринимается человеком не критично и выступает объектом манипуляции со стороны.

Природа потребностей человека.

Структура потребностей

Решение проблемы воздействия на личность включает в себя ряд последовательных исследовательских этапов. Первый вопрос, на который необходимо ответить исследователю, будет звучать так: «Каково по природе то фундаментальное образование, которое обусловливает деятельностную область существования человека, детерминирует динамическое равновесие как результат, образующийся в системе, способной функционировать во внешней реальности?»

Под потребностью целесообразно понимать внутреннее состояние, отражающее реально существующие отношения между личностью и средой ее существования. В результате многократного повторения, активности, направленности на разрешение того или иного потребностного состояния формируется потребность как устойчивое психическое отношение субъекта к реальной жизни.

В ходе развития личности, усвоения социального опыта, связанного с разнообразием предмета удовлетворения потребностей, формируются новые потребности, в том числе не имеющие аналогов в животном мире. Такого рода потребности субъективно осознаются человеком в форме интересов, убеждений, чувств, идеалов. Справедливости ради отметим, что ряд перечисленных образований носит преимущественно ассерторическую (не измеряемую) природу, что затрудняет их научное исследование.

Учение о потребностях человека может быть локализовано в рамках двух исследовательских парадигм.

Парадигма первая. Существование человека по природе своей подчиняется закону гомеостаза, т.е. определяется необходимостью уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия. Подкрепление, которое человек получает извне, уменьшает силу начального побудительного фактора, подкрепление, соответствующее побудительному фактору, нивелирует необходимость организма в дополнении. Современный уровень развития человека объясняется заложенным стремлением к равновесию, вытекающим из реализованной возможности сохранять состояние внутреннего равновесия путем снижения напряжения побудительного мотива.

Парадигма вторая. Существование человека по природе своей подчиняется законам гетеростаза, т.е. определяется необходимостью поддержания определенного повышенного напряжения, которое, в свою очередь, является адаптационной формой проявления психического. В отличие от гомеостатической парадигмы, здесь адаптационная форма определяет эволюционность существования. Современный уровень развития человека объясняется заложенным стремлением к совершенству, к применению более оптимальных форм функционирования психического, чем предусмотренные логикой существования животного мира.

Адаптация – необходимый признак эволюции как процесса развития жизни на Земле. Теория естественного отбора Ч. Дарвина показала, что в процессе эволюции выживают самые сильные, ловкие, выносливые особи – лучшие среди себе подобных. Следо-

вательно, сам инстинкт жизни предопределяет стремление индивида к улучшению, усовершенствованию своих способностей. Такое усовершенствование происходит в процессе деятельности, в ходе которой человек осваивает новые формы взаимодействия с окружающей средой, следствием чего является накопленный им опыт, которым он (человек) впоследствии руководствуется, осуществляя свое поведение. Соответственно, подобные способы адаптации направлены в определенной степени на стимуляцию побудительного мотива.

Положение гомеостаза–гетеростаза определяет природу континуума, в котором существуют потребности человека. «Потребность есть состояние человека, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его». Подобное определение природы потребности в своей основе имеет понимание того, что живая система сама по себе не способна поддерживать свое внутреннее равновесие и не способна к эволюции, если она, в свою очередь, не является субэлементом системы, в содержание которой входит как сама живая система, так и условия реальности, в которой она существует.

В рамках научного исследования комплекс потребностей человека не может выступать в качестве некоего аморфного, неструктурированного образования, ибо в противном случае пропадает предметность научного исследования.

Наиболее известным и признанным в мировой психологической науке является иерархическое структурирование потребностей по принципу приоритета, предложенное американским психологом А. Маслоу. Система потребностей, предложенная им, включает в себя ряд структурных потребностных блоков, природа которых детерминирована друг другом:

1. Потребности, обеспечивающие выживание человека (еда, питье, температурный коридор, сенсорный информационный минимум).
2. Потребности, обеспечивающие функционирование человека (работа, безопасность, секс).
3. Потребности в привязанности и любви, принадлежности к какой-либо социальной группе.

4. Потребность в уважении и одобрении.
5. Познавательные потребности.
6. Потребность в эстетике (жажда гармонизировать жизнь, наполнить ее красотой, искусством).
7. Потребность в самоактуализации.

В основе предложенной модели потребностей лежит положение о том, что возникновение очередной потребности и формирование условий ее реализации могут произойти, если базовая по отношению к ней потребность существует и в той или иной степени реализована.

Концепция гомеостаза (целевого сохранения стабильности системы «человек») не может быть использована применительно ко всем видам потребностей. Так, исходя из концепции гомеостаза, композитор, написавший прекрасную музыку, не станет работать над новым произведением, сохраняя наслаждение от уже созданного; человек не станет модифицировать отношения любви, так как уровень ответной симпатии его удовлетворяет. В первом случае человек «умрет» как творец, во втором случае отношения любви, не подлежащие трансформации во времени, перестанут удовлетворять участников этих отношений.

Концепция гетеростаза также не может распространяться на все потребности. Так, маловероятно, что голодный человек сохранит свою психическую целостность, вызывая у себя дополнительное подкрепление извне (т.е. не принимая еды). То же относится к потребностям безопасности, существующим у человека.

Вывод, который следует сделать из сказанного, можно сформулировать следующим образом. Тенденция к гомеостатическому состоянию человека сильно проявляется и наиболее характерна для базовых потребностей, лежащих в основе иерархии потребностей, и снижается применительно к потребностям более высокого уровня. Соответственно, тенденция к гетеростатическому состоянию человека в максимальной форме проявляется на потребностях высокого уровня, понижаясь в значимости применительно к потребностям базовым (рис. 1).

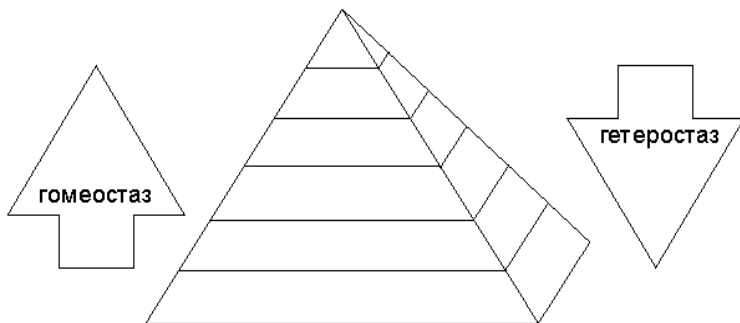

Рис. 1. Пирамида потребностей А. Маслоу

Вывод состоит в том, что человек не все время стремится к росту. Часть его существования обязательно включает уменьшение внутреннего напряжения, а следовательно, необходимо определить четкую стратегию воздействия на потребности лица. Данная стратегия должна учитывать, что дефицитарные (неудовлетворенные) потребности ориентируют рассматриваемое лицо на функционирование в рамках гомеостатического механизма, который не предполагает эволюционного развития сферы потребностей человека, а следовательно, неадекватности совершенного преступления и осознания вины соответственно. Более детально данную взаимосвязь мы рассмотрим в следующих разделах.

Исследователями давно выделено два уровня потребностей: витальные В-потребности (потребности в существовании и функционировании) и бытийные Б-потребности (потребности в самоактуализации, уважении, любви, принадлежности).

Именно витальные потребности подчинены принципу гомеостаза. Удовлетворенность В-потребностей является базовым условием для формирования потребностей социального и личностного уровней и определяет качественное изменение потребностей человека в результате перехода сущностной природы потребностей от доминанты гомеостатического фактора к доминанте гетеростатического фактора.

В системе ценностей человека существуют ценности категориального характера, т.е. не сводимые к чему-то более высокому.

А. Маслоу к Б-потребностям относит потребности, базирующиеся на таких ценностях, как истина, красота, добро древних, совершенство, простота и ряде других. Оговоримся сразу, что, используя термин «метапотребности», А. Маслоу локализует их в границах потребностей к самоактуализации – высшей потребности человека. В том или ином виде метапотребности характерны для всех Б-потребностей. Действительно, разве потребность в любви не сопутствует потребности в красоте, а потребность самоуважения – потребности совершенства и всесторонности? Конечно, в максимальной степени они проявляются в потребности самоактуализации человека, одним из результатов которой является личностное принятие этических норм. Здесь принятие как понятийное образование противостоит пониманию, выражающемуся в тенденции неосмысленного копирования социальных установок общества, которое имеет результатом желание обойти нормы этики и морали (а в нашем случае и права), ссылаясь на ситуационные катализмы.

В свое время К.Г. Юнг говорил, что понимание сущностной природы человека определяется помимо и прежде всего готовностью человека к подобному пониманию. Все люди потенциально готовы к психологическому совершенствованию, однако в силу различных обстоятельств подобная потенциальная готовность не превращается в объективно реальную.

Современная прикладная наука о человеке недостаточно изучила ряд уровней потребностей (познавательные потребности, потребность в эстетике и потребность в самоактуализации), поэтому мы постараемся их дальше не затрагивать. Мы вернемся к анализу системы потребностей человека при рассмотрении более узких тем.

Мотив, мотивация поведения и направленность личности

Мотив является базовым компонентом процесса, приводящего к осуществлению целенаправленных действий.

Разные исследователи акцентируют внимание на различных функциях мотива, таких как побудительные, отражающие, смыслообразующие, регулятивные, контролирующие.

Вероятно, побудительная функция является базовой для мотива, да и сам термин «мотив» указывает на доминирование этой функции. Исследователи природы мотива в психологии полагают, что значение мотива в психологической жизни предопределено тем, что он придает импульс поведению и поддерживает энергетическую напряженность поведения на всем пути стремления к цели.

По мнению А.Н. Волкова, мотив – это внутреннее побуждение, которым руководствуется личность, совершая преступление. В.В. Лунеев полагал, что мотив – это побуждение, субъективное, внутреннее, идеальное.

Если обобщить различные определения мотива, то можно сделать вывод, что на данную функцию указывают термины «побудитель», «движущая сила», «побуждающая сила» и т.д.

В качестве отдельных побуждений действуют потребности, эмоции, идеалы, убеждения. Базовым побудителем является система побуждений.

По мнению З. Фрейда, потребности – физиологические аспекты инстинкта. Влияние неосознаваемых факторов на формирование мотивов несомненно. В целом примитивные потребностные состояния субъекта субъективно осознаются в форме биологических желаний, эмоций, а сложные состояния могут осознаваться в той или иной степени.

Для человека в качестве непосредственных побудителей его поведения выступают различные детерминанты, которые актуализируются в форме мотива и выступают побудительной функцией.

В основе этих детерминант лежат те или иные потребности, т.е. внутренние необходимые условия, выступающие источником активности. Потребности мотивируют поведение человека опосредованно.

Потребностное состояние не может направлять и регулировать деятельность, оно может вызвать ненаправленные поисковые движения. Потребностные состояния становятся способными регули-

ровать поведение лишь после встречи с предметом, явлением, событием, которые связаны с удовлетворением этой потребности. Таким образом, потребности становятся опредмеченными.

Будучи опредмеченной, потребность закрепляется в ассоциативной связи с предметом в памяти субъекта. В дальнейшем при актуализации подобного потребностного состояния данный предмет воспроизводится посредством механизмов памяти.

Соответствующее переживание направляет и регулирует активность по отношению к этому предмету. Данные переживания, имеющие предметную направленность, и есть мотив.

Мотивы не только побуждают и направляют поведение субъекта, но и в определенной степени сами формируют его поведение и деятельность. В результате многократной актуализации этой деятельности формируется не просто совокупность побуждений личности, а ее мотивационная сфера. Данная сфера характеризуется отношениями иерархии мотивов, т.е. главные, доминирующие, подчиняющие себе другие.

Направленность личности – характеристика ее основных, доминирующих мотивов, существующих в контексте ее базовых личностных характеристик, к примеру в контексте психологических свойств.

Отметим, что направленность личности и ее типологическая модель – фактически идентичные понятия. Просто в рамках направленности речи мы больше говорим о мотивах, а в рамках типологической модели – о свойствах личности.

В наше время ряд исследователей обратились к основной концепции (психоаналитической): в основе мотивационной сферы личности всегда можно выявить глубинные бессознательные элементы, так называемую область бессознательных влечений. А.Н. Леонтьев, в частности, утверждал, что, в отличие от цели, мотивы не осознаются субъектом.

В целях же рационализации своей деятельности человек прибегает к мотивировке. Мотивировка – это осознанное объяснение субъектом содержательной составляющей неосознаваемых процессов мотивации.

Типологический подход в исследованиях личности

В прикладной психологии существует два подхода к описанию личности: типологический подход и теория черт. Эти подходы – принципиально разные способы описания личности.

Теория черт презюмирует наличие конечного набора личностных черт, каждая из которых в разной мере принадлежит разным людям. Типологический подход презюмирует наличие базовых совокупностей свойств с соотносимым уровнем их проявления вовне у отдельных групп людей. Тип личности – это целостная система личностных особенностей, в каждом типе выраженная в разной степени.

Часть людей полностью соответствуют своему типу, другие имеют менее ярко выраженные типологические свойства, оказываясь как бы на периферии области, объединяющей людей одного и того же типа.

Типологический подход предполагает наличие конечного количества личностных типов. В его рамках каждый человек может быть отнесен к конкретному типу. Одни лица полностью соответствуют типологическому описанию, другие «балансируют» на грани конкретного типа.

Психотип – это всегда больше, чем сумма составляющих его «черт». Каждый тип, сочетая те или иные особенности, характеризуется новым системным свойством. Данное системное свойство не подлежит исследованию через призму составных элементов. При использовании типологического подхода из математической статистики заимствуются приемы кластерного анализа.

Использование типологического подхода предполагает понимание того, что категория «промежуточный тип» – это оксюморон. Понятие «тип» предполагает отнесение каждого человека к той или иной категории, без остатка. Повторимся, бывают ярко выраженные и не выраженные представители конкретных типов. Как метко выразился один из блогеров, «как не бывает полтора или один с четвертью человека, так и не бывает полтора или один с четвертью типа».

Даже в наше время дискуссия о целесообразности сведения многообразия внутреннего мира человека к типовым моделям остается актуальной. Тому есть и объективная основа, и субъективные причины. Объективная основа аргументов против типирования заключается в принципиальной многоаспектности человеческой личности, но проблема здесь именно в потенциальности этой многоаспектности, не обозначающей реальную вероятность реализации большей части возможностей, образующей упоминаемую многоаспектность человеческой психики.

Существование человека по природе своей подчиняется закону гомеостаза, определяясь необходимостью уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия. Типологическая организация личности идеально «вписывается» в концепцию гомеостаза и выступает определяющей, хотя и не безоговорочной, в деятельности каждого человека.

«Когда говорят о “нормальной личности”, то сплошь и рядом забывают, что соединение двух таких терминов, как “личность” или “индивидуальность”, с одной стороны, и “норма” или “средняя величина” – с другой, – такого рода соединение грешит внутренним противоречием; это есть соединение двух по существу совершенно не согласных друг с другом терминов. Слово “личность” именно подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме, норме, середине. Решительно тоже самое относится и к выражению “нормальный характер”» (Ганнушкин П.Б., 1982). Таким образом, нормальность каждого – величина весьма условная, но также условна и индивидуальность каждого. Человек балансирует между условной типичностью и неявно выраженной индивидуальностью, а так как вариантов этой индивидуальности объективно незначительное количество, то типирование представляет собой закономерный этап исследований личности.

У типологического подхода, как и у любого иного, существуют определенные недостатки, которые формируют проблемы как объективного, так и субъективного плана.

К проблемам типологического подхода объективного плана следует отнести:

- условность, фрагментарность основания типирования;
- миф о промежуточных типах;
- проблему личностной безликости, серьезно затрудняющей типирование;

- крайне ограниченное количество типологий (превосходящих по содержанию уровень классификаций), которые на данный момент разработаны в современной науке о человеке;

- адаптированность психодиагностического инструментария под типовые личностные модели середины XX в., что предопределяет только условную допустимость для современной аудитории;

- часто излишне общие, напрямую не связанные с поведенческими маркерами основания для типологии, используемые современными исследователями, а ведь именно поведенческая составляющая наиболее значима для решения криминалистических задач. Неповеденческие основания типологий прослеживаются от типологии Платона (нормальный, тимократический, олигархический, демократический) и Д. Голланда (реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный, предприимчивый, артистический) до типологии И.П. Павлова (мыслительный, художественный, средний) и К.Г. Юнга (экстравертный, интровертный);

- крайне небольшое количество исследований, коррелирующие результаты различных психодиагностических исследований, направленных на определение психологического типа в рамках разных типологических систем. Последняя проблема имеет наименьшую степень исследуемости и наиболее актуальна для современного этапа развития научного знания о человеке, в том числе криминалистического;

- наличие у специалистов (психологов-прикладников), для которых психотипирование наиболее актуально, в той или иной степени альтернативных средств исследования, допустимых ввиду наличия достаточных профессиональных навыков, и ограниченность этих средств у работников юридических специальностей.

К проблемам типологического подхода в криминалистическом профилировании субъективного плана следует отнести целую группу факторов:

– вера исследователей, в большинстве случаев необоснованная, в собственную личностную уникальность, определяющая несовместимость с научной убежденностью в целесообразности психологического типирования. Как правило, вера в собственную уникальность, исключая признание типичного, выступает в качестве компенсационной реакции на неосознаваемое понимание ординарности или неполноценности собственной личности. Напомним, что в любой сфере, в том числе и научной, распространение информации происходит через своеобразный фильтр: «нравится» или «не нравится». Этот фильтр действует так, что абсолютно истинная информация может оказаться непринятой, а ложная принятой (Поршнева Б.Ф., 1971), особенно при высокой степени компенсации, о которой уже говорилось;

– сложившаяся на данный момент для объяснения наиболее общих аспектов природы человека и доминирующая в академической среде гуманистическая доктрина исследования личности, характеризующаяся верой в неадекватно запредельную степень индивидуальности каждого человека. Неудивительно, что именно среди представителей академического мира распространено мнение даже о существовании «ловушки построения типологии» (Morrall P., 2006);

– околонучность некоторых исследований, которую гораздо легче скрыть за рассуждениями о целостности личности и ее индивидуальности, чтобы не переходить на уровень конкретных выводов;

– установка ряда исследователей на нежелание освоения новых знаний, особенно междисциплинарной природы, в силу лени.

При анализе юридической и психологической литературы мы не нашли убедительных аргументов, позволяющих усомниться в объективности типологического подхода. Мы уверены, что неиспользование типологического подхода предопределяет высокий уровень абстрактности выводов, низводя исследования человека в правовых науках до уровня XIX в., до своеобразного методологического стимпанка.

При определении типа преступника профилилер должен также учитывать следующие аспекты:

– проблема промежуточных психологических типов не должна даже оговариваться исследователем; диагностика промежуточного типа – это либо недостаточность информации в конкретном случае, либо нехватка квалификации у конкретного лица, либо исследовательская политкорректность;

– допуск к типизации иных лиц должен иметь только специалист прошедший обследование кадрового психолога, который обучит не проецировать свои проблемы на процесс типизации.

В завершение отметим одну проблему, часто игнорируемую исследователями – проблему пристрастности исследователя при типологической идентификации. Решается эта проблема в рамках алгоритма, который был описан исследователями-криминалистами еще в начале XX в.

«Прежде всего имеется средство, кажущееся на первый взгляд ничтожным, но в действительности имеющее большое значение, а именно при всякого рода возникающих в предположениях, вроде: “как поступает данное лицо”, “как оно выполняет то или другое”, “к чему оно чувствует влечение”, “в какой степени влияют на него те или иные побудительные причины”, “что ему можно доверить”, “какие психические способности он проявляет в отдельных случаях”, и в бесчисленном множестве подобных вопросов нужно уметь отрешиться от своего “я”. Конечно, вначале криминалисту удастся выяснить ту точку зрения, которая будет соответствовать его собственным поступкам, мыслям и чувствам в подобном же положении, но затем следует внимательно обдумать: как может мыслить и поступать человек, у которого внутренняя жизнь, умственные способности, сообразительность, чувства и ощущения, безусловно, отличаются от моих, и при этом стараться понять, в каком отношении проявляется это различие» (Анушат Э., 1927).

Типологическая модель К.Г. Юнга (экстраверсия–интроверсия)

Чтобы эффективно исследовать отдельную личность, необходимо отделить ее от окружающих. Это возможно при разделении

людей в группы по какому-либо доминирующему признаку. Классический пример – классификация по типам темперамента, предложенная И.П. Павловым.

Основаниями этой классификации выступили фактор стабильности психики и фактор ее активности (флегматик – стабильный, неактивный; сангвиник – стабильный, активный; холерик – нестабильный, активный; меланхолик – нестабильный, неактивный).

По сути, на этой классификации построены все последующие классификации человека. Их недостаток заключается в дискретности проявления психологических свойств, способности проявляться в достаточно большом диапазоне. Свойства человека не могут быть основанием классификации, так как они изменчивы в своем проявлении.

Выход: 1) предложить классификации по большому количеству свойств; возможное следствие – проблематика усилится в такое количество раз, сколько параметров было использовано; 2) найти основание, которое было бы стабильным, не зависящим от настроения и деятельности человека; с другой стороны, данная классификация должна будет учитывать весь потенциал вариантов.

Описываемую проблему наиболее удачно разрешил К.Г. Юнг. В основу классификации он положил ориентацию сознания, его своеобразный «рабочий» режим. Эта величина достаточно стабильна, информативна и гибка. Перед К. Юнгом встала проблема: было необходимо, чтобы в классификационных группах присутствовал весь диапазон рассматриваемого феномена, а с другой стороны, чтобы главенствовал один параметр. Так были выделены экстравертный и интровертный типы:

– экстраверт – личность, сознание которой направлено на объект вовне, т.е. на окружающую действительность;

– интроверт – личность, сознание которой направлено на свойство объекта, на внутренний мир.

Характеристики экстраверта абсолютны, интроверта – относительны.

Для интроверта характеристики и свойства объекта – такая же реальность, как для экстраверта сам факт его существования.

Уверенность в абсолютности свойств относительно мировосприятия приводит к тому, что интроверт с детства доказывает свою точку зрения. У интровертов формируется уверенность в правильности своей точки зрения, следовательно, их очень сложно переубедить, так как они абсолютно уверены в позиции. Интроверты малообщительны и не любят авторитетов, так как они сами себе авторитеты. Нежелание общаться приводит к тому, что интроверт становится нелюдимым.

Экстраверт – полная противоположность. Сознание экстраверта, направленное вовне (внешний мир), приводит к стабилизации в структуре характера таких свойств, как общительность, активность, высокоэнергетичность. Экстраверты активно спорят, часто меняют точку зрения, зависят от мнения окружающих, обладают хорошей пластикой, имеют достаточно большой потенциал сил, низкую концентрацию и высокую переключаемость внимания.

Возможно ли смешение двух этих типов? Сам К. Юнг говорит, что нет, но последующие исследования Мирея показали, что человек на осознанном уровне при обычных обстоятельствах ведет себя в соответствии со своим типом, а в стрессообразующей ситуации он ведет себя противоположно (экстраверт как интроверт, интроверт как экстраверт). Однако это не означает, что тип смешанный, так как направленность сознания определяется как приоритетно проявляющаяся в обыденных условиях.

Термины «экстраверт» и «интроверт» содержательно близки и типологической модели И.П. Павлова, так как экстраверты представлены типами с высокоактивными типами нервной системы (холерик, сангвиник), а интроверты – типами с низкоактивными типами нервной системы (меланхолик, флегматик). Социально-коммуникативный аспект в определении природы экстра- и интровертности определ как системообразующий Г. Айзенк, который отметил высокоактивную социальную направленность личности экстраверта и низкоактивную направленность личности интроверта.

Психотипологическая модель акцентуированных личностей

Значительное количество типологий личности делает актуальной проблему выбора модели, наиболее оптимальной для решения криминалистически значимых задач. Естественно, нельзя подходить к типологии по принципу «я делал свои обобщения на основе выбранного мной самим определенного типа людей» (Маслоу А., 1967). Учитывая, что воздействие является системообразующей основой прикладных исследований личности в правовой психологии, целесообразность типологии может определяться только через призму потенциала ее воздействия по отношению ко всем людям. К примеру, именно поэтому известное в тактике допроса, описывающее только общий контур поведенческих реакций деление людей по типам темперамента нашло признание только в начале криминалистических исследований личности преступника. Каким же требованиям должна соответствовать типология, которая может быть использована в правовой психологии? Представляется следующее:

– Типология должна включать как минимум три типологические группы. Использование групп-антагонистов нам видится нецелесообразным, так как с высокой степенью вероятности следователь будет воспринимать повышено критично (осознанно или неосознанно) группу, не совпадающую с его психотипом. Невысокая степень критичности, проявляемая к собственным психологическим особенностям, – явление предельно распространенное, если не закономерное. Чтобы выйти из порочного круга «свой (правильный) и чужой (странный, неправильный, плохой) психотип», необходимо ввести третью группу, которая была бы компромиссом между привычным и чуждым.

– Типология должна включать максимум девять типологических групп. «Миллеровская семерка» – это установленное экспериментальным путем количество объектов, которые человек способен воспринимать без излишнего перенапряжения ресурсов психики, бытового уровня комфортного восприятия (Миллер Д.А., 1956).

Последующие исследования уточнили «комфортное» число объектов, установив его в пределах 7–9 объектов.

– Проблема промежуточных психологических типов должна быть решена посредством выявления психотипологического основания, не предполагающего амбивалентности. Даже в сложных случаях у исследуемого лица необходимо выявить доминирование уникальных свойств.

– Выделяемые психотипы должны содержательно базироваться на неустойчивых, уязвимых чертах личности, предполагающих эффективное воздействие на них. Отметим, что последнее правило делает неактуальными для криминалистики большое число типологий личности, имеющих явно выраженную терапевтическую или теоретико-познавательную направленность.

Не преувеличивая, можно утверждать, что исследование личности в правовой психологии начиналось с типологических исследований. В частности, недаром многие авторы были убеждены, что целесообразно изучать темперамент лица, совершившего преступление. Отметим, что темперамент как криминалистически значимая составная личности преступника рекомендовался основателем Томской школы криминалистики Н.Т. Ведерниковым к изучению еще в самый начальный период современного исследования личности (Ведерников Н.Т., 1968).

В криминалистических исследованиях психотипологический метод применялся неоднократно: это и криминалистическое деление допрашиваемых на эмоциональный и рациональный типы (Кривошеин И.Т., 2001), и заимствованное из психологии деление проверяемых на интровертов и экстравертов в процессе проверки показаний на месте (Чаднова И.В., 2005), и мотивационная типология преступников (Мезинов Д.А., 1999).

Всем перечисленным требованиям криминалистически значимой типологии личности соответствует типология, базирующаяся на идее психологической специализации личности и подразумевающая наличие у каждого человека центрального психологического свойства. Вспомним: «Когда говорят о наличии у кого-либо того или другого определенного характера, того или другого темпера-

мента, то ведь тем самым, конечно, указывают на известную однобокость его психической организации, тем самым дают понять о наличии в сфере его психики известной дисгармонии, об отсутствии равновесия во взаимоотношении отдельных сторон его душевной деятельности. Ведь если бы мы имели под наблюдением человека с идеально-нормальной психикой, ежели бы, конечно, таковой нашелся, то едва ли бы можно было говорить о наличии у него того или другого “характера”» (Ганнушкин П.Б., 1982).

Типология акцентуированных (характерологически специализированных) типов содержательно включает в себя не только личностные, но и поведенческие аспекты, способствующие типовой идентификации личности, что делает ее актуальной не только для криминалистической тактики, но и для криминалистической методики.

Комплексная типология акцентуированных типов. Типология акцентуированных типов разрабатывалась К. Леонгардом, П.Б. Ганнушкиным, А.Е. Личко. Первый исследователь работал с психопатами, второй – с взрослыми психически адекватными лицами призывного возраста, третий – с подростками. Особенности исследуемого контингента способствовали выделению нескольких разных групп психотипов, которые в целом содержательно «перекрывают» друг друга.

В целях адаптации работ перечисленных авторов (как предметной применительно к нуждам правовой психологии, так и временной применительно к реалиям сегодняшнего дня) была разработана комплексная типология акцентуированных типов.

Из представленного разнообразия разными авторами психологических типологий было выделено десять типов, обладающих характерологической, а главное – поведенческой уникальностью. Пять из них имеют выраженную экстравертную природу (истероид, эпилептоид, застревающий, циклоид, гипертим), пять – выраженную интровертную природу (сензитив, конформный, параноид, шизоид, гипотим).

Выделенные типы образовали пять пар, представители каждой из которых характеризуются повышенно выраженным механизмом

неосознаваемой психической защиты. В каждую пару входит один экстравертный и один интровертный тип. Конечно, для любого человека в той или иной мере характерно наличие всего спектра механизмов психической защиты, однако каждый тип выделяется ярким доминированием кого-то конкретного механизма по сравнению с другими типами (табл. 1, 2).

Таблица 1

Комплексная типология акцентуированных типов

Механизмы психической защиты	Экстравертные типы	Интровертные типы
Проекция	Истероид	Сензитив
Перенос	Эпилептоид	Конформный
Сублимация	Застревающий	Параноид
Отрицание	Циклоид	Шизоид
Рационализация	Гипертим	Гипотим

Таблица 2

Соотношение акцентуированных типов в типологиях различных авторов

К. Леонгард	П.Б. Ганнушкин	А.Е. Личко	Комплексная
		Лабильный циклоид	
Лабильный	Циклоиды	Циклоидный	Циклоид
Сверхподвижный		Лабильный	
Демонстративный	Истерические	Истероидный	Истероид
Ригидно-аффективный	Эпилептоиды	Эпилептоидный	Эпилептоид
			Застревающий
Сверхпунктуальный	Параноики		Параноид
		Психостеноидный	
Неуправляемый			
	Шизоиды	Шизоидный	Шизоид
Интровертный			
Эмотивный		Сензитивный	Сензитив
Боязливый			
Неврастеничный	Астеники	Астено-невротичный	Гипотим
Экстравертный		Гипертимный	Гипертим
	Неустойчивые	Неустойчивый	
Слабовольный		Конформный	Конформный

Общая характеристика акцентуированных типов в рамках их комплексной типологии. Рассмотрим особенности представителей отдельных психотипов в рамках доработанной комплексной типологии акцентуированных типов. При описании синтезированы результаты исследований К. Леонгарда, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко – особенности характера, Т.А. Алексеевой (2013) – коммуникативные характеристики, результаты собственных исследований – внешние данные, конфликтные ситуации и типовые страхи. Описание психологических типов исходит из наиболее часто встречающихся в их поведении характеристик, теоретически не исключая других характеристики.

Отдельно отметим, что выявленные особенности встречаемости внешних признаков у представителей отдельных психотипов пусть и кажутся на первый взгляд трудносоотносимыми с научным подходом, тем не менее статистически подтверждены, хотя, конечно, и нуждаются в дальнейших исследованиях.

1. Истероид (истероидный). Внешние данные. Эктоморфный или эндоморфный тип телосложения. Оригинальная прическа, одежда, отдельные детали костюма. Любит ярлыки и фирменные знаки на одежде. Шумное, эпатажное, привлекающее внимание поведение. Артистичен. Самостоятелен и независим. Уровень пластичности высокий. Движения вялые, плавные.

Особенности характера. Эгоцентризм – стремление быть в центре внимания; тяга к эпатажу; эгоизм; сосредоточенность мыслей на себе; ориентация только на собственные желания; завышенная самооценка; стремление «напрашиваться на комплимент»; энергичность; быстрое угасание после всплеска энергии; развитие чувственного начала в ущерб волевому; неустойчивость настроения; обидчивость; ранимость; чрезвычайное честолюбие; преувеличенные требования благодарности ближнего; вера в свою исключительность. Сильно развитые актерские способности. Склонность к интригам, демагогии и оппозиционности при неудовлетворенном эгоцентризме; игра в вожака вместо настоящего лидерства; ненадежность, лживость и лицемерие; трусость; необдуманнный риск (в присутствии зрителей); хвастовство; явно завышенная самооцен-

ка; обидчивость при задевании личности; склонность к острым аффективным реакциям. Эмоциональная черствость. Стремление всегда выделяться приводит к нелюбви к физическому труду.

Типовой страх – страх остракизма, физической боли.

Коммуникативные характеристики. Предпочитает монологи о себе. Любит публичные формы общения. Общается с теми, кто им восхищается. Часто меняет круг общения. Общение для него – средство продемонстрировать себя, но не установления контакта с людьми. В общении манипулятивен. Истероид характеризуется громким голосом, быстрым темпом и нестабильностью указанных вокальных характеристик. Нестабильность проявляется в выделении голосом отдельных слов, на которых истероид заостряет свое внимание, возвращаясь после этого в исходный стиль повествования.

Истероид очень удачно расставляет паузы, в том числе и стилистические, хорошо владеет ораторским искусством, без труда может привлечь внимание к своей персоне, произнося монологи на различные темы. Паузы по длине и частоте средние, так как нужно выдерживать время для преподнесения очередной мысли слушателям. Особенностью устной речи истероидов является то, что речевые паузы выполняют не столько синтаксическую, сколько смысловую функцию, варьируя по частоте и длительности в зависимости от ситуации, от той роли, которую выбрал для себя указанный психологический тип. Интонация неравномерная, причем указанный психологический тип наиболее удачно из всех владеет интонационными переходами, варьируя их в зависимости от ситуации. Диапазон голоса средний.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты возникают по следующим причинам: вольное или невольное уязвление его самолюбия; равнодушие со стороны окружающих, тем более сознательное игнорирование его личности; критика его достижений, способностей и таланта; вынужденное одиночество или ограничение круга его общения, поклонников; невозможность проявить себя в полной мере; отсутствие ярких событий и возможности проявить свои способности; удары по эгоцентризму, разоблачение его вымыслов, тем более высмеивание.

2. Сензитив (сензитивный). Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Одет со вкусом, умеренно. Добродушное и внимательное выражение лица. Уровень пластичности высокий. Движение медленные, плавные.

Особенности характера. Тревожность, мнительность, страх; некоммуникабельность; эмпатия; доброта и отзывчивость; деликатность и умение быть благодарным; нетребовательность к людям; неспособность противостоять влиянию сильных личностей; повышенная ранимость; стыдливость и стеснительность. Предупредителен, следит за реакциями других. Исполнительный и преданный. Мнительность; пугливость; замкнутость; склонность к самобичеванию и самоуничтожению; растерянность в трудных ситуациях; повышенные обидчивость и конфликтность. Склонность к капризам. Болезненная оценка собственных психоролевых характеристик. «Реакция гиперкомпенсации» – периодический выплеск агрессии. Манипулятивен.

Типовой страх – страх непонимания, одиночества.

Коммуникативные характеристики. Очень общителен, коммуникативен. Богатая эмоциональная насыщенность. Сензитив отличается тихим голосом, быстрым темпом и нестабильностью вокальных характеристик, что является следствием эмоциональности указанного психологического типа, богатой палитрой чувств, выражающихся в том числе и в речи.

Сензитив является самым эмоциональным из психологических типов, что находит непосредственное отражение в его речи в виде многотональности голоса и широком диапазоне. Сензитивы обладают ровной интонацией с плавными переходами вверх и вниз, при этом легко варьируют тон своего голоса с высокого на низкий, с громкого на тихий, в частности переходя на шепот. Темп речи рассматриваемого психологического типа средний. Наиболее подходящее определение голосу указанного психологического типа – мягкость и некоторая восторженность.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: несправедливые подозрения или обвинения

в неблагоприятных поступках, особенно публично; критика или насмешки над ним или его поведением; открытое соперничество; грубость и хамство; регламентированные проверки его деятельности или поведения; недоброжелательное внимание к нему; вынужденное одиночество; угроза репутации; невозможность поделиться своими переживаниями с другом.

3. Эпилептоид (эпилептоидный). Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Одет аккуратно: обычно классический стиль одежды. Уровень пластичности ниже среднего. Движения резкие порывистые.

Особенности характера. Значительный психоэнергетический потенциал; высокий уровень активности; возможна активизация деятельности в экстремальных ситуациях; гневливость, взрывчатость, готовность обвинять, придирчивость; злопамятность, мстительность; консервативность в отношении с другими людьми; развитые организаторские способности. Требователен и придирчив к окружающим и себе. Выраженная склонность к лидерству. Не склонен к случайным знакомствам. Быстро принимает решения; стремление доминировать как базовое. Эгоцентризм и жестокость; нетерпимость к инакомыслию; нечувствительность к чужому горю; чрезмерная требовательность, приводящая к раздражительности в связи с замеченным отсутствием у других присущих ему положительных черт; ревность и злопамятность; периодические периоды слабомотивированной злобы; сутяжничество. Выраженная способность к оперативному реагированию. Слабые способности к планированию деятельности. Тяга к регламентации. Наиболее близок к холерическому типу темперамента.

Типовой страх – страх конкуренции.

Коммуникативные характеристики. Говорит четко и громко. Речь хорошо организована и понятна. Добросовестно выполняет нормы ритуального общения. Не раскрывается, не стремится глубоко познать других. Не понимает эмоционального общения. В общении или доминирует, или подчиняется. Для эпилептоида характерны громкий голос и быстрый темп, но при этом они не

отличаются стабильностью в силу импульсивности личности этого психологического типа.

У эпилептоида интонация неравномерная, чаще носит восходящий характер, т.е. каждое предложение заканчивается на интонационном подъеме, что создает ощущение некоторого давления на собеседника. Для речи эпилептоида характерна агрессивность, которую нельзя путать с эмоциональностью, так как крик и агрессия являются свидетельством состояния гнева в конкретной ситуации. В силу быстрого темпа речь эпилептоида характеризуется короткими паузами, диапазон голоса – низкий.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: изменение и ломка устоявшихся порядков и установленных правил, особенно если это приходится делать самостоятельно; жесткая конкуренция со стороны таких же сильных и энергичных людей; ограничение возможности проявлять свой авторитет, свою власть над другими людьми; критика действий и насмешки над его недостатками; повседневная работа, требующая длительных усилий при отсутствии возможности выделиться среди окружающих; ущемление его прав и интересов; неподчинение ему лиц, не являющихся для него авторитетами; измена близкого человека.

4. Конформный. Внешние данные. Этоморфный в большинстве случаев или мезоморфный тип телосложения. Диапазон внешности сильно варьирует. Стиль – от официального до спортивного. Аккуратность от средней до большой. На лице выражение готовности, создается впечатление, что он прислушивается. Уровень пластичности от среднего до высокого. Движение неторопливые, плавные.

Особенности характера. Осторожность; неверие в себя; зависимость; высокие способности к адаптации; неспособность постоять за себя; склонность копировать поведение лидера; значительный аналитический и эмпатийный потенциал.

Типовой страх – страх ответственности.

Коммуникативные характеристики. Ведомая роль в общении; вопросительные интонации даже в утвердительных предложениях;

тихий голос и медленный темп речи; темп речи и количество пауз во многом будет зависеть от человека, с которым он ведет беседу.

Конформный характеризуется некоторой неуверенностью и зависимостью от мнения окружающих, поэтому темп его речи и количество пауз во многом будут зависеть от человека, с которым он ведет беседу. В ситуации допроса со следователем, который не смог расположить к себе представителя указанного психологического типа, речь конформного будет характеризоваться средним темпом с многочисленными паузами. В ситуации же установления психологического контакта речевые паузы будут выполнять только синтаксическую функцию, существенно не увеличиваясь в количестве и продолжительности. Тембр голоса конформного обычно средний или выше среднего. Интонация голоса ровная, без резких интонационных скачков. Конформные также отличаются широким диапазоном голоса, многотональностью и эмоциональностью речи.

Модель конфликтного поведения. Конфликтные ситуации возникают по следующим причинам: попытки переложить на него ответственность за принятие решения; критика уже принятого решения; открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения; необходимость быстрой адаптации к новой группе лиц; необходимость быстро принять сложное для него решение; внезапное или длительное физическое и психическое напряжение.

5. Застревающий. Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Активный, энергичный. Одевается практично и строго. Постоянно в движении. Ровная осанка и уверенность в движениях. Уровень пластичности средний. Движения четкие, выверенные.

Особенности характера. Склонен к руководству «сверхценной идеей» – упорядоченностью. Развитые волевые характеристики, целеустремлен; способен к самопожертвованию во имя долга; самостоятелен; неготовность преступить нормы и законы. Невысокий уровень развития эмпатии; навыки психосаморегуляции; ровность настроения; честолюбие. Аналитический тип ума. Дисциплинированность. Пунктуальность. Предельные способности

к алгоритмизации действий. Предельно слабая переключаемость внимания. Патриотизм. Категоричность. Подчинение долгу. Развитые понятия чести.

Типовой страх – страх революционных, резких изменений.

Коммуникативные характеристики. В общении на значимые цели с оппонентами конфликтен. Общение для него – средство достижения цели, но не установления контакта с людьми. В общении внутренне агрессивен, хотя внешне часто корректен. Вокальные особенности проявляются в громком голосе и среднем темпе, при этом сохраняется стабильность указанных компонентов.

Застревающему свойственно четкое произношение слов, у него очень хорошая артикуляция, темп средний с четким соблюдением интонационных пауз (средних по длине); как и во всем остальном, в речи присутствуют четкость, правильность, синтаксические паузы соблюдаются очень хорошо. Этот психологический тип является некоторым исключением из всех, так как он может быть как экстравертом, так и интровертом. В зависимости от этого будут отличаться интонационные особенности речи: интровертный застревающий характеризуется ровной интонацией, а экстравертный – неравномерной. Однако и в том и в другом случае наблюдаются эмоциональная холодность, низкий диапазон, отсутствие многотональности речи. Еще одной особенностью указанной акцентуации является интонационная завершенность каждого предложения, т.е. вначале интонация идет вверх, а к концу фразы – вниз, подчеркивая окончание повествования. Разница в силе интонационных скачков будет зависеть от выраженности интровертности или экстравертности психологического типа.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: стороннее требование нарушения корпоративных норм; эмоциональное отвергание со стороны значимых для него людей; коренная ломка жизненных стереотипов, привычек; неожиданные поручения, личные просьбы, требования с угрозой, противоречащие текущему настроению; психические нагрузки, особенно в стадии спада настроения.

6. Паранойд (параноидный). Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Человек среднего или крепкого телосложения, активный, энергичный. Одевается практично и удобно. Постоянно в движении. В действиях ориентируется на целесообразность, а не на внешнее впечатление. Уровень пластичности средний. Движения неторопливые, уверенные.

Особенности характера. Склонен к формированию «сверхценных идей» и руководим ими, предельно развитые волевые характеристики, целеустремлен; пренебрегает интересами окружающих во имя цели; способен к самопожертвованию во имя идеи; автономен, самостоятелен; готовность преступить нормы и законы; четкое позиционирование окружающих на «чужих» и «своих»; жестокость, имеющая отношение к сверхценной идее, равнодушие ко всему остальному. Склонность к навязыванию своей точки зрения. Бескомпромиссность. Фанатичность. Агрессивность по отношению к чужим, раздражительность; склонность к обвинениям; альтруизм по отношению ко всему человечеству; невысокий уровень развития эмпатии; навыки психосаморегуляции; ровность настроения; честолюбие. Непоследовательность; вспышки раздражительности, обидчивости и придирчивости; проявление недовольства и грубости в ответ на реплики и замечания; замкнутость и безразличие.

Типовой страх – страх предательства.

Коммуникативные характеристики. В общении на значимые темы с оппонентами конфликтен. Общение для него – средство достижения цели, но не установления контакта с людьми. В общении с неприятными ему людьми сдержанно агрессивен. Вокальные особенности проявляются в громком голосе и среднем темпе, при этом сохраняется стабильность указанных компонентов.

Паранойд характеризуется средним темпом речи и низким тембром голоса, даже женский голос имеет тембральные характеристики ниже средних. Интонация равномерная, что является следствием интровертности данного психологического типа, однако на отдельных словах, имеющих значимость для параноида, делается интонационный акцент, при этом диапазон голоса – низкий,

отсутствует многотональность, что говорит о неэмоциональности и сдержанности речи указанного психологического типа.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: стороннее требование нарушения корпоративных норм; эмоциональное отвергание со стороны значимых для него людей; коренная ломка жизненных стереотипов, привычек; неожиданные поручения, личные просьбы, требования с угрозой, противоречащие текущему настроению; психические нагрузки, особенно в стадии спада настроения, аморальное поведение оппонента.

7. Циклоид (циклоидный). Внешние данные. Эктоморфный тип телосложения. В одежде предпочитает свободный стиль. Чувство стиля в одежде выражено слабо. Уровень пластичности ниже среднего. Движения резкие порывистые.

Особенности характера. Смены фаз гипертимности и гипотимности. Болезненное стремление к независимости. Цинизм. Рациональность. Эмоциональная неразвитость. Значительный, но кратковременный психоэнергетический потенциал; высокий уровень активности; гневливость, готовность обвинять; дистанционирование в отношениях с другими людьми; неразвитые организаторские способности. Требователен к окружающим. Склонен к случайным знакомствам. Быстро принимает решения. Стремление понимать как базовое. Эгоцентризм и равнодушие; терпимость к инакомыслию; нечувствительность к чужому горю. Способность к стратегическому планированию, реагированию. Слабые способности к организации деятельности.

Типовой страх – страх зависимости.

Коммуникативные характеристики. Речь организована и понятна. С трудом выполняет нормы ритуального общения. Не раскрывается, стремится глубоко познать других. Не понимает эмоционального общения. В общении склонен к автономности. Говорит быстро, четко и громко. Особенность вокальных характеристик циклоида в том, что хотя они и отличаются высокими показателями (громкий голос и быстрый темп), но могут часто изменяться на

средние показатели за время произнесения устного сообщения, что является показателем нестабильности.

Особенностью циклоида является сочетание характеристик гипертимного и гипотимного психологических типов. Интонация речи циклоидов неравномерная, преимущественно восходящая, может несколько предложений говорить на восходящей интонации, и только в конце смыслового отрывка интонация пойдет вниз (или интонация идет вверх и вниз в каждом предложении). Интонационные изменения также являются отличительным признаком речи циклоидов. Создается ощущение, что они говорят на вдохе. Несмотря на интонационные скачки, речь циклоидов характеризуется низким диапазоном, а следовательно, отсутствием многоголосности голоса. Речевые паузы короткие или средние в зависимости от того, в какой стадии находится указанный психологический тип: гипертимной или гипотимной.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: давление со стороны; ограничение свободы; сближение со стороны лиц, интеллектуальный потенциал которых оценивается низко; привлечение его к активной деятельности в гипотимной стадии.

8. Шизоид (шизоидный). Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Пассивный, неэнергичный. Внешне замкнут, мимика слабовыраженная. На лице – выражение замкнутости, погруженности во внутренний мир. Неаккуратен в одежде. В выборе ее зависит от окружающих, наиболее часто отдает предпочтение мешковатому, свободному стилю. Уровень пластичности низкий. Движения медленные, неловкие. Много и беспорядочно, неловко двигается, задевает предметы.

Особенности характера. Ярко выраженная интровертность. Мрачность, негативизм, нелюдимость. Богатство внутреннего мира. Предельно высоко развиты способности противостояния манипулированию. Самодостаточность. Погруженность в свои мысли и личное мировосприятие. Независимость мнения. Способности к объективной оценке людей. Повышенная критич-

ность. Невысокий уровень социального взаимодействия, частое неприятие социальных шаблонов. Ярко выраженное мыслительное, познавательное начало; богатство идей; вторичность для субъекта внешнего мира; нетребовательность к комфорту; хорошая память; слабая энергетичность; эмоциональная бедность; малозависимость эмоционального состояния от внешних причин; отсутствие честолюбия; неавторитарность; трудности с общением. Замкнутость; эмоциональная холодность; рассудочность; эгоизм, неспособность замечать чужую беду; самолюбие и ранимость при критике его системы ценностей; малоактивность и малоэнергетичность при интенсивной работе; невысокий потенциал работоспособности при высоком потенциале эффективности работы. Склонность поддерживать уже устоявшиеся связи с другими людьми. Неспособность к эффективной деятельности в условиях ограниченного времени. Наиболее близок к флегматическому типу темперамента.

Типовой страх – страх сойти с ума.

Коммуникативные характеристики. В общении весьма избирателен. Несмотря на богатый словарный запас, уровень сложности речи невысокий. Очень ограниченный круг общения. Общение для него – средство вербализации своего понимания мира, но не установления контакта с людьми. Речь слабо артикулированная, рваная, плохо модулированная, с задержками и паузами. Очень тихий по громкости и медленный по темпу голос, стабильность которого сохраняется достаточно продолжительное количество времени.

Устная речь шизоида отличается медлительностью, по темпу можно сказать, что этот психологический тип говорит медленнее всех, следовательно, для него характерно наличие большого количества продолжительных пауз. Интонация отличается предельной равномерностью, шизоиды обладают самым низким диапазоном голоса, это самый мало эмоциональный психологический тип.

Модель конфликтного поведения. Конфликтные ситуации возникают по следующим причинам: смена устоявшихся стереотипов, сложившихся привычек поведения; необходимость устанавливать

неформальные контакты с окружающими, даже близкими людьми; необходимость разговора по душам; необходимость руководить другими людьми; необходимость выполнения интеллектуальной работы по заранее спланированным схемам и правилам; групповая и коллективная деятельность; вторжение посторонних людей в его внутренний мир; покушения на личную свободу, зависть к социальноадаптируемым личностям.

9. Гипертим (гипертимный). Внешние данные. Мезоморфный тип телосложения. Одевается в ярком спортивном или смешанном стиле. Степень аккуратности внешнего вида – средняя. Богатая положительными эмоциями мимика. Заразительный смех. На лице – выражение радости и веселья или готовности к ним. Склонность проявлять эмоции вовне. Уровень пластичности средний. Движение быстрые, размашистые.

Особенности характера. Высокая энергетичность; медленная утомляемость; повышенный фон настроения; неустойчивая эмоциональность; легкомысленность и «толстокожесть». Предельно развитые экстравертные характеристики. Высокоразвитые коммуникативные способности. Сверхобщительность. Авантюризм. Безответственность. Повышенная активность. Оптимизм. Слабая адаптированность под монотонную деятельность. Прекрасный генератор идей. Предельные способности к эффективной деятельности в условиях ограниченного времени, ограниченного объема информации или иных стрессовых условий. Неумение делать выводы из прошлых проблем. Слабая способность планирования и предвидения. Наиболее близок к сангвинистическому типу темперамента.

Типовой страх – страх взрослости, нормативного поведения.

Коммуникативные характеристики. Повышенная общительность. Высокая контактность. Быстрый темп речи, соответственно, короткие паузы в небольшом количестве. Интонация как у наиболее яркого представителя экстравертного типа неравномерная. Самый громкий голос и быстрый темп речи. Обладает самым громким голосом и быстрым темпом, сохраняя при этом стабильность вокальных характеристик.

Интонация как у наиболее яркого представителя экстравертного типа неравномерная, паузы часто не соответствуют синтаксическим, что создает ощущение некоторой сумбурности: не понятно, где закончилось предложение и началось новое. Несмотря на речевую активность и словоохотливость указанного психологического типа, диапазон его голоса низкий, монотональный.

Модель конфликтного поведения. В целом неконфликтен. Причинами же нечастых конфликтов выступают, как правило, попытки ограничить его активность, переключение на монотонную деятельность, изоляция от окружения, длительная пассивность.

10. Гипотим (гипотимный). Внешние данные. Мезоморфный или эндоморфный тип телосложения. Одевается в нейтральном стиле. Степень аккуратности внешнего вида – средняя. На лице – выражение недовольства, расстройств, а не спокойствия. Не склонен проявлять агрессивные эмоции вовне. Уровень пластичности средний. Движение медленные, неторопливые.

Особенности характера. Слабая энергетичность; быстрая утомляемость; пониженный фон настроения; неустойчивая эмоциональность; ранимость и обидчивость; неудачливость. Капризность и плаксивость; вялость; неуверенность в себе; застенчивость и пугливость; неспособность постоять за себя. Настороженность. Критически фиксирует внимание всех на отрицательных сторонах жизни. Выраженная аутоагрессия. Наиболее близок к меланхолическому типу темперамента.

Типовой страх – страх болезни.

Коммуникативные характеристики. Общение признает как средство изложения жалоб, претензий. Любит потрясать слушающих его людей невероятными сообщениями. Речь отличается частыми, но короткими паузами. Очень выраженная артикуляция, поэтому речь очень внятная. Очень тихий голос, стабильность которого сохраняется достаточно продолжительное количество времени.

Темп речи гипотима, как правило, средний, ближе к медленному. Речь отличается частыми, но короткими паузами, которые могут не совпадать с синтаксическими и создают ощущение пере-

дышки, в том числе за счет некоторой усталости в голосе гипотима. Интонация у данного психологического типа ровная, нисходящая, если и наблюдается подъем интонации, то он незначительный и кратковременный, за которым непременно следует спад. Это один из наиболее малоэмоциональных типов, с преобладанием монотонности речевых характеристик и низким диапазоном голоса.

Модель конфликтного поведения. Открытые конфликты с необходимостью отстаивать свою точку зрения возникают по следующим причинам: насмешки над его слабостями, ошибками, немелкими действиями; вынужденное активное общение с большим количеством людей; необходимость быстрого переключения в работе или общении; необходимость проявить определенную силу воли; внезапное или длительное физическое и психическое напряжение; работа в условиях недостатка исходной информации, аморальное поведение контрагента.

Основные понятия темы: активность, деятельность, поведение, стимул, реакция, знание, умение, навык, привычка, стереотипизация, динамический стереотип, установка, ролевая позиция, креативность, типологизация, экстраверсия, интроверсия, мотив, потребность, иерархия потребностей, мотивация, направленность, истероид, эпилептоид, параноид, шизоид, сензитив, гипертим, циклоид, конформный, застревающий, циклоид, эктоморф, мезоморф, эндоморф.

Литература

1. Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания. Красноярск : Сиб. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2015. 375 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М. : Смысл ; Академия, 2005. 352 с.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб. : Питер, 2019. 304 с.
4. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2015. 705 с.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер, 2017. 608 с.
7. Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2018. 384 с.

Контрольные вопросы

1. Какова целевая нагрузка изучения в правовой психологии механизмов деятельности человека?
2. В чем проявляется принцип «эволюционной специализации» в психической деятельности человека?
3. Какова причина существования стереотипов в жизнедеятельности человека?
4. В какой связи находятся творческое мышление и механизмы стереотипизации?
5. С какими психическими структурами наиболее тесно связаны проявления механизмов стереотипизации?
6. Какой механизм стереотипизации лежит в основе навыка?
7. Какой механизм стереотипизации лежит в основе восприятия мира?
8. Мотив, мотивация, направленность личности – назовите категорию, в наибольшей степени детерминированную биологической составляющей психики.
9. Мотив, мотивация, направленность личности – назовите категорию, в наибольшей степени детерминированную социальной составляющей психики.
10. Чем направленность личности отличается от мотивации? Что легче поддается манипуляционной коррекции?

Раздел 2

**Специальная
часть**

Тема 4. Криминальная психология

Предмет, задачи и методы криминальной психологии

Криминальная психология исторически является базовым теоретическим разделом правовой психологии. Ее предмет – психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек–преступление». Данный раздел правовой психологии исследует проблемы природы преступного поведения, преступной мотивации, групповой преступности, формирования преступных установок и, может быть, в целом преступного менталитета.

Задачами криминальной психологии традиционно являются:

- изучение личности преступника;
- изучение психологического аспекта возникновения и деятельности преступных групп;
- определение роли личностного и ситуационного фактора в преступном событии;
- исследование психологических аспектов преступного поведения людей и разработка мер психологического воздействия на них;
- анализ последствий преступного события для личности, совершившей преступление, жертвы, общества в целом;
- разработка методик корректировки преступных установок, оценка их целесообразности и эффективности;
- интеграция психологического знания о личности преступника в иные правовые науки;
- разработка психологических основ уголовно-правового, уголовно-процессуального законодательства;
- исследование закономерностей социально-психологических процессов, предопределяющих изменения преступности;
- поиск компромисса между этическими, социально-политическими, с одной стороны, и научными основами изучения личности преступника – с другой.

Последняя задача представляет собой фактически нерешаемую проблему, так как, с одной стороны, доктрина уголовного права, выступая в качестве своеобразного социального государственного заказа, требует только таких результатов исследований, которые ей бы не противоречили. С другой же стороны, положения доктрины уголовного права, являясь конструкцией искусственной, нередко противоречат научным выводам, полученным в результате исследований психологической составляющей феномена преступления. К сожалению, данная задача в отечественной правовой психологии фактически никак не решается.

Методы криминальной психологии. Существует специфика в использовании отдельных психологических методов при решении задач криминальной психологии. Так, в целом правовая психология заимствует методы исследования у психологии общей ввиду достаточной схожести предмета исследования. Иная картина в криминальной психологии. Ситуация противостояния исследователя и исследуемого делает малоэффективным использование большинства известных методов.

Отношения, которые рассматриваются в криминальной психологии, преимущественно конфронтационные, поэтому использование традиционных методов возможно только в случае оптимизации их для целей криминальной психологии. Рассмотрим эффективность использования конкретных методов в криминальной психологии.

Особенностью исследования личности преступника практически всегда является ее ретроспективность (исследование личности преступника в обстановке, не включающей преступную составляющую). Если мы детерминируем преступное поведение как результат воздействия среды на личностно значимые компоненты психики, то исследование этих компонентов вне влияния среды всегда будет содержать коэффициент погрешности.

Отечественная криминальная психология избыточно концентрируется на социологических методах, недооценивая иные. К таким недооцененным методам можно отнести метод биографического анализа, который, вероятно, приоритетен при исследовании в системе «человек–преступление».

Социальный заказ общества как дополнительный фактор в познании личности преступника. Социальный заказ общества предопределен социальной функцией гуманитарной науки – стабилизировать общество. Что же требуется Власти от теорий преступного поведения в рамках социального заказа общества?

Во-первых, в рамках социального заказа Власти необходимо до предела уменьшить вину государства в развитии феномена преступности, как правило, переложив ее на малые группы (семью, школу, окружение, даже национальные сообщества). Поэтому теории, которые предопределяют власть как основного виновника преступного феномена, упоминаются редко и формально. Ясно, что в рамках социального заказа для Власти предпочтительнее теории причинности преступлений, утверждающие, что базовым фактором в формировании личности преступника является его семья или в крайнем случае он сам.

Во-вторых, в рамках социального заказа Власти необходимо получить такие теории, которые бы предполагали возможность борьбы с преступностью в принципе (после увеличения ассигнований, после модернизации правоохранительных структур, после принятия «строгих, но справедливых» законов).

Теории, которые исходят из ограниченного потенциала волевого контроля субъекта, противореча уголовно-правовой доктрине «свободы воли», таким образом, также не соответствуют социальному заказу. Ведь если ограниченный потенциал волевого контроля – объективное явление, то вся современная уголовно-правовая доктрина нуждается в ревизии. Бессмысленно бороться традиционными способами с биологической преступностью именно в силу предопределенности криминальной природы человека, поэтому проще биологические теории отрицать. Неудивительно, что биологические теории преступности, объективно базирующиеся на ограниченном потенциале волевого контроля лицом своего поведения, всегда являлись объектом повышенной критики.

В рамках социального заказа любого общества оптимальна пропаганда социальных теорий преступности. Именно поэтому социологическая криминология была господствующей парадиг-

мой, которая руководила исследованиями преступности в XX в. К сожалению, для значительного количества зарубежных исследователей и подавляющего большинства отечественных в XXI в. в этом плане ничего не изменилось. «Социологическая криминология успешно деконструировала консервативные представления о преступности, но не приобрела много полезных знаний о том, как спасти преступников от преступной жизни. Несмотря на благие намерения и искренние убеждения, ее сторонники разработали скудные прагматические советы о том, как уменьшить страдания, которые несет преступление в жизни виновных и их жертв» (Walsh A., Beaver K.M., 2009).

Учитывая, что «ключевые современные решения, касающиеся научного вопроса, смещены в сторону биологических, химических и инженерных проблем, что отражается в исследовании проблем уголовного преследования» (Kiely T.F., 2001), мы будем рассматривать биологические теории преступности наравне с социальными и личностными.

Социальный заказ реализуется путем выделения грантов на исследования ограниченного комплекса проблем, разработку неконфликтных образовательных программ, общее информационное воздействие на социум и научный мир.

Типичным примером следствия социального заказа является стремление значительного количества криминологов, как зарубежных, так и отечественных, объяснить феномен преступности бедностью лиц, совершающих деликты, а не способом организации и реализации власти в данном государстве.

Биологические, социальные и психологические факторы формирования личности преступника

Криминалистика и правовая психология достаточно давно изучают личность преступника, однако если проанализировать динамику исследований, с достаточно высокой степенью надежности можно сделать вывод о понижении эффективности данных исследований. Используемые в современной криминалистической и

психологической науке методики, базирующиеся на данных о личности преступника, являются в основном заимствованными (методика построения психологического профиля неизвестного преступника, методика географического профилирования, методика «анализ утверждений»).

По нашему мнению, важнейшей причиной подобного выступает некоторая «устарелость» исходных базовых положений в учении о личности преступника, базирующаяся не на научных, а на философских установках, имеющих преимущественно доктринально-идеологическое обоснование.

Научная бесперспективность философского подхода к проблеме изучения личности вообще определяется крайне высокой степенью вариативности индивидуальных характеристик человека. Объединяя в единое исследовательское пространство сильно отличающиеся объекты, мы объективно получаем ситуацию, в которой любые выводы будут характеризоваться высокой степенью абстракции и, как следствие, неконкретности. Объединяя в одну исследовательскую группу серийного убийцу и неплательщика алиментов, мы автоматически уравниваем движущие этими лицами силы. Однозначного понятия «личность преступника» не существует, так как оно включает в себя громадное количество психологических инвариаций.

На уровне теоретического осмысления в названном уравнивании нам «помогает» установка о единстве, взаимосвязанности и взаимодополняемости биологического, социального и индивидуально-психологического факторов человеческого поведения.

Однако насколько верно данное положение? Не противоречит ли оно тезису о необходимости эволюционной специализации? Не является ли данное положение ярким примером упрощенного подхода полуторавековой давности? Представляется, что дело обстоит именно так.

В современной персонологии существует достаточно большое количество самостоятельных теорий личности, противоречащих друг другу. Эти теории эмпирически подтверждены и порой очень слабо пересекаются. Вывод – психика людей не подчиняется какому-то единому общему алгоритму, определенные группы людей

функционируют на различных этапах жизненного пути, а порой и просто в различных ситуациях, по различным законам. Но если это так, то в психологических исследованиях личности преступника целесообразно вернуться немного назад – к дискуссиям о доминанте отдельного фактора человеческой психики у отдельных групп людей.

Данный призыв не представляет собой попытку пересмотра правового статуса личности в целом, нерационально оспаривать тезис о равенстве всех перед законом. Однако тезис о равенстве не предполагает тезиса об одинаковости людей, одинаковости сил, движущих ими, одинаковости факторов, определяющих преступное поведение людей. Таким образом:

1) тезис о взаимообусловленности биологического, социального и индивидуально-психологического факторов преступного поведения является целесообразным только в доктринально-правовом понимании, при реализации прикладных задач он является тупиковым;

2) целесообразно разработать принципиально новую типологию личности преступника, основанием деления в которой на первых порах будет выступать доминирующий фактор психики.

Известный отечественный исследователь Ю.В. Чуфаровский, изучая соотношение биологического, социального и индивидуально-психологического, пришел к следующим выводам:

– попытку проанализировать соотношение биологического и социального в структуре личности в процессе ее онтогенеза предпринял К.К. Платонов, показав, что данное соотношение неодинаково в различных подструктурах;

– косвенное, опосредствованное влияние социального фактора на особенности биологической подструктуры не менее очевидно, как и влияние биологического на подструктуру направленности личности, хотя пол, тип и структуру нервной системы, патологии и задатки человек получает при рождении. Даже биологическая подструктура, где речь идет о сугубо врожденных и наследственных свойствах индивида, не свободна полностью от влияния среды;

– достаточно сложным оказывается взаимодействие биологического и социального факторов на высшей подструктуре направленности, проявляющейся в личностных качествах и поведении человека, в характере его социальной активности.

Как видно, речь не идет о равенстве проявлений социального, биологического и индивидуально-психологического факторов, говорится только о самом факте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Однако не могут три фактора быть идеально сбалансированными, и примерно сбалансированными они быть не могут, так как это противоречит принципу эволюционной специализации организма. До сих пор не доказано, что данный принцип не регулирует нашу психическую деятельность.

Основные типы преступлений (насильственные и корыстные) радикально отличаются по своей природе, поэтому нецелесообразно говорить и об одинаковости причин, их детерминирующих. Действительно, агрессивность и корысть – предельно различные образования и характерны для значительно отличающихся групп преступников.

Биологическая детерминанта преступного поведения определяет вторичность сознательного контроля деятельности, в том числе и преступной, и лежит в основе значительного количества насильственных преступлений, связанных с потерей волевого контроля (о распространенности таких преступлений среди насильственных свидетельствует практика назначения экспертизы эмоциональных состояний преступника). Биологическая детерминанта подробно исследована в работах Ч. Ломброзо, в отношении которых до сих пор не утихают критика и критиканство, о врожденном преступнике, С. Хоука, открывшего закон рекапитуляции (единая природа развития человека и общества), психогенетиков (исследования кариотипов 47–51). Суть сказанного вышеперечисленными авторами сводится к тому, что ряд лиц, характеризуясь проблемами в области волевого регулирования поведения, склонны к совершению насильственных преступлений. Отметим, что точку в дискуссиях о значимости биологического фактора в преступном поведении ставить еще очень рано. Лица, имеющие 47-й кариотип,

не обнаруживают задержки умственного развития, и причину их генетически детерминированной агрессии и асоциального поведения следует изучать на ином уровне. Вспомним, что если отечественные авторы зафиксировали частоту встречаемости данного кариотипа в среднем 1 к 1 000, то зарубежные исследования показывают частоту 1 к 250. К тому же до сих пор не опровергнуты результаты исследования Кэсси о частоте встречаемости 47-го кариотипа среди лиц с антисоциальным поведением: он отмечен у 24% преступников, имеющих легкую степень умственной отсталости, и у 8% преступников, имеющих нормальный интеллект.

Биологический фактор как один из системных элементов узкого круга моделей преступного поведения рассматривал Г.А. Аванесов; он выделял:

– патологию биологических потребностей, что часто становится причиной сексуальных извращений и половых преступлений;

– нервно-психические заболевания (неврастения, психопатии, различные пограничные состояния), повышающие возбудимость нервной системы и обуславливающие неадекватную реакцию, затрудняющие социальный контроль над действиями;

– наследственные заболевания, особенно отягощенные алкоголизмом, которыми страдают 40% умственно отсталых детей;

– психофизиологические нагрузки, конфликтные ситуации, изменение химического окружения среды, использование новых видов энергии, которые как приводят к различным психопатическим, аллергическим, токсическим заболеваниям, так и служат дополнительным криминальным фактором (Аванесов Г.А., 1980).

К группе биологических теорий причинности преступлений следует отнести генетическую теорию и теорию R-комплекса.

Генетическая теория. Генетическая теория преступности является одной из классических криминологических теорий. Так, Р. Фокс, исследуя преступников, имеющих 47-й кариотип, установил закономерность физических проявлений соматических параметров у данных представителей преступного мира (Fox R.J., 1971). Справедливости ради надо отметить, что данное направление сформировано в нашей науке лишь на уровне разрозненных,

робких исследований и только подтверждает, а не формирует знание о биологической детерминированности части преступлений.

Что же отличает, по убеждению сторонников генетической теории, преступников от обычных людей? Выделяется две группы отличий.

Первая группа отличий определяется наличием химического дисбаланса в деятельности психики. Это касается прежде всего серотонинного и дофаминного дисбаланса, предопределяющего слабую способность волевого контроля в стрессовых ситуациях. Названный дисбаланс предопределяет склонность к агрессивному поведению (Beaver К.М., 2009; DeLisi М., 2009; Moore Т.М., Scarra А, Raine А., 2002; Raine А., 1997; Ramsland К.М., 2006).

Вторая группа отличий представлена генетическими отклонениями, также предопределяющими склонность к агрессивному поведению. Рассматриваемое направление исходит из идеи продолжающейся в наши дни эволюции человека, предопределяющей изменения генотипа, однако «серьезные биологи не считают, что есть “преступный ген”»: они ищут гены, которые делают преступное поведение более вероятным» (Marsh I., 2006). Такое может быть обусловлено как химическим дисбалансом, о котором уже говорилось, так и серьезными структурными аномалиями головного мозга (Wright J.P, Boisvert D., Dietrich K., Ris M.D., 2009).

Выводы обеих групп авторов изучаются также на предмет наследования рассматриваемых особенностей. Так, статистически доказана наследственная предрасположенность к агрессивному поведению, предопределяющему совершение насильственных преступлений.

Теоретическая состоятельность и ценность. Прежде всего необходимо отметить, что рассматриваемая теория давно стоит на позиции, что «биологический или эволюционный детерминизм не эквивалентен биологической неизбежности» (Thornhill R., Palmer С.Р., 2000; Walsh А., Beaver К.М., 2009). Отметим, что противники биологического подхода традиционно не ссылаются на конкретные исследования, ограничиваясь голословным отрицанием.

Сильные стороны теории – научность, базирующаяся на естественнонаучной парадигме, высокий уровень проверяемости выводов, естественная логичность, однозначность и точность.

Слабые стороны теории проистекают из ее же научности. Если опровергнуть социальные теории преступности довольно сложно ввиду их неконкретности, неоднозначности основных понятий, слабой проверяемости или вообще непроверяемости в лабораторных условиях, то с достижениями генетической теории ситуация прямо противоположная. Неудивительно, что область применения данной теории достаточно узка – небольшая доля обычных агрессивных преступлений. Слабостью теории выступает и современный уровень развития такой специфической области знания, как психогенетика.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне малоскоординированных исследований специалистов различных научных областей, с громадными перспективами развития. Отечественной науке подобные исследования крайне нехарактерны, за исключением, пожалуй, ростовского региона.

Теория R-комплекса. Тезис о том, что поведение человека можно объяснить историей эволюции человечества (Walsh A., Beaver K.M., 2009), находит свое отражение и в исследованиях преступников. Исследования, выявившие уникальное место человека среди приматов как представителя единственного вида обезьян, являющегося прирожденным убийцей (Kurtz Ch. J., Hunter R. D., 2004), широко известны.

Широкое распространение каннибализма в Средние века характерно для Европы, Китая и стран центральной Америки; также и в древней Аравии человеческие останки, залитые медом (mollified man – «кондитерская мумия человека») пользовались популярностью. Кровь недавно убитого человека, используемая в медицинских целях, была столь же популярна в Древнем Риме, как и человеческая плацента, широко используемая в косметических целях в мире современном. Активно не афишируется, что продукты таких производителей, как PepsiCo и Nestle – партнеров американской технологической компании Senomux Co Ltd., содержат добавку

НЕК 293 (англ. Human Embryonic Kidney 293) – продукта клеточной линии, полученного из эмбриональных почек человека.

Исследование троглодитид – высших прямоходящих приматов, являющихся уже не животными, но еще не людьми, – Б.Ф. Поршневым показало, что развитие человеческого вида прошло ряд этапов. На первом этапе сформировалась способность поглощать мясо, не имея специально предназначенного зубного аппарата. В силу этой анатомической особенности троглодитиды питались преимущественно не мясом, а головным и костным мозгом убитых другими хищниками животных. На втором этапе троглодитиды стали употреблять в пищу трупы сначала умерших, а потом специально убитых членов племени (адельфофагия). На третьем этапе способность к подражанию образовала социальную и биологическую основу возникновения речи – внутри сообщества гоминид возникает человек с его символической смысловой речью и относительно невысокой внушаемостью. На четвертом этапе происходит окончательное эволюционное размежевание человека (неоантропа) и палеоантропа (неандертальца). При этом неоантропы и палеоантропы сосуществовали вместе в одних сообществах, причем первые служили основной пищей вторых. На пятом этапе произошло распространение неоантропов по всему земному шару. Это произошло в силу того, что неоантропы стремились бежать либо от палеоантропов, потреблявших их в пищу, либо от популяций неоантропов, находящихся в симбиотические отношения с неандертальцами.

К идентичным выводам пришли и зарубежные авторы, уверенные, что «внутривидовая агрессия человека – это самопроизвольное инстинктивное стремление человека» (Ратинова Н.А., 1998).

Именно описанные особенности становления человеческого рода предопределяют человеческую агрессию как некий атавизм, присущий человеку в силу его эволюции, однако присущий лишь фрагментарно.

Теоретическая состоятельность и ценность. Учитывая, что R-комплекс – это потребность убивать людей, возникает противоречие с прослеживающийся у некоторого количества преступников

в детстве тенденцией мучить и убивать животных. Позитивность данной теории заключается в эстетичности установки на то, что агрессивное поведение, проявляющееся в значительной степени, является не типичной, а атавистической потребностью. Учитывая обоснованность теорий R-комплекса с позиций целого комплекса наук, что видно на примере учения Б.Ф. Поршнева, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминированный лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Дополнительной слабостью является малая исследованность механизма спонтанного проявления архетипических моделей поведения. Отметим, что рассматриваемая теория также может быть объективна лишь частично, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества преступников, феномен которых обусловлен R-комплексом.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, с незначительными перспективами развития.

Повторимся, что внешняя противоречивость биологических исследований постулату о свободе воли человека не должна быть тем центральным моментом, который уже 40 лет тормозит данные исследования.

Социальная детерминанта преступного поведения, естественно, может отражаться преимущественно в преступлениях, которые способны предоставить преступнику социальные блага. Идея воспитания как основы преступного поведения (теория воспитания) нам кажется достаточно малосостоятельной, потому что человек приемлет только те модели воспитания, которые гармонично ложатся в его психотипическое мировосприятие. Воспитать сензитива социопатом, а гипертима полностью законопослушным гражданином представляется крайне маловероятным. Теории же аномии

(преступность есть результат специфической социальной эволюции) и субкультур (преступное поведение есть форма протеста против культуры) ориентированы на понимание преступности в целом, а их выводы крайне сложно использовать при понимании движущих сил отдельного преступника или группы преступников.

Социальная детерминанта доминирует при совершении корыстных преступлений. По сути, деньги – это единственный феномен, который не имеет никакой аналогии в животном мире и характерен только для человека.

Приведем высказывания Э. Фромма о социальной природе потребления.

«Великие Учители жизни отводили альтернативе “обладание или бытие” центральное место в своих системах. Как учит Будда, для того чтобы достичь наивысший ступени человеческого развития, мы не должны стремиться обладать имуществом. Иисус учит: “Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?” По Марксу, роскошь – такой же порок, как и нищета; цель человека быть многим, а не обладать многим.

“Иметь” – на первый взгляд простое слово. Каждое человеческое существо что-нибудь имеет: тело, одежду, кров и так далее, вплоть до того, чем обладают современные мужчины и женщины: автомобиль, телевизор, стиральная машина и многое другое. Жить, ничего не имея, практически невозможно. Почему же в таком случае обладание должно быть проблемой? Тем не менее история слова “иметь” свидетельствует о том, что оно представляет собой подлинную проблему. Те, кто считает, что “иметь” является самой естественной категорией человеческого существования, будут, возможно, удивлены, узнав, что во многих языках слово “иметь” вообще отсутствует. В древнееврейском языке, например, выражение “я имею” должно быть передано косвенной формой *jesh li* (“это относится ко мне”). Фактически языки, в которых обладание выражается именно таким образом, превалируют. Интересно отметить, что в развитии многих языков кон-

струкция “это относится ко мне” впоследствии заменялась конструкцией “я имею”, однако, как указал Бенвенист, обратный процесс не наблюдался.

Потребление – это одна из форм обладания и, возможно, в современных развитых индустриальных обществах наиболее важная. Потреблению присущи противоречивые свойства: с одной стороны, оно ослабляет ощущение тревоги и беспокойства, поскольку то, чем человек обладает, не может быть у него отобрано, но, с другой стороны, оно вынуждает его потреблять все больше и больше, так как всякое потребление вскоре перестает приносить удовлетворение. Современные потребители могут определять себя с помощью следующей формулы: я есть то, чем я обладаю и что я потребляю.

Природа обладания вытекает из природы частной собственности. При таком способе существования самое важное – это приобретение собственности и мое неограниченное право сохранять все, что я приобрел. Модус обладания исключает все другие; он не требует от меня каких-либо дальнейших усилий с целью сохранять свою собственность или продуктивно пользоваться ею. В буддизме этот способ поведения описан как “ненасытность”, а иудаизм и христианство называют его “алчностью”; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти.

Вот логика, которую пытается донести до своих работников С. Тойода (основатель компании Toyota): «Например, ты хочешь шубу. Ты спрашиваешь себя: почему я хочу шубу? Это первое “почему”. Отвечаешь: потому что я хочу всех удивить. Окей, второе “почему”: почему ты хочешь всех удивить? Ответ: потому что хочу, чтобы на меня обратили внимание. Третье “почему”: почему тебе нужно, чтобы на тебя обратили внимание? Ответ: потому что я чувствую себя неуверенно. Четвертое “почему”: почему ты чувствуешь себя неуверенно? Ответ: потому что я никак не могу реализоваться...»

Стремление потреблять – естественное желание человека, однако чем больше он не уверен в себе, чем в большей степени неосознанно он понимает свою несостоятельность, тем более акту-

альной для него становится идея социального признания. В этой ситуации потребление заменяется на желание выглядеть потребителем в социуме, повысить свое положение за счет приобретения статусных вещей и услуг.

Понятно, что если потребность в потреблении слишком высока, то законопослушными свойствами ее добиться очень сложно, что предопределяет высокую вероятность совершения корыстных преступлений. Сами же преступные установки становятся не причиной, а следствием неосознанного механизма психической защиты – генерализации.

К группе социальных теорий причинности преступлений с выраженной психологической составляющей следует отнести теорию субкультур.

Теория субкультур. Традиционно, говоря о теории субкультур, исследователи имеют в виду такое объяснение причин преступности, в котором основным движущим фактором выступает наличие социальных стратосов, обладающих системой общественного поведения и ценностей, существующей отдельно от господствующей системы поведения и ценностей, но являющейся все же частью этой центральной системы.

Действительно, как показывает анализ, определенные группы лиц склонны к совершению значительной части всех преступлений. Например:

– «в Великобритании... чернокожие составляют лишь 2,8% всех граждан, составляя 9% всех арестованных лиц» (Wright J.P., 2009);

– «менее чем 2% населения классифицируются как представители афро-карибского происхождения, составляя 12% мужчин-заклученных и 19% женщин-заклученных» (Marsh I., 2006);

– традиционно «около 7% популяции являются привычными преступниками, и они составляли 61% всех деликвентов» (DeLisi M., 2009; Trier T.A., 2017).

Учитывая, что «криминология оказывается в самоналоженном научном карантине, когда приходит понимание возможной связи между расой и поведением» (Wright J.P., 2009), исследования

в этом направлении сегодня малоперспективны, хотя и признаются актуальными.

Субкультурные группы делят часть элементов с господствующей культурной традицией (цивилизацией), сохраняя и собственные нормы поведения и ценности. Сегодня официальная культура пропагандирует, хотя бы формально, монотеистические нравственные ценности (идеи добра). Однако параллельно с официальной культурой в современном обществе давно и прочно сложилась культура зла, культура «оборотней», предполагающая, например, активный интерес обывателей к творчеству (живопись, графика) преступников, выдаваемому за элемент культуры.

Агрессия как одна из системообразующих идей современного общества конкуренции и потребления, в значительной степени предопределяет мировосприятие и поведение обычных граждан. Рост преступности, уровня семейного насилия, социальной агрессивности, агрессивности сексуальной – явления одного порядка и следствие избыточного уровня агрессии, свойственного современности.

Необходимо также учесть, что современная система образования, в том числе и отечественная последних двух десятилетий, не способствует интенсивному росту интеллекта популяции, что усиливает неспособность сопротивляться агрессивным установкам, а значит, предопределяет рост преступности.

«59,7% опрошенных студентов заявили, что способны совершить агрессивное противоправное действие» (Старшиков Ю.В., 2004). Заявили, не скрывая и без стеснения. Все это вписывается в рамки последней разновидности теории субкультуры, выдвинутой М. Фольфгангом и Ф. Ферракути в 1967 г. и получившей название теории насилия, в рамках которой представители субкультуры идентифицируют себя с насилием, которое не является для них ни запретным, ни вызывающим ощущение вины.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат не социальные и экономические, а культурные условия существования человека, опирается на философские воззрения подавляющего большинства религий. Выбор правильной и неправильной морали составляет

одно из системообразующих прав человека в таких религиях, как христианство, зороастризм, ислам, а следовательно, природа этого выбора изучается уже давно.

Иным аспектом теоретической ценности рассматриваемой теории является распространенное и нашедшее широкое подтверждение в различных научных теориях положение о влиянии на конкретного человека внешних условий, в которых он существует. Культура же общества является одним из таких базовых элементов, формирующих реальность человеческого существования.

Учитывая длительную историю человечества, имеющего богатый опыт осмысления проблем выбора между добром и злом, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточной.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории проистекают из неоднозначности феномена культуры, сложности оценки ее влияния как процесса не разового, а растянутого во времени, характеризующегося различной интенсивностью и многообразием форм проявлений.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне многократного повторения общеизвестных фактов, которое ввиду политической и доктринальной ангажированности не предполагает дальнейших серьезных перспектив развития.

Индивидуально-психологический фактор преступного поведения исследован явно недостаточно, что вызывает значительные проблемы при изучении данной группы преступников. Индивидуально-психологический фактор предопределяет особое отношение к своей деятельности, в том числе и преступной. Особенность отношения вытекает из ее творческой природы. Преступники рассматриваемой группы совершают преступления не под влиянием момента или скрытым давлением социума, а в силу потребности выразиться в этом мире, пусть и совершенно неадекватными способами. Чиновник, с использованием сложных схем разворовывающий бюджет, хакер, преодолевающий результаты коллективной деятельности многих людей, серийный преступник, бросающий

вызов всей правоохранительной машине, террорист, полагающий, что он творит историю, – вот примеры рассматриваемых преступников. Условно сформированных теорий преступности, в основе которых лежит индивидуально-психологический фактор, очень мало. Одной из таких теорий выступает эволюционная теория.

Эволюционная теория. В основе эволюционного подхода лежит идея, что психические закономерности, обусловившие поведение преступников, являются не проявлением их дегенеративности, а отражением специфических эволюционных изменений психики. Эволюционность изменений не говорит об их правильности, желательности, а свидетельствует о некоей оптимизации психического потенциала, пусть и крайне нетрадиционной. Рассмотрим ее на примере серийных преступников.

Расследование серийных преступлений крайне проблемно, в том числе потому, что объективно сложно выдвинуть версию о причастности к совершению серийных преступлений лица, которое всеми окружающими воспринимается положительно, а именно данной особенностью часто отличаются серийные преступники.

Рассматриваемая особенность получила название «маска нормальности» и в своем содержании сводится к наличию способности лица **казаться** абсолютно нормальным, психически полноценным человеком, не будучи таковым в действительности. Без сомнения, большинство серийных преступников характеризуются повышенным интеллектом, развитыми артистическими способностями, однако этот артистизм не объясняет возможности ведения двойной жизни в течение достаточно длительного времени. Другими словами, «маска нормальности» у серийных преступников не может быть объяснена осознанными ухищрениями по созданию ими положительного имиджа, так как рассматриваемые попытки рано или поздно станут понятными окружающим людям.

Учитывая сказанное, выделим два момента исследуемой проблемы:

1. В своей некриминальной жизни, на взгляд постороннего наблюдателя, большинство серийных убийц являются ярко выраженными социально адаптированными личностями.

2. Если бы социально адаптированное поведение серийных убийц являлось результатом притворства, то окружающие их люди интуитивно почувствовали бы это или, во всяком случае, не смогли бы характеризовать серийных убийц безусловно положительно.

В чем же причина возникновения у ряда рассматриваемых лиц «маски нормальности»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что неосознаваемые потребности личности блокируются психикой из-за социальных запретов, усвоенных человеком. Чтобы блокируемые потребности не достигали критической массы, они «выводятся» вовне небольшими порциями. Эти процессы получили название механизмов защиты психики. Именно механизмы защиты личности обуславливают социально одобряемое поведение субъекта, хотя, естественно, приводят к незначительным конфликтным моментам, которые определяют несколько пониженное положительное восприятие человека окружающими.

Для серийных убийц в целом не характерны малозначительные конфликты, что и приводит к формированию у окружающих мнения об идеальном супруге, замечательном отце, прекрасном соседе. Так как мы не находим в обыденной жизни серийных преступников последствий проявления механизмов защиты, то мы вправе предположить, что сброс энергии бессознательного происходит у серийных преступников совершенно иным образом, чем у иных людей. Логичным представляется предположение о том, что описанный выброс энергии происходит непосредственно в момент совершения преступлений. Другими словами, психика серийного убийцы ориентирована не на постепенный вывод бессознательной энергии, а на разовый ситуационный выброс. Именно поэтому подавляющее большинство серийных убийц не могут вспомнить свое состояние в момент совершения убийства. Представляется, что указанный выброс бессознательной энергии не является аналогом механизмов защиты психики у обычных людей, так как последние уменьшают выход инстинктов до социально допустимого уровня, в случае же с серийными преступниками социально допустимых пределов не существует.

Таким образом, эволюционный феномен (феномен «маски нормальности») серийного убийцы объясняется тем, что особенности его психики позволяют сбросить весь груз бессознательного напряжения в одномоментном акте, что приводит к исчезновению предпосылок действия механизмов защиты психики. Серийный убийца не притворяется нормальным человеком; после совершения преступления, лишенный груза инстинктов, он временно представляет собой образец психически сбалансированного человека. Самоактуализация в процессе убийства в данном случае есть форма балансировки психики, а под «маской нормальности» серийного преступника выступает состояние психической стабильности, возникающее вследствие одномоментного выброса бессознательной энергии. Рассмотренный механизм психологической регуляции обеспечивает серийному преступнику состояние психологического комфорта, поэтому, добиваясь его, серийный преступник будет совершать преступления вновь и вновь.

Наличие оригинальных психологических механизмов, вероятно, характерно и для иных групп преступников с доминантой индивидуально-психологического фактора, но данная тема еще ждет своих исследователей.

К рассматриваемой теории примыкает одноименная теория, популярная среди зарубежных исследователей. В рамках данной теории ввиду различных причин в сознании серийных преступников четко просматривается идея, что они «развились на более высокую ступень по сравнению с остальным человечеством, потому что они не только признают необходимость в устранении более слабой части общества, но и обладают силой, мужеством и храбростью, чтобы осуществить такой акт» (Kurtz Ch.J., Hunter R.D., 2004). Осознание себя своеобразными спартакцами-аристократами, долг которых заключается в периодическом прореживании илотов-обывателей, предопределяет крайне специфическую жизненную философию преступника, уникальную даже среди представителей криминального мира. Одной из особенностей рассматриваемого мировосприятия является формирование такого личностного свойства, как патологическая лживость. Так, «в то время как

большинство серийных убийц не заслуживают доверия и часто лгут относительно их преступлений... эволюционный тип серийного хищника лжет о каждом аспекте своей жизни» (Kurtz Ch.J., Hunter R.D., 2004).

Теоретическая состоятельность и ценность. Высокая теоретическая ценность предопределена уникальностью подхода, в основе которого лежит психологическое знание. Само понимание серийного преступника как уникального образования приводит к уверенности, что обычными психическими механизмами его поведение объяснено быть не может. Человеку в здравом уме не понять логику, которой руководствуется лицо с шизоидальным расстройством психики. Так и при исследовании серийных преступников необходимо понимать системообразующие элементы их мировосприятия.

Сильные стороны теории – исчерпываемость объяснения, естественная логичность, однозначность.

Слабые стороны теории проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективно ограниченной группы серийных преступников. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность действия механизмов неосознанной психической защиты в прикладных правовых исследованиях.

Современное состояние и перспективы развития – на уровне постановки научной проблемы, со значительными перспективами развития.

Без сомнения, рассуждение о факторах, детерминирующих преступное поведение, несколько нетрадиционно, однако вероятно, что сказанное будет еще одним штрихом, раскрывающим секреты предельно сложного феномена – преступного поведения.

Роль психологических предпосылок в преступном поведении несовершеннолетних

При исследовании личности несовершеннолетнего вообще и несовершеннолетнего преступника в частности исследователи

впадают в две крайности. Первая – склонность воспринимать несовершеннолетнего как что-то достаточно уникальное, отличное от взрослого лица. Вторая – склонность в значительной степени отождествлять взрослого и несовершеннолетнего. Проблемной является правота и первых и вторых, но современная психологическая наука даже не признает наличия момента, когда правота одних сменяется правотой вторых.

Дополнительной проблемой исследования несовершеннолетних преступников выступает явная недостаточность методологического обеспечения этих исследований. Дело в том, что подавляющее большинство тестовых и анкетных методик ориентировано на более старшую аудиторию.

Личность несовершеннолетнего характеризуется рядом выраженных психологических особенностей.

Повышенная внушаемость. Несовершеннолетние сильно зависимы от внешних факторов – социальных, культурных, информационных. Самостоятельность суждений крайне гетеростатична и, как показывает практика, свойственна далеко не всем взрослым лицам, неважно, политики они, ученые или полицейские. Однако для психики несовершеннолетних гомеостаз и гетеростаз – это не предопределенность. По своей природе несовершеннолетние склонны к гетеростазу, если, конечно, внешние факторы не нивелируют эту склонность.

Инфантилизм (от лат. *infantilis* «детский») применительно к несовершеннолетним – это наличие в поведении лица черт, присущих предшествующим возрастным этапам, проистекающее из незрелости в развитии. А.Е. Личко выделял следующие типы инфантилизма:

1. Психофизический (гармоничный) инфантилизм. Носит внутренний генезис. Выражается в задержке полового развития, эмоциональной лабильности (подвижности), увлечениях, не соответствующих возрасту. Уровень интеллекта в подростковом возрасте обычно несколько снижен.

2. Дисгармонический инфантилизм. Носит внутренний генезис. Чаще наблюдается при соматической непропорциональности,

например у высоких астеников. Мышление обстоятельное, тяжеловесное, инертное и т.д.

3. Психический инфантилизм. Носит внешний генезис. Характеризуется нарушениями в эмоционально-волевой и морально-этической сферах. Интеллект находится на уровне низкой нормы. Низкая успеваемость в школе, часто наблюдаемая у этих подростков, обусловлена поведенческими расстройствами. Наблюдаются повышенная внушаемость и потребность в зависимости. Знание морально-этических норм формально. В стрессовых ситуациях мотивация сиюминутна. Чаще всего сосуществует с истероидным типом акцентуации характера.

4. Соматогенный инфантилизм. Носит внешний генезис. Наблюдается при длительных астенизирующих, истощающих заболеваниях или массивных интоксикациях. Истощаемость в интеллектуальных процессах и повышенная утомляемость в быту.

5. Инфантилизм вследствие неправильного воспитания, педагогической запущенности. Носит внешний генезис. Легче всего корректируется.

Необходимо помнить, что инфантилизм с внутренним генезисом проявляется только в сочетании с иными факторами. «Даже вполне нормальное биологическое развитие само по себе еще не делает человека мужчиной или женщиной в социально-психологическом и личностном смысле. Для этого биологические характеристики должны быть дополнены чувством и сознанием половой принадлежности, связанной с системой половых ролей» (Кон И.С., 1975).

Основные черты, присущие лицу с выраженным инфантилизмом:

1. В поведенческой сфере: эгоцентризм, избегание решения проблем, нестабильность отношений с окружающими, преимущественно однотипный способ реагирования на фрустрацию и трудности, неуверенность в себе, высокий уровень претензий при отсутствии критической оценки своих возможностей, склонность к обвинениям.

2. В аффективной сфере: эмоциональная лабильность, низкая фрустрационная толерантность и быстрое возникновение тревоги

и депрессии, сниженная или нестабильная самооценка, появление социофобий, агрессивность.

3. Искажения мотивационно-потребностной сферы: блокировка потребности в защищенности, самоутверждении, принадлежности, временной перспективы.

4. Наличие когнитивных искажений, усиливающих дисгармонию личности, «аффективная логика»: формирование выводов при отсутствии свидетельства в их поддержку, например «я – неудачник» или «я – супермен»; построение заключения, основанного на деталях, вырванных из контекста: «меня в школе никто не любит, так как я плохо учусь»; построение глобального вывода, основанного на одном изолированном факте; «все или ничего», «мир или черный, или цветной»; – ориентация в жизни на слишком жесткие нормы и требования, нетерпимость и нетерпеливость, не позволяющие отношениям личности обрести устойчивость; «эта реплика не случайна, она относится ко мне» (Кулаков С.А., 1996).

Амбивалентная социализация. Стремление одновременно высвободиться из-под опеки, контроля, покровительства старших по возрасту (реакция эмансипации) и такое же не критическое стремление интегрироваться в среду ровесников (реакция группирования со сверстниками). Реакция ухода в хобби есть разновидность такой социализации, содержательно характеризующаяся попыткой найти референтную группу со схожими интересами. Это же касается и склонности к информативно-коммуникативным увлечениям, проявляющимся в жажде получения новой легкой информации, не требующей никакой критической интеллектуальной переработки. Последняя стала предельно распространенной в силу развития информационно-коммуникативных технологий.

Высокая интенсивность познавательных процессов и, как следствие, повышенная интеллектуальная продуктивность. К сожалению, такая продуктивность сосуществует с очень небольшим по объему опытом и нередко невысокой интеллектуальной активностью.

Предельная локальная не критичность. Выражается в склонности к поклонению кумирам. Выступает компенсационной к склонности к повышенной критичности.

Компенсация и гиперкомпенсация. Стремление преодолеть свои недостатки. В случае с компенсацией слабость личности в одной сфере нейтрализуется успехами в другой. В случае с гиперкомпенсацией слабость личности в одной сфере корректируется развитием в этой сфере и, следовательно, преодолением этой слабости.

Неэффективные модели семейного воспитания. Некоторые исследователи как социальный фактор воспринимают неправильную модель воспитания лица. Однако подобная модель не предназначена для передачи социального опыта, а, скорее, ориентирована на закрепление негативной реакции и психопатизацию личности, т.е. возврат к слабоконтролируемому поведению, вытекающему из биологически predetermined характеристик личности. К числу неправильных моделей воспитания можно отнести следующие:

– кумир семьи – ребенка чрезмерно обожают, культивируют чувство исключительности, освобождают от всех тягот, исполняют любые прихоти;

– гиперопека – родители уделяют ребенку чрезмерное внимание, желают создать вундеркинда, подавляют самостоятельность, диктуют каждый шаг;

– гипоопека – недостаточность внимания ребенку, здесь сказывается влияние улицы;

– безнадзорность – более высокая степень гипоопеки, воспитанием никто не занимается;

– «золушка» – ребенок лишен ласки, внимания со стороны старших, его унижают, перегружают работой, противопоставляют другим детям;

– «ежовые рукавицы» – систематическая угроза избиения ребенка, диктаторские отношения, отсутствие ласки.

Взаимосвязь методов воспитания и склонности к криминальному поведению у несовершеннолетних неоднозначна.

В табл. 2 показана частотность различных методов воспитания. Очевидно, методы словесного убеждения, материального стимулирования (отказ в покупке вещей, предметов), предоставление полной свободы деятельности были характерны как для законопослушных, так и для законопослушных подростков, следовательно,

но, они не могут быть признанными криминогенными. Этого нельзя сказать и о таких методах воспитания, как запрет общаться с друзьями выходить на улицу. Влияние физическое наказания значительно не предопределяет склонность к преступному поведению, так как в воспитании законопослушных и законопослушных граждан встречается почти одинаково.

Таблица 2

Частотность методов семейного воспитания*

Методы воспитания	Юноши	Девушки	Контрольная группа
Физическое наказание	30,8	41,4	16,5
Словесные убеждения	80,8	66,7	83,4
Предоставление полной свободы деятельности	9,6	16,2	1,3
Запрещение общаться с друзьями	38,5	26,3	3,8
Запрещение выходить на улицу	17,3	17,5	4,7
Материальное стимулирование поведения (отказ в покупке вещей, предметов)	5,8	13,1	3,9

* См.: Ильяшенко А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). М. : ВНИИ МВД России, 2001. С. 33.

Оценка факторов семейного неблагополучия также не всегда совпадает со стереотипной для обывателя (табл. 3).

Таблица 3

Факторы семейного неблагополучия*

Факторы семейного неблагополучия	Юноши	Девушки	Контрольная группа
<i>Отец</i>			
Ранее судим	19,2	26,9	1,7
Злоупотребляет спиртными напитками	19,6	27,6	15,9
Лишен родительских прав	2,7	5,6	1,3
<i>Мать</i>			
Злоупотребляет спиртными напитками	9,6	24,1	0,5
Ограничена в дееспособности	3,1	2,3	0,4
<i>Имеют судимости</i>			
Брат	15,9	17,3	2,6
Сестра	1,9	7,9	1,7
Бабушка или дедушка	7,2	9,5	3,4

* См.: Ильяшенко А.Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). М. : ВНИИ МВД России, 2001. С. 28.

Как видно из табл. 3, незначительны корреляции между преступным поведением и такими факторами, как злоупотребление отцом спиртными напитками, лишение отца родительских прав, наличие судимости у сестры, бабушки или дедушки.

Так же как и с типологиями взрослых преступников, при типологии преступников несовершеннолетних необходимо ориентироваться хотя бы на условную измеряемость типологических характеристик. Например типология, в которой выделяются такие типы несовершеннолетних преступников, как инициаторы, подверженные власти примитивных потребностей, неустойчивые, безвольные, аффективные, не обладает этим свойством.

Говоря о психологических аспектах преступного поведения несовершеннолетних, необходимо знать следующее:

- среди несовершеннолетних преступников доля лиц мужского пола достигает 90–95%;

- преступления несовершеннолетних носят преимущественно групповой характер;

- противоправные действия несовершеннолетних в основном проистекают не из желания достигнуть криминальной цели, а, скорее, ситуативны и зачастую предопределены индивидуально-психологическими особенностями;

- большинство несовершеннолетних преступников обладают устойчивыми асоциальными установками и привычками;

- диапазон совершаемых несовершеннолетними преступлений более узок;

- личность преступника, как правило, демонстрирует проблемы развития (интеллектуальные, волевые, мировоззренческие).

Типологические модели личности преступника конца XIX – середины XX в.

Типовое моделирование в отношении личности преступника стало актуальным, когда пришло понимание, что на уровне философском преступность познать невозможно.

Создатели позитивистской школы уголовного права психиатр Ч. Ломброзо и криминолог Э. Ферри различали пять типов пре-

ступников: прирожденные; преступники вследствие безумия; преступники из страсти; случайные; привычные. Современная социологическая школа, возникшая как реакция на учение Ч. Ломброзо, сохранила в основном ту же классификацию, исключив из нее лишь прирожденного преступника. Среди последователей З. Фрейда в современной криминологии привлекает к себе внимание Р. Санфорд, который различает три категории преступников в зависимости от соотношения у них самосознания, нравственности и бессознательных деструктивных влечений. Р. Санфорд выделял:

– десоциальных преступников (слабое «Я» и инфантильное «Сверх-Я», которые не в состоянии контролировать примитивные деструктивные влечения «Оно» к насилию или иной агрессии);

– антисоциальных преступников (сильное «Я», слабое «Оно» и слабое «Сверх-Я» обуславливают эгоцентризм личности и корыстную направленность совершаемых преступлений);

– асоциальных преступников (слабое «Я» и «Сверх-Я», но достаточно агрессивное «Оно»).

Другой представитель неофрейдизма, Э. Фромм, полагая, что человек существует, во-первых, в силу производства и потребления им вещей (процесс ассимиляции) и, во-вторых, в силу установления отношений с другими людьми (процесс социализации), различал два типа ориентации – продуктивную и непродуктивную. Продуктивность – это способность и желание человека реализовать заложенные в нем силы и возможности для творчества, любви и добра. Непродуктивная ориентация сводится к стремлению не давать, а брать, не любить, а быть любимым, не производить, а накапливать ценности, произведенные другими.

Преступники, по Э. Фромму, – это лица, повинные в преступной деятельности. Типы характеров лиц с непродуктивной ориентацией в процессе их ассимиляционной и социализирующей деятельности делятся на получающий и мазохистский, берущий с садистскими наклонностями, накопительский с деструктивными наклонностями, обменивающий с выраженным эгоцентризмом и равнодушием к другим людям.

Одной из психологических классификаций личности преступников является типология А.Ф. Лазурского, в основании которой лежат природные психологические возможности и особенности социальной приспособленности личности к действительности. Собственно криминальный тип (извращенный тип низшего уровня) А.Ф. Лазурский делил на ряд типов.

1. Пассивный тип, имеющий два подтипа: а) апатичный, характеризующийся отсутствием ярко выраженных интересов и потребностей, равнодушным отношением к окружающей действительности; б) безвольно-робкий, легко внушаемый, с преобладанием подавленного настроения. Такие люди не относятся к криминальному типу, но могут служить источником пополнения преступного мира.

2. Расчетливо-эгоистический тип, характеризующийся хитростью, черствостью и злопамятностью, заботой о своих выгодах и интересах, преимущественно материальных; этот тип близок к криминальному, ибо его представители легко, без понуждений со стороны, сознательно становятся на путь преступлений.

3. Аффективно-извращенный криминальный тип, представители которого – беспорядочно веселые, легкомысленные люди, пропойцы, драчуны, скандалисты, мелкие воришки.

4. Активно-извращенный криминальный тип, включающий два подтипа: а) беспорядочный насильник, характеризующийся решительностью, энергией, склонного к дракам, не любящий работать; б) сосредоточенно-жесткий, способный на самые жестокие зверства и убийства (Лазурский А.Ф., 1921).

Интересную попытку классифицировать личности преступников предпринял в 1920-х гг. С.В. Познышев. Исходя из соотношения личностных особенностей и внешних обстоятельств, обусловивших совершение преступления, он делил преступников на два основных типа: эндогенных и экзогенных.

Эндогенные преступники – это лица, предрасположенные к известным видам преступной деятельности: они сами ищут условия для реализации своего преступного замысла. Основной признак профессионального преступника – склонность к удовлетворению

своих потребностей посредством данного преступления, образующая как бы установку его личности на определенное преступление. Эндогенные преступники делятся на три группы:

– импульсивные преступники – лица, испытывающие чувство удовольствия от самого процесса совершения общественно опасных деяний;

– эмоциональные преступники – лица, совершающие преступления главным образом для удовлетворения внезапно возникшего аффекта, не умеющие и не желающие управлять своим поведением;

– расчетливо-рассудочные преступники, которых толкает на преступление не порыв чувства, а представление известной связи совершаемого преступления с их общей целью.

Экзогенные преступники – это лица, совершившие преступления вопреки своим расчетам и ожиданиям. Обстоятельства так резко и быстро изменились и дали такой толчок к преступлению, что под их давлением человек не устоял. Это люди, потерпевшие крушение в жизненных бурях, вставшие на преступный путь под давлением обстоятельств, хотя и не столь тяжелых, но все-таки превышавших обычные жизненные затруднения. Они прожили бы всю жизнь, не сталкиваясь с уголовным судом и законом, если бы не попали в данное положение. Экзогенных преступников С.В. Познышев делил на две группы:

– преступники, которые с достаточной ясностью не увидели иных, не преступных выходов из своего положения;

– преступники, видевшие социально приемлемый, не преступный выход из создавшегося положения, но не обладавшие достаточной энергией, чтобы своевременно его использовать.

Из приведенных классификаций видно, что авторы рассмотренных типологий тяготели либо к социологическому подходу с его явно недостаточной конкретностью в объяснениях поведения отдельных лиц, либо к конкретным концепциям, отдельным психологическим теориям, которые рассматривают преступное поведение как частный пример поведения обычного человека.

Использование современных типологических моделей при изучении личности преступника

В истории изучения личности преступника можно выделить достаточное количество типологий преступных типов, наиболее ценными из которых выступают типологии на основе исследований типологических закономерностей, проведенных К.Г. Юнгом и К. Леонгардом.

Названные классификации радикально отличаются от классификаций, в которых выделяются степени криминальности (вроде деления на всегда криминальный, иногда криминальный и некриминальный). Любое деление должно иметь хотя бы условно четкие границы, а в классификации по приведенному типу эти границы фактически не прослеживаются.

Недопустима в психологических исследованиях и типология по направленности мотивационной сферы, делящая преступников на насильственных, корыстных и корыстно-насильственных. Этому есть две причины: во-первых, невозможно провести даже условные границы между группами; во-вторых, само по себе абсурдно выделение типа «и то и другое» (корыстно-насильственные преступники).

Актуальность исследования преступного поведения во взаимосвязи с неклиническими (непатологическими) психическими аномалиями (расстройствами психической деятельности, не достигшими психотического уровня, но предопределяющими отклоняющееся поведение) сейчас общепризнана. Рассматриваемые аномалии предопределяют более обостренные формы реагирования на криминальную ситуацию. Наиболее исследованными неклиническими формами психических аномалий выступают личностные особенности, близкие к психопатиям.

Согласимся с позицией Ю.М. Антоныяна и В.В. Гульдана о нецелесообразности сводить объяснение противоправного поведения только к фактору психопатизации личности. Однако понимание ее значимости – залог эффективного исследования преступного поведения. Традиционно исследователи останавливаются на одной

из трех основных групп, проявляющих психопатические расстройства: по аффективному, истероидному и тормозному типу.

Психопатизированные лица аффективного типа. Расстройства аффективного характера отличаются такими свойствами, как вспыльчивость, раздражительность, импульсивность, склонность к накоплению отрицательных переживаний, слабо контролируемая разрядка.

Психопатизированные лица истероидного типа. Расстройства истероидного характера отличаются такими свойствами, как эгоцентризм, демонстративное поведение, эмоциональная неустойчивость, повышенная обидчивость, вспыльчивость.

Психопатизированные лица тормозного типа (объединяет астенических, психастенических и шизоидных психопатов). Расстройства астенического характера отличаются такими свойствами, как повышенная утомляемость, чрезмерная чувствительность, обостренная впечатлительность, неуверенность в себе, ощущение собственной неполноценности, аутоагрессия.

Типологические особенности акцентуированной личности как близкой к личности психопатической отражаются в особенностях мотивации преступного поведения.

Конечно, преступных мотивов не бывает. «Мальчик для развлечения читает поучительную книгу, – рассуждает Иеремий Бентам, – мотив считается, вероятно, хорошим и во всяком случае не считается дурным. Он спускает свой волчок: мотив опять не считается дурным. Он выпускает в толпу людей бешеного быка: его мотив назовут, вероятно, ужасным. Однако во всех трех случаях мотив может быть один и тот же: это не что иное, как любопытство» (Бентам И., 1867).

У каждого представителя конкретного психологического типа существуют типовые (энергоэкономные) модели поведения. Конечно, теоретически эти модели не являются ни исчерпывающими, ни неизменными, ни однозначно запрограммированными. Типовая модель актуальна либо для малозначимой деятельности в обыденной ситуации, либо для значимой в ситуации стресса. Не надо доказывать, что криминальное событие – всегда стрессовое событие

для его участников. Неудивительно, что типологические модели поведения в криминальных событиях отображаются намного чаще, чем модели творчески-ситуативные. Каждый тип в стрессовой ситуации склонен руководствоваться разными мотивационными шаблонами, представляющими содержание его типологических особенностей.

Эпилептоид. В качестве мотиваторов преступного поведения могут выступать сиюминутные потребности, сильные эмоциональные переживания. Поведение данного психотипа весьма импульсивно и иррационально. Наиболее часто склонен к аффекту в уголовно-правовом понимании. Склонен к преступному поведению в группе. Часто выступает лидером преступной группы. Выраженная мотивация самоутверждения.

Конформный. Преступное поведение часто мотивировано наличием страха возникновения более опасных последствий. Преступные действия могут обуславливаться угрозой по отношению к самому человеку или его близким. Склонен к преступному поведению в группе. Является выраженной ведомой фигурой в группе. Выраженная защитная мотивация.

Застревающий. В качестве основных мотивов преступного поведения для лиц с таким психотипом могут рассматриваться страх, желание «отплатить той же монетой» за обиду. Также для лиц с застревающим психотипом характерной является ориентация на сиюминутные чувства и потребности. Склонен к преступному поведению в группе.

Параноид. В основе преступного поведения часто лежат сверхценные идеи, выраженные в том числе направленностью интересов группы. Мотивом поведения может выступать желание получить что-либо, но само желание основывается на рациональном расчете, а не на эмоциях. Склонен к преступному поведению в группе.

Истероид. Ведущим мотивом выступает потребность выделиться, показать собственную значимость и самоутвердиться. Склонен демонстрировать свою власть над более слабыми. Склонен к преступному поведению в группе. Выраженная игровая мотивация.

Сензитив. Мотивом преступлений лиц данного психотипа может выступать желание получить новые эмоции. Часто преступное поведение происходит в рамках реакции гиперкомпенсации. Выраженная замещающая мотивация.

Циклоид. Не склонен к преступному поведению в группе. В тех случаях, когда все-таки входит в преступную группу, часто выступает неформальным лидером такой группы. Выраженная игровая мотивация.

Шизоид. Не склонен к преступному поведению в группе. Выраженная замещающая мотивация. В тех случаях, когда все-таки входит в преступную группу, часто выступает ее неформальным лидером.

Гипертим. Ориентируется на мотивы самоутверждения, а также явно выраженные корыстные мотивы. Возникновение мотива внезапное, последствия действий не анализируются. Склонен к преступному поведению в группе. Выраженная игровая мотивация.

Гипотим. Мотивирован на преступное поведение как ведомый, под воздействием лица, которому доверяет. Возможными мотивами могут выступать мотивы совместной деятельности, мотивы дружбы. Склонен к преступному поведению в группе. Выраженная защитная мотивация.

Природа малой группы и социально-психологический механизм ее сплочения

Феномен группы в правовой психологии вообще и в криминальной психологии в частности – один из ключевых. Это обусловлено тем, что малая группа является микросредой, в которой живет и действует личность, группа – это фактор, влияющий на проявление личностных особенностей. Не случайно групповые преступления имеют большую общественную опасность по сравнению с индивидуальными, так как в условиях группы психологически облегчается совершение преступления. Для понимания феномена группового взаимодействия необходимо понять психологические механизмы сплочения малых групп.

Человеческое существо требует к себе более пристального внимания, чем то, которое ему может оказать общество. В наиболее остром виде данная проблема возникает тогда, когда несовершеннолетний вступает в такой возрастной период, когда взрослые начинают диктовать и вместо «хочу» появляется грозное «надо». Ребенок теряет чувство уверенности в своей ценности, и ему необходимо приобщение к какой-либо группе.

Ребенок растет, и возникает конфликт поколений, когда у одной стороны при малом количестве опыта имеется значительное количество актуальных для подросткового человека потребностей, а у другой стороны нет желания / возможности их удовлетворять. Следовательно, в переходном возрасте подросток «уходит» из семьи, он ищет другую нишу, которая могла бы его защитить, у него появляются друзья, определенная точка зрения. Пребывая в детском возрасте, юноша или девушка находят подобную модель существования идеальной.

Человеческие общности обычно сопутствуют существованию человеческой личности на всем протяжении ее жизни. Наиболее сильное влияние на личность оказывают малые группы.

Выделяют три вида общения, доминирование которых часто определяет природную направленность малой группы:

1. Личностное (характеризуется диспозитивностью, равенством субъектов). Ролевое поведение при личном общении в группе характеризуется тем, что оно незначительно отличается от истинного.

2. Формальное (четкое определение прав и обязанностей участников) – не характерно для малых групп.

3. Ролевое.

Понятие «малая группа» в психологических науках не тождественно понятию «группа» в науках юридических. Преступная группа – это разновидность малой группы, и при ее описании целесообразно обращать внимание на характеристики, традиционно изучаемые в социальной психологии. Неидентичность понимания природы структуры малой группы напрямую отражается в психологическом понимании структуры малой группы.

Численный состав. Малая группа эффективно реализует потенциал ожидания ее участников, если количественный состав группы не является стрессовым фактором. В социальной психологии существует дискуссия, какое число считать минимально допустимым для эффективного существования малой группы.

В попытке принять общее решение в процессе общения двоих лиц одна из сторон всегда (осознанно или неосознанно) будет пытаться манипулировать другой, поэтому эффективного группового взаимодействия двоих не произойдет. Третий член группы – это всегда возможность принятия компромиссного решения, направленного на психологический комфорт не одного из ее участников, а всех. Таким образом, нижний порог количества членов малой группы определяется тремя ее участниками.

Различные исследователи называют различную величину максимально возможного количества членов малой группы, как правило, от 5 до 40. Большинство современных исследователей ориентируются на оптимальные семь членов группы как максимальное количество ее участников. Миллеровская семерка – это количество объектов, которые человек способен воспринимать без излишнего перенапряжения ресурсов психики, бытовой уровень комфортного восприятия. Экспериментально установлено, что в группах с численным составом более семи человек высок уровень критического отношения членов группы друг к другу.

Наличие общих интересов, которые при достаточном развитии личности в группе могут предопределить возникновение общих целей.

Фактор непосредственного общения. Общение в малой группе происходит на личностном уровне. Данный уровень предполагает существование достаточно высокой степени доверия. Известно, что коммуникативные процессы включают в себя вербальную и невербальную составляющие. Вербальное общение преследует цель передачи информации во всем спектре ее смыслового диапазона и эмоциональной составляющей. Невербальное общение

в рамках действия такого неосознаваемого механизма психической защиты, как проекция, ориентировано на уменьшение психического напряжения за счет передачи истинной информации неявным способом. Невербальное общение восстанавливает психический гомеостаз за счет своей «правдивости», но не осложняет социальные связи в силу значительной «закодированности» передаваемой информации.

В силу сказанного общение в малой группе должно обладать признаком непосредственности, так как опосредованные способы связи (письма, телефон, Интернет) не могут передавать информацию на невербальном уровне, что способствует формированию у «общающихся» чувства неосознанного недоверия к воспринимаемой информации.

Наличие ролевой организации в группе. Уверенность членов группы в своей защите дает понимание того, что участники этой группы реализуют себя наиболее эффективным образом. Психотипологическая, культурно-ролевая и индивидуальная особенности каждого члена малой группы предопределяют выполнение им относительно уникальной групповой роли; о таких ролях поговорим чуть позже.

Человек неосознанно предполагает, что его ценностная характеристика может быть невысокой. Ему необходимо избавиться от неуверенности, поэтому желание быть в малой группе – это своего рода социальный инстинкт. Вступая в группу, мы как бы соглашаемся играть определенную роль в обмен на возможность в этой малой группе функционировать. Обязательным условием существования малой группы, таким образом, становится наличие иерархии групповых ролей. Каждый представитель группы, реализуя себя в рамках отдельной роли, уверен в своей полезности для группы, а следовательно, в своем праве в ней находиться. Приняв на себя определенную роль, он монолитно вписывается в группу.

Помимо понятия малой группы необходимо уяснить содержание понятий «группировка», «коллектив» и «общество».

Наиболее близким к понятию малой группы является понятие группировки, в которой не имеется ограничений по численному составу. Группировка может иметь абстрактную цель и разрабатывать средства к достижению этой цели; она может включать личностное общение, а может и не включать; по своей природе группировка кратковременна. Таким образом, для группировки значим фактор цели, при этом может отсутствовать любой из остальных признаков, присущих малой группе.

Коллектив создается под реализацию конкретных задач, поэтому традиционно включает в себя один-два признака, характеризующих малую группу. Коллектив – образование не столько психологическое, сколько ситуационное и выражено функционально.

Общество в психологическом аспекте – понятие расплывчатое и крайне аморфное. Как правило, человек ориентируется не на общественные установки, а на установки малых групп, в которых он преимущественно существует. Хотя последнее положение, конечно, отвергалось советской наукой, постулирующей общество как основную движущую силу в процессе социализации.

Повторимся: понятия «группировка», «коллектив» и «общество» не являются в чистом виде психологическими образованиями, поэтому исследовать их посредством использования психологических приемов достаточно нецелесообразно.

С учетом сказанного исследователи, которые пытаются измерить психологическим инструментарием такую непсихологическую формацию, как, например, организованная преступная группировка, крайне рискуют запутаться и выйти на уровень исследования, не предполагающего научной конкретики. Еще раз повторимся: говорить о бандах, ОПГ, мафии как психологических феноменах нецелесообразно.

Отметим также, что с точки зрения целесообразности использования психологических приемов, вероятно, не вполне целесообразно изучать криминальные группы, выделенные на основе таких

признаков, как пол, этническая принадлежность и территориальная принадлежность. Без сомнения, эти данные о членах группы важны, но важны в плане криминологическом и криминалистическом, так как современный уровень развития знаний о человеке недостаточен для формулировки конкретных выводов и рекомендаций, проистекающих из знания о половых, этнических и территориальных особенностях членов группы.

Существует мнение, что простые криминальные группы малочисленны, не имеют сложной структуры, поэтому можно согласиться с утверждением, что это «относительно примитивная форма объединения преступников», однако в рамках психологического исследования именно эти группы поддаются наиболее объективному исследованию.

Одной из особенностей криминальных малых групп выступает их повышенная конфликтность. Типовыми групповыми конфликтами, характерными для криминальных малых групп, выступают конфликты:

- между организатором и всей группой;
- между главарем и оппозиционерами;
- между старыми и новыми членами группы;
- между членами группы, решившими прекратить преступную деятельность, и всей группой;
- между соучастниками, выполняющими различные функциональные роли в осуществлении преступлений;
- между членами группы в их стремлении к более высокому статусу;
- на почве личных неприязненных отношений;
- на почве несоблюдения некоторыми членами группы установленных норм поведения;
- возникающие в связи с наличием в группе конфликтных, психопатических личностей (Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В., 2002).

Знание типовых конфликтов в рассматриваемых группах позволит эффективнее взаимодействовать с ними.

Структура преступной группы. Групповые роли и их иерархия

Наиболее распространенные криминальные группы малочисленны и не имеют сложной структуры, являясь относительно примитивной формой объединения преступников (Шиханцов Г.Г., 1998). Однако по своей природе именно эти группы близки к малым группам, имеют психологическую природу и отличаются выраженными психологическими механизмами сплочения.

Организованные преступные группы, являясь многочисленным преступным сообществом и объединяя в своих рядах десятков и более лиц, занимающихся преступной деятельностью, малой группой с психологической точки зрения не являются. Для них характерны такие свойства, как иерархическая структура, ролевая дифференциация. Организованные преступные группы – это своеобразные целевые коллективы, подчиненные общей криминальной установке, а не психологическим механизмам сплочения. В рассматриваемых общностях признаки малых групп появляются не в полной мере настолько, что порой даже затруднительно говорить не только о малой группе, но и о группировке.

Отметим, что на практике малую группу, группировку и коллектив наиболее часто делает схожими такой элемент, как ее организационная структура.

Исходя из особенностей организационной структуры малой группы, выделяют ее две условные разновидности:

– демократическая группа – достаточно гибко организованная группа с высоким потенциалом социальной мобильности ее членов. Схематично может быть представлена в виде эллипса, в центре которого находится лидер;

– иерархическая группа – достаточно жестко организованная группа с низким потенциалом социальной мобильности ее членов. Схематично может быть представлена в виде пирамиды, на вершине которой находится лидер.

Структура преступной группы выступает важнейшей ее характеристикой. Наибольшую стабильность группе придает структура,

включающая в себя следующие структурные уровни: уровень лидера, уровень помощников лидера, уровень функциональных фигур, уровень рядовых членов и уровень кандидатов в группу.

Лидер группы. Без сомнения, одной из важнейших фигур преступной группы является ее лидер. Существует три основные концепции лидерства.

1. Концепция харизматического (биологического) лидера. Лидер – носитель качеств на уровне, который не свойствен рядовым членам группы, за которым остальные члены группы, осознавая свою вторичность, следуют.

2. Концепция демократического (социального) лидера. Лидер – лицо, которое в полной мере обладает качествами, свойственными группе в целом. Существует проблема – в малых группах лидеры меняются; возникает вопрос: как остальные чувствуют, что это – лидер.

3. Концепция нуждающегося (психологического) лидера. Лидер – фигура, которая сдерживает группу. Как правило, чувство неосознанной неуверенности в себе настолько характерно для данного типа лидера, что он готов взвалить на себя бразды правления.

Естественно, наивно утверждать, что все эти концепции истинны одновременно, так как они противоречат друг другу. Более правильным является понимание существования трех типов лидеров, различающихся по природе лидерских потребностей, характерных для отдельных групп. Неудивительно, что в преступных малых группах, как показывают исследования, доминирует тип биологического лидера.

Помимо основной психологической направленности, лидеры могут быть классифицированы по функциональному признаку. Так, выделяют три вида лидеров.

Лидер-организатор – это носитель наиболее ярко выраженного аналитического начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к стратегическому планированию. Его основная функция – подать идею, которая соответствует времени, возможностям группы, разработать долгосрочный план реализации этой

идеи, несколько отстранившись от оперативного управления группой. Данный тип лидера достаточно редко встречается среди синеворотничковых преступников, но нередко среди беловоротничковых.

Лидер-организатор старается держаться на расстоянии от других членов группы. Его уважают, но не любят. Он – авторитет. Это человек, который не склонен навязывать свою точку зрения. У него не бывает доверительных отношений со всеми членами группы, как правило, с двумя, тремя ее членами. С лидером-исполнителем отношения ровные, но не близкие, между ними существует уважение, а не признание.

Лидер-исполнитель – это носитель наиболее ярко выраженного деятельностного начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к тактическому планированию. Его основная функция – приспособить идею под реальную жизнь, воплотить ее, разработать оперативный план реализации этой идеи, непосредственно координируя деятельность группы. Данный тип лидера очень часто встречается среди синеворотничковых преступников и часто среди беловоротничковых. Встречается почти во всех криминальных группах.

Лидер-исполнитель – тот, кто находит идею, пути и способы для ее реализации. Внешне лидер-исполнитель общителен, но без пустозвонства, фамильярен, но со всеми членами группы по-разному; большинство его высказываний несет направленность на реализацию конкретных действий. Хорошо ориентируется в текущей обстановке.

Лидер-хранитель ценностей (лидер-вдохновитель) – это носитель наиболее ярко выраженного эмоционального начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к пониманию глубинных потребностей участников группы. Его основная функция – не участвуя непосредственно в управлении группой, психологически на эмоциональном уровне связывать ее. Данный тип лидера очень редко встречается среди синеворотничковых преступников и крайне редко среди беловоротничковых. Данный тип лидера выступает носителем коллективной морали, этики малой группы,

управляет конфликтами в ней, оптимизирует процесс творческого развития, решает конфликты между рядовыми членами группы и лидерами-организаторами и лидерами-исполнителями. В усеченном виде лидер-хранитель ценностей в криминальной группе близок к «ворам в законе», однако наиболее часто он встречается в замкнутых малых группах сектантского характера.

Лидер-хранитель ценностей внешне не производит впечатления лидера; как правило, он обладает мягким голосом, вокруг него – наибольшее скопление членов группы. В конфликты вступает либо с новыми членами группы, либо с посторонними людьми. Конфликты между членами группы блокирует достаточно жестко.

Особенности личности лидера целесообразно использовать не столько для понимания психологической атмосферы группы, сколько для моделирования действий группы в стрессовой ситуации, после преступления, после ареста первого ее члена, при определении последовательности проводимых допросов и т.д.

Возможно ли совмещение в одном лице нескольких типов лидера? В принципе, возможно, однако следует помнить, что чем менее человек специализирован, тем менее эффективна его психическая деятельность. Вспомните о механизме генерализации, обусловленном механизмами эволюционной специализации психики.

Помощники лидера. В целях повышения оперативности реагирования вовне помощниками лидера выступают лица с наиболее ярко выраженными дополнительными лидерскими свойствами. Так, если в группе лидер-исполнитель – более важная фигура, то его помощниками будут члены группы, в наибольшей степени обладающие свойствами лидера-организатора и лидера-исполнителя.

Функциональные фигуры. Члены группы, которые не претендуют на лидерство, однако желают принимать активное участие в деятельности малой группы, концентрируются на преимущественной реализации одной функции. В связи с этим выделяют фигуры «шута», «стража», «связного», «лидера оппозиции», «отверженного»:

– «Шут» – член группы, выступающий своеобразной мишенью для иных участников группы с целью понижения психического напряжения в группе.

– «Страж» – член группы, выполняющий функцию контроля стабильности психического напряжения в группе, выполнения ее внутригрупповых этических норм.

– «Связной» – член группы, который одновременно состоит в другой малой группе, с которой имеются стабильные связи. Наличие данной фигуры позволяет превысить верхний количественный предел членов группы, не повышая в ней напряженности. Как правило, выступая в одной группе связным, в другой группе это лицо является помощником лидера.

– «Лидер оппозиции» – член группы, в лице которого высмеиваются тенденции, опасные для лидера группы, чтобы не допустить раскола среди ее участников. Оппозицией в прямом смысле не является.

– «Отверженный» – член группы, за счет которого активно самоутверждаются другие члены группы. Данная фигура характерна для групп, участники которых характеризуются очень невысоким уровнем психического развития.

Только в самых низкоорганизованных или, наоборот, высокоорганизованных группах функциональные фигуры существуют в чистом виде. Рассмотренные функции могут быть совмещены одним лицом, естественно, с падением эффективности реализации функций в случае их совмещения.

Рядовые члены группы. Рядовыми членами группы считают лиц, не акцентирующих на себе внимание, от которых не требуется активного участия в жизнедеятельности малой группы.

Кандидаты в группу. Кандидатами в группу считают лиц, интегрированных в активную деятельность группы еще в меньшей степени, чем рядовые члены группы.

Основные понятия темы: преступник, врожденный преступник, 47-й кариотип, парафилии, конституциональный тип, преступная установка, гипоопека, гиперопека, виктимное поведение, группа, малая группа, группировка, коллектив, социальная роль, ролевая позиция, криминальная группа, демократическая группа, иерархическая группа, подражание, научение, лидерство, лидер, функциональная фигура.

Литература

1. Антонян Ю.М. Эминов В.Е. Портреты преступников криминологический психологический анализ. М. : Норма, Инфра-М, 2018. 249 с.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. 352 с.
3. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб. : Питер, 2004. 496 с.
4. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2010. 352 с.
5. Ломброзо Ч. Человек преступный. М. : Алгоритм, 2018. 352 с.
6. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с.
7. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. Л. : Государственное издательство, 1926. 256 с.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается разница между целевым пониманием личности преступника в криминологии и правовой психологии?
2. В чем причина доминирования социального подхода в объяснении причин преступного поведения?
3. Определите доминанту биологической, социальной и «психологической» составляющей различных видов преступной деятельности.
4. Что такое психологический инфантилизм?
5. Какова основная мотивация противоправных действий несовершеннолетних?
6. В чем заключаются преимущество и недостатки использования типологической модели «акцентуированные личности» при исследовании личности преступника?
7. Каков социально-психологический механизм сплочения людей?
8. Чем малая группа отличается от группировки и коллектива?
9. Каковы психологические факторы организации преступных групп?
10. Каковы причины выраженности функциональных фигур в криминальной группе?
11. Какова взаимосвязь между патологическими моделями воспитания и криминальным поведением?

Тема 5. Следственная психология

Психологический тип следователя и эффективность расследования

Выбор сферы профессиональной деятельности многими производится, как правило, в силу личных представлений о специфике подобной деятельности. К сожалению, личное понимание подобной специфики порой радикально отличается от реальной ситуации. Поэтому каждому человеку надо знать о психологических особенностях своей профессиональной деятельности.

В психологии труда или ее современном направлении – психологии профессий – рассматриваются вопросы профессиональной пригодности, психологической готовности к профессиональной деятельности, профессиональной адаптации, профессионального роста, профессиональных деформаций и т.д.

Профессиограмма – это психологический профиль профессии. В профессиограмме отражены те качества личности специалиста, к которым профессиональная деятельность предъявляет наиболее высокие требования, часто отмечаются и те особенности личности профессионала, которые являются противопоказанными.

Профессиональная деятельность следователя выступает типично юридической, поэтому она дает возможность выявить психологические закономерности, в той или иной мере характерные для юридической деятельности вообще.

Соответствие индивидуально-психологических характеристик личности следователя качествам, объективно необходимым для реализации его профессиональных обязанностей, предопределяет степень эффективности следственной деятельности вообще.

В профессиограмму следователя совершенно справедливо включают устойчивость личности следователя к ряду стрессовых факторов, к которым целесообразно отнести:

– объективно существующую ограниченность времени применительно как к процессу расследования в целом, так и к отдельным его этапам;

– атмосферу конфликтности, характерную для всего процесса расследования, возникающую и существующую в силу наличия радикально различающихся сценарных ожиданий участников расследования;

– дефицит исходной информации на первоначальном этапе расследования преступлений;

– объективную проблему недостаточной эффективности организации расследования, начиная от структуры правоохранительных органов и заканчивая неоднозначным статусом суда в современной России;

– экономические проблемы, связанные как с криминалистической техникой, так и с проведением ряда следственных действий;

– наличие факта профессионального риска и значительную беззащитность перед угрозой, исходящей от мира криминала;

– общую атмосферу фактической борьбы с преступностью.

В процессе составления профиограммы следователя актуально обращение к мотивационной сфере. Так, по мнению В.Л. Васильева, А.М. Бандурки, С.П. Бочаровой, Е.В. Землянкой, в мотивации следственной деятельности обычно выделяют следующие типы:

1. Адекватный тип. У лиц этого типа ценностные ориентации и связанные с ними мотивы профессиональной деятельности согласуются с реальным, общественно значимым поведением, что соответствует требованиям профессионального и этического характера, предъявляемым к личности следователя. Такой тип проявляет выраженную мотивацию «на дело», т.е. на защиту интересов и прав граждан, борьбу с преступностью и т.п., а не на какие-либо другие цели, которые не связаны непосредственно с правоохранительной деятельностью. Данная направленность, как правило, сочетается с высоким интеллектом, общей культурой, эрудицией в вопросах права, достаточно ясным представлением о будущей профессиональной деятельности, стремлением развивать у себя профессио-

нальные качества, необходимые следователю. Поведение таких людей обычно характеризуется высокой ответственностью, активностью в общественной жизни, умеренным стремлением к лидерству, целеустремленностью. Специалисты отличаются высокой эффективностью своей профессиональной деятельности.

2. Ситуативный тип мотивации. Решающее влияние на выбор профессии такими лицами оказывают факторы, характеризующие внешнюю ситуацию: материальные соображения, место жительства, внешний престиж профессии, ее романтическая притягательность. Ситуативный тип прогностически неблагоприятен, так как связан с возрастающей со временем тенденцией к разочарованию в своей специальности, неудовлетворенности ею, что, как следствие, приводит к формальному выполнению своих обязанностей (разочарование усиливается, если специалист не имеет престижного статуса, должности в рамках своей профессиональной деятельности).

3. Конформистский тип мотивации. У лиц этого типа выбор профессии происходит под влиянием субъективно высоко значимой группы, нормы которой для человека являются главным регулятором поведения. Выбор профессии осуществляется без учета особенностей собственной личности, ее действительных способностей. Выбор часто связан с желанием во что бы то ни стало получить высшее образование, что обусловлено влиянием значимого внешнего окружения. Этот тип мотивации близок ситуативному.

4. Компенсаторный тип мотивации. Лица данного типа избирают юридическую специальность как область деятельности, в которой имеется возможность преодолеть в себе слабые стороны характера (неуверенность, тревожность, мнительность, замкнутость, переживание личной несостоятельности, некоммуникабельность), низкие самооценки личности.

5. Криминальный тип мотивации. Этот тип встречается нечасто, но требует безусловного выявления. Он характеризуется неявной антисоциальной направленностью, как правило, маскируемой правильными формулировками. Такие лица стремятся использовать юридическое образование в своих целях, не соответствующих высоким требованиям, предъявляемым к облику юриста. Для них

характерны нечестность, беспринципность, склонность к авантюре, стереотипность при решении профессиональных задач, знакомство только с внешней стороной деятельности юристов.

В отечественной литературе существует достаточно спорное мнение о том, что эффективность исполнения профессиональных функций мало зависит от психотипа следователя. Вероятно, подобное утверждение вытекает из объективной кадровой недостаточности, характерной для правоохранительных органов. Если профессиограмма следователя – это комплекс необходимых свойств и качеств, то понятно, что одни психологические типы будут вписываться в профессиограмму более гармонично, чем другие.

Так, мы согласны с мнением Т. Богдана, полагающего, что холерический и меланхолический темпераменты принципиально противопоказаны для судебно-следственной работы. Однако отметим, что именно холерический тип (в его эпилептоидной вариации) сегодня наиболее широко представлен в юридических профессиях.

Особенности психотипов детерминируют достаточно жесткие границы реализации профессиональных качеств, однако своеобразная психологическая специализация, характерная для каждого психотипа, может выступить той профессиональной нишей, в которой конкретный психотип реализуется в наилучшей степени.

Следователь-гипертим – будет наиболее эффективен по делам, на первоначальном этапе расследования которых имеется минимум криминалистически значимой информации, и расследовать дело можно, преимущественно руководствуясь интуицией. Плохо проявляет себя против профессионала в своей области, так как нередко характеризуется поверхностными знаниями.

Следователь-истероид – интуитивный актер, желает быть в центре внимания, при выполнении профессиональных обязанностей, особенно текущих, склонен к лени. В максимальной степени проявит себя при расследовании уголовных дел, направленных на доследование, или «резонансных», громких дел, имеющих большой общественный резонанс и освещаемых в прессе.

Следователь-шизоид – интуитивный аналитик, косноязычный от природы. Способен к эффективному противостоянию со специ-

алистами-профессионалами, противопоставляя их знаниям свой аналитический потенциал. Эффективен при расследовании преступлений, в которых высока вероятность давления со стороны руководителей и коллег. В силу последнего незаменим при расследовании преступлений, совершенных работниками правоохранительных органов.

Следователь-эпилептоид – способен наиболее эффективно проявить себя в роли координатора следственной группы в силу собственной потребности к доминированию в межличностных отношениях. Прекрасный тактик, эффективно принимает решения, требующие радикального изменения курса расследования или принятия срочных мер тактического характера. Эффективно работает на опережение оппонента. Он старается большинство вопросов решать коллективными усилиями оперативных работников и общественности, экспертов и ревизоров. Такой следователь хорошо руководит группой, а впоследствии – следственным подразделением.

Следователь-параноид – психотип борца за идею, предполагает настойчивость в достижении поставленных целей, презрение к опасности, недопущение ложной сентиментальности. Эффективность реализации профессиональных обязанностей напрямую зависит от их соответствия сверхценной идее параноида. Негативное отношение к какой-либо разновидности преступных действий предопределяет высокую самоотдачу и эффективность расследования данной группы преступлений.

Следователь-гипотим – маловероятна эффективная реализация личностных особенностей в сфере расследования преступлений.

Следователь-циклоид – в силу нелюбви к рутине нецелесообразно поручать этому психотипу расследование ординарных, бытовых преступлений. В силу склонности к систематизации информации высока вероятность самоотдачи при расследовании преступлений, связанных с последними научными разработками или против высокоорганизованных преступных групп, практикующих жесткое разделение функций.

Этический аспект в следственной деятельности

Профессиональная этика – это область этики общей, взятой в контексте профессиональных традиций восприятия этических норм. В принципе, профессиональная этика актуальна только в сфере реализации профессиональных функций, а вне профессии человек волен не соблюдать требования норм профессиональной этики. К сожалению, подобное человеку в целом не свойственно, так как следовать долгое время двум слабо пересекающимся или антагонистическим системам правил для него противоестественно. Слияние собственной этической системы с системой норм, образующей профессиональную этику, выступает своеобразным этапом становления профессионального мастерства и одновременно является первым сигналом наступления профессиональной деформации личности. Таким образом, «естественность» профессиональной этики перестает быть темой научной морализации, а становится актуальной проблемой выявления природы и механизмов эволюции и регрессии профессионала.

Профессиональная этика характерна для двух сфер профессиональной деятельности:

- для профессий, объектом воздействия представителей которых является человек (психологи, офицеры, адвокаты, следователи);
- для профессий, радикально не вписывающихся в стандарты общей этики (палачи, политики, банкиры).

Профессиональная этика как совокупность правил поведения определенной социальной группы лиц обусловлена особенностями деятельности, корпоративными интересами, профессиональной культурой. Таким образом, мы согласны с утверждением Ф. Энгельса о том, что «каждая профессия имеет свою собственную мораль».

Какова же степень отклонения этических стандартов профессиональной этики от стандартов этики общей? Представляется, что варьирование здесь может достигать значительной степени.

Известно, что психолог в своей профессиональной деятельности должен руководствоваться рядом этических ограничений, к примеру, он «должен предварительно согласовать с заказчиком список

лиц, имеющих доступ к материалам, характеризующим испытуемого» (Этические принципы и правила работы практического психолога образования). Но ведь если психолог скрывает от окружающих информацию, которая, не будучи оглашенной, приведет к моральным терзаниям и психологическим травмам третьего лица, его молчание с точки зрения общей этики может пониматься только как соучастие. Таким образом, этикой незнакомого пожертвовано в угоду этике знакомого. И это, вероятно, правильно.

Для офицера считается этически обоснованным в ситуации необходимости тактического отступления выделить отряд прикрытия, шансы на выживание которого минимальны. С позиции общей этики выбор офицером из группы людей лиц, менее достойных выживания по сравнению с остальными, однозначно аморален. Учитывая же, что офицер не имеет какого-либо объективного критерия выделения рассматриваемых лиц и при этом действует в условиях ограниченного времени, выбор будущих жертв отступления предельно субъективен. Обречь конкретных людей на смерть, да к тому же с высокой степенью вероятности субъективности выбора – это предельно неэтичное решение в рамках общей этики. В рамках же военной этики это не просто допустимое, но и максимально состоятельное решение. Этикой индивида пожертвовано в угоду этике группы. И это оправданно.

Для защитника считается этичным, зная о виновности своего клиента, вводить в заблуждение участников расследования и судебного заседания, оказывать психологическое воздействие на потерпевшего. Действительно, весьма спорное поведение защитника объявляется нередко крайне желательным. Каково восприятие защитника потерпевшим? Потерпевший видит перед собой наемного (купленного) представителя виновной стороны, который мало того, что мешает достижению справедливости в общеэтическом плане, но к тому же пытается продемонстрировать вину (фрагментарную или полную) самого потерпевшего. Потерпевший точно знает, что преступление было, что преступник перед ним, он мнит судебное заседание фарсом и не способен вписать наблюдаемую картину в этическую систему, свойственную всем людям.

Итак, мы имеем три формы приоритета профессиональной этики над этикой общей, допускающих возможность пожертвовать нормами общей этики в угоду интересам либо конкретного лица, либо группы лиц, либо социума. Понятно, что отклонение профессиональных норм этики от норм общеэтических невысоко в первом случае, значительно во втором и фактически не ограничено в третьем. Речь идет не о справедливости подобного отклонения, а лишь о факте его наличия.

К какой же группе относятся этические нормы, характерные для следственной этики? Вспомним, что следователь и защитник – антагонисты, устремления которых противодействовать друг другу проистекают из противоположности стоящих перед ними задач.

Должен ли защитник выполнять обвинительную функцию наравне с функцией защиты? Конечно же, нет.

Если по направленности векторов следователь и защитник выступают в качестве антагонистов, а постулируемая идея состязательности предполагает равенство в правах участников, то степень отклонения норм профессиональной этики следователя не должна отличаться от такого же отклонения норм этики адвоката от норм общей этики. Соответственно, норма о том, что непротиворечивое закону «соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката», должна коррелировать с нормой о том, что непротиворечивое закону «стремление следователя выявить обстоятельства уголовного дела является безусловным приоритетом деятельности следователя». Заявленная идея соответствует духу прагматизма, и непротиворечивость здесь ориентирована на закон, что в значительной степени ограничивает потенциал излишней морализации, так свойственной российской ментальности, в том числе и научной.

Отметим отдельно, что плохо формализуемая тактическая составная часть деятельности следователя делает невозможным создание полноценного профессионального кодекса следователя, что снова актуализирует наказ Р. Декарта: «Учитесь логически мыслить, вот основной принцип морали».

Здравое следование этическим нормам в такой стрессовой деятельности, как расследование, способно как замедлить профессио-

нальную деформацию личности, так и оптимизировать ее взаимодействие с остальными участниками расследования.

Психологическая характеристика конфликтных ситуаций в деятельности следователя

Для профессии следователя характерно преодоление сопротивления его деятельности со стороны отдельных лиц, а в некоторых случаях – и малых групп. Следователь в процессе расследования преступления часто сталкивается с пассивным или активным сопротивлением со стороны заинтересованных в неправильном исходе дела лиц. Наиболее заинтересован в этом сам преступник, который, как правило, всеми силами активно противодействует следствию. Успех расследования таит в себе угрозу жизненному благополучию виновного, что является крайне эффективным стимулом для деятельности, направленной против усилий следователя. Неудивительно, что процесс расследования в значительной степени характеризуется конфликтной природой.

Один из видных теоретиков конфликтологического знания – К. Боулдинг – попытался изложить общую теорию конфликтного взаимодействия. Исходной посылкой его концепции было признание того, что конфликтное поведение людей, их постоянная вражда с себе подобными представляют собой естественную для них форму поведения. Однако исследователь оговаривался, что интеллект и воля человека могут смягчить интенсивность конфликтного взаимодействия.

Понимание природы конфликта выступает дополнительным фактором возможности уладить конфликт в любом его специфическом проявлении. Содержательно конфликт характеризуется следующими свойствами:

- конфликт есть внутреннее, психическое состояние человека, характеризующееся острой психической напряженностью;
- конфликтное начало находит отображение на вербальном и невербальном уровнях человеческого поведения;
- конфликт является особым эмоциональным состоянием, характеризующимся преобладанием негативных эмоций. Этим при-

знаком конфликт отличается от близких к нему по форме, но иных по существу видов взаимодействия, например конкуренции.

Структура конфликта. Под структурой любого объекта понимается совокупность составляющих его элементов и отношений между ними. Рассмотрим основные элементы конфликтного взаимодействия:

– Объект конфликта в виде причины, возникающей по поводу необходимости удовлетворения конкретной потребности. Ценность, способная удовлетворить данную потребность, из-за овладения которой возникает конфликт, на первый взгляд и является его объектом. Однако необходимо понимать, что сама по себе ценность не является объектом конфликта: для конфликта значимо отношение человека к данной ценности. При этом подобное отношение, как правило, несет в себе значительное неосознаваемое напряжение в виде комплекса или страха.

– Участниками конфликта являются отдельные индивиды. Они образуют своеобразную движущую силу конфликта. Однако не стоит полагать, что выход одной из сторон из конфликта способствует прекращению последнего. Конфликт не прекратится, изменится лишь состав конфликтующих сторон. Отметим также, что конфликт возникает, только если у всех его участников наблюдается потребность в психической разгрузке, возникающей в силу наличия неосознаваемого психического напряжения.

– Важную роль в развитии конфликта играют конкретные социально-психологические условия, в которых происходят его возникновение, развитие и прекращение. Понятием социальной среды определяется та почва, на которой возникает и развивается конфликт.

– Субъективное восприятие происходящего, которое создается у действующих в данной конфликтной ситуации лиц или групп и не обязательно соответствует действительной ситуации. При этом следует иметь в виду, что каковы бы ни были наши образы, восприятия, представления о конфликтной ситуации, конфликт все же не начнется, пока они не реализуются в соответствующих обоюдных действиях. Объективные и субъективные причины конфликта,

возникающие как на его ближних, так и на дальних подступах, а также состав участников определяют и набор возможных способов действий, поведения сторон. Поскольку каждое действие одного из участников конфликта вызывает соответствующее противодействие, они влияют друг на друга, взаимодействуют.

Существует мнение, что вызревание причин, формирование состава участников конфликта, их взаимодействие и тот или иной исход конфликта требуют времени. Поэтому, как полагает ряд исследователей, всякий реальный конфликт представляет собой не единовременный акт, а процесс, нередко весьма длительный. Если принимать во внимание доминирование иррациональных структур психики, можно утверждать, что предпосылки в виде готовности к конфликту формируются автономно от ситуации конфликта. То есть исходным фактором для конфликта является психологическая готовность вступить в него, а остальные элементы «подгоняются» под психологическую готовность. В связи с этим анализ конфликта предполагает не только рассмотрение его структуры, но и исследование динамики его развития.

Динамика конфликта. Целесообразно выделить три основные стадии развития конфликта.

1. Предконфликтная ситуация. На предконфликтной стадии возникают все основные элементы, образующие структуру конфликта, его причины и главные участники, т.е. налицо основная база предпосылок для конфликтных действий, в частности определенный объект возможного противостояния, наличие двух сторон, способных одновременно претендовать на этот объект, осознание одной или обеими сторонами ситуации как конфликтной. Это внешняя сторона конфликта. Внутренней же его составляющей, как уже говорилось, является психологическая готовность вступить в конфликт.

На этой стадии могут быть предприняты или коррекционные манипуляции, ограничивающие психологическую готовность вступить в конфликт, или переключение готовности к внешней агрессии на созидательную деятельность. Попытки решить вопрос полюбовно будут эффективными в зависимости от неосознаваемой потребности лиц в конфликте.

2. *Стадия открытого конфликта.* Признаком перехода предконфликтной стадии конфликта в открытую является переход сторон к конфликтному поведению. Конфликтное поведение представляет собой выраженные вовне действия сторон. Их специфика как особой формы взаимодействия состоит в том, что они направлены на блокирование достижения противником его целей и осуществление своих собственных целей за счет целей противника. На данной стадии наблюдаются: нарастание числа проблем, образующих комплекс причин конфликта, переход от деловых проблем к личностным; смещение эмоциональной окраски конфликта в сторону негативного спектра; возрастание уровня психической напряженности до уровня стрессовой ситуации. Данная стадия носит явно эскалационный характер.

3. *Стадия завершения конфликта.* Так как целью конфликта является выброс неосознаваемого психического напряжения, результатом конфликта выступает чувство опустошенности и дополнительной убежденности в своей правоте в случае, если причина конфликта неосознаваемо травматична для ее участников. Если же конфликтная ситуация неосознанно несла функцию незначительной психологической разрядки, то участники конфликта начинают осознавать собственную неправоту.

Разрешение конфликта. Различные стратегии, методы, приемы управления конфликтом, сужения его границ имеют четыре возможных сценария разрешения конфликта:

– трансформация объективных факторов, породивших конфликт. К сожалению, этот сценарий предполагает только ситуативное разрешение конфликта, которое предопределяет новый конфликт;

– трансформация психологических факторов, породивших конфликт. К сожалению, данный сценарий требует не только умения управлять процессом конфликта, но и желания его разрешить. Помощь психоаналитика способна оптимизировать решение конфликтных ситуаций в рамках этого сценария;

– частичное разрешение конфликта достигается, когда прекращается внешнее конфликтное поведение сторон, но еще не преобразуется внутренняя потребность к психической стабилизации

когнитивной, интеллектуальной и эмоциональной сфер, породивших конфликтное поведение. При развитии данного сценария объективная причина конфликта не устраняется, хотя ситуативное регулирование присутствует. Данный сценарий целесообразен, если следователь владеет релаксационными техниками, которыми способен воспользоваться в спокойной ситуации;

– управляемый конфликт есть этически неоднозначный сценарий, в котором позиция следователя внешними признаками соответствует картине конфликта, при этом не имеет внутреннего психологического подтверждения. Управляемый конфликт – это, по сути, конфликт одной стороны. К сожалению, в основе любого конфликта лежат психологические проблемы личности конфликтера, что может способствовать соскальзыванию следователя с управляемого конфликта на неуправляемый.

Типология конфликта. Конфликты классифицируются по достаточно значительному количеству оснований. Для выполнения профессиональных обязанностей следователя целесообразно различать конфликты, в основании которых лежат:

– характер потребностей, ущемление которых вызвало конфликт; указанные потребности могут относиться к группе материальных, статусно-ролевых, мировоззренческих;

– направленность конфликта; здесь традиционно выделяют группы конфликтов, возникающих между равными по статусу лицами (горизонтальные) и между неравными по статусу лицами (вертикальные);

– временные параметры конфликта; по данному основанию выделяют кратковременные, быстротечные, длительные конфликты.

В следственной деятельности наиболее часто встречаются следующие разновидности конфликтов:

– Межтипологический конфликт. Если психологический тип – это специфический, устойчивый тип организации психики, то становится понятным, что есть сложноподчиненные варианты сочетания психотипов. Конфликт, выраженный уникальной противоположностью психотипов, характерен, например, для совместной деятельности представителей шизоидной и истероидной,

застревающей и конформной, гипертимной и гипотимной акцентуаций.

– Конфликт ролей. Такой конфликт возникает, если участники конфликта отождествляют себя с жесткими статусными образованиями. В следственной практике данная разновидность конфликта возникает чаще всего при идентификации одной стороны с миром криминала, а другой стороны – с миром правопорядка. Очень наглядно ролевой конфликт представлен в фильме «Место встречи изменить нельзя» (конфликт Жеглова–Ручечникова). Также часто в практике расследования возникает ролевой конфликт жертва–палач. Отметим, что ролевой конфликт характерен для следователей, которые имеют четкую установку на подавление своего контрагента в силу неосознаваемого комплекса неполноценности.

– Ситуативный конфликт – самый простой, хотя и самый распространенный в процессе расследования преступлений. Возникает, как правило, в силу сочетания ряда случайностей, подавляюще действующих на эмоционально-волевую сферу (семейные неурядицы, конфликты с начальством, нелепое сочетание обстоятельств, личное неприятие образа контрагента).

– Конфликт идей возникает в ситуациях, когда обе стороны конфликта характеризуются психологической негибкостью и не способны понять движущие мотивы другой стороны не в силу различных статусов и психотипов, а по причине отсутствия необходимого социального опыта (непонимание интересов несовершеннолетнего лицом, не имеющим детей, непонимание мотивации представителя противоположного пола и т.д.).

Психология следственной деятельности

Процесс предварительного расследования – это целенаправленный процесс, целью которого является восстановление прошлого события преступления по следам, обнаруженным следователем в процессе раскрытия и расследования преступления. Основным определяющим компонентом психологической структуры в дея-

тельности следователя является его познавательная активность по собиранию и исследованию самых разнообразных фактов, на основании которых им полностью восстанавливается содержание прошлого события.

В процессе собирания фактов следователь только предположительно может обрисовать модель произошедшего преступного события, таким образом, его мыслительная деятельность носит вероятностный ретроспективный характер. Эта особенность познавательной деятельности приводит к существенным трудностям при сборе, оценке и анализе получаемой информации, к необходимости выдвижения и проверки большого количества самых разнообразных версий.

На предварительном следствии процесс познания характеризуется высокой степенью неупорядоченности поступающей информации. Поступление новых объемов информации не всегда зависит от усилий следователя, порой оно бывает предельно ситуативным. Поэтому познание в предварительном расследовании предстает как развивающийся процесс, состоящий из ряда подчас спонтанных мыслительных и практических действий. Посредством рационального мыслительного процесса следователь совершает как бы переход от познанных фактов к вызвавшему их событию прошлого. Познавательная деятельность не сводится только к мыслительным процессам. Получение знаний в любой области протекает как взаимодействие иррациональных и рациональных моментов, прямо или опосредовано связанных с опытом.

В рамках следственной психологии не теряют актуальности исследования профессиограммы следователя. Согласимся с тем, что анализ профессиограммы работника юридического труда следует начать с профессии следователя, поскольку деятельность следователя дает возможность выявить психические закономерности, в той или иной мере характерные для юридической деятельности в целом (Васильев В.Л., 1998; Глазырин Ф.В., 1983, Ратинов А.Р., 1967; Чуфаровский Ю.В., 2006). Оговоримся сразу: профессиограмма не имеет смысла, если включать в нее искусственный набор характеристик, достижимый только в теории. Если смысл

профессиограммы сводится к тому, что работник должен быть «самым-самым», то смысла в ней нет.

Следственные действия – коммуникативные, поисковые и экспериментальные – различны по своему содержанию. Выполнение каждого из них связано с творческим задействованием тактических рекомендаций, разработанных криминалистической наукой. Инвариантность действий и используемых приемов требует постоянного творческого напряжения.

В процессе выполнения своих профессиональных обязанностей следователь всегда находится в условиях принятия самостоятельного решения, за неправильность которого почти всегда может понести административную или уголовную ответственность. Индивидуальность следственной работы подкрепляется процессуальной самостоятельностью следователя. Это очень важная черта, налагающая своеобразный отпечаток на всю психическую деятельность, которая характеризуется некоторой специфичностью. Умение и способность проявить творчество и самостоятельность в труде связаны с высоким развитием волевых и мыслительных характеристик личности следователя. Инициативность как закрепившееся волевое качество профессионально необходимо следователю, труд которого чаще всего индивидуален, связан с большой служебной самостоятельностью. «Решай и делай сам», – на этой основе формируется инициативность и ответственное отношение к порученному делу.

Морально-волевые качества следователя. В моральную характеристику личности следователя прежде всего входит достаточно высокий уровень правосознания – одной из форм общественного сознания, которая играет решающую роль в практическом применении правовых норм. По мнению большинства исследователей, правовая идеология – это система правовых знаний, взглядов и идей, а правосознание – совокупность сознательных чувств, переживаний, привычек, связанных с действием права. По нашему мнению, данный подход не соответствует принципу структурности человеческой психики.

Биологической детерминантой высокой степени правосознания выступает чувство страха перед наказанием, социальной – привычка

к законопослушному поведению, индивидуально-психологической – понимание объективной целесообразности следования правопослушному поведению. Не имеет значения, какой фактор доминирует в психике следователя, если он является доминантно определяющим правопослушное поведение. Естественно, детерминирование по третьему варианту предпочтительнее с точки зрения эстетики, однако – повторимся – это непринципиально.

Повышенные требования к волевой сфере следователя делают обязательным наличие ряда свойств, образующих комплекс, определяемый как сила воли. Наиболее ярко проявляются волевые качества в стрессовых ситуациях, при решении сложных задач, возникающих в процессе расследования преступлений. Выполнение профессиональных задач в области расследования преступлений стимулирует развитие волевых характеристик личности следователя, с одной стороны, а с другой стороны, переизбыток стрессоров в профессиональной деятельности следователя, вызывая профессиональную деформацию, приводит к понижению его волевого потенциала в силу негативных эмоциональных реакций на стрессор.

Выделяют две основные негативные эмоциональные реакции на стрессоры: стресс и депрессию.

Стресс – неспецифические реакции человека на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях, возникающие в ответ на чрезвычайно сильные экстремальные ситуации.

Депрессия – синдром, характеризующийся пониженным настроением, торможением интеллектуальной и моторной деятельности, снижением витальных побуждений, пессимизмом в отношении себя и окружающей действительности.

Одной из существенных черт морально-волевого облика следователя является такое качество, как принципиальность – наличие твердых убеждений и стремления к их реализации. Это качество помогает противостоять нежелательным влияниям извне и собственным слабостям, успешно разрешать свойственные каждому внутренние конфликты, различные споры между должным и желаемым, общественным и личным. Не следует переоценивать значи-

мость этого свойства, ведь идея «пусть восторжествует справедливость, пусть при этом погибнет мир», скорее, характерна для лица с абсолютной инертной психикой, неспособного к творческому восприятию сложных социальных и психологических процессов. В иерархии волевых характеристик важная роль принадлежит и такому психологическому свойству, как целеустремленность, установка на достижение цели методами, не противоречащими «букве» закона. Данное свойство тесно связано с моральным обликом следователя и такими свойствами характера, как сбалансированность психики, организованность и стойкость.

Некоторое преобладание негативного опыта над позитивным, характерное для профессиональной следственной деятельности, приводит к тому, что следователь в значительной степени утрачивает веру в позитивную природу человека. Отметим, что психологическая готовность подозревать всех причастных к уголовному делу является не негативной деформацией мировосприятия следователя, а обязательным элементом его профессиональной готовности, если, конечно, подобная деформация не приобретает клиническую форму.

Подозрительность – одна из наиболее важных составляющих профессиональной деятельности и, к сожалению, профессиональной деформации. Обвинительный уклон, если он напрямую не детерминирует тенденциозности в исполнении профессиональных обязанностей следователя, является объективно существующим элементом установки следователя. Конечно, в теории мы можем не согласиться с этим, однако мы не можем требовать от следователя того, чего мы не требуем от адвоката. А от адвоката мы не требуем совмещения установки на оправдание и осуждение. Конечно, данная позиция несколько противоречит доктрине современного права, однако требования доктрины не способны изменить психологические законы формирования установок ни у кого, в том числе у следователя. При этом в целях недопущения усиления профессиональной деформации у следователя мы можем порекомендовать, в рамках доминирования обвинительных установок, стараться при рассмотрении отрицательных действий и поступков отдельных лиц искать в людях положительные стороны.

Психологическая готовность в сжатые сроки принять решение и привести его в исполнение необходима следователю, который нередко обязан срочно реагировать на возникшую ситуацию.

Понимая особенности своей психики, ее сильные и слабые стороны, помня о затруднениях, которые могут возникнуть в силу наличия в структуре характера некоторых свойств его личности, следователь должен постоянно контролировать свои оценки, решения и действия с учетом собственных возможностей.

Интеллектуальные качества следователя. Предопределяет успех любой профессиональной деятельности в конечном счете интеллект, который организует этот процесс по определенному алгоритму, устанавливая оптимальную очередность отдельных этапов наблюдений, и использует его результаты.

Интеллект – это способность к отвлеченному, абстрактному мышлению. Процесс развития интеллектуальных характеристик детерминирует более адекватную адаптацию человека во внешнем мире.

Следственная наблюдательность вырабатывается на базе знания способов совершения и сокрытия преступлений, а также следов, оставленных при том или ином образе действий преступника, мест и способов их обнаружения. К сожалению, в сознании следователя очень быстро формируется установка на собственную интеллектуальную достаточность, т.е. желание ограничить источники получения новой информации о способах совершения и сокрытия преступлений, уловках преступника, методах обнаружения следов только собственным профессиональным опытом. Правовая психология и криминалистика сформировались как области самостоятельного научного знания в силу увеличения интеллектуального потенциала отдельных групп преступников. Прошли времена традиционных приемов совершения преступлений, передаваемых «по наследству» в жестко структурированной и иерархизированной преступной среде. Современная преступность, особенно беловоротничковая, активно использует последние наработки научной мысли, и самостоятельно противостоять данной тенденции не способен никакой следователь.

От следователя требуется разносторонняя образованность. Современный следователь должен иметь основательные представле-

ния об основных отраслях человеческого знания, иметь глубокие познания в области психологии и научной организации труда. Кроме того, следователю необходимо понимание социальных процессов и явлений, характерных для региона, в котором он выполняет свои профессиональные функции. Современное юридическое образование – это еще не гарантия образованности, а, скорее, формальное требование, предъявляемое к претенденту на должность.

В своей профессиональной деятельности следователю часто приходится обращаться к такому источнику информации, как речь.

Речевые навыки выступают важными инструментами работы следователя. И познавательная, и удостоверительная стороны расследования связаны с использованием речи в устной и письменной формах. Устность уголовного процесса сочетается с протоколированием в письменном виде полученных данных о ходе и результатах расследования. Отсюда возникает необходимость для следователя безупречного знания языка, на котором ведется судопроизводство, и совершенного владения речевыми навыками.

Одним из базовых положений, выдвинутых основателем психолингвистики Ф. Соссюром, является утверждение, что слово не столько обозначает, сколько имеет смысл. Человек вкладывает в речевые конструкции не только информативно-коммуникационную, но и личностную составляющую. Именно эта личностная составляющая может быть причиной неправильного понимания смысла сказанного следователем. Необходимость быть правильно понятым требует от следователя говорить тем языком, который понятен собеседнику. Следователь всегда обязан учитывать, как будет воспринят его вопрос или заявление, убеждаться в достигнутом взаимопонимании.

Современные исследователи полагают, что значимость развитой коммуникативной сферы следователя детерминирована следующим.

Во-первых, она обеспечивает объективность и достоверность расследования, а в дальнейшем и судопроизводства. Если следователь что-то недопонял, или понял неправильно, или понял, но не успел адекватно отразить в протоколе, это так и останется в деле и лишь с очень большим трудом может быть исправлено.

Во-вторых, она обеспечивает доступность речи следователя. Если даже следователь правильно понимает слова допрашиваемого, иногда достаточно одного неточного или неумело поставленного вопроса, чтобы допрос пошел по неправильному пути.

В-третьих, развитие речевых навыков позволяет следователю установить с допрашиваемым необходимую степень психологического контакта. Дискуссионной, правда, считается необходимость владения арго и сленгами в качестве приема достижения психологического контакта с допрашиваемым.

В-четвертых, развитые речевые навыки существенны и для личностного становления самого следователя. Они способствуют четкости и ясности мышления, помогают преодолевать сковывающее влияние канцеляризмов и профессионализмов, нередко вызывающих неприятие следователя как достойного контрагента со стороны других лиц.

В целом необходимо отметить, что речь следователя должна соответствовать следующим критериям: краткость, ясность, простота.

Иной характер носит письменная речь, находящая отображение в процессуальных документах, составляемых следователем. Письменная речь, хотя и является носителем информации о глубинных психических процессах лица, внешне ограничивается констатацией фактической информации и на сознательном уровне обращена к сознательной составляющей нашей психики, напрямую не задействуя проявления эмоциональной сферы человека.

Развитое воображение – свойство создавать новые образы или идеи, ранее целостно не воспринимавшиеся человеком, – является обязательным свойством психики следователя. Разнообразие проявления социальных и психологических процессов, с которыми приходится иметь дело следователю, должно формировать у него развитый навык создания мыслительных моделей, отражающих как повседневные житейские ситуации, так и различные формы человеческого поведения.

Основным условием развития воображения личности является накопление и обобщение ею жизненного опыта и специальных знаний.

Реконструируя событие прошлого, воображение следователя на основе имеющихся у него материалов уголовного дела, почерпнутых из различных источников, создает цельное представление о расследуемом событии, генерирует идеи о механизме совершения преступления, предугадывая расположение следов преступления. Конструируя модель события в плане возможных последствий, следователь генерирует идеи о постпреступном поведении преступника, его контрдействиях.

Говоря о следственной деятельности, необходимо затронуть один табуированный исследователями аспект. Речь идет об особенностях организации профессионального уклада в современном государстве. Современное рыночное государство характеризуется крайне невысокой долей занятости населения в сфере непосредственного производства товаров (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве). Способом борьбы с безработицей и формой некарательного контроля за гражданином служит неоправданно большой чиновничий аппарат. Имитируя полезную деятельность, этот аппарат продуцирует громадное количество инструкций, поэтому доля времени работника, непосредственно затрачиваемая на выполнение профессиональных обязанностей, уменьшается, а доля его времени, затрачиваемая на непроизводительный документооборот, постоянно увеличивается.

Сказанное характерно и для врачей, и для учителей, и для ученых. Не обошла эта тенденция и работников правоохранительных органов. Можно даже сказать, что в силу общественной значимости их деятельности создание иллюзии контроля путем увеличения документооборота есть объективное следствие развития современных производственных отношений. Следователь в значительной степени уподоблен офисному работнику, но психологически, в силу конкретности мышления и критичности восприятия, это уподобление для него психотравматично. В результате холерическая составляющая личности следователя становится еще более нежелательной и противоречащей его современному образу, а требование к следователям в плане обладания способностью рационально распределять свои силы и способности становится системообразующим.

Типы мышления и типовые ошибки, ими определяемые

В рамках мышления как целостного процесса можно говорить только о преобладании тех или иных умозаключений (индуктивных или дедуктивных), а не об абсолютном доминировании их.

Как видно из названия, индуктивные умозаключения базируются на методе индукции, т.е. на получении общего знания из множества частных предпосылок. Индукция – это умозаключение, в котором на основании наличия или отсутствия конкретного признака в нечто целое увязывается множество разрозненных фактов. Знание, таким образом, идет от меньшего к большему. Индукция опирается на факты, приобретенные в ходе опыта: наблюдения и эксперимента, и позволяет получить принципиально новое знание. Ценность индукции хорошо проиллюстрирована в утверждении Э. Анушата: «...опасность впасть в ошибку менее велика при выводе заключений, чем при построении посылок».

Основным недостатком индукции выступают ее недостоверность, вероятностный характер, так как если несколько объектов из группы обладают некоторым свойством, это не означает, что все объекты, входящие в исследуемую группу, обладают этим свойством.

Неполнота – основной враг индукции и главный ее недостаток по сравнению с дедукцией. Неполное индуктивное суждение всегда остается под угрозой опровержения со стороны вновь открывшегося факта. Неудивительно, что К. Поппер считал, что все научные гипотезы следует считать догадками, а не истинными теориями. Путь преодоления недостатка неполноты индуктивного суждения – накопление большего объема опыта.

Также недостатком индукции являются времязатратность и необходимость наличия предварительных знаний.

Дедуктивные умозаключения базируются на методе дедукции, т.е. на получении из общей посылки заключений частного характера. Знание, таким образом, идет от большего к меньшему. Дедукция не требует обращения к опыту. Она не позволяет получить принципиально новое знание, но дает возможность развернуть, конкре-

тизировать знания, имевшиеся прежде в неявной форме. Дедукция предопределяет истинность полученного знания при условии истинности исходных предпосылок и соблюдения правил логики.

Основным недостатком дедукции выступает опора на некое утверждение, которое постулируется истинным, аксиоматичным, что в случае неправильности постулирования, скорее всего, ведет к неправильности дедуктивного умозаключения.

Также недостатком дедукции является невозможность использования ее для открытия новых явлений, законов и формулирования гипотез. Существует и «психологический» недостаток дедуктивного умозаключения, он сводится к тому, что в рамках стремления к гомеостазу (энергонеэкономности), о котором говорилось ранее, человек часто получает знания в готовом виде, т.е. не занимается исследованием информации. Другими словами, человек часто не склонен к дедуктивным умозаключениям.

Прикладное значение дедуктивных умозаключений выражается прежде всего в эффективности проведения проверки исследовательских гипотез как правдоподобных объяснений. Недаром Р. Декарт считал этот тип мышления подобным интуиции, с помощью которой человек может получить знания посредством размышлений.

Достоинством дедукции является временная малозатратность и отсутствие необходимости наличия предварительных знаний.

В идеале мышление следователя должно базироваться на балансе индуктивных и дедуктивных умозаключений, в реальности – на наличии и тех и других в рамках познания конкретного факта.

Психологические аспекты профессиональной деформации личности следователя

Есть профессии, выбрав которые, человек одновременно приобретает постоянное напряжение, постоянную заботу. К таким относится и профессия следователя. Повышенная энергозатратность при выполнении профессиональных функций, постоянная конфликтность при этом, некоторая дистанцированность от окружа-

ющих приводят к формированию профессиональной деформации личности следователя.

Профессиональная деформация личности – это изменения психических характеристик личности, которые появляются под влиянием выполнения профессиональных обязанностей. Профессиональная деятельность человека – одно из ведущих проявлений внешней деятельности личности. Она влечет за собой профессиональное развитие работника, что обуславливает формирование профессионального типа личности. Профессиональная деформация может отличаться своей направленностью, носить положительный или отрицательный характер.

Негативное влияние профессиональной деятельности проявляется в отрицательных сторонах характера, изменении типичных ролевых установок, усилении акцентуированных свойств. Профессиональная деформация личности может носить эпизодический или устойчивый характер и проявляется в трансформации базовых установок и моделей поведения. В большинстве случаев результатом профессиональной деформации является усиление акцентуированной сферы личности. Исследование профессиональной деформации следователей в настоящее время является весьма актуальной проблемой, решение ее представляет значительный интерес как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Профессиональные деформации личности детерминируются многими факторами – объективными и субъективными. К объективным можно отнести: содержание профессиональной деятельности и общения; условия выполнения профессиональных обязанностей; социальные факторы. К объективно-субъективным факторам относятся система и организация профессиональной деятельности, качество управления, стиль управления и профессионализм руководителей. К субъективным – онтогенетические изменения, возрастная динамика, индивидуально-психологические особенности, характер профессиональных взаимоотношений, кризисы профессионального становления личности, служебная необходимость идентифицировать себя с патологическим внутренним миром других людей для их лучшего понимания.

Служба в органах внутренних дел относится к тем видам профессионального труда, условия и характер которых обязательно окажут травмирующее воздействие на психику. Такое воздействие, по мнению Э.Ф. Зеера, может проходить в следующих формах:

– общепрофессиональные деформации (типичные): синдром асоциальной перцепции, при котором каждый гражданин воспринимается как потенциальный нарушитель; эмоциональная индифферентность, холодность к страданиям других; поведенческий трансфер, характеризующий формирование черт ролевого поведения и качеств, присущих лицам, нарушающим закон, усвоение и употребление их жаргона;

– специальные профессиональные деформации, связанные с внутривидовой специализацией: у следователя – правовая подозрительность, у оперативного работника – актуальная агрессивность, у адвоката – моральная неустойчивость и т.п.;

– профессионально-типологические деформации, обусловленные наложением индивидуально-психологических особенностей личности на психологическую структуру деятельности: комплекс превосходства, гипертрофированный уровень притязаний, доминантность, обусловленные реализацией работником властных функций;

– индивидуализированные деформации, обусловленные индивидуальными психологическими особенностями работников: профессиональные акцентуации, сверхкачества, сверхответственность, трудоголизм, трудовой фанатизм, сверхчестность.

Индикаторами психической деформации следователя, по мнению А.М. Бандурка, С.П. Бочаровой, Е.В. Землянской, выступают следующие психологические проявления:

1. Предвзятое отношение к объекту служебной деятельности – гражданам или группе граждан (к различным субъектам правоотношений), для него характерны:

– обвинительный уклон (установка) или презумпция первичной вины объекта;

– абсолютизация карательно-принудительных мер и вера в их универсальную эффективность;

– психологические барьеры в общении.

2. Субъективное толкование законопослушного поведения и нормативной регламентации служебной деятельности. Это приводит:

– к злоупотреблению властью или неприменению властных полномочий в случаях, предусматривающих их применение;

– к установлению недозволенных личных связей или их поощрению;

– к использованию запрещенных способов и приемов деятельности;

– к употреблению алкоголя в служебное время и злоупотреблению им в застольях;

– к перенесению особенностей служебного общения и отдельных профессиональных способов и приемов деятельности на внеслужебные сферы – властно-командный тон, тотальное использование жаргона (профессионального и уголовного), речевых штампов, ненормативной лексики, неуместное обращение к профессиональному юмору.

3. Профессиональное огрубление личности, которое проявляется:

– в сверхнормированном пребывании на службе без серьезных служебных причин;

– в стойком интересе к служебным делам вне службы (по выходным дням, в отпуске);

– в преимущественном пребывании в профессиональной среде (с постоянным ношением форменной одежды) по сравнению с внеслужебным окружением, социопрофессиональная самоизоляция.

4. Изменения в образе «Я» (представление о самом себе), показателями которых служат:

– стойкая завышенная профессиональная самооценка, вызывающая пренебрежительное отношение к представителям других профессий, снисходительность в оценках коллег по службе;

– болезненная реакция на критику или контроль, проверку своей деятельности;

– фиксированная ориентация на собственный опыт, включающая презумпцию своей непогрешимости.

Недопущение профессиональной деформации или, точнее, ограничение ее негативных составляющих актуально также в силу

высокой вероятности возникновения в нестабильной психике психопатологических психогенных расстройств, являющихся болезненными состояниями, выводящими человека из строя, лишаящими его возможности продуктивного общения с другими людьми и целенаправленных действий.

Важнейшим условием эффективной профессиональной деятельности являются способность следователя к психическому саморегулированию, владение приемами медитативных техник, техники аутотренинга и – самое, пожалуй, важное, – техниками психологической релаксации. Осуществление осознанного контроля над состоянием психики – безоговорочное условие эффективного функционирования не только в сфере избранной профессии, но и в остальных сферах (семейной и микросоциальной).

Проблема тактико-криминалистической оптимизации расследования: человеческий фактор

В современном информационном обществе, перенасыщенном информацией, в том числе и о тактике расследования, единственным фактором, объясняющим невысокий уровень использования тактико-криминалистического инструментария в процессе расследования преступлений, является *нежелание* его использовать. К сожалению, проблема нежелания использовать тактические приемы не просто не исследована, но даже и не заявлена криминалистическим сообществом.

В процессе анкетирования и интервьюирования студентов Юридического института Томского государственного университета очной, заочной и вечерней форм обучения было выявлено радикальное преобладание в структуре личности студентов эпилептоидной акцентуации. Исследование производилось с помощью характерологического опросника Леонгарда–Шмишека. Было исследовано 1 500 человек, у 1 104 из них выявлена эпилептоидная акцентуация как ведущая акцентуация, у 216 – как одна из главных.

С одной стороны, из описания типовых свойств представителей эпилептоидной акцентуации следует, что для них характерны пунктуальность и даже избыточная регламентированность, но с другой – холерическая составляющая их личности предопределяет существование компенсационного механизма. Речь идет о предельно выраженной степени индивидуализма, который характеризуется сиюминутной аналитической составляющей. Представители рассматриваемого психотипа столь же рьяно склонны к соблюдению инструкций, как и к неприятию дисциплины и порядка в нормативно нерегулируемых сферах, в том числе профессиональной.

Именно необязательность использования тактических рекомендаций и предопределяет нежелание их использовать как следствие убежденности субъекта в собственном высоком профессиональном уровне. Убежденность же в способности самостоятельно решать тактические проблемы и есть компенсация за излишнюю склонность к регламентированности и существованию в иерархических системах, характерную для лиц эпилептоидного типа.

Избыточно эмоциональная оценка сказанного может предопределять убежденность, что представители эпилептоидной акцентуации имеют слишком значительный комплекс профессионально несовместимых с расследованием личностных характеристик. Это совершенно не так. Индивидуализм, готовность к принятию решения в ситуации конфликта, неосознаваемая агрессивность, склонность к подавлению оппонентов – черты, характерные для эпилептоидов, – предельно эффективно реализуются в ситуации проведения коммуникативных следственных действий. К сожалению, этого же нельзя сказать о поисковых следственных действиях.

Способом противодействия нежеланию использовать тактико-криминалистический инструментарий представителями эпилептоидной акцентуации выступает повышение уровня регламентирования использования тактических приемов. Напомним, что в целом представители эпилептоидного типа, наиболее распространенного среди работников следствия и дознания, в очень значительной степени склонны к избыточной регламентированности.

Вероятно, ведомственные инструкции, ориентирующие, пусть и в рекомендательной форме, работников правоохранительных органов на использование тактических приемов при проведении поисковых следственных действий, будут способствовать повышению субъективной ценности тактических приемов у указанных лиц. Естественно, эти рекомендации не должны содержать общих советов и декларативных положений.

Психологическая природа версии и версионное мышление

Центральным понятием, содержательно характеризующим мыслительный процесс следователя, является следственная версия. Мыслительная деятельность следователя в процессе расследования преступлений сконцентрирована на процессе выдвижения и проверки различных версий.

Версия – это только логическая форма мысли. Между логическими операциями и отражаемой действительностью в сознании следователя находятся важные посредствующие звенья, протекают сложные познавательные процессы. Поэтому было бы слишком упрощенным представлять себе мыслительную деятельность следователя только как систему логически развернутых рассуждений, именуемых в психологической науке дискурсивным мышлением.

Мыслительная деятельность следователя в процессе выдвижения версий подчиняется достаточно жестким психологическим законам. Версия – это не только результат логического поиска; в любую версию содержательно включается и личностный момент, который порой нейтрализует рациональный момент логического поиска истины.

В отечественной литературе рекомендуется выдвигать не менее двух версий произошедшего события, чтобы нейтрализовать элемент односторонности восприятия в процессе расследования. Человек как гомеостатическая система часто склонен к выбору наименее энергозатратной модели поведения, поэтому первая выдвигаемая версия – это своеобразный «путь наименьшего сопро-

тивления», модель поисковой деятельности, в которой следователь неосознанно будет чувствовать себя наиболее комфортно. Первая версия, как правило, базируется на определенной совокупности фактов, полученных следователем, и основана на первом впечатлении следователя.

Альтернативная версия содержательно, как правило, антагонистична первой, гомеостатичной. Этот антагонизм необходим прежде всего для того, чтобы в скором времени признать вторую версию (контрверсию) несостоятельной и сосредоточить внимание на первой (гомеостатичной). Естественно, подобная логика носит неосознанный характер и слабо подчиняется осознанному контролю.

Учитывая механизм выдвижения версий, описанный выше, целесообразно ограничить количество выдвигаемых версий числом не менее трех. Третья версия будет своеобразным компромиссом между психологически удобной первой версией и неосознанно отвергаемой второй. Отметим, что в рамках описанного механизма четвертая и последующие версии будут компромиссом между второй и третьей, третьей и четвертой и т.д.

Составной частью творческого мышления является интуиция – логический сознательно неконтролируемый переход от одних утверждений к другим, иногда с таким обширным «проскакиванием» отдельных звеньев рассуждения, что посылки и промежуточные процессы не заполняются, хотя при восстановлении хода мыслей их можно было бы обнаружить.

Интуиция следователя детерминируется двумя факторами: развитием интуитивного мышления как личностной составляющей психики следователя и его жизненным / профессиональным опытом. Как и любое проявление иррациональных психических структур, интуитивное мышление на настоящий момент изучено недостаточно в плане теоретическом, но раскрыто на достаточно высоком уровне в плане практических приемов стимуляции данной разновидности мышления.

Необходимо затронуть вопрос о реальности существования такой специфической формы мышления, как «следственное мышление», который в современной литературе является достаточно дискусси-

онным. Впервые с тезисом о существовании такой формы мышления и ее разновидности – «версионного мышления», которое является гармоническим сочетанием анализа и синтеза, – выступил А.Р. Ратинов (Ратинов А.Р., 1976). Существование «версионного мышления» подвергалось жесткой критике со стороны Р.С. Белкина (Белкин Р.С., 1988). Сторонники Р.С. Белкина аргументируют свою позицию тем, что и условия, и цели познания, а также законы мышления общи для всех участников расследования, поэтому нет необходимости выделять какие-либо его специфические формы. Так ли это?

В теории действительно так: версионность является своеобразной гарантией объективности мышления. Однозначность выводов – это, как правило, результат или глубокого исследования, или отсутствия такового. В теории любой специалист в любой области знания, любой профессионал критически подходит к обыденной, рутинной составляющей своих профессиональных обязанностей. В теории специалист всегда подвергает многостороннему анализу информацию, необходимую для выполнения профессиональных обязанностей. А еще в теории почти все сферы деятельности человека требуют творческого подхода. Иными словами, в теории человек руководствуется гетеростазом как системообразующей психической особенностью психики.

В реальной жизни, к сожалению, это абсолютно не так. Мало того что человек склонен к гомеостазу, и с каждым прожитым годом эта склонность проявляется все больше и больше. В реальности любая социальная структура требует от исполнителя умеренной инициативы и осторожности, повышенной концентрации на чем-то одном, консервативном восприятии реальности. Обычаи, традиции, производственные планы – вот небольшой перечень феноменов, ограничивающих творческую, энергозатратную деятельность человека, препятствующих экспериментированию и отсутствию однозначности в решении текущих проблем.

Даже исследователи, работающие в сфере науки, часто отличаются крайней зашоренностью и консервативностью, что уж говорить о менее творческих профессиональных сообществах.

Для следователя же версионное мышление, теоретически свойственное всем, есть неотъемлемый атрибут профессиональной деятельности. Находясь в условиях расследования в состоянии информационной недостаточности, следователь объективно обязан ориентировать свою деятельность одновременно в направлениях различных познавательных векторов. Иными словами, руководствоваться при расследовании преступлений информационными блоками, равными по актуальности, но часто антагонистичными по содержанию, – для следователя есть обыденное явление. С учетом сказанного объективно говорить, что версионное мышление – один из уникальных аспектов профессионального мировосприятия следователя.

Основные понятия темы: дедукция, индукция, интуиция, конфликт, суггестия, профессиональная деформация, профессиограмма, моделирование, версия, стресс, депрессия, версионное мышление, гетеростаз, гомеостаз.

Литература

1. Димитров А. Психология предварительного следствия : учеб. пособие. М. : МПСИ, 2007.
2. Лебедев И.Б., Цветков М.Л. Психология в правоохранительной деятельности. М. : Щит-М, 2003. 309 с.
3. Мещерякова А.В. Психологическая работа с кадровым резервом в правоохранительных органах РФ : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2018. 247 с.
4. Оперативно-розыскная психология : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. Ю.Е. Аврутина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 252 с.
5. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2008.
6. Черкасская Г.В. Управление конфликтами : учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 236 с.
7. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М. : Проспект, 2016.

Контрольные вопросы

1. Дайте психологическую характеристику структуры следственной деятельности.
2. В чем сущность профессиограммы?
3. Определите психологические типы, которые объективно несут в себе профессиональную непригодность в следственной деятельности?
4. Каковы психологические затруднения у представителей разных психологических типов в реализации следственных задач?
5. Что такое конфликт?
6. Какие психические механизмы защиты лежат в основе конфликтного поведения?
7. Каковы основные признаки профессиональной деформации?
8. Назовите психологические факторы, стимулирующие профессиональную деформацию в следственной деятельности.
9. Что такое версионное мышление и какова его роль в деятельности следователя?

Тема 6. Виктимная психология¹

Формирование знания о жертве преступления как особого направления знания

Закономерности научного познания, выражающиеся в исследовании все более сложных объектов, обусловили возможность глубокого изучения в XX в. двух сложнейших явлений действительности: человека и общества. Эти две достаточно самостоятельные системы организованы чрезвычайно сложно. Не удивительно, что исследование объекта, относящегося к обеим системам сразу, представляет довольно большую сложность уже на этапе постановки научно-исследовательской проблемы. Преступление как объект познания выступает одной из форм взаимодействия систем «человек» и «общество».

Анализ криминологической литературы показывает, что она главным образом посвящена преступному деянию, его природе и отдельным его сторонам, выяснению причин и условий совершения конкретного преступления и преступности в целом, а также личности преступника.

Учение же о потерпевшем от преступления (виктимология) в качестве самостоятельного научного направления в криминологии начало оформляться лишь в 40-е гг. XX в., с появлением работ Г. Гентига и Б. Мендельсона, которые заложили основы виктимологии: определили ее предмет, методы исследования и выработали соответствующую терминологию. До этого времени проблема жертвы преступления в исследовательском плане оставалась в стороне. Сам термин «виктимология» впервые прозвучал в докладе Б. Мендельсона «Новые психосоциальные горизонты: виктимология» (1947). Позднее, в 1949 г., американский психиатр Ф. Уэртхем

¹ Лекция построена на содержании и результатах исследования Н.В. Ахмедшиной.

выступил за создание «науки виктимологии», посвященной социологическому анализу поведения жертвы преступления.

Почему же интерес к жертве преступления возник именно в названное время?

Исторически сложилось так, что трансформация научного знания в самостоятельную научную дисциплину происходит тогда, когда сложились три условия:

- 1) наличие обстоятельств, способствующих возникновению данного знания на определенном историческом этапе;
- 2) достижение необходимого уровня развития базовых наук;
- 3) существование социального заказа на развитие знаний, представленных новым научным направлением.

Говоря о причинах, которые способствуют либо препятствуют возникновению и дальнейшему развитию научного знания определенного характера на конкретном этапе развития общества, мы имеем в виду главенствующие в обществе доктринальные установки, оказывающие влияние в том числе и на правовые науки. В частности, говоря, например, о криминологии, профессор Оксфордского университета Дж. Гарланд пишет, что история этой науки – это история постоянной переоценки идей в соответствии с меняющимися политическими условиями, изменениями на институциональном и административном уровнях, а также интеллектуальными достижениями, происходящими в смежных отраслях науки, и изменяющимися идеологическими установками практических работников. Другими словами, криминология как наука социальная изучает преступность, а определение преступного и приемы воздействия на нее напрямую зависят от господствующей в данный исторический момент идеологической установки, степень влияния которой, как нам известно из истории юридической науки, может быть различной.

На этапе, предшествующем появлению виктимологии в криминологической науке (начало XX в.), мы наблюдаем достаточную степень сформированности научного знания в тех областях, которые имеют потенциальный выход на решение виктимологических проблем, прежде всего психологии и собственно криминологии.

Бурный рост психологического познания в первой половине XX в. привел к появлению различных теорий личности. На наш взгляд, целесообразно выделить два направления, являющихся до сих пор важнейшими в психологии и представляющих ценность для эффективного решения задач исследования личности жертвы преступления. Речь идет о психоаналитической и бихевиористской школах изучения личности. Отметим, что выделенные направления выбраны по причине наиболее полного раскрытия в них ряда особенностей психики человека, которые напрямую связаны с природой личности жертвы преступления.

Одним из направлений психологии, ставших базовыми для изучения жертвы преступления, является *психоанализ*. Основной акцент в этой теории делается на роль биологических неосознаваемых факторов в регуляции поведения и утверждение, что поведение человека в своей основе иррационально и является результатом взаимодействия между различными структурными уровнями сознания.

Познавательной значимой является та часть психоаналитической теории личности, где раскрывается природа тревоги и механизмы психической защиты от нее.

По мнению ряда исследователей, виктимность как свойство лица, определяющее повышенную степень вероятности претерпеть вред от противоправных действий, так же как агрессия, может выступать в качестве защитного механизма, поэтому психоаналитические методики исследования личности должны применяться и применяются для изучения личности жертв преступлений наряду с другими методами исследования.

Основы *бихевиоризма* как направления в психологии были заложены в статье американского психолога Дж. Уотсона «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913), а также в работе Э. Торндайка «Принципы обучения, основанные на психологии» (1905). С практической точки зрения необходим был качественно новый подход к изучению личности – метод, основанный на регистрации и анализе внешне наблюдаемых фактов, процессов, событий в поведении конкретного человека.

По мнению Дж. Уотсона, «основная задача бихевиоризма заключается в накоплении наблюдений за поведением человека с таким расчетом, чтобы в каждом данном случае при данном стимуле (или, лучше сказать, ситуации) бихевиорист мог сказать наперед, какая будет реакция или – если дана реакция – какой ситуацией данная реакция вызвана». Д.В. Ривман в своей работе «К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления» (1988) пишет, что «смысл изучения потерпевших от преступлений – чтобы на основе представлений о лицах, уже пострадавших, определить типичные совокупности личностных признаков и характеристик поведения, делающих конкретное лицо более или менее уязвимым в ситуациях преступлений».

Таким образом, и бихевиористское психологическое направление, и разработанные на его основе конкретные методики изучения личности (такие как «наводнение», «тренировка настойчивости», «релаксация», «дневниковая форма фиксации») имеют немаловажное значение для исследований жертвы преступления.

Криминологическая наука начала XX в. переживала этап переоценки ранее разработанных теорий и выработки новых. В этот период появляются различные теории причин преступности. Существенное значение для развития в будущем виктимологии имели теория интеракционизма и теория стигмы.

В психологическом аспекте теория стигмы показывает, что складывающиеся в соответствии с реакцией людей на то или иное поведение шаблоны действуют и на другую сторону – а жертв преступлений, как состоявшихся, так и потенциальных. «Преступник следует одному социальному стереотипу, а именно, что потенциальную жертву нельзя оставлять без внимания», – замечает Г.Й. Шнайдер. Так, по данным Е.Б. Дорониной (2001), 53,8% мошенников рассматривали поведение потерпевших как главное обстоятельство, которое побудило их совершить преступление.

С другой стороны, жертва преступления, прошедшая через предварительное расследование и суд, к тому же не получившая материальной компенсации, нередко переживающая так называемую «вторичную» виктимизацию, также остается носителем опреде-

ленного «ярлыка». Последствия вторичной виктимизации сходны с последствиями вторичной девиантности, которые проявляются в том, что вокруг лица «создается обстановка недоверия и подозрительности, когда окружающие опасаются совершения данным лицом новых девиантных действий». Вследствие этого индивид становится носителем определенного «клейма» не только в глазах окружающих, но и в своих собственных, что не может не отразиться на его дальнейшем поведении, так как общественное мнение способно заставить некоторую часть людей поступать соответственно сложившимся в отношении них представлениям.

Общую картину положения потерпевших от преступлений можно выразить словами Г.Й. Шнайдера о том, что «общество занимает в отношении жертвы весьма странную позицию – оно клеймит ее. Причинившего вред клеймят как уголовного преступника, а к жертве проникаются недоверием, сожалением или злорадством».

Говоря о социальных предпосылках формирования криминологической виктимологии, следует отметить, что Вторая мировая война с ее многомиллионными жертвами внесла свой вклад в появление теории жертвы преступления – проблема жертв геноцида также требовала своего разрешения в целях недопущения подобного в будущем. Таким образом, социальный заказ от мировой политической элиты на всесторонний анализ последствий Второй мировой войны явился важным фактором, обусловившим более интенсивное развитие виктимологического направления.

Предмет, методы и история развития виктимной психологии

Одним из принципиальных вопросов исследования жертвы преступления является вопрос, выступает ли виктимология самостоятельной наукой или она должна развиваться исключительно в рамках наук, базовых по отношению к ней? Базовыми для виктимологии необходимо считать социологию (точнее, ее производную – криминологию) и психологию (точнее, ее производную – правовую психологию).

Одна группа исследователей рассматривает виктимологию как часть более широкого учения о жертвах не только преступлений, но и последствий несчастных случаев, природных и техногенных катастроф, эпидемий, войн и иных вооруженных конфликтов, политических противостояний (виктимология в широком смысле слова). Так В.И. Полубинский полагает, что виктимология является самостоятельной научной дисциплиной, изучающей жертв всех видов и категорий, и включает в себя учение о жертве правонарушений и учение о жертве несчастных случаев (Полубинский В.И., 1979).

Д.В. Ривман, рассматривая виктимологию в широком смысле как перспективное направление, замечает, что на современном уровне виктимологических исследований ее некриминальные направления лишь обозначились. Действительно, некриминальные направления исследования жертв техногенных ситуаций принципиально отличаются от исследований криминального направления жертв правонарушений.

Криминальные направления исследований жертв правонарушений опираются на объективные закономерности, некриминальные – на в значительной степени случайные по механизму своего возникновения факторы. Некриминальная жертва – объект не научного, а в определенной степени околонучного познания.

Область научного знания, претендующая на самостоятельность, должна прежде всего обладать особым предметом и использовать специфические методы исследования. Знание природы предмета исследования, структуры научного знания, наиболее эффективных методов исследования и разработанных на их основе практико-прикладных методик позволяет вывести исследовательскую работу на уровень истинного научного знания. Соответствует ли виктимология указанным требованиям?

Говоря об объекте исследования жертв преступлений, Л.В. Франк писал, что им могут быть любые потерпевшие от преступления, в том числе и при покушении, близкие родственники погибших потерпевших, «виновные» потерпевшие, независимо от признания их таковым в уголовно-процессуальном порядке.

Преступление есть система, образованная тремя условно независимыми факторами: личностью преступника, обстановкой преступления и личностью жертвы. Социологическая составляющая системы преступления сводится к анализу обстановки преступления. Личности же преступника и жертвы есть составляющие психологические. Неудивительно, что виктимологическое знание при исследовании жертвы преступления опирается на исследования виктимной психологии и, может быть, даже сводится к ним.

Предметом виктимной психологии являются:

1) социально-демографическая и социально-психологическая характеристики жертв преступлений;

2) уяснение индивидуально-групповых особенностей потерпевших от преступлений;

3) типовые модели взаимосвязи между жертвой и преступником;

4) определение психологической сущности виктимности и уяснение форм ситуативного и личностного фактора в событии преступления (виды виктимности).

Конечной целью изучения жертв преступлений должна быть разработка мер по предупреждению виктимизации населения.

Составной частью любого исследования является решение проблемы использования тех или иных методов научного познания. С помощью анализа используемых методов мы можем подвергнуть оценке результаты состоявшегося исследования. Таким образом, анализ методов – это анализ объективности исследования. Каждый метод имеет свои достоинства и недостатки, а также свою исследовательскую нишу.

Виктимная психология, как и любое иное научное знание, использует приемы логического мышления: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, системный подход. Это – общенаучные методы. К методам конкретных наук, применяемым при изучении жертв преступлений, относятся: статистический метод, наблюдение, эксперимент, моделирование, типология, метод анализа независимых характеристик. Из области социологического знания виктимология использует метод опроса в форме интервью и анкетирования. Но большая часть методологического

арсенала заимствована виктимной психологией из психологической науки.

Поскольку одной из целей виктимологии являются классификация и типология личности жертв преступлений на основе изучения их биофизической, психологической и социальной характеристик, не должно принижаться значение биологического в человеке, объясняя все происходящее с индивидуумом на уровне социального. Необходимо исследовать с позиций системного подхода все данные о человеке в совокупности.

В целом можно сделать вывод, что виктимная психология обладает самостоятельным предметом и методами исследования. Характерным отличием отечественной виктимной психологии от зарубежных исследований личности потерпевшего является то, что с момента своего возникновения в конце 60-х гг. XX в. она развивалась преимущественно в теоретическом аспекте в рамках криминологического знания. Эта тенденция с незначительными изменениями продолжается и в настоящее время. Рассматриваемая наука находится на этапе перехода от стадии формирования к стадии активного развития.

Тенденции развития зарубежной виктимной психологии. Развитие криминологических и психологических знаний о потерпевшем привело к появлению в 40-х гг. XX в. виктимологии. Поэтому не случайно первые работы, сделанные в этом направлении – немецкого ученого Ганса фон Гентига «Замечания по интеракции между преступником и жертвой» (1941) и Бенджамина Мендельсона «Новые психосоциальные горизонты – виктимология» (Бухарест, 1947) – показали, что поведение жертвы нередко играет большую роль и оказывает существенное влияние на мотивацию поведения со стороны субъекта преступления.

Г. Гентиг называл преступление процессом, «в котором антиобщественные элементы пожирают друг друга», где «взаимоотношения между преступником и потерпевшим, вероятно, соответствуют взаимоотношениям между хищными и травоядными животными. Разница в отношениях между хищными и травоядными животными в мире животных и между преступником и

потерпевшим заключается в том, что хищным зверям приходится самим охотиться за добычей, в то время как жертва преступника во многих случаях, по-видимому, сама активно вводит в искушение преступника». Далее, в своей монографии «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности», выпущенной в 1948 г., Г. Гентиг отмечал, что между преступником и жертвой преступления существует негласное взаимопонимание и имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности. В этой работе Г. Гентиг развил основные положения нового направления в криминологической науке: определил предмет виктимологии, типичные виктимологические ситуации и типы жертв преступлений.

Наряду с трудами Г. Гентига первостепенное значение для развития нового научного направления имели исследования Б. Мендельсона (1956). В них автор дает определение термина «виктимология», определяя предметом исследования жертву преступления, рассматривает понятие «жертва», приводя классификацию жертв, и указывает, что центральной проблемой виктимологии является оценка «вклада» жертвы в юридически значимую ситуацию. Обратим внимание, что основатель виктимологической науки Г. Гентиг заявлял виктимологию как комплексное био-психо-социальное знание, расставляя исследовательские приоритеты именно в указанном порядке.

Как видно из сказанного, виктимология, находясь в рассматриваемый период в стадии возникновения, «вписывалась» в рамки основных криминологических теорий середины XX в. Объективно в этот хронологический период наиболее актуальными стали вопросы методологического характера, прежде всего вопросы сущности и предмета виктимологии. В период с конца 40-х и до начала 70-х гг. XX в. одним из ведущих виктимологических направлений стало исследование предположения о том, что жертва своими действиями или словами способствует совершению в отношении нее преступления и установлению «вины» потерпевшего.

В этот период под пристальным вниманием оказывается так называемая «виновная» жертва, своим поведением провоцирую-

щая преступление. Следует отметить, что на начальном этапе формирования виктимологии у исследователей в этой области наблюдается склонность к некоторой категоричности формулировок.

Оговоримся сразу, что использование термина «вина» по отношению к потерпевшему не совсем правильно, объективнее вести речь не о вине, а о сопричастности деятельности преступника и его жертвы.

Тенденции развития отечественной виктимологии. Предметом пристального внимания криминологов в нашей стране в 20-е гг. XX в. явилась личность преступника. Разработка данной проблемы неизбежно привела к выводу о том, что изучение личности преступника невозможно без изучения жертвы совершенного им преступления и связи, существующей между двумя этими субъектами.

При изучении личности преступника в России, как и за рубежом, в 70–80-х гг. XX в. использовались и используются в настоящее время методики, базирующиеся на принципах, лежащих в основе психоаналитического и бихевиористского подходов: проективные методы; анкетные методы, обязательным элементом которых, как правило, является изучение некоторых элементов бессознательного характера; экспериментальные методы психодиагностического исследования личности. Начало виктимологических исследований в нашей стране было положено Л.В. Франком (1966).

Работа В.Е. Христенко «Психология поведения жертвы» (Ростов-на-Дону, 2004) выступает наглядной демонстрацией современного уровня развития виктимной психологии. Она посвящена в основном практическим вопросам виктимологии. Автор предлагает при изучении социально-психологических основ виктимологии использовать в том числе и аналитические методы, например математические. Так, при помощи математических методов демонстрируется возможность описания уровня защищенности конкретного лица, что, несомненно, будет содействовать более эффективной профилактике преступлений. В работе описаны особенности восприятия жертв сексуальных преступлений, закономерности поведения заложников, приведены рекомендации работникам право-

охранительных органов по общению с жертвами преступлений, в том числе с малолетними жертвами, и свидетелями преступлений. Соблюдение этих рекомендаций, несомненно, понизит распространенность такого явления, как вторичная виктимизация жертв, неблагоприятные последствия которой подрывают доверие потерпевших от преступлений к правоохранительной системе в целом.

Практическая сторона виктимной психологии в виде создания эффективных программ защиты и помощи потерпевшим от преступлений, как реальным, так и потенциальным, представляла собой до недавнего времени весьма неразработанную сферу охраны прав граждан в нашей стране. Такое состояние науки о жертве преступления, безусловно, имеет свои причины.

Исходя из вышеизложенного, можно выявить две тенденции развития отечественной виктимной психологии, которые заключаются в следующем:

1) наблюдается активизация исследований, имеющих непосредственную практическую значимость, направленных на выявление уровня виктимизации, изучение проблемы «цены» преступности, а также зарубежного и международного опыта виктимологической профилактики;

2) сохраняется преимущественная направленность виктимологических исследований на изучение проблем отдельных видов преступлений, что имеет определенную практическую значимость, однако не приводит в силу разобщенности таких исследований и отсутствия генерализированных обобщений к инновационному прорыву в развитии теоретической виктимологии, что не отвечает проблемам виктимологической профилактики. Сохраняется разрыв между теоретическими положениями и практической их реализацией в целях предупреждения виктимизации населения;

3) начинает происходить размежевание виктимной психологии и криминологической виктимологии;

4) виктимная психология начинает политизироваться, преисполняясь спекулятивными рассуждениями, имеющими под собой выраженный критичный по отношению к власти подтекст.

Понятие жертвы преступления. Типология жертв. Виктимность

Понятие жертвы преступления. Понятие не только выступает результатом научного поиска, но и направляет ученых на перспективные научные исследования. На данный момент дискуссионным является разграничение понятий «потерпевший» и «жертва преступления».

Если провести этимологический анализ этих двух терминов, то можно выявить следующее.

Жертва в древних религиях – приносимый в дар божеству предмет или живое существо (убиваемое), а также приношение этого дара (жертвоприношение); добровольный отказ от кого-, чего-нибудь в чью-нибудь пользу, самопожертвование. Иначе говоря, основным смыслом этого слова будет безвозвратное лишение чего-либо (например, принести жертву богам (безвозвратно отдать что-либо, в том числе жизнь человека или животного); пасть жертвой в борьбе (умереть)).

Слово **«потерпевший»** производное от слова «терпеть», что, в свою очередь, означает проявить терпение в течение некоторого времени, «терпеть» – безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдание, боль, неудобства). Другими словами, потерпевший – это лицо, испытывающее что-либо неприятное (различной степени тяжести) в течение определенного времени.

Термин «потерпевший» принадлежит понятийному пространству уголовного права и уголовного процесса. Дело в том, что основная идея, например, уголовно-процессуальной науки демонстрирует «конечность» отношений между преступником и потерпевшим. Данное отношение начинается с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается вынесением окончательного приговора, который должен, по идее, прервать процесс страдания потерпевшего (претерпевшего страдание ограниченное время) от преступления. По смыслу уголовного закона, назначенное наказание должно восстановить нарушенную преступлением социальную справедливость.

Однако разве покалеченное, ограбленное или изнасилованное лицо перестанет страдать от перенесенного преступления, даже если преступнику вынесена высшая мера наказания – смертная казнь? Нет. Именно поэтому термин «жертва» более соответствует исследуемой материи, в меньшей степени скованной рамками правовых норм.

Учение о жертве преступления в прикладном аспекте имеет основной своей целью профилактическую деятельность, направленную на предупреждение первичной виктимизации потенциальных жертв и на предотвращение рецидива виктимизации со стороны жертв уже состоявшихся преступлений. Для более эффективного достижения поставленной цели неизбежно возникает задача выбора оптимальной типологии жертв преступлений и выработки определений отдельных их групп.

Типология жертв преступлений – очень важный вопрос, так как каждому типу жертв преступлений соответствуют определенные, присущие только им характеристики, которые исследуются соответствующими им методами. Разработанные на такой основе профилактические действия, направленные на потенциальных жертв, по своему содержанию из рекомендаций общего характера становятся конкретными мерами воздействия, учитывающими личностную специфику жертв преступлений.

Сегодня существуют типологии жертв преступлений по различным основаниям: например, по ролевому статусу (профессиональные признаки, физический и имущественный уровень потенциальных потерпевших и т.п.), по степени виновности потерпевшего (например, у Б. Мендельсона это невиновная жертва, жертва, способствующая совершению преступления, и жертва, вызывающая преступление), по характеру отношений между потерпевшим и преступником (так, Л.В. Франк выделяет приятельские, любовные, враждебные отношения между ними, В.С. Минская – хорошие, безразличные, неприязненные), по роли потерпевшего в создании криминальной ситуации (провоцирующая, неосторожная, правомерная).

В основу предлагаемой Н.В. Ахмедшиной типологии был положен поведенческий аспект, поскольку самым надежным способом

анализа жертвы преступления является анализ ее деятельности. Рассматривая элементы конкретного поведения, мы можем судить о психических процессах, его вызвавших. Анализ, в частности, аспектов социального характера не дает высокой гарантии точности вследствие значимости ситуационных факторов. Спор в науках, изучающих личность преступника, о доминанте внутреннего состояния личности или внешних обстоятельств длится уже достаточно долгое время. Исследователь, выбравший иной, нежели поведенческий, аспект в изучении человека, на наш взгляд, будет обречен постоянно возвращаться к данному проблемному вопросу.

Всех жертв преступлений в зависимости от их поведения, необходимо разделить на случайных и закономерных. Здесь речь идет не о фатальности, а о наличии вероятности, имеющей достаточно высокую степень. Она может детерминироваться осознанными и неосознанными, личностными и ситуационными предпосылками, существующими в ситуациях личностного выбора.

К *случайным жертвам* преступлений относятся лица, поведение которых не было негативным и никоим образом не вызывало преступные действия. Виктимология стала развиваться потому, что жертву признали активным элементом системы преступления, выделяя центральной проблемой оценку «вклада» жертвы в юридически значимую ситуацию, хотя этот «вклад» на первый взгляд не всегда очевиден. Случайные жертвы преступления выделены в самостоятельную группу в силу отсутствия фактора активного поведенческого начала и, напротив, наличия фактора случайности выбора модели поведения. Случайная жертва на сегодняшний день – это система «черного ящика», в которой мы фактически не способны на уровне научного подхода отслеживать внутренние причинно-следственные связи. Они, безусловно, есть, но нам неизвестны. Если жертва преступления не является носителем какого-либо активного поведенческого начала, то изучение ее на современном уровне развития знаний представляется достаточно проблематичным.

Система «феномен случайности» в целом пока не познаваема, но можно исследовать отдельные ее подсистемы, такие как,

например, биофизические, социологические и психологические характеристики таких жертв, в целях поиска выраженной корреляционной связи.

Закономерными жертвами преступлений Н.В. Ахмедшина называет лиц, своим поведением создающих или облегчающих условия совершения преступления. Закономерные жертвы преступлений не представляют собой однородную группу лиц. Среди них можно выделить отдельные подгруппы: активные жертвы и пассивные жертвы. Сами эти термины далеко не новы, но в них вкладывается несколько иной смысл, прежде всего потому, что в данной классификации нет места случайным жертвам, которых некоторые авторы относят к пассивным потерпевшим. К активным закономерным будут относиться так называемые «виновные» жертвы, своим негативным поведением создающие ситуацию преступления или адаптирующие обыденную ситуацию в ситуацию криминальную.

Случайные жертвы преступлений – лица, ставшие жертвами преступлений вследствие случайного стечения обстоятельств, не связанных с поведением жертвы или ее личными качествами. Поведение таких жертв, как правило, нейтрально и не создает условий для совершения преступления.

Закономерные пассивные жертвы преступлений – это лица, которые своим неосмотрительным либо неосторожным поведением способствуют созданию криминальной ситуации. Некоторые исследователи прямо говорят о том, что «для многих потерпевших... то, что они стали жертвами, не является случайным, а, образно говоря, подготовлено их поведением и личностными особенностями, условиями воспитания и прожитой жизнью».

Закономерные активные жертвы преступлений – это в основном лица, которые своим аморальным либо противоправным поведением создают криминальную ситуацию и провоцируют совершение в отношении них преступления. В большинстве случаев при расследовании преступлений в отношении этого типа жертв выявляется ряд смягчающих обстоятельств, учитываемых при назначении наказания виновному.

Негативное поведение активных закономерных жертв и неосмотрительное поведение пассивных закономерных жертв преступлений являются разновидностями так называемого виктимного поведения. Виктимное поведение – поведение жертвы, которое прямо или косвенно приводит к причинению ей того или иного вреда.

Виктимность как основная психологическая характеристика жертвы преступления. Уникальность исследования жертвы преступления определяется той совокупностью характеристик субъективного и объективного плана, которая послужила причиной наступления для нее неблагоприятных последствий преступного события. Данная совокупность характеристик является содержанием понятия «виктимность».

Одной из базовых дискуссий в рассматриваемом направлении можно считать дискуссию об объеме реализации волевого потенциала жертвы в событии преступления и о преобладании социального / биологического фактора в рассматриваемом генезисе.

Дискуссия о «прирожденной» жертве является актуальной в виктимологии. Так, Г. Элленбергер писал, что «“врожденные” жертвы якобы имеют для преступника притягательную силу, вытекающую не только из виновного их поведения, а из постоянного неосознанного приближения к роли жертвы». По-видимому, вопрос о существовании как прирожденных преступников, так и прирожденных жертв, а следовательно, и о врожденной виктимности еще долгое время будет оставаться открытым, привлекая к себе новых сторонников и противников. Генотип задает начальное направление развития, обеспечивая основные элементы поведения, которые включаются в более крупные поведенческие модели посредством механизма научения.

Основное содержательное начало виктимности должно опираться на толкование используемых в определении терминов, которое изначально задается правилами словообразования.

Способность. В психологии термин «способность» понимается как качество личности, детерминирующее успешность овладения определенной деятельностью и совершенствование в ней. В содер-

жание способности гармонично включаются волевой элемент и элемент осознанности. Способность предполагает некоторую желаемость. Вполне возможно, виктимность и может включать элементы осознанного желания, однако видится рациональным мнение о том, что это частный случай, никак не способный претендовать на глубинную природу виктимности.

Состояние. Если рассматривать значение самого термина, то его смысл сводится к положению, совокупности внешних или внутренних обстоятельств, в которых находится кто-нибудь или что-нибудь. Термин «состояние» выводит на значимость в исследуемом объекте временных характеристик. Целесообразность использования термина «состояние» вызывает сомнения, во-первых, ввиду его априорной многогранности, во-вторых, из-за ограниченности существования любого состояния во времени.

Свойство. Содержательная нагрузка данного термина включает нечто характерное для его носителя, стабильное, подлежащее как описанию, так и измерению. Как правило, свойство никогда полностью не зависит от внешних обстоятельств, но одинаково по степени своей проявляемости, и оно подлежит измерению методами отдельных наук.

Таким образом, определение индивидуальной виктимности через свойство человека будет наиболее полно способствовать выявлению ее сущности.

Исходя из вышеприведенного анализа, индивидуальная виктимность определяется как свойство лица, формируемое в процессе социализации и детерминирующее повышенную степень вероятности претерпеть вред от преступных действий.

Виктимность закономерных жертв преступлений представлена в двух формах: виктимность закономерных пассивных жертв и виктимность закономерных активных жертв.

Виктимность закономерных пассивных жертв, т.е. лиц, своими действиями не противодействующих или недостаточно противодействующих условиям предкриминальной ситуации, по своей природе отличается от виктимности активных жертв. Пассивные жертвы – это жертвы длящихся развратных действий, жертвы

«домашних тиранов»), некоторые жертвы изнасилований и серийных убийств, о чем подробнее будет сказано ниже. От случайных жертв и закономерных активных жертв пассивные жертвы отличаются не ситуационной, а постоянной формой выражения вовне повышенной уязвимости волевых составляющих личности.

Для понимания виктимности пассивной жертвы преступления особенно актуально изучение ее биографических особенностей. По мнению Л.В. Франка, чем больше несчастных случаев выпало на долю человека или было спровоцировано им за исходный период времени, тем больше будет их в последующем периоде его жизни, поскольку те же психологические предрасположенности продолжают вызывать те же условия.

Пассивность жертвы объясняется неспособностью / неумением найти тот ролевой сценарий, реализуя который, человек может нейтрализовать конфликт (который, как правило, носит затяжной характер) с преступником. В силу этого виктимность рассматриваемых лиц определяется фактором *дезадаптации* / *анадаптации*.

Причиной формирования **дезадаптации** как модели поведения могут выступать особенности воспитания, так как из всех обстоятельств жизни «решающее влияние оказывают взаимоотношения людей, в сфере действия которых находится личность», либо переживаемое психотравмирующее событие.

В психологических исследованиях понятие пассивности может рассматриваться как синоним понятия виктимности. Так, И.Г. Малкина-Пых основополагающими свойствами виктимной личности считает уход от принятия решений и возложения на себя ответственности за них, зависимость от окружающих людей, несамостоятельность, низкий уровень знаний о себе и низкий уровень самопринятия, т.е. пассивность адаптационного процесса. Пассивной личности В.М. Бехтерев отводит роль повторения и подражания.

Например, авторитарное воспитание, в рамках которого происходило становление жертвы преступления как личности, характеризуется, помимо прочего, также навязыванием ей нетипичных форм поведенческого реагирования на обстоятельства среды.

В авторитарном воспитании ребенку предоставляется жесткий набор реакций на раздражители, который не может быть дополнен реакциями, не одобряемыми родителями либо лицами, их заменяющими. Соответственно, руководствуясь чуждым жизненным сценарием, человек даже во взрослой жизни *не способен* в стрессовой ситуации адаптировать свое поведение к условиям этой ситуации. Подобная неспособность приводит к дезориентации в условиях конфликта, неспособности к волевой мобилизации в целях предотвращения внешней угрозы.

Наиболее ярко виктимность в форме дезадаптации как результат авторитарного воспитания проявляется в поведении жертвы, подвергающейся побоям (истязаниям) так называемых «семейных деспотов». Причина здесь в установке на некритичность со стороны жертвы к действиям лица, обладающего более высоким статусом (вследствие физической силы, социального положения, материальных возможностей), как результат привычного некритического восприятия поведения авторитарных родителей.

Пережитое ранее психотравмирующее событие также может выступать в качестве системообразующего в формировании виктимности в виде дезадаптации. Степень психотравмирующего события, его разрушительность могут варьировать от малозначительных до глобальных, однако нас интересует не столько само событие, сколько степень его переживания лицом. Психотравмирующее событие может быть пережито лицом и забыто, а может быть в полной степени не пережито. В последнем случае срабатывают механизмы психической защиты, в частности такой механизм защиты, как забывание. Чем сильнее человек склонен отторгать психотравмирующее событие, тем сильнее оно будет проявляться в его жизнедеятельности.

Чем больше у лица критичность по отношению к себе как личности, тем сильнее проявляется виктимность в форме дезадаптации. Дело в том, что в результате усиливающегося негативного восприятия себя как ценности во время совершения преступления у жертвы формируется убежденность в закономерности совершения над ней преступного акта как результата ее общей ущербоности.

Именно в силу последнего основное направление психологической реабилитации жертвы в подобных случаях ориентируется на формирование у пострадавшего лица установки на случайность насилия, на отсутствие причинно-следственной связи между личностью пострадавшего лица и событием преступления.

Таким образом, виктимность из защитного механизма в форме кратковременного состояния перерастает в относительно стойкое свойство личности. Стойкость означает не непрерывность, а одинаковость при повторных проявлениях.

В отличие от вышерассмотренной виктимности в форме дезадаптации, виктимность в форме **анадаптации** у закономерных пассивных жертв наблюдается в случае отсутствия у них каких бы то ни было сценариев реагирования на криминальную ситуацию. Причина этой формы виктимности в том, что у данного типа жертв практически нет информации о должном поведении в конкретной криминальной ситуации. Истоки виктимности в форме анадаптации могут также скрываться в особенностях стиля воспитания в семье (например, индифферентного).

Подобная форма виктимности может наблюдаться также в случае, когда ребенка воспитывают в «розовом» мире, в отрыве от реальной жизни (гиперопека).

Лица, склонные к проявлению виктимности в форме анадаптации, чаще всего становятся жертвами насильственных преступлений.

В качестве примера виктимности в форме анадаптации можно привести также потерпевших с нарушениями психической деятельности. Согласно специализированным исследованиям, психопатии и другие виды нервно-психических расстройств могут нарушить социальную адаптацию индивида. При психопатиях у индивида, страдающего главным образом нарушениями в эмоционально-волевой сфере, возникают трудности в усвоении и применении норм, регулирующих отношения в социуме. По оценке специалистов, потерпевшие с тяжелыми психическими расстройствами имеют выраженную социальную дезадаптацию и обладают самой высокой индивидуальной виктимностью.

Виктимность закономерных активных жертв характеризуется другими признаками, прежде всего легкомысленным отношением к последствиям своего поведения, вследствие чего обыденная ситуация трансформируется в ситуацию криминальную, либо отрицательным поведением, создающим ситуацию преступления.

В отношении закономерных активных жертв целесообразно выделять две разновидности виктимности: виктимность в форме *легкомыслия* и виктимность в форме *агрессии*.

Виктимность в форме **легкомыслия** наблюдается в тех случаях, когда лицо, не обладая достаточными способностями по урегулированию криминальной ситуации, тем не менее активно стимулирует возникновение и развитие ее, надеясь в любой момент по своему желанию справиться с потенциальными негативными последствиями. Виктимность в форме легкомыслия является следствием переоценки будущей жертвой потенциала собственных способностей. Завышенная самооценка жертвы не позволяет критически проанализировать ситуацию. Однако если лицо не делает выводов о необходимости пересмотра своей явно завышенной оценки, что является крайне затруднительным для любого человека, ответственность за наступление негативных последствий данное лицо склонно возлагать на внешние обстоятельства.

Наиболее ярким примером виктимности в форме легкомыслия служит поведение лиц, пострадавших от мошенничества. Как правило, при мошенничестве жертва надеется сама обмануть преступника, возлагая надежду на собственное интеллектуальное превосходство, счастливый случай либо веру в чудеса. В подобных случаях жертва сама форсирует контакт, предложенный преступником, выступая активной стороной криминального события.

В качестве завершающей формы виктимности активных закономерных жертв выступает виктимность в форме **агрессии**. Ориентация на агрессивное поведение как способ решения конфликтов проистекает из индивидуальных особенностей личности как социальной, так и биологической природы. Агрессивное поведение – самый простой способ для данных лиц в решении жизненных ситуационных конфликтов, слишком часто повторяющийся, со

временем трансформируется в индивидуальную особенность личности. Виктимность в форме агрессии детерминирует криминальную ситуацию путем активного (агрессивно-наступательного) воздействия на преступника, осуществляемого без учета возможных последствий. Отличие этой формы виктимности от виктимности в форме легкомыслия заключается именно в природе активности жертвы по созданию криминальной ситуации. Лицо с виктимностью в форме легкомыслия не предполагает возникновения криминальной ситуации, так как надеется на свои способности не допустить возникновения данной ситуации. Лицо же с виктимностью в форме агрессии уверено в своих силах в случае возникновения криминальной ситуации и осознанно или неосознанно предполагает или допускает ее возникновение, будучи уверенным в своем превосходстве и способности выйти из криминальной ситуации без потерь.

Таким образом, виктимность в форме агрессии закономерных активных жертв выражается в том, что лицо детерминирует криминальную ситуацию путем активного (агрессивно-наступательного) воздействия на преступника, осуществляемого без учета возможных последствий.

Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником

Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником, выражающийся в категории «*связь преступник–жертва*», на наш взгляд, является перспективным в плане дальнейших исследовательских тенденций в виктимологии, прежде всего в целях прогнозирования виктимного поведения. Л.В. Франк считал этот механизм инструментом прогнозирования криминальной действительности. Еще в 1962 г. Г.Н. Мудьюгин, исследуя механизм преступного поведения, отметил, что способ совершения преступления во многом зависел от характера и особенностей личности потерпевшего.

По мнению Э.А. Фаттах, преступник выбирает свою жертву не случайно, а согласно точным критериям и характеристикам,

создается ситуация, в которой жертва и преступник изначально «нашли друг друга» и подошли друг другу по психологическому типу, «как замок и ключ». Почему этим «критериям и характеристикам» придана преимущественно социальная окраска: муж–жена, сожители, соседи? Истина не может лежать на поверхности, в данном случае она глубже, чем просто социальный статус жертвы и ее преступника.

Под виктимогенными личностными факторами следует понимать свойства личности, обусловившие конкретную форму виктимности, реализованную в процессе поведения жертвы преступления. Под виктимогенными ситуационными факторами следует понимать определенную совокупность условий внешней среды, детерминирующую поведение жертвы преступления. Механизм взаимодействия жертвы и преступника есть форма проявления виктимогенных личностных и виктимогенных ситуационных факторов. Преобладание виктимогенных личностных либо ситуационных факторов будет оцениваться с позиции жертвы преступления. Если при совершении преступления высоко значение личности жертвы преступления и ее поведения, то в механизме взаимодействия главенствуют виктимогенные личностные факторы. Если преступление совершается под влиянием внешних обстоятельств – преобладают виктимогенные ситуационные факторы.

Кроме того, необходимо учитывать, что предлагаемые схемы взаимодействия жертвы и преступника основаны на формах виктимности жертв, проявляемых в зависимости от характера поведения последних. Эти формы виктимности могут тяготеть к каким-то конкретным механизмам взаимодействия, но полностью определяться ими не будут ввиду неоднородности факторов, составляющих содержание данных механизмов.

Исходя из преобладания в механизме взаимодействия жертвы и преступника влияния виктимогенных личностных факторов и виктимогенных ситуационных факторов выделены три его разновидности.

«Схема молекул». В данной разновидности механизма взаимодействия решающую роль играют виктимогенные ситуационные

факторы, а роль виктимогенных личностных факторов ничтожно мала. Жертвы в таких случаях обладают, как правило, случайной виктимностью.

«Схема магнита». Суть данного механизма взаимодействия в том, что поведение одной из сторон преступления стимулировало возникновение криминогенной ситуации. Активная роль в рассмотренной схеме принадлежит одной из сторон – жертве преступления или преступнику, т.е. роль одного из участников преступного события выражена значительно сильнее, чем другого. Данный механизм проявляется в двух формах: если жертва «притягивает» преступника – налицо преобладание виктимогенных личностных факторов, если преступник «притягивает» жертву – доминируют виктимогенные ситуационные факторы. Данный механизм виктимизации характерен, прежде всего, для виктимности в форме легкомыслия.

«Схема соответствия» – разновидность механизма взаимодействия, в котором личностные особенности обеих сторон преступного события детерминируют его возникновение безотносительно к поведенческим актам.

«Очень часто жертву связывают с преступником прочные невидимые нити, причем, как ни странно, и тогда, когда они едва знакомы. Неразрывность пары «убийца–убитый» тоже имеет свои причины, порой совершенно неочевидные. По большей части жертвы ни в чем не виноваты, если вообще позволительно говорить о какой-либо вине убитого человека. Тем более любопытны и даже загадочны случаи, когда потерпевший как замороженный стремится к собственной гибели, хотя и не отдает себе в этом отчета», – пишет Ю.М. Антонян в своей работе «Психология убийства».

Между жертвой преступления и преступником в рассматриваемом случае наблюдается стабильная взаимосвязь. Здесь между личностными особенностями жертвы преступления и преступника присутствует не похожесть, не тождественность, а дополняемость. Так, в современной психодиагностике утверждается, что психологический тип человека в значительной степени предопределяет

на неосознанном уровне характер взаимоотношений с представителями других психотипов. Повышенное доверие / недоверие человек испытывает к лицу, поведенческие реакции которого тождественны поведению родителей. То же, но в меньшей степени, относится к восприятию свойств, присущих хорошим / плохим знакомым воспринимающего.

Исследование рассматриваемого механизма взаимодействия позволяет определить тип преступника, который соответствует конкретному типу жертвы преступления, обладающей определенной индивидуальной совокупностью личностных свойств.

Профилактика проявления виктимности

Содержание виктимологической профилактики составляет комплекс мер, предотвращающих виктимизацию. Эти меры должны представлять собой целостную и динамичную систему и соотноситься с изменением виктимологической обстановки в стране.

Групповая (специальная) виктимологическая профилактика направлена на разработку и применение приемов недопущения возникновения виктимных ситуаций для обособленных групп потенциальных жертв преступлений. Содержанием групповой виктимологической профилактики преступлений являются виктимологические приемы, т.е. наиболее эффективные применительно к конкретной группе лиц способы воздействия, направленные на недопущение возникновения виктимных ситуаций. Рассматриваемая разновидность профилактики носит ярко выраженный типовой характер и является способом оптимизации использования рекомендаций в рамках общей виктимологической профилактики.

С другой стороны, практическая значимость типологии пострадавших, а следовательно, и групповой виктимологической профилактики заключается в возможности индивидуальной профилактической работы с потенциальными жертвами.

Индивидуальная виктимологическая профилактика направлена на конкретных лиц, «которые, судя по их поведению или

совокупности личностных качеств, могут с наибольшей вероятностью оказаться жертвами преступников, позитивное воздействие на них и обеспечение их безопасности». Сущность индивидуальной профилактической работы состоит в повышении защитных реакций потенциальной жертвы, нейтрализации ее отрицательных свойств, которые способствуют повышению виктимности. Рассматриваемая разновидность профилактического воздействия всегда конкретна и носит ярко выраженный ситуационно-личностный характер. Так, лицо, проводящее индивидуальную виктимологическую профилактику, с учетом типологических особенностей реальной / потенциальной жертвы преступления определяет целесообразность профилактической деятельности применительно к временному фактору (сразу после события или по прошествии какого-либо времени во избежание вторичной виктимизации), фактору причастности лиц (наедине с жертвой или в присутствии третьих лиц), пространственному фактору (на территории жертвы или на нейтральной территории) и иным обстоятельствам.

Как видно, индивидуальная виктимологическая профилактика – процесс в значительной степени творческий в силу индивидуальности жертвы и ситуативности воздействия. Вести индивидуальную профилактическую работу с потенциальной жертвой могут представители органов опеки и попечительства, школьный психолог, работник центра психологической помощи, участковый уполномоченный милиции.

Н.В. Ахмедшина основные средства профилактического воздействия на потенциальную (и на реальную во избежание рецидива виктимизации) жертву, детализируемые конкретными приемами, группирует в три отдельных блока.

1. Обучение – получение лицом информации, владение которой понижает степень виктимности лица.

2. Воспитание – освоение лицом приемов использования информации, владение которой понижает степень виктимности лица.

3. Коррекция – изменение личностных особенностей лица, препятствующих применению полученной и освоенной информации, понижающей степень виктимности лица.

Виктимность в форме анадaptации жертв, как уже отмечалось ранее, наблюдается в случае отсутствия у лиц каких бы то ни было сценариев поведенческого реагирования на криминальную ситуацию. Основная причина этого состоит в том, что у данного типа жертв преступлений нет информации о должном поведении в ситуации преступления, поэтому главным способом профилактического воздействия на лицо с данной формой виктимности является обучение. Виктимность в форме анадaptации может также возникнуть и развиваться у человека как следствие определенных форм воспитания, которым этот человек подвергался. Такая модель воспитания, как гиперопека, выражающаяся в постоянном навязчивом контроле за ребенком, не позволяет развиваться у последнего способности к самостоятельному реагированию на стрессовую ситуацию. Подобная картина наблюдается и при воспитании по модели «ежовые рукавицы», когда за любой неудачей следует наказание, и зачастую ребенок усваивает только те способы поведения, которые являются безопасными в микрогруппе, где он существует, боясь «экспериментировать» с неизвестными, нестандартными в его понимании моделями поведения.

Профилактика виктимности в форме анадaptации может выражаться в объяснении неправильности описанных моделей воспитания и потенциальных последствий возникновения у ребенка виктимности в форме анадaptации и обучении социально приемлемым формам поведения. Процесс профилактического воздействия на несовершеннолетних с виктимностью в форме анадaptации должен включать работу с родителями или лицами, их заменяющими. Это необходимое условие достижения положительного результата.

Обучение как средство виктимологического профилактического воздействия может быть использовано достаточно широким кругом субъектов. Например, с учетом большого количества совершаемых в РФ насильственных преступлений на бытовой почве виктимологическая профилактика в форме обучения может осуществляться также в рамках курса «Основы семейной жизни» (в разделе «Семейная конфликтология»).

В настоящий момент необходимо утверждение стандартов, подобных описанным выше, для дошкольных учреждений и образовательных учреждений для лиц, имеющих психические отклонения и заболевания. Малолетние и лица с психическими отклонениями обладают ярко выраженной виктимностью в форме анадaptации. Так, например, детские сказки («Красная Шапочка», «Семеро козлят») тоже содержат элементы виктимологического воздействия («Не разговаривать с незнакомыми», «Не открывать дверь посторонним людям» и т.д.). В силу того что маленькие дети восприимчивы к обучению в игровой форме, можно разработать на основе таких сказок обучающий материал, доступный для восприятия малышей.

Воспитание как средство профилактического воздействия является наиболее востребованным в отношении лиц, обладающих виктимностью в форме дезадаптации.

Из определения этой формы виктимности следует, что виктимологическая профилактика в данном случае должна быть направлена не на получение информации, понижающей степень виктимности лица, а на научение пользования имеющейся информацией.

Потенциальных жертв, поведение которых характеризуется как положительное, нейтральное или, во всяком случае, не противоправное, необходимо обеспечивать мерами безопасности «извне», в ряде случаев позитивно воздействовать на них с целью сделать более активными, осмотрительными и т.д. Соответственно, в рамках групповой виктимологической профилактики рассматриваемых лиц виктимологические приемы будут ориентированы на процесс воспитания лица.

Несмотря на владение информацией о должном поведении в виктимной ситуации, лицо с виктимностью в форме дезадаптации не может ею воспользоваться в силу ряда причин. К этим причинам могут относиться:

- нерешительность, робость как характерологическая черта личности;
- страх как следствие пережитых ранее потрясений;

– неспособность к нестандартной реакции как следствие определенных форм воспитания.

Виктимность в форме дезадаптации – следствие наличия в структуре характера лиц таких свойств, как нерешительность, боязливость, повышенная робость, она возникает вследствие низкой самооценки себя этим лицом. В описываемом случае виктимологическая профилактика реализуется, прежде всего, в процессе психологического консультирования. На наш взгляд, основная нагрузка падает на школьных психологов, так как рассматриваемые предпосылки дезадаптивной виктимности в первую очередь характерны для несовершеннолетних лиц. Естественно, вопросам повышения самооценки ребенка также должны уделять внимание и его родители.

Страх как следствие пережитых ранее эмоциональных потрясений еще в большей степени, чем особенности характера, способствует развитию виктимности в форме дезадаптации у конкретного лица. Так, лица, подвергающиеся в обычной жизни сильным физическим наказаниям, в стрессовой ситуации (в нашем случае – в виктимной ситуации) редко способны к поиску оптимальной модели реагирования, так как для таких лиц «ситуация, которая вызывает боль (угрозу боли), может вызывать страх независимо от наличия ощущения боли».

Для лиц, виктимность которых возникла вследствие рассматриваемой причины, виктимологическая профилактика фактически невозможна без оказания серьезной психологической помощи, которую может предоставить только специалист-психолог. Забегая вперед, отметим, что реабилитация жертв преступлений, которая будет рассмотрена в следующем разделе, в основном преследует цель понижения виктимности данной формы.

Таким образом, обучение выступает главным способом профилактики виктимности в форме анадатации, а воспитание – дезадаптации. В тех случаях, когда потенциальная жертва располагает необходимой для урегулирования виктимной ситуации информацией и имеет возможность воспользоваться ею, но не делает подобного в силу ряда причин личностного характера,

актуальными являются **виктимологические приемы, направленные на коррекцию личности** в целях виктимологической профилактики в отношении данного лица. Особую актуальность данные приемы имеют в отношении лиц с виктимностью в форме агрессии или легкомыслия.

Выше уже отмечалось, что для лиц с виктимностью в форме агрессии характерна активная роль в виктимной ситуации. Наглядным примером может послужить, в частности, лицо в состоянии алкогольного опьянения, затеявшее драку и получившее вред здоровью в ходе нее, либо лицо типа «семейный деспот», пострадавшее от агрессии доведенного до состояния эмоционального срыва супруга / супруги / ребенка.

Виктимологическая профилактика жертв преступлений с виктимностью в форме агрессии идет параллельно с общей криминологической профилактикой. Коррекция личности рассматриваемых субъектов, на наш взгляд, не предполагает применения приемов устранения виктимности в форме агрессии как таковой, ограничиваясь недопущением дальнейшего развития рассматриваемой формы виктимности. Профилактические беседы с такими лицами, посещение участкового инспектора с проверкой образа жизни названных лиц, меры административного характера (штрафы за нарушение общественного порядка), попытка их трудоустройства – вот основные виктимологические приемы общегрупповой профилактики применительно к лицам с виктимностью в форме агрессии. Хотя морально-нравственное облагораживание рассматриваемых лиц полностью не отрицается, однако подобное воздействие представляется менее эффективным.

Несколько иной характер коррекции личности потенциальной жертвы наблюдается в случае наличия у последней виктимности в форме легкомыслия. В отличие от жертв с виктимностью в форме агрессии, лица с указанной формой виктимности не предполагают возникновения криминальной ситуации, так как надеются на свою способность не допустить возникновения последней.

Таким образом, в основе виктимности в форме легкомыслия лежит необъективно завышенная оценка своих способностей. Как

следствие, виктимологическая профилактика в отношении рассматриваемой группы лиц будет выражаться в коррекции их завышенной самооценки.

В этой связи актуализация виктимологически значимой информации как виктимологический прием профилактического характера сводится к периодическому информированию о совершающихся в регионе преступлениях, однако акцент здесь целесообразно сделать не на самом событии преступления, что характерно для виктимологической профилактики в отношении лиц с виктимностью в форме адаптации, а на личности жертвы преступления в контексте анализа допущенных ею ошибок, усиливших вероятность возникновения виктимной ситуации.

Более детальное знакомство с индустрией азартных игр посредством тематических телепередач позволит гражданам объективнее оценивать шансы на выигрыш, особенно применительно к всевозможным «наперсточникам» и устроителям «беспроигрышных» лотерей.

Зная вышеизложенные особенности работы с конкретным типом реальных / потенциальных жертв преступлений, лица, призванные осуществлять профилактическую деятельность, смогут работать более эффективно.

Основные понятия темы: жертва преступления, интеракция, стигма, криминологическая виктимология, виктимная психология, потерпевший, случайные жертвы, закономерные жертвы, закономерные активные и закономерные пассивные жертвы, дезадапционная виктимность, адаптационная виктимность, легкомысленная виктимность, агрессивная виктимность, «схема молекул», «схема магнита», «схема соответствия», виктимологическая профилактика.

Литература

1. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : ТУСУР, 2011. 202 с.

2. Варчук Т.В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. 191 с.

3. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

4. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М. : Эксмо, 2007. 1008 с.

5. Невский Н.Н., Кулакова А.А. Виктимология и ее основополагающие аспекты. Владимир : Владимир. Юрид. ин-т ФСИН, 2007. 179 с.

6. Полубинский В.И. Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии. М. : ВНИИ МВД России, 2010. 226 с.

7. Одинцова М.А., Чернобровкина Н.Ю. Ценностно-смысловая сфера лиц разного виктимного типа. М. : ФЛИНТА, 2014. 181 с.

Контрольные вопросы

1. В чем причина возникновения виктимной психологии?
2. В чем основная причина концентрации исследовательских усилий на изучении проблем виктимной психологии в узком смысле?
3. В чем заключаются различия предмета криминологической виктимологии и виктимной психологии?
4. Какое понятие в наибольшей степени содержательно отображает феномен виктимности – способность, свойство, состояние, признак, качество?
5. В чем заключается различие виктимности в формах дезадаптации и анадаптации?
6. В чем заключается различие виктимности в формах легкомыслия и агрессивности?
7. Каковы основные этапы формирования виктимных свойств личности?
8. Назовите основные разновидности механизма взаимодействия между жертвой преступления и преступником.
9. Обоснуйте целесообразность конкретных средств виктимной профилактики применительно к типам виктимности у личности жертвы преступления.

Тема 7. Криминалистическая психология

Предмет, методы и задачи криминалистической психологии

Криминалистическая психология – удачный термин В.А. Образцова и С.Н. Богомоловой. В чем же была необходимость ее возникновения, ведь криминалистическое исследование личности известно в отечественной науке о расследовании преступлений еще с 1960-х гг. (Н.Т. Ведерников, А.А. Любавин, Б.Л. Корсаков)?

Дело в том, что психологические исследования очень плохо «приживаются» в криминалистике сегодняшнего дня. Кризисное состояние науки о расследовании подтверждается громадным количеством околонуточных исследований сущности и методологических проблем в ущерб прикладным исследованиям. Современная наука о расследовании преступлений стала предельно догматичной, и, скажем, в исследованиях тактического приема (напомним: основного средства манипуляции личностью контрагента) психологическая составляющая крайне мала, если не считать результатов психологических исследований прошлого века. Таким образом, оформление криминалистической психологии – это не объективный, а субъективный процесс, проистекающий из дефектов научного познания в современной криминалистике.

Еще раз подчеркнем, что существование криминалистической психологии есть временное явление, попытка «переждать» доминирование догматического начала, проявляющаяся в теоретической увлеченности части исследователей-криминалистов. Со временем криминалистическая психология вернется в арсенал криминалистической тактики, где ей и место.

Предметом криминалистической психологии являются психологические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек–следственное действие». В силу специфического взаимоотношения сторон, как и во многих разделах правовой пси-

хологии, акцент исследований смещен на методы познания, не предполагающие прямого взаимодействия с исследуемыми, на методы экспертной оценки.

Задачами криминалистической психологии являются:

- оптимизация тактического воздействия на иное лицо;
- оптимизация защиты от тактического воздействия иного лица.

Психологические аспекты развития криминалистики (криминалистической тактики)

Исследования в сфере расследования преступлений имеют гораздо более давнюю историю, чем наука о расследовании преступлений. Причем здесь нельзя говорить о начальных, пробных попытках познания. Например:

– в 1570 г. во Франции была учреждена корпорация экспертов, члены которой проводили экспертизы документов;

– в 1669 г. француз Ровенно издал брошюру, посвященную исследованию документов, которая через год была признана опасной, способной стать пособием по подделке документов;

– в 1814 г. во Франции выдающийся математик П.С. Лаплас в «Опытах философии теории вероятности» дает математическую интерпретацию надежности свидетельских показаний, рассмотрев проблему, до конца не решенную и сегодня;

– в 1823 г. в своей работе «О физиологическом исследовании органов зрения и строения кожи» чешский ученый-естествоиспытатель Я. Пуркинье отмечал, что папиллярные узоры на пальцах индивидуальны для каждого человека, и выделил девять типов таких узоров.

Необходимость криминалистического изучения сведений, характеризующих личность преступника, находила отражение и в законодательных актах. Например, в истории российского уголовного процесса подтверждение этому можно найти еще в законодательстве XVI в., а также в трудах протокриминалистов XIX в. (Фоминых И.С., 1998).

Примерно та же история с исследованиями почерка, следов животных, изучением психофизиологических реакций на стресс у подследственных и др.

Криминалистике также известны случаи игнорирования в силу социального заказа научных исследований с достаточно высоким приоритетом. Так, в начале XX в. эксперименты по определению достоверности свидетельских показаний производил В. Штерн. В его опытах исследовался процесс изменения показаний свидетелей в зависимости от времени, произошедшего с момента запоминания.

Проанализировав полученные данные, В. Штерн утверждал, что свидетельские показания недостоверны, поскольку забывание есть естественный механизм психики, а воспоминание – с учетом воспринятого объема информации – лишь исключение. Впоследствии исследователь утверждал, что память человека не является объективным отражением реальности, а выступает, скорее, как искажение в угоду узкоэгоистическим интересам личности, ее намерениям и свойствам.

Рассматриваемый доклад вызвал активный интерес и в сообществе российских криминалистов начала прошлого века. Последователями В. Штерна в России стали профессор Петербургского университета О.Б. Гольдовский, профессора Казанского университета А.В. Завадский и А.И. Елистратов. Они самостоятельно провели серию опытов, подобных опытам В. Штерна, и сделали аналогичные выводы. О.Б. Гольдовский писал: «Психологические основания ошибок очень различны, и вывод из сопоставления картины, воспроизведенной свидетелем, с действительностью получается очень печальный. Свидетель не дает точной копии, но лишь суррогат ее» (Гольдовский О.Б., 1904).

Однако, несмотря на экспериментальное подтверждение, научная общественность решила прислушаться к мнению не ученых, а практикующих адвокатов, которые, не проводя никаких исследований, критиковали полученные исследователями результаты. Так, например, совершенно ненаучную позицию в вопросе природы свидетельских показаний занимал известный российский юрист

А.Ф. Кони. Соответствие заявлений последнего потребностям социального заказа общества, стоявшего на идеях гуманизации уголовного процесса, в очередной раз пересилило научную объективность. Естественно, А.Ф. Кони был не один. Не проводя исследований, к его точке зрения присоединились, в частности, представители Казанского университета М.А. Лазарев и В.И. Валицкий, утверждавшие, что полученные выводы не будут иметь значения для практики, что важнейшее зло при свидетельских показаниях – не произвольные ошибки, а сознательная ложь свидетелей. Приведенный случай – наглядный пример роли социального заказа общества (защиты прав и свобод) в научных исследованиях актуальности свидетельских показаний.

Итак, выявлен парадокс – общество, нуждаясь в борьбе с преступностью, одновременно не формирует социальный заказ на создание научной методики для этой борьбы. Действительно, «эта борьба (государства с преступностью), неуклонная, весьма интенсивная, на которую много тратится, ради которой много крови проливается, много жизней гибнет, много сил пропадает без пользы» (Соколов А.П., 1896), долгое время не формировала заказ на научное знание в сфере борьбы с преступностью. Нельзя объяснить столь позднее возникновение криминалистики только научно-техническим бумом XIX в. Для разработки тактических приемов и методических начал расследования нет необходимости в высоком уровне развития теоретической базы наук о человеке, достаточно наличия полноценно обобщенной эмпирики.

Понимание этого парадокса позволит определить системообразующие аспекты социального заказа общества криминалистической науке. Несистематизированное знание о расследовании при наличии потребности в борьбе с преступностью может объясняться только существованием иных механизмов (не включающих научное познание) достаточно эффективного противодействия преступнику.

Анализ потенциала расследования вплоть до индустриальной эпохи показывает наличие только одного фактора, формирующего систему эффективного противодействия преступнику в процессе расследования. Речь идет о факторе стратификационного различия.

Период становления цивилизации характеризовался высокой общественно-политической ролью представителей аристократии. Традиционно аристократы-стражники противодействовали криминальным представителям нижестоящих сословий. «Стражники» обладали более высокой степенью развития мыслительной сферы в силу:

1) более высокого уровня образования, формировавшего более высокий уровень интеллектуальной продуктивности;

2) более активной социальной роли, формировавшей более высокий уровень развития коммуникативных свойств;

3) большего разнообразия жизненных сценариев, формировавших более высокий уровень адаптации к стрессовым ситуациям.

Таким образом, на первоначальном этапе развития цивилизации (эпоха Древнего мира) у аристократов-стражников не было необходимости в разработке тактических способов противодействия преступнику – не аристократу, так как подавление последнего происходило в силу интеллектуального доминирования аристократа-стражника.

В Средние века аристократия теряет интеллектуальное господство в силу упадка как престижности образования, так и динамики развития общества в целом. В принципе, в этот период создались условия для проведения исследований в области оптимизации расследования преступлений. Однако практика расследования в то время пошла по более экономичному пути, активно задействуя потенциал пыток. Сложившаяся ситуация продолжалась до середины XIX в., для которого характерными являлись следующие обстоятельства:

1) стратификационная мобильность (состояние высокой вероятности волевого изменения социального стратоса), по сути, нейтрализовавшая разницу в уровне развития отдельных сфер психики у представителей различных социальных групп;

2) гуманизация процесса расследования, сводящая до минимума реальный фактор насилия, в том числе и психологического;

3) появление новых сложных видов преступлений (серийные преступления, политический терроризм, мошенничество банков и фондов и пр.). «Неудовлетворительность постановки уголовного

розыска, а также значительное развитие преступности, и притом не только в смысле количественном, но и в отношении возрастающей утонченности способов совершения преступлений, побудили искать иных, кроме улучшения состава и увеличения количества органов розыскной деятельности, способов раскрытия преступлений и обнаружения виновных» (Шубинской Н.П., 1912).

Названные факторы и обусловили появление в конце XIX в. криминалистической науки.

Начиная с конца XIX в. исследователи-криминалисты, обобщая эмпирику расследования, разрабатывали эффективные способы преимущественно технического и тактического характера. Мы не будем оспаривать их общую эффективность, однако заметим, что базирующиеся на «следственных хитростях» тактические приемы действенны, только если лицо, на которое оказывается воздействие, о содержании этих приемов не знает.

При ознакомлении со структурой первых криминалистических и криминологических учебников, отметим наличие в них такого раздела, как «Криминальный жаргон». Почему он присутствовал в первых учебниках и отсутствует в современных? Ответ в том, что индустриальная эпоха, сгладив социально-групповую стратификацию, не отменила стратификацию культурную.

Моральное осуждение представителей криминального мира, характерное для большинства законопослушных граждан начала XX в., крайне ограничивало среду общения лиц, склонных к совершению преступлений. Изучать мир преступников как нечто нетипичное законопослушному гражданину было естественно (Громов И.А., 1913).

Также ограничению возможности общения законопослушных граждан и представителей криминального мира способствовало слабое информационное освещение процесса расследования в средствах массовой информации. Информационный изоляционизм представителей криминальной субкультуры делал действенными «следственные хитрости», рекомендуемые криминалистами. Таким образом, тактическая ориентация криминалистики начала и середины XX в. на «следственные хитрости» оправдана и объективна.

Начиная с 70-х гг. прошлого века в индустриально развитых государствах реализуется тенденция культурной дестратификации, сопровождаемая бурным ростом интернет-технологий. Для стран социалистического содружества данная тенденция в полной мере реализовалась в 90-х гг. XX в.

Представители криминальной субкультуры не только не подвергаются остракизму, но еще и активно распространяют свою криминальную субкультуру (криминально стереотипная внешность, лексикон, музыкальные вкусы и ролевые сценарии), даже в среде работников правоохранительных органов.

В наше время представители криминального сообщества имеют полный доступ к результатам криминалистических исследований. Информация о процессе расследования, его природе и механизмах совершенно открыта и не сдерживается допусками «для служебного пользования».

Рассмотрим на примере тактическую рекомендацию по установлению психологического контакта, сводящуюся к поиску общей темы для разговора, не имеющей отношения к преступному событию и близкой контрагенту следователя. Целью данного приема является формирование образа следователя несколько в отрыве от исполняемых им профессиональных обязанностей. Следователь – полноценная личность, профессией своей не исчерпывающаяся, – вот конечный образ рассматриваемого тактического приема. Но прием этот крайне широко известен и со стороны допрашиваемого ожидаем. Как следствие, попытка следователя найти общую тему (продемонстрировать свои человеческие качества) будет негативно воспринята осведомленным допрашиваемым, который будет уверен, что воспринимает формальные ролевые свойства личности следователя, а не его личностные характеристики. Таким образом, информированность допрашиваемого о содержании тактического приема не просто понижает его эффективность, а вызывает прямо противоположный эффект.

Учитывая вышесказанное, современная криминалистика не должна ориентироваться на тактику, построенную на «следственных хитростях», т.е. таких тактических приемах, определя-

ющим фактором которых является незнание их содержания допрашиваемым.

Придя к выводу об ограниченной эффективности рассмотренных тактических приемов, вероятно, целесообразно возвратиться к традиции исследований, базирующихся на двух аспектах:

1. На интеллектуальном превосходстве следователя над допрашиваемым. Естественно, ни поднять свой интеллектуальный уровень, ни опустить интеллектуальный уровень допрашиваемого оперативно следователь не в силах. Добиться же ситуативного доминирования вполне возможно.

2. На уменьшении защитного потенциала допрашиваемого в силу отсутствия у него информации о тактическом приеме либо малозначительности факта владения этой информацией. В качестве примера можно привести тактические приемы, базирующиеся на таких слабо осознаваемых проявлениях психики, как социальные установки, физиологические реакции либо иные способы стереотипного поведения. К примеру, даже если допрашиваемый знаком со способами обнаружения физиологических реакций при построении ложных показаний, знание это не будет определять его поведение, так как физиологические реакции осознанному контролю фактически не поддаются. Другим примером может выступать постановка вопросов недобросовестному допрашиваемому в обратном хронологическом порядке или вразбивку. Знание этого тактического приема допрашиваемым никак не оптимизирует его мыслительные процессы при моделировании ситуации в рамках непривычного алгоритма.

Тактические приемы интеллектуального доминирования следователя над допрашиваемым базируются на правильном использовании интеллектуального потенциала. Если мы не можем поднять свой интеллект в целом, то ситуативно оптимизировать его вполне способны. Достигается подобная оптимизация посредством концентрации внимания на как можно меньшем количестве разноплановых мыслительных операций в конкретный момент времени. Следственное действие делится на стадии, в рамках каждой из которых следователем реализуется небольшое количество однотипных по-

знавательных задач. В этом заключается внутренний смысл организационных тактических приемов (приемов структурирования).

Без сомнения, в отечественной криминалистике названная группа приемов и ранее рассматривалась в рамках организационно-тактических приемов, однако определяющей не являлась. На современном уровне развития криминалистического знания целесообразно сделать тактические приемы этой группы системообразующими для всех следственных действий. Как второстепенные будут выступать тактические приемы, направленные на варьирование защитного потенциала допрашиваемого, что сгладит эффект криминальной «просвещенности», характерный для текущего этапа развития общества. Тактические приемы, ориентированные на «следственные хитрости», становятся неким необязательным довеском, использование которого определяется сложившейся текущей ситуацией в расследовании и творческой натурой следователя.

Еще раз отметим, мы не отрицаем значимости «следственных хитростей», но их эффективность в условиях современного информационного общества считаем недостаточной.

Ролевая организация тактического воздействия

Подготовка следователем обстановки следственного действия должна определяться не столько принятой нормой комфортности и эстетичности (светло, свежо, чисто, аккуратно), сколько ролевой позицией следователя. Здесь и далее речь идет в большей степени о коммуникативных и экспериментальных, в меньшей степени – о поисковых и исследовательских следственных действиях.

Крайне важный аспект поведения следователя во время следственного действия – актерская игра. Несмотря на то, что в специальной литературе этот вопрос напрямую не освещен, процесс взаимодействия в процессе следственного действия предполагает высокую интенсивность задействования актерских навыков следователя в случаях, диктуемых тактической целесообразностью. Однако реально ли такое задействование? Способность к актерской игре, как и волевые, эмоциональные и познавательные способно-

сти, может быть недостаточно развита у конкретной личности, а если говорить откровенно, то существует небольшое количество психологических типов (сензитив, истероид, иногда эпилептоид), способных к убедительной актерской игре, не имея на то должного уровня познания в актерском ремесле. Стоит ли говорить, насколько нелеп следователь, психологически не адаптированный к данной деятельности, при попытке актерской игры на «бытовом» уровне.

Однако безотносительно к уровню развития артистических способностей следователя, он способен реализовать одну из трех стандартных ролей: дружелюбную (демонстрируется позитивное отношение к допрашиваемому), враждебную (следователь косвенно демонстрирует свое негативное отношение к допрашиваемому) и казенную (исключающую демонстрацию личностной взаимосвязи между взаимодействующими сторонами). Естественно, поведение в рамках реализации каждой из ролей должно соответствовать уголовно-процессуальным нормам и нормам профессиональной этики. Краткая характеристика названных ролей может быть сведена к следующему.

Враждебная роль. Содержание враждебной роли напрямую не определяется ее названием. Демонстрировать напрямую враждебность недопустимо ни в этическом контексте, ни в тактическом. Элементами агрессивной роли будут эмоциональная холодность, демонстрация завышенного самомнения, бесчувственность. Несмотря на простоту отыгрывания данной роли, у нее есть ряд характерных недостатков. Агрессивное поведение следователя, скорее всего, будет способствовать скатыванию им с управляемого конфликта на неуправляемый, со свойственным последнему значительным уменьшением эффективности познавательной деятельности. В рамках данной роли обращение к контрагенту идет по фамилии.

Здесь необходимо остановиться на последнем утверждении. В процессе межличностного общения человеком давно выработаны определенные приемы демонстрации своего статуса другому лицу посредством использования символического подхода к его

идентификационным характеристикам (фамилии, имени, отчеству). Роль обращения к человеку может быть сведена к следующему:

– идентифицируя лицо по фамилии, мы тем самым подчеркиваем его незначительную самооценку по сравнению с ценностью его рода, рядом его предков;

– идентифицируя лицо по отчеству, мы демонстрируем приоритет процесса воспитания над личностной ценностью человека, однако отдавая должное тому факту, что лицо хорошо переняло нормы поведения и мировосприятия, которые доминировали в его семье; само лицо как ценность мы признаем лишь частично;

– идентифицируя лицо по имени, мы тем самым подчеркиваем его доминантную самооценку по сравнению с ценностью его близких людей и рода в целом, пусть даже и высокой.

Речь следователя не должна быть громкой, опять же не в силу каких-то этических норм, а вследствие того, что громкий голос неосознанно воспринимается как голос неуверенного в своих силах человека, скрывающего свою неуверенность. В поведении человека в данной роли целесообразно присутствие действий, направленных на захват и контроль пространства: статусное кресло, опора на широко расставленные руки и пр.

Целесообразность агрессивной роли весьма сомнительна, но далеко не по этическим соображениям. Большинство людей, как правило, тяготеют к стереотипному поведению, руководствуясь проявлениями динамического стереотипа, установок и ролевых позиций. Человек, попадая в ситуацию, в которой разыгрывается ожидаемый сценарий, соблюдают ожидаемые роли и высказываются ожидаемые идеи, успокаивается, адаптируясь к стрессорам. В ожидаемой, стандартной ситуации психика стабилизируется. Одновременно с этим необходимо учесть, что, благодаря современным средствам массовой информации и проникновению в сознание законопослушных граждан элементов криминальной культуры (сленг, музыка, анекдоты), типовым является восприятие следователя как носителя невысокой культуры, склонного к подавлению граждан, самоутверждающегося за счет последних. Таким образом, враждебная роль в ходе следственного действия,

на которую может ориентироваться следователь, будет ожидаемой контрагентом с высокой степенью вероятности, что будет способствовать стабилизации его психики, а значит, усилению его возможностей противодействия усилиям следователя.

Если следователь решил отказаться от агрессивной роли, становится крайне важным следить за своим эмоциональным состоянием. По возможности следует нейтрализовать негативные эмоции, связанные с обследованием объектов, вызывающих чувство брезгливости, как способные затруднить интеллектуальную деятельность следователя. Конечно, не следует поддаваться растерянности в случае безрезультатности поисков, тем более показывать такое состояние своему контрагенту.

Дружелюбная роль. Содержание дружелюбной роли определяется ее названием: корректность и уважение, этичность и понимание: «...стараться приводить обвиняемого к признанию более кротостью и увещанием, нежели строгостью» (Лукин В.В., 1851). Однако эти свойства должны проявляться в «пристройке сверху», так как демонстрация равенства статусов быстро приведет к стабилизации психики контрагента следователя, как следствие результат – контрагент получает лишь малую часть психологического дискомфорта, а результативность следственного действия будет, скорее всего, невысокой. В процессе следственного действия при отыгрывании дружелюбной роли обращение к лицу идет по имени-отчеству. Исключением могут служить только неблагозвучные идентификационные сочетания, которые, скорее всего, не нравятся и самому допрашиваемому. Возможными примерами таких сочетаний могут быть «Мартин Иванович», «Луиза Васильевна». Тональность голоса следователя – выше среднего, что в сочетании с внешне позитивным отношением к лицу не будет им воспринято как слабость следователя.

На первый взгляд дружелюбная роль более предпочтительна в этическом плане как соответствующая требованиям профессиональной этики в процессе расследования. Проблема заключается в том, что вследствие психического напряжения, ввиду ограниченности поведенческого выбора лица любые попытки эмоционально

позитивного поведения со стороны следователя могут восприниматься его контрагентом как неискренние.

Казенная роль. В рамках казенной роли следователь позиционирует себя как винтик в государственной машине, «от него ничего не зависит, но как хороший профессионал он доведет любое порученное задание до конца». Элементами, характеризующими рассматриваемую роль, будут равнодушие, незаинтересованность, безразличие, «голый функционализм», формально-статусное общение. Данная роль – наиболее сложная в применении. Дело в том, что психологические недостатки, характерные для личности следователя, несмотря на его возможный волевой контроль, находят отражение вовне. Присутствие личностного элемента в поведении следователя делает казенную роль неубедительной. Однако в той или иной степени данная сложность преодолима волевыми усилиями следователя. Если подобное случилось, то у контрагента последнего формируется неосознанное чувство страха одиночки перед мощью карательных органов. Психологическая готовность к испытыванию данного чувства сформирована благодаря активной пропаганде стереотипов-штампов, как то ужасы эпохи сталинизма и карательная природа российского государства безотносительно исторической эпохи.

Самооценка человека стабильна в случае общения с ним в рамках дружелюбной роли, однако негативное отношение человека к себе со стороны другого лица тоже может быть принято им положительно («ты сердишься, значит, ты не прав», «боится, значит, уважает» и т.д.). К казенной же роли у человека нет адаптационных механизмов, стабилизирующих его состояние. В результате использования данной роли система ценностей любого человека, прежде всего «Я-ценность», теряет стабильность на поведенческом уровне, проявляя тенденцию к пассивному, реже агрессивно-му поведению.

Достаточно проследить поведение человека, обратившегося к чиновнику-бюрократу, как сразу станет видна дестабилизирующая значимость казенной роли, исключающей возможности эмоциональной адаптации к стрессовой ситуации. Необходимо

также добавить, что любой виновный ожидает к себе дружественного или враждебного отношения, что формирует у него соответствующие контрроли, а против казенной роли контрроли не существует.

При работе в рамках данной роли следователь обращается к контрагенту по статусу: «гражданин», «допрашиваемый», «подозреваемый», «обвиняемый», «свидетель», «понятой» и др. Это необходимо для того, чтобы не демонстрировать свое отношение к контрагенту, исключить личностный момент восприятия последнего. Никакой персонификации.

Тональность голоса средняя. К сожалению, для многих людей данная тональность труднореализуема, они быстро переходят с нее на тихую или громкую, быструю или медленную. Можно в принципе порекомендовать любую тональность, но при условии, что она будет стабильной.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что казенная роль по соотношению эффективности и корректности является предпочтительнее, чем дружелюбная или враждебная.

Отыгрывание роли (дружелюбной, враждебной, казенной) целесообразно реализовывать на начальных стадиях следственного действия, на последующих же только особо не выходить из созданного образа.

Каким же образом заданная на подготовительной стадии ролевая модель поведения может реализоваться на других стадиях? Только если реализация этой модели будет связана не с деятельностью следователя, а с созданной им в рамках психологической атмосферы той или иной роли обстановкой. Примером может выступать освещение помещения.

Излишне яркое искусственное освещение вносит дискомфорт в самочувствие человека, к тому оно же крайне рельефно вырисовывает мельчайшие эмоциональные нюансы, резко высвечивает любые контуры, в том числе и на лице (морщины, шрамы, выступающие части лица). Неудивительно, что использование яркого искусственного освещения гармонично вписывается в агрессивную роль следователя.

Ровное естественное освещение, наоборот, смягчает черты лица, что, например, женщины используют при формировании дневного макияжа с его более мягкими переходами тонов. Таким образом, для дружелюбной модели целесообразно использование мягкого естественного освещения.

Затруднительно воспринимать лицо человека в условиях недостатка освещения, к тому же искусственного, еще более искажающего восприятие другого лица. Неудивительно, что искусственное тусклое освещение удобно скроет личностный фактор в поведении следователя при обыгрывании им казенной роли.

О влиянии на лицо неосознаваемых им факторов достаточно говорилось в отечественной криминалистической литературе. Так, неоднократно описывалось влияние на допрашиваемого запахов, музыки и прочих факторов. Мы предлагаем сосредоточиться не на столь явных раздражителях.

Стабилизация психического напряжения, возникающего вследствие несовпадения векторов бессознательного и сознательного, достигается путем задействования механизмов неосознаваемой психической защиты. Назначение данных механизмов – снижение психического напряжения в сознании личности. Одним из таких механизмов является проекция, т.е. перенос психического напряжения на объекты окружающей действительности, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. Например, внутреннюю агрессию человек склонен проецировать предпочтительным выбором красного цвета в одежде, интерьере, аксессуарах. Научность данного положения подтверждает используемая в современной отечественной и зарубежной экспертной, психодиагностической, клинической и кадровой работе психодиагностическая методика «Восьмицветовой тест Люшера».

Основываясь на механизме цветовой проекции и располагая перед допрашиваемым перекидной календарь с ярко выраженным цветом, мы стимулируем обращение к тому или иному поведенческому реагированию в ответ на цветовой маркер.

Так, красная (для женщин) или черная (для мужчин) окраска стимулирует моделируемое восприятие контрагентом следователя

обстановки в рамках враждебной роли. Синяя (для мужчин) или зеленая (для женщин) окраска стимулирует восприятие в рамках дружелюбной роли. Коричневая (для женщин) или серая (для мужчин) окраска стимулирует восприятие в рамках казенной роли. Таким образом, организованная на стадии подготовки следственного действия установка в сознании человека будет определять отношение его к следователю без задействования психического потенциала последнего. Вероятно, в специальной служебной литературе необходимо остановиться на рассмотренной проблеме подробнее, чем в данном учебном пособии.

Понятие и виды психологического контакта и тактика его достижения в ходе следственных действий

Системообразующим элементом, предопределяющим эффективное решение задач, стоящих перед следственным действием, является достижение следователем состояния психологического контакта с его контрагентом. Следовательно, разработка системы тактических приемов предполагает уяснение целей установления психологического контакта в процессе следственного действия. В вопросе понимания природы и целевого содержания феномена психологического контакта мнение исследователей разделилось и представлено несколькими подходами.

Сторонники первого подхода полагают, что психологический контакт – это форма оптимального взаимодействия следователя и его контрагента. Рассматриваемой форме психологического контакта между участниками следственного действия в полном объеме присущи элементы эмоционального взаимодействия, построенного на взаимопонимании и взаимопомощи; когнитивная составляющая сводится к пониманию позитивных сил, движущих участниками следственного действия. Ярким сторонником данного подхода является Н.И. Порубов, рассматривающий психологический контакт как «систему взаимодействия людей между собой в процессе их общения, основанного на доверии, информационный процесс,

при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга. Психологический контакт – это... процесс взаимного понимания» (Порубов Н.И., 1973). Данная позиция исходит прежде всего из эмпатийной составляющей взаимодействия, опирающейся на эмоционально-оценочную компоненту в понимании того, что недопустимо рассматривать следственное действие как борьбу, конфликт, поскольку такая его оценка предопределяет проникновение в процесс уголовного судопроизводства незаконных и неэтичных методов воздействия (Пантелеев И.Ф., 1982).

Без сомнения, с точки зрения общих этических начал и положений профессиональной (следственной) этики рассматриваемое понимание природы психологического контакта наиболее оптимально. В теории именно такое понимание составляет суть взаимодействия лиц с выраженными антагонистическими установками. Следовательно в своей деятельности ориентирован на раскрытие и расследование преступного события, на получение информации, основываясь на которой суд предопределит виновному определенный объем лишений. Обвиняемый, в случае если он действительно совершил преступление, крайне не заинтересован в объективном рассмотрении своего дела, желая либо полностью, либо частично смягчить последствия эффективной работы следователя. Если обвиняемое лицо и лицо, совершившее преступление, не совпадают, то в ходе следственного действия воспринимать следователя как человека, пытающегося разобраться в перипетиях уголовного дела, обвиняемому субъективно сложно, негативное восприятие следователя в такой ситуации, скорее, показатель неестественно развитого аналитического уровня обвиняемого. Следователю воспринимать положительно человека, который активно противодействует ему, даже без учета склонности к обвинительному уклону, проистекающему из профессиональной деформации первого, также проблематично.

Не стоит полагать, что антагонистические установки свойственны только недобросовестным обвиняемым, подозреваемым и иным участникам следственного действия, с одной стороны,

и следователю – с другой. Добросовестный свидетель, как и добросовестный потерпевший, находящийся под угрозой санкций ст. 307 УК РФ (Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод), также не может доверять следователю полностью и чувствовать во взаимодействии с ним участие в «процессе взаимного понимания».

Абсурдность ситуации эмоционального взаимопонимания антагонистических сторон, естественно, обуславливает либо абсурдность приемов достижения этого состояния, либо ярко выраженный характер обмана, составляющий содержание тактических приемов по достижению этого мифического психологического контакта.

Таким образом, обе стороны объективно не имеют выраженной возможности позитивного восприятия друг друга, эмоционального сопереживания друг другу и не могут ориентироваться на «общение, основанное на доверии».

Недостижимость эмоционального взаимопонимания в большинстве случаев объективно накладывает свой отпечаток на содержание тактических приемов его достижения.

Даже поверхностный анализ тактических приемов, направленных на достижение психологического контакта в рассматриваемом понимании, демонстрирует нам их предельную неконкретность и спорную реализуемость. Какова тактическая ценность предваряющей следственное действие рекомендуемой многими криминалистами беседы на близкую лицу тему? Стремящаяся к нулю. Данная тактическая рекомендация не включает в себя способ получения информации о том, какая тема близка этому лицу. Такая рекомендация не включает в себя понимание готовности обсуждения конкретной темы с конкретным лицом (следователем). Она также не включает в себя понимание следователем готовности обсуждения конкретной темы в конкретных условиях (в кабинете следователя, в месте жительства лица, в месте его работы или на «нейтральной» территории).

Если исследователь будет утверждать, что ответ на все эти вопросы – удел следователя, адаптирующего конструкцию теоретического приема в реальную жизнь, то логичен вопрос – а зачем

вообще нужен этот исследователь? Для того, чтобы формулировать понятные любому разумному человеку рекомендации, облачив их в наукоемкие формулы? Или все-таки для того, чтобы разработать детализированный алгоритм тактического воздействия на лицо в определенной ситуации?

Повторим уже не раз ранее озвученное – в рамках понимания психологического контакта как формы эмоционального взаимопонимания и взаимосопереживания разработать содержательно полноценные тактико-криминалистические рекомендации крайне проблематично, если вообще возможно.

Сторонники второго подхода полагают, что психологический контакт – это форма активного взаимодействия следователя и его контрагента, безотносительно эмоционального отношения сторон друг к другу. Содержанием психологического контакта в рассматриваемом случае выступает готовность к совместной деятельности сторон, пусть и в возможной конфликтной форме. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерны элементы критической оценки собеседниками друг друга.

В рамках рассматриваемого подхода психологический контакт определяется как «согласованное деловое взаимоотношение следователя со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым, которое возникает на основе правильной позиции следователя и поведения допрашиваемого» (Доспулов Г.Г., 1976). В.Л. Васильев видит цель такого психологического контакта в нахождении общих интересов следователя и его контрагента, т.е. в переходе в процессе допроса от психологического «я» к психологическому «мы» (Васильев В.Л., 1988). Данные позиции исходят прежде всего из деятельностной составляющей взаимодействия, опирающейся на рационально-оценочную компоненту.

Говоря о достижении психологического контакта как формы активного взаимодействия следователя и его контрагента вне зависимости эмоционального отношения сторон друг к другу можно вести речь о двух различающихся способах.

Первый способ сводится к созданию у лица положительно окрашенного образа следователя. Он достигается посредством

рекомендаций вести себя таким образом, который для этого лица привычен.

Понятно, что моделировать тысячи оптимальных сценариев взаимодействия с конкретным человеком на допросе или в иной ситуации нецелесообразно. Речь идет о типовых поведенческих алгоритмах взаимодействия, каждый из которых комфортен конкретному типу личности и количество которых достаточно ограничено. Мы уже говорили, что для достижения криминалистически значимых задач исследования личности оптимальна доработанная типология акцентуированных типов.

Особенности поведения каждого человека, отклоняющиеся от типовых, выявляются в процессе анализа результатов его поведения и также ситуационно заимствуются следователем.

Второй способ базируется на создании у контрагента следователя иллюзии его сродства со следователем, идентичности их внутреннего мира и основных установок. Реализацией рассматриваемого способа является «зеркалирование» следователем собеседника. Конечно, речь необходимо вести не о банальном повторении его жестов и фраз, хотя, конечно, на небольшом количестве неуверенных или находящихся в состоянии сильной ситуационной тревоги лиц может сработать и это. Говоря о «зеркалировании», т.е. демонстрации следователем своей психической идентичности собеседнику, мы подразумеваем использование неосознаваемых контрагентом следователя речевых символов, наиболее комфортных для допрашиваемого. Исследования Т.А. Алексеевой показали, что каждый тип личности характеризуется склонностью к использованию определенного комплекса речевых символов, на которых строятся позитивные установки мировосприятия и деятельности (Алексеева Т.А., 2014–2019). Именно использование данных символов следователем формирует у его контрагента психологически комфортную установку на взаимодействие со следователем.

Сторонники третьего подхода полагают, что психологический контакт – это форма минимального взаимодействия следователя и его контрагента, определяющая возможность получения следователем от этого лица криминалистически значимой информации

о преступном событии. В рассматриваемом случае под психологическим контактом подразумевается не столько эмоциональная составляющая, как в первом подходе, и не столько коммуникативная составляющая взаимодействия сторон, как во втором, сколько составляющая информационная. Сторонники рассматриваемого подхода в понятие «психологический контакт» включают возможность следователя в одностороннем порядке получать информацию от его контрагента.

Если следователь сможет получать информацию, анализируя, к примеру, ритмику дыхания лица или движения его глазных яблок, жестикуляцию или проявления вегетативных реакций, то с позиций третьего подхода можно говорить о наличии психологического контакта.

Как становится понятным, достижение психологического контакта как минимального взаимодействия следователя и его контрагента, определяющего возможность получения первым криминалистически значимой информации о преступном событии, наиболее актуально для выраженных конфликтных ситуаций в ходе следственных действий, когда, например, допрашиваемый избирает тактику отказа от дачи показаний. В подобной ситуации для следователя становится актуальным получение любой криминалистически значимой информации, даже не имеющей возможности быть закрепленной в рамках проводимого следственного действия.

К громадному сожалению, тактический потенциал современной криминалистики в области взаимодействия в рамках психологического контакта в рассматриваемом понимании крайне мал. К тому же он не просто не признан криминалистическим сообществом как актуальный, но и имеющиеся в этой области тактические разработки регулярно подвергаются агрессивной критике со стороны исследователей-криминалистов, традиционно сконцентрированных на исследовании теоретических криминалистических проблем.

Положительным является медленное признание сегодня частью криминалистов актуальности исследования проблем разнообразных техник профайлинга, использование которых в тактическом

аспекте наиболее характерно как раз в рамках третьего понимания природы психологического контакта.

Профайлинг в сегодняшнем понимании – понятие, появившееся достаточно недавно и несколько нарушившее существующую стройную терминологическую картину в области использования знаний о человеке в процессе расследования. Лингвистически профайлинг есть просто транскрипция термина «профилирование» (*profiling*) и, по сути, является дублированием этого термина. Вспомним, что проблема отсутствия согласованной терминологии – одна из центральных для криминалистического профилирования. Что же такое профайлинг, а также какова обоснованность и необходимость существования данного термина?

Под профайлингом понимается «система социально-психологических методов и методик диагностики комплекса личностных черт, включая декларируемые и скрываемые мотивы и стремления» (Статный В.М., Спирица Е.В., Иванова А.М., 2014). Содержательно в профайлинг включают:

- методику построения психологического профиля по результатам анализа места происшествия;
- методику анализа эмоционального состояния по результатам анализа его невербальной составляющей (жестикуляции и мимики);
- методику определения неистинности показаний по результатам анализа его невербальной составляющей (жестикуляции и мимики).

Как легко можно понять, в содержание профайлинга включили совершенно разновекторную познавательную деятельность, объединенную только общими признаками механизма выражения внутреннего психического напряжения вовне. Именно методики профайлинга позволяют сконструировать тактические приемы достижения психологического контакта как формы минимального взаимодействия следователя и его контрагента, определяющей возможность получения следователем от второго лица криминалистически значимой информации о преступном событии.

В завершение отметим, что, возможно, правильнее говорить не о трех пониманиях природы психологического контакта, а о трех

его типовых проявлениях. Необходимо только помнить, что психологический контакт как форма оптимального взаимодействия (первая форма) на практике встречается очень редко. Психологический же контакт как форма минимального взаимодействия следователя и его контрагента (третья форма) требует достаточно отработанных навыков в области анализа поведенческих реакций в процессе включенного наблюдения.

Психологический контакт как форма активного взаимодействия следователя и его контрагента (вторая форма) встречается в большинстве ситуаций и требует специальных навыков гораздо в меньшей степени, чем в ситуации, характеризующейся минимальной степенью взаимодействия. Таким образом, сегодня актуально увеличение тактических приемов оптимизации второй формы психологического контакта.

Таким образом, частные вопросы в рамках криминалистической психологии целесообразно рассматривать в контексте психологических аспектов проведения конкретных следственных действий.

Основные понятия темы: тактический прием, агрессивная роль, дружелюбная роль, казенная роль, психологический контакт, профайлинг.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2017. 319 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. 205 с.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск : Типо-лит. насл. Ф.В. Зельдович, 1895.
4. Димитров А. Психология предварительного следствия : учеб. пособие. М. : МПСИ, 2007.
5. Лебедев И.Б., Цветков М.Л. Психология в правоохранительной деятельности. М. : Щит-М, 2003. 309 с.
6. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2002. 448 с.

7. Черкасская Г.В. Управление конфликтами : учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 236 с.

Контрольные вопросы

1. В чем причины возникновения единого предмета у криминалистической тактики и криминалистической психологии?
2. В чем особенности каждого из периодов становления криминалистической тактики?
3. Чем содержательно определяется отыгрывание дружелюбной роли следователем?
4. Чем содержательно определяется отыгрывание агрессивной роли следователем?
5. Чем содержательно определяется отыгрывание казенной роли следователем?
6. Какие техники профайлинга вам известны?
7. Какие три вида (формы) психологического контакта вы знаете?

Тема 8. Психологические аспекты проведения осмотра места происшествия

Задачи осмотра места происшествия и его психологическая сущность

Сущность – это основополагающая идея, как сказал Архимед, – это точка опоры, опираясь на которую, можно повернуть Землю. Сущность объекта определяет ее содержание. Отметим, что, с точки зрения методологической сущностная характеристика не должна быть категорией абстрактной, так как это автоматически приводит в той или иной степени к абстрактности содержания феномена.

Как известно, воздействие на личность преступника как содержательный элемент тактических приемов характерно для большинства следственных действий. Отличие в этом смысле представляет осмотр места происшествия, поскольку содержание данного следственного действия не предполагает наличия форм взаимодействия между следователем и предполагаемым преступником, а значит и воздействия первого на второго.

Место происшествия представляет собой информационный комплекс, материализованный источник информации, при работе с которым следователь получает информацию непосредственно от объектов обстановки преступления. Поисково-познавательная деятельность следователя в процессе осмотра выступает в единстве ее перцептивных и интеллектуальных сторон, т.е. следователь прежде всего должен воспринимать обстановку места происшествия в виде конкретных чувственных образов, в дальнейшем эти образы перерабатываются, отражения переходят в словесную форму.

Психологическая сущность осмотра места происшествия сводится к поисковой природе данной деятельности. Речь идет о пре-

имущественно конкретно-поисковой деятельности, а не о поисковой как аналоге мыслительной. Осмотр места происшествия целесообразно определять как поисковую деятельность, направленную на выявление следов преступления, происходящую в процессе непосредственного восприятия его обстановки. Вероятно, не стоит говорить о необходимости выявления в процессе осмотра места происшествия «иных обстоятельств, имеющих значение для дела». С одной стороны, это усложняет определение, с другой стороны, концепция природы следов преступления предполагает их деление на следы в узком и широком смысле.

Для понимания природы осмотра места происшествия необходимо учитывать следующие обстоятельства:

– осмотр места происшествия является разновидностью познавательной деятельности;

– познавательная деятельность в процессе осмотра места происшествия происходит в режиме непосредственного поиска (непосредственного отыскания объектов посредством сенсорного восприятия), сопровождающегося непосредственным личным восприятием следователем обстановки или фрагментов обстановки преступного события. Рассматриваемое следственное действие носят ярко выраженный поисково-познавательный характер. Особенностью поисковой деятельности в процессе производства осмотра места происшествия выступает исходящая от следователя инициатива. Осмотр места происшествия, будучи первоначальным следственным действием, объективно характеризуется наличием в распоряжении следователя незначительного объема криминалистически значимой информации;

– познавательная деятельность в процессе проведения осмотра места происшествия характеризуется ретроспективной направленностью;

– познавательная деятельность следователя в процессе проведения осмотра места происшествия регулируется рядом уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, с психологической точки зрения осмотр места происшествия – это конкретно-поисковая деятельность, происхо-

дящая в режиме поиска и непосредственного личностного восприятия следователем обыскиваемого пространства и личности обыскиваемого в обстановке конфликта, имеющая выраженную ретроспективную направленность и невыраженную конфликтную направленность.

Решение задач осмотра места происшествия определяется успешным осуществлением нескольких сторон деятельности следователя:

- организационной;
- поисковой;
- реконструктивной.

С учетом содержательных особенностей деятельности следователя выделяют следующую совокупность задач с преимущественной психологической составляющей:

– организационные задачи (формирование поисковой группы и формирование в ней необходимой психологической готовности к последующей поисковой деятельности, установление и использование возможности обнаружения дополнительных источников доказательств вне обстановки места происшествия, проведение коллективного обсуждения исходной информации, оптимальная организация перерывов в поисковой деятельности);

– поисковые (определение метода поиска во время осмотра места происшествия, определение необходимой совокупности личностных характеристик для осмотра с высокой эффективностью отдельных участков осмотра, определение участков места происшествия, с высокой степенью вероятности включающих в себя следы преступления);

– реконструктивные (моделирование преступного события в целом, моделирование личности неизвестного преступника по следам ее преступной деятельности, моделирование вероятного постпреступного поведения лица, совершившего преступление, моделирование вероятности нахождения на преступнике конкретных групп следов преступления, исходя из анализа обстановки места происшествия, моделирование причин и условий совершения преступления).

Общая характеристика внимания, его видов и свойств

Основной психологической категорией для понимания психологических основ осмотра места происшествия является внимание.

Человек не способен одновременно эффективно мыслить в двух направлениях и выполнять разнообразные работы. В каждый отдельный момент сознание человека ориентировано на те предметы и явления, которые являются для него наиболее актуальными. Данное положение является принципиальным – для концентрации внимания определяющей является высокая значимость сигнала, а не его интенсивность. Внимание (аттенционный процесс) – избирательная направленность восприятия на тот или иной объект. Природа направленности внимания не предполагает его существования в качестве самостоятельного познавательного процесса, но именно внимание определяет эффективность познания в целом.

Применительно к рассматриваемой теме нас больше интересует такая форма внимания, как сенсорно-перцептивное, – внимание, обращенное на объекты внешнего мира.

В контексте рассматриваемой темы отметим следующее. Восприятие обстановки места происшествия характеризуется избирательной направленностью внимания следователя, который должен воспринять ту информацию, которая имеет значение для расследования. Содержание воспринимаемой информации определяется характером событий. Избирательное восприятие обстановки места происшествия следователем определяется его профессиональной направленностью внимания. Избирательность информации предопределена сформированной мысленной моделью преступного события. Различают как достоверные, так и вероятностные модели.

Вслед за Н.Н. Ланге целесообразно выделять следующие основные подходы к проблеме природы внимания.

1. Внимание как результат двигательного приспособления. Приверженцы этого подхода исходят из того, что раз мы можем

произвольно переносить внимание с одного предмета на другой, то именно движения приспособливают органы чувств к условиям наилучшего восприятия.

2. Внимание как результат ограниченности объема сознания. Более интенсивные представления вытесняют или подавляют менее интенсивные.

3. Внимание как результат эмоций. Эта теория указывает на зависимость внимания от личностной значимости наблюдаемого объекта.

4. Внимание как результат жизненного опыта индивида.

5. Внимание как усиление нервного раздражителя. Согласно данной гипотезе, внимание обусловлено увеличением местной раздражительности центральной нервной системы.

Внимание как психологическое образование характеризуется рядом свойств, таких как концентрация, объем, устойчивость, переключаемость, распределение.

Концентрация внимания – способность к удержанию внимания на каком-либо объекте. Такое удержание означает выделение объекта в качестве некоторой определенности, фигуры из общего фона. Поскольку наличие внимания означает связь сознания с определенным объектом, его сосредоточенность на нем, с одной стороны, и ясностью и отчетливостью, данностью сознания этого объекта – с другой, постольку можно говорить о степени этой сосредоточенности, т.е. о концентрации внимания, что, естественно, будет проявляться в степени ясности и отчетливости этого объекта. Поскольку уровень ясности и отчетливости определяется интенсивностью связи с объектом, или стороной деятельности, постольку концентрированность внимания будет выражать интенсивность этой связи. Таким образом, под концентрацией внимания понимают интенсивность сосредоточения сознания на объекте.

Объем внимания. Так как человек может одновременно ясно и отчетливо осознавать ограниченное количество однородных предметов, можно говорить об объеме внимания. Объем внимания – это количество однородных предметов, которые могут восприниматься одновременно и с одинаковой четкостью. По этому свой-

ству внимание может быть либо узким, либо широким. Число ясно воспринимаемых предметов и является показателем объема внимания. Если предъявляемые объекты достаточно просты и разбросаны в пространстве бессистемно, объем внимания колеблется от 5 до 7 («Миллеровская семерка») ясно воспринимаемых объектов. Вообще-то объем внимания – величина индивидуально изменяющаяся, но классическим показателем объема внимания у людей считается величина 5 ± 2 .

Устойчивость внимания характеризуется временем, в течение которого концентрация внимания сохраняется на одном уровне. Наиболее существенным условием устойчивости внимания является возможность раскрывать в том предмете, на который оно направлено, новые стороны и связи. Внимание устойчиво там, где мы можем развернуть данное в восприятии или мышлении содержание, раскрывая в нем новые аспекты в их взаимосвязях, открывая возможности для дальнейшего развития, движения, перехода к другим сторонам, углубления в них.

Переключаемость внимания – сознательное и осмысленное, преднамеренное и целенаправленное, обусловленное постановкой новой цели изменение направления сознания с одного предмета на другой. Только на этих условиях говорят о переключаемости. Когда же эти условия не выполняются, говорят об отвлекаемости. Различают полное и неполное (завершенное и незавершенное) переключение внимания. При последнем после переключения на новую деятельность периодически происходит возврат к предыдущей, что ведет к ошибкам и снижению темпа работы. Переключаемость внимания затруднена при его высокой концентрации, и это часто приводит к так называемым ошибкам рассеянности. В целом переключаемость внимания означает способность быстро ориентироваться в сложной изменяющейся ситуации.

Распределение внимания – субъективно переживаемая способность человека удерживать в центре внимания определенное число разнородных объектов одновременно. Именно эта способность позволяет совершать сразу несколько действий, сохраняя контроль за их выполнением.

В силу того, что существует несколько видов внимания, порой человеку необходимо долго концентрироваться на объекте, а порой это происходит помимо его воли. Сказанное детерминировано наличием двух (некоторые выделяют три, но для рассматриваемой темы это непринципиально) видов внимания.

Произвольное внимание – внимание, избирательная направленность которого характеризуется задействованием волевых психических процессов. Уровень развития и объект, на котором оно сосредоточено, характеризуют не только направленность интересов человека, но и его индивидуально-психологические характеристики.

Для произвольного внимания крайне значимы внешние условия обстановки, в которой оно проявляется. Трудно задействовать данный тип внимания в обстановке переизбытка информационных сигналов, сенсорных раздражителей. Однако если подобное задействование необходимо, так как нельзя изменить обстановку, возможно, методики абстрагирования смогут нейтрализовать сенсорный переизбыток.

Дополнительные раздражители могут порой способствовать концентрации внимания. Это объясняется тем, что в момент существования в центральной нервной системе доминирующего возбуждения попутные (обязательно более слабые по интенсивности) раздражители создают дополнительные субдоминантные очаги, которые как бы притягиваются к главному, укрепляют доминанту.

В контексте изучения проявления феномена внимания во время производства осмотра места происшествия отметим ряд особенностей механизма внимания. Механизм осознанного внимания достаточно энергозатратен. Падение уровня внимания в ходе производства рассматриваемого следственного действия является объективной закономерностью. Чтобы не допустить резкого падения уровня внимания или хотя бы контролировать его падение, разработаны способы оптимизации осознанного внимания, реализованные в поисковых методиках.

В науке имеются лишь немногочисленные исследования работоспособности человека в процессе поисковых следственных действий. Вероятно, это связано с невысокой распространенностью

экспериментальных исследований в криминалистической тактике, которая неоправданно компенсируется избыточностью теоретических исследований.

Так, Б.Ф. Водолазский установил, что в процессе поиска человек способен к одновременному восприятию 4–6 объектов. Благоприятные условия для восприятия разнородных предметов складываются, если их количество не превышает трех. В процессе поискового следственного действия каждый предмет в целях получения достоверной информации о нем необходимо рассматривать не менее 2–3 минут. Учитывая закономерности процесса переключения внимания, следовательно в процессе поискового следственного действия не стоит допускать перехода после окончания работы с одним предметом (или участком территории поиска) к осмотру другого быстрее, нежели через 5–10 секунд, чтобы иметь время для «угасания» следов предыдущего возбуждения и подготовить органы чувств к новой работе. Данные исследования свидетельствуют также о том, что произвольное интенсивное внимание может сохраниться без заметного ослабления не более 40 минут, после которых следует устраивать 3–5-минутные перемены (Водолазский Б.Ф., 1979).

Интерес представляет утверждение о том, что на практике в среднем на выполнение осмотра места происшествия следователь тратит не более 40 минут. Как видно, данный отрезок времени совпадает со сроком сохранения без заметного ослабления произвольного интенсивного внимания, исследованным Б.Ф. Водолазским. Подобное совпадение не случайно: 40 минут – это не срок, в течение которого произвольное интенсивное внимание может сохраниться без заметного ослабления, а некий компромисс между высокой степенью сохранения эффективности внимания и средне-статистической практикой проведения наиболее сложного поискового следственного действия – осмотра места происшествия.

Если в отношении механизма восприятия объектов со сказанным Б.Ф. Водолазским трудно спорить, то в отношении длительности периода интенсивного внимания в процессе поиска вышесказанное нуждается в корректировке. Проведенные нами эксперименты

показали, что произвольное интенсивное внимание в процессе поиска сохраняется у участников не более 15–20 минут. Вывод сделан в процессе экспериментального моделирования поисковой деятельности на открытом воздухе в условиях пересеченной местности. Величина поисковой группы варьировала от 5 до 7 человек. По истечении 20 минут поиска все члены группы демонстрировали резкое падение интенсивности внимания в 48 случаях из 60. В остальных 12 случаях по истечении 20 минут поиска половина членов группы демонстрировала резкое падение интенсивности внимания в 10 случаях.

Таким образом, периодом поиска, предполагающим интенсивное произвольное внимание, является временной промежуток в 15–20 минут. Сказанное может быть скорректировано с учетом индивидуального потенциала интенсивного произвольного внимания в зависимости от психотипологических особенностей лица. Речь идет о несколько различающемся поисковом потенциале у отдельных групп лиц, к примеру интровертов и экстравертов.

Лица с преимущественной интровертной ориентацией способны к очень кропотливому поиску на протяжении достаточно небольшого временного отрезка. Этим лицам необходимо достаточно часто восстанавливать силы в процессе отдыха. Представитель данного типа максимально эффективно реализует свой поисковый потенциал в секторах, небольших по площади, но с высокой насыщенностью объектами.

Лица с преимущественной экстравертной ориентацией способны к очень длительному процессу поиска, но с не очень высокой эффективностью. Применительно к данному типу рационально восстановление психических ресурсов не в процессе отдыха, а путем переключения на менее энергозатратную деятельность. Представитель данного типа максимально эффективно реализует свой поисковый потенциал в секторах, значительных по площади, с низкой насыщенностью объектами.

В целях поддержания осознанного внимания на необходимом уровне необходимо обратить особое внимание на планирование перерывов в процессе поиска. Данные перерывы делятся на две

разновидности, содержание которых установлено экспериментальным путем.

1. Кратковременные перерывы. Проводятся через 15–20 минут поиска. Длительность перерыва 7–10 минут. Во время проведения кратковременных перерывов целесообразна смена деятельности на коммуникативную. Содержание разговоров не должно затрагивать процесс поиска (если нет тактической целесообразности в обратном). Разговоры должны быть отличны от поисковой деятельности.

2. Долговременные перерывы. Проводятся через 30–40 минут поиска. Длительность перерыва примерно 20 минут. Во время проведения долговременных перерывов целесообразна смена деятельности на коммуникативную, а главное – смена обстановки. Содержание разговоров не должно затрагивать процесс поиска (если нет тактической целесообразности в обратном). Темы разговоров должны быть отличны от поисковой деятельности.

На первый взгляд может показаться, что периодичность и длительность перерывов превышает целесообразную, однако если не руководствоваться подобным хронометражем, возможна ситуация активных поисковых мероприятий при отсутствии необходимого уровня психической активности.

Непроизвольное внимание – внимание, избирательная направленность которого не характеризуется задействованием волевых психических процессов. Уровень развития и объект, на котором оно сосредоточено, характеризуют не просто направленность интересов человека, а отношение личности к тем или иным фактам, явлениям, предметам, событиям, благодаря которому они и становятся актуальными для него. Непроизвольное внимание иногда называют неосознанным в силу того, что причины концентрации внимания лежат в бессознательной сфере человека, в основном, конечно, подчиняясь такому психическому механизму защиты, как проекция.

Среди внешних причин непроизвольного внимания большую роль играют интенсивность и сила раздражителя.

Применительно к проведению осмотра места происшествия феномен непроизвольного внимания целесообразно изучать в целях

вероятного моделирования деятельности преступника и последующего анализа его деятельности. Отметим одну особенность непроизвольного внимания – в ситуации сильного стресса, когда происходит сужение познавательных возможностей личности, непроизвольное внимание выступает как основное. Преступление – это всегда стресс для преступника. Направление отхода с места преступления, сокрытие следов преступления и многие иные моменты осуществляются при использовании преимущественно неосознанного внимания. На понимании данной особенности построена методика анализа аномалий. Выделяют три основных типа аномалий.

– Аномалия цвета. В ситуации стресса мы неосознанно фиксируем внимание на объектах, выделяющихся своим цветом из окружающей обстановки. К ориентации на аномалию цвета в большей степени склонны несовершеннолетние лица и лица с нарушенным зрением.

– Аномалия плотности. В ситуации стресса мы неосознанно фиксируем внимание также на областях пространства, выделяющихся плотностью насыщенности по сравнению с окружающей обстановкой в целом. К ориентации на повышенную аномалию плотности в большей степени склонны лица, условия проживания которых характеризуются значительной областью контролируемого пространства. К ориентации на пониженную аномалию плотности в большей степени склонны лица, условия проживания которых характеризуются небольшой областью контролируемого пространства.

– Аномалия объекта. В ситуации стресса мы неосознанно фиксируем внимание также на конкретных объектах, выделяющихся степенью характерности по сравнению с окружающей обстановкой в целом. К ориентации на аномалию объекта склонны лица, для которых данный объект является привычным, что обусловлено личностными свойствами, профессиональными качествами и характерными для лица интересами.

В процессе проведения осмотра места происшествия участки аномалий необходимо фиксировать в целях повышения внимания при проведении поисковых мероприятий на данном участке.

Организационная деятельность следователя в процессе проведения осмотра места происшествия: психологические аспекты

Основным принципом организации деятельности следователя при проведении осмотра места происшествия является единое руководство осмотром. В осмотре места происшествия, помимо следователя, принимают участие оперативные работники, эксперты, специалисты. При производстве осмотра группой работников должно быть единое руководство осмотром, чтобы избежать несогласованных действий, способных привести к порче следов и изменению положения и состояния тех или иных объектов. Следователь планирует осмотр, распределяет обязанности между его участниками, определяет границы территории, подлежащей осмотру, и направление движения. Группа работает эффективно в тех случаях, когда имеется аналитико-координационный центр, выполняющий задачи координации действия участников осмотра, анализа целесообразности их действий, но лишь в определенных пределах, так как присутствующие при осмотре места происшествия лица в отношении совершения определенных действий могут знать гораздо больше самого следователя. Поэтому следователь осуществляет не детальную, а общую координацию действий.

Есть еще одна причина нецелесообразности допущения анархии при проведении осмотра места происшествия. Дело в том, что этический и интеллектуальный потенциал группы равен не сумме этической и интеллектуальной составляющих ее участников, а стремится к потенциалу наименее развитого члена группы.

Одним из важных этапов реализации организационной функции является руководство принятием решения группы по стратегии осмотра.

Какой бы психически многогранной личностью ни был следователь, психотипологические ограничения лимитируют эффективную реализацию его во всех областях профессиональной деятельности. Приведенный тезис с трудом находит отражение в отечественных

криминалистических исследованиях по причине субъективной неготовности авторов-криминалистов смириться с идеей о психической специализации каждой личности, а следовательно, с априорными недостатками и ограниченностью любого человека (прежде всего себя) в компенсационных сферах. Слабая интеграция психологического знания в прикладную деятельность, слабо развитая практика психологической диагностики не позволяют надеяться на преодоление рассматриваемой проблемы в криминалистических исследованиях в ближайшее время.

Почему же психотипологические особенности личности не предполагают равновеликого потенциала неограниченной реализации во всех психических сферах? Принцип эволюционной специализации касается не только физических параметров и физиологических специализаций, но и сферы психологической. Конечно, каждому обывателю приятно считать, что он является носителем всего спектра психологических возможностей, однако, в отличие от мнения обывателя о себе, расчеты исследователя не должны базироваться на неосознаваемых комплексах личности. Психологическая специализация является объективно существующей и позитивно содержательной основой механизма адаптации человека в обществе. Потенциально многовекторная человеческая психика развивается в рамках конкретного вектора за счет другого, реже других векторов.

Можно утверждать, что личность любого следователя ограничена определенным диапазоном возможностей, что сужает его психологический потенциал в решении любой нетрадиционной задачи, особенно в условиях недостатка исходной информации, что так характерно для ситуации проведения осмотра места происшествия. В описанных условиях становится актуальной задача максимальной организации использования человеческого ресурса в поисковой деятельности.

Выходом из описываемой ситуации будет принятие усилий по привлечению познавательных возможностей остальных участников следственно-оперативной группы к обсуждению стратегической линии поиска. Маловероятно, что все участники осмотра

принадлежат к одному психологическому типу, а это означает, что при кооперации психических потенциалов общий потенциал группы, как правило, перекрывает весь или значительную часть диапазона отсутствующих у следователя необходимых психологических способностей. Описываемая кооперация наиболее эффективна в рамках использования методики «мозгового штурма», включающей два этапа. Удивительно, что информированность специалистов о содержании данной методики достаточно высока, но тем не менее желание использовать ее в практике расследования у лиц с выраженной властностью невелико.

Объектами «мозгового штурма» являются два аспекта, исследуемых в заявленной далее последовательности. Первый момент – что произошло в осматриваемом пространстве и, прежде всего, что хотел преступник? Действительно, еще Г. Гросс говорил, что «невозможно не понять человека, чьи желания известны; его волю, его силу, его стремление» (Gross H., 1911). Второй момент – каким способом производить поиск? Отметим, что первая задача обладает более высокой сложностью, что предопределяет неосознанное желание фактически отказаться от ее решения за счет переключения внимания на решение более простой задачи – задачи выбора метода поиска. Нами проведено около трех десятков экспериментальных осмотров места происшествия, во всех случаях участники старались игнорировать решение задачи моделирования обстоятельств произошедшего события. Даже будучи подконтрольными экспериментатору и демонстрируя в его присутствии понимание необходимости решения первой задачи, при удалении экспериментатора с места поиска участники эксперимента фактически сразу отказывались от дальнейшего решения задачи моделирования произошедшего события.

На первом этапе «мозгового штурма» генерируются идеи, которые способствуют уяснению исходной информации и моделированию преступного события. Механизм гомеостаза (энергосэкономии) предопределяет низкую заинтересованность оперативных работников в принятии участия в коллективном обсуждении, прежде всего из-за нежелания стать объектом шуток. Учитывая

сказанное, отметим, что на данном этапе настоятельно рекомендуется не критиковать предложения участников обсуждения. В силу этого возможно даже исключение из процесса выдвижения идей лиц, способных только к критике, что, как правило, свидетельствует о наличии у этих лиц ряда неосознаваемых психологических проблем.

Конечно, можно говорить о том, что оперативные работники в большинстве случаев обладают высокоадаптивными способностями и не склонны к излишним сентенциям и стеснительности, что конформная акцентуация очень редко встречается среди оперативных работников. Напомним, однако, именно такие, внешне мускулинные работники правоохранительных органов крайне озабочены восприятием окружающих своей личности. Специфический юмор, некоторая развязность, демонстративность и цинизм – это не показатель автономности личности, а свидетельство ее скрываемой закомплексованности. Именно эта закомплексованность и будет проявляться при необходимости генерирования оригинальных идей в виде попытки или не выдвигать идеи, или выдвигать стандартные, неоригинальные решения.

К сожалению, тема неспособности отдельных участников следственно-оперативной группы реализовывать поисковую деятельность является фактическим табу для советской и российской криминалистики, да и в психологии профессиональной деятельности юристов должного отражение не нашла. Печально, что отечественные криминалисты порой забывают утверждение основателя криминалистики о том, что «никто не может определить границу, где смысл деятельности заканчивается и начинается анализ (видеть – не значит обдумать)» (Gross Н., 1911).

На втором этапе происходит анализ выдвинутых версий. Традиционная рекомендация – если особенности личности следователя предполагают авторитарный тип реагирования, то ему целесообразно проводить анализ ранее выдвинутых идей в одиночку, если же следователю свойственны такие характеристики, как корректность и тактичность, то рациональность выдвинутых идей лучше обсуждать коллективно. Как правило, некорректность или фаль-

шивая корректность в общении присуща представителям эпилептоидной и истероидной акцентуации, составляющим большинство среди следователей, поэтому в условиях осмотра места происшествия оптимальна первая модель. Конечно, сама по себе акцентуация с фатальной неизбежностью не предполагает авторитарности следователя, проводящего обсуждение, однако наши исследования показали, что контроль акцентуированных черт работниками правоохранительных органов – это скорее исключение, чем правило.

Важной составляющей процесса координации поисковой деятельности в процессе осмотра является отслеживание усталости работников, проводящих непосредственный осмотр. Для отслеживания изменений состояния ищущих необходимо знание поведенческих признаков, свидетельствующих об усталости в процессе поисковой деятельности. К ним относятся следующие:

– динамика перемещения оперативных работников перестает быть стабильной (например, походка, передвижение: медленно–быстро–медленно–быстро);

– участники осмотра перестают передвигаться по прямой линии, а начинают перемещаться по зигзагообразной;

– участники осмотра пытаются вступить в общение, задавая нелогичные вопросы (вопросы типа «Нашел?», будто если кто-то найдет что-нибудь информативное, он об этом промолчит и будет делать вид, что ищет), делая попытки завязать разговор;

– участники осмотра при поиске нарушают определенные следователем границы поисковых секторов;

– участники осмотра часто отвлекаются от поиска, например устраивая перекуры.

Следователю необходимо помнить, что участники осмотра будут раздражены его замечаниями о недостатках поисковой работы тем больше, чем сильнее они устали.

Вероятно, утверждение, что недостаточная организация осмотра места происшествия будет с высокой степенью вероятности причиной его неудачности, не будет преувеличением.

Поисковая деятельность следователя в процессе проведения осмотра места происшествия: психологические аспекты

В целях недопущения хаотичной поисковой деятельности разработаны жесткие алгоритмы упорядочивания процесса осмотра в зависимости от осматриваемого пространства. Несмотря на то, что данные алгоритмы традиционно рассматриваются криминалистической наукой, лишённые психологического обоснования и содержания они превращаются в маломотивированные инструкции.

Выделяют концентрический, эксцентрический и фронтальный методы поиска.

Эксцентрический метод поиска. Данный метод характеризуется направленностью поисковых действий от центра к периферии. Метод используется в случае, когда на месте преступления существует явно выраженная локализация следов – специфические точки отсчета (убийство – труп, кража – взломанная дверь, ДТП – поврежденный автотранспорт, террористический акт – воронка взрыва).

Преимущества эксцентрического метода вытекают из наличия отправной точки для поиска – области максимальной локализации следов преступления. Сознание человека при решении познавательных задач преимущественно ориентировано на функционирование в условиях, которые включают некое начало как исходную точку в решении познавательных задач. Основные ресурсы внимания при использовании эксцентрического метода поиска затрачиваются на поиск области с наибольшим количеством следов преступления.

Объективным недостатком данного метода является предельная сложность управления поисками в области максимальной концентрации следов преступления, возникающая в силу переизбытка участников осмотра на ограниченной территории.

Концентрический метод поиска. Данный метод характеризуется направленностью поисковых действий от периферии к центру. Метод используется в случае, когда на месте преступления отсут-

ствует явно выраженная локализация следов, нет специфических точек отсчета (ситуации, в которых место преступления включает несколько мест происшествия или в которых объективно не сохранилась совокупность следов, свидетельствующих о произошедшем преступном событии).

Преимущества концентрического метода определяются относительно простой координацией поисковых усилий на начальной и срединной стадиях поиска в силу значительной величины поисковых секторов.

Объективный недостаток данного метода вытекает из отсутствия отправной точки для поиска – области максимальной локализации следов преступления. Любой участок поиска концентрическим способом с равной вероятностью может содержать следы преступления, что поддерживает участников непосредственного поиска в постоянном напряжении, быстро исчерпывающем ресурсы психики. К тому же отсутствие точки, к которой можно «привязать» свою деятельность, непонимание природы происходящего также затрудняют эффективность использования данного метода в практике следственного осмотра. О том, что сознание человека при решении познавательных задач преимущественно ориентировано на функционирование в условиях, которые включают некое начало как исходную точку в решении познавательных задач, нами уже говорилось.

Фронтальный метод поиска. Данный метод характеризуется направленностью поисковых действий в соответствии с одним вектором. Метод используется в случае, когда осматриваемое пространство представляет собой узкие длинные территории, на которых отсутствуют локализации следов преступления (лесная тропинка, шоссе, складские помещения, катакомбы, канализация). Содержательно данный метод характеризуется тем, что участники поиска выстраиваются, образуя угол, вершиной направленный по линии движения. Первый участник осматривает потолок и пол, второй – левую стену, третий – правую стену (подобное распределение целесообразно, чтобы уменьшить переключаемость внимания в силу энергозатратности данного переключения).

Преимущество данного метода заключается в том, что иные методы, ориентированные на разделение поискового пространства на секторы, в условиях ограниченного пространства использоваться быть не могут. Это происходит в силу того, что фактор перегруженности территории поиска его участниками, характерный, как уже говорилось, для начального этапа использования эксцентрического и конечного этапа использования концентрического методов поиска, при фронтальном методе будет действовать на всех его стадиях.

В рамках одного из трех описанных методов поиска следователь определяет территориальные границы зон аномалий, поиск в которых был описан нами ранее.

Следователю при постановке поисковой задачи необходимо ориентироваться на психологические типы участников осмотра места происшествия.

Лица с преимущественной интровертной ориентацией способны к очень кропотливому поиску, но, к сожалению, на протяжении достаточно небольшого временного отрезка. Участнику-интроверту достаточно часто необходимо восстанавливать силы в процессе отдыха. Представителю данного типа целесообразно поручать поиск в секторах, небольших по площади, но характеризующихся высокой насыщенностью объектами.

Лица с преимущественной экстравертной ориентацией способны к очень длительному процессу поиска, но, к сожалению, не характеризующемуся как кропотливый, поскольку участник-экстраверт способен на длительный, но недостаточно эффективный поиск. Применительно к данному типу целесообразно восстановление психических ресурсов не в процессе отдыха, а путем переключения на более легкую деятельность. Представителю данного типа целесообразно поручать поиск в секторах, значительных по площади, но характеризующихся низкой насыщенностью объектами.

При распределении поисковых секторов крайне значимо предусмотреть степень возможного взаимодействия в процессе поиска представителей различных психологических типов, осматривающих прилегающие друг к другу секторы.

Использование знаний о механизме отражения личностных свойств преступника в следах преступления при решении реконструктивно-поисковой задачи

Содержанием исследования личности преступника в рамках осмотра места происшествия является такое направление в использовании личностной информации, как реконструктивная деятельность следователя, базирующаяся на анализе следов преступления в целях моделирования предполагаемого образа лица, совершившего преступление, или установления его отдельных свойств.

Мысль об отражении личностных свойств преступника в следах преступления является одной из немногих, которая разделяется фактически всеми исследователями с момента возникновения науки о расследовании преступления. Утверждение о том, что «преступление – это действие, совершенное человеком в материальной среде, вызвавшее изменение состояния среды, которое, действуя в силу законов всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости всех явлений в природе и обществе, закономерно отражается в результатах этого воздействия – следах преступления», нами также принимается за исходное.

Первый шаг в реконструкции личности преступника в процессе проведения осмотра места происшествия ориентирован на анализ предмета преступного посягательства. Особенности подобного анализа обусловлены особенностями конкретных видов преступлений. Так, например, в преступлениях против личности предметом выступает сама личность потерпевшего, в преступлениях же против собственности – неправомерно изъятый объект.

Особенности предмета преступного посягательства по делам о корыстных преступлениях, рассматриваемые при реконструкции личности преступника, сводятся к следующему.

– Отражение личности преступника в значимостной ценности самого объекта посягательства демонстрирует нам особенности уровня ценностей преступника. Здесь в процессе реконструкции

следователь должен ответить на вопрос: обладателю каких потребностей мог понадобиться похищенный предмет? Заметим, что подобный вопрос необходимо ставить не применительно к каждому похищенному предмету, а только к тем из них, которые «выпадают» из общего ряда похищенного каким-либо свойством (назначение предмета, габариты, раритетность, ценовая характеристика, многофункциональность или уникальность использования). Причина столь избирательного анализа похищенного заключается в высокой вероятности того, что основная масса неправомерно изъятого преступником имущества предназначена, скорее всего, для реализации, а не для личного пользования. Имущество же, похищенное для реализации, на рассматриваемом уровне анализа не способствует реконструкции личности преступника.

– Отражение в свойствах объекта свойств личности преступника, актуальных для последнего, представляет второй аспект реконструкции элементов личности преступника в процессе анализа похищенного. Он ориентирован на анализ следов отсутствия (разновидность следов преступления в широком смысле, когда в обстановке преступления недостает объектов, которые характерны для этой обстановки). Восприятие окружающих человека объектов определяется потребностью человека в этих объектах. Данный механизм обусловлен стремлением человека окружать себя объектами, имеющими свойства, которые отражают внутреннее (неосознанное) психическое напряжение человека. Наиболее ярко в качестве подобных свойств выступает цвет. Как известно, в психодиагностике активно используется цветовой тест М. Люшера, в котором каждому базовому цвету соответствует определенная форма психического напряжения и, соответственно, потребность в проекции. Анализ цветовой гаммы изъятого имущества на предмет соотношения цветовых характеристик отдельных объектов изъятого способен продемонстрировать стабильные и нестабильные личностные характеристики похитителя. Естественно, речь идет об анализе цветовой гаммы всего похищенного имущества. К примеру, красный цвет символизирует агрессивно-эмоциональное начало в человеке, и выбор похищенных вещей красного цвета позволяет

предположить наличие в структуре характера преступника агрессии как личностной черты.

– Ввиду присутствия в сознании преступника собственной системы ценностей предметов реального мира, необходимо подвергнуть анализу, например, стиль и фасон похищенной одежды. Уверенность преступника, что коммерческую ценность имеют вещи строгого фасона, указывает на его традиционное отношение к моде и, как следствие, присутствие в его привычках склонности к осуждению лиц, не придерживающихся подобных взглядов, прежде всего, конечно, молодежи. Среди похищенных вещей могут преобладать вещи с «сексуальными» элементами (глубокое декольте, большие разрезы на платьях, цветовая гамма, концентрирующая внимание на зоне половых органов: как правило, либо вещи с цветочными накладками в этих зонах, либо имеющие две вертикальные параллельные области, отличающиеся цветом от фонового).

Содержание анализа форм отражений в свойствах похищенного объекта свойств личности преступника выводит нас на понимание содержания уровня отношений личности преступника, т.е. того, чем руководствуется человек для достижения своих интересов.

Если первые два аспекта восприятия предмета преступного посягательства (оценка ценности предмета и установление форм отношений между предметом посягательства и личностью преступника) исходят из анализа изъятого имущества, то третий аспект, состоящий в реконструкции элементов личности преступника по изъятому предмету, ориентирован на анализ объектов, которые могли бы стать объектами изъятия, но не стали ими во время совершения преступления. В той же степени, в какой человек подчиняется необходимости переноса психического напряжения на объекты окружающего мира (механизм проекции), он стремится игнорировать психотравматичные, т.е. характеризующиеся увеличением неосознанного психического напряжения, элементы реальности (механизм отрицания). В ходе реализации механизма отрицания человек, не желая воспринимать подобный объект, «отказывает» ему в праве на существование, игнорирует его.

Применительно к кражам отрицание некомфортных форм восприятия себя можно продемонстрировать на примере порядка изъятия из шкафа вещей, совершаемого преступником невысокого роста. Так как область «привычного манипулирования» руками обусловлена ростом человека (на уровне груди и плечевого пояса), то изъятие вещей будет изначально происходить из пространства середины шкафа, потом снизу и в последнюю очередь из верхней части шкафа как отрицаемого пространства ввиду ограничения возможностей манипулирования на этом уровне у преступника. Учитывая же ограниченный объем изымаемого как следствие ограничений на переносимый вес, значительная часть предметов с верхней полки шкафа может оказаться не изъятной вообще.

Под воздействием механизма отрицания подросток из неблагополучной семьи, вращающийся в молодежной субкультуре агрессивного типа (отрицающий ценность опыта, который приобретает с возрастом), с высокой степенью вероятности проигнорирует такие «статусные» предметы, как органайзер, очки, дипломат, но изымет предметы, имеющие внешнюю привлекательность и компактность (блестящие запонки или зажим для галстука). Взрослый же похититель, не использующий указанные предметы, проигнорирует их все с высокой вероятностью.

Рассматриваемый аспект реконструкции личности преступника в своем содержании представляет ответ на вопросы: «Почему данный предмет не был изъят преступником?» и «Каковы отличия не изъятого предмета от иных предметов, изъятых преступником (как в отдельности, так и рассмотренные в некоем среднем характерном приближении)?»

Степень разрушений или повреждений объектов преступного посягательства или элементов обстановки преступления, сопровождающих совершение того или иного преступления, также является психологическим индикатором характеристик личности преступника. Описание деструктивных потребностей, проделанное Э. Фроммом, раскрывает содержание потребности к разрушению ради разрушения, склонности жизненные проблемы сопровождать разрушениями в реальности. Подобное отношение достигает апогея

у психически неадекватных личностей, однако как форма реагирования подобное же отношение с высокой степенью вероятности может быть присуще и эмоционально нестабильной личности. Так, несовершеннолетние преступники склонны реализовывать подобное разрушительное поведение (неважно, в случаях совершения квартирной кражи или причинения лицу телесных повреждений) в силу возрастных особенностей психики – невысокого волевого порога и полноты проявления эмоциональных реакций.

С учетом того, что при нахождении в местах лишения свободы у осужденных усиливается склонность к проявлению агрессивности и жестокости, в случае причинения потерпевшему многочисленных телесных повреждений, сочетающихся с большой продолжительностью избиения (последнее определяется по локализации кровоподтеков, соотносимых с областями тела, покрытыми кровью), одной из основных версий будет причастность к совершению данного преступления лица, ранее судимого и отбывшего наказание в виде лишения свободы.

Количество разрушений при кражах, совершаемых несовершеннолетними, является своеобразной «визитной карточкой» преступников данной возрастной группы и в целом не характерно для ранее судимых совершеннолетних преступников.

Из сказанного следует: высокая степень разрушений и повреждений объекта посягательства или нейтральных для преступника элементов обстановки преступления характеризует преступника как лицо эмоционально неустойчивое (несовершеннолетний или ранее судимый), в то время как адекватность степени разрушений и повреждений объектов посягательства целям преступления, напротив, с высокой степенью вероятности демонстрирует эмоциональную устойчивость лица, совершившего преступление.

Возможности трактовки пространственной организации события преступления лицом, его совершившим, также могут быть сведены к типичной криминалистической характеристике личности преступника. Естественно, речь не идет об осознанности предпринимаемых усилий по оптимизации среды преступления. Здесь под организацией мы понимаем совокупность изменений, привнесен-

ных преступником в обстановку преступления в целях создания максимально удобных для него условий совершения преступления.

Перемещение преступника в пространстве, образуемое определенной совокупностью его движений и действий, демонстрирует некоторые личностные характеристики перемещающегося субъекта. Так, реконструкция личностных свойств преступника по результатам его деятельности, проявляющейся в признаках письма, имеет давнюю историю в отечественной криминалистической науке. Можно предположить, что на основе всеобщего свойства отражения типичный способ перемещения (пространственная организация перемещения) подчиняется тем же законам отражения, что и почерк. В пространственной организации перемещений любого субъекта, в том числе и преступника, на месте преступления находят отражение закономерности динамического и эмоционального стереотипа, проявляющиеся максимально ярко вследствие особенностей движений (в отличие от микросоответностей в почерке) при перемещении в пространстве.

Содержание пространственной организации перемещений субъекта на месте преступления можно свести к трем основным формам.

1. **Направление движения** демонстрирует степень значимости воспринимаемого пространства. Чем больше у человека опыт пребывания в определенном пространстве (зал, детская комната, спальня, кабинет, большой холл, лоджия), тем привычнее оно для него, тем меньше он перемещается в нем (оставляя следы), одновременно с этим демонстрируя большую способность ориентации (изымая, в частности, похищенное). Опыт пребывания в подобной обстановке также можно установить по дорожке следов ног преступника: чем более она прямая и краткая (от места вхождения в пространство комнаты до места, где хранилось похищенное имущество), тем больший опыт пребывания человека в данном типе пространства. Следовательно, установление привычного образа перемещений в том или ином пространстве есть результат анализа направления движения преступника во время совершения преступления, свидетельствующего, в частности, о его знакомстве с обстановкой подобного типа.

2. **Дублирование перемещений** есть показатель эмоционального волнения преступника, показатель его волевых характеристик. Так, при расследовании насильственных преступлений обнаруженный след жертвы преступления, перекрывающий след преступника, есть вероятностный показатель их знакомства друг с другом, а следовательно, может выступать предпосылкой для предположения о типе лиц, с которыми преступник находится в рамках повседневных социальных взаимоотношений, категории окружающих его лиц. Отпечаток одного следа ноги преступника на другом его следе (естественно, если они не строго противоположно направлены) есть показатель нервозности лица, совершившего преступление, в силу слабых волевых характеристик хаотично перемещающегося в процессе совершения преступления вследствие несформированности окончательной цели преступления или способа его совершения.

3. **Игнорирование или отрицание пространства** происходит у человека в силу отсутствия типового шаблона поведения в данном пространстве. По делам о квартирных кражах игнорирование пространства наблюдается у преступников без определенного места жительства, которые чаще всего ограничиваются «осмотром» зала, кухни и в редких случаях – спальни. Понятно, что для не имеющих жилья преступников адаптация в иных комнатах затруднительна. Отрицание пространства нередко наблюдается и у несовершеннолетних преступников, причем сопровождается большим, чем в среднем по конкретному преступлению, объемом разрушений в отрицаемых пространствах.

Организация пространства происходит не только на рассмотренном выше уровне (стратегическом, т.е. ориентированном на все событие преступления), но и на уровне расположения преступника в пространстве в процессе совершения определенного действия. При реконструкции личности преступника в процессе анализа результатов установленного расположения преступника следователю необходимо ответить на вопрос: какова для преступника причина комфортности позы, в которой он совершил то или иное действие?

Совершая непривычный акт движения, человек как бы резервирует часть сил на случай, если в процессе реализации движения возникнут какие-либо сложности. Так, человек, не имеющий опыта открывания конкретной двери, прилагает усилия в отношении преграды на уровне живота и нижней части грудной клетки. В подобной позиции рука открывающего прижата к корпусу, так как в этой позиции удобно приложить дополнительные усилия (уперев локоть в бок), если дверь открывается плохо. В данном случае локализация следов рук и разрушение пылевого слоя на поверхности двери обнаруживаются на преграде в области живота или нижней части груди, демонстрируя неадаптированность данного человека к двигательной операции относительно данной преграды.

При совершении же привычного акта движения человек, «знающий» о необходимой степени усилий по открыванию двери, манипулирует в удобной для каждого области на уровне верхней части груди и плечевого пояса. В данной позиции рука открывающего свободна от опоры ввиду отсутствия необходимости прикладывать дополнительное усилие. В подобном случае локализация следов рук будет наблюдаться на преграде на уровне груди и плечевого пояса, что свидетельствует о знакомстве человека с пространством, в котором он производит воздействие.

Степень знакомства человека с запирающим устройством демонстрируется также положением ног преступника относительно плоскости запирающей преграды. Если у человека нет навыка открывания данной двери или (гораздо реже) профессионального навыка открывания дверей, для создания упора он располагается по отношению к двери на расстоянии 30 см и меньше. Для увеличения эффекта «упора», как правило, ведущая нога отклонена от перпендикуляра «носок ноги – плоскость двери»: соответственно правая – вправо у правой, левая – влево у левой.

Если подобный опыт есть, то расстояние от носочной части обуви до плоскости запираемого устройства, как правило, более 25 см. Отпечатки ног в данном случае перпендикулярны плоскости двери.

Организация совершения преступления, включающая приискание эффективного орудия преступления (определяется в процессе

анализа результатов трасологической экспертизы), активное наблюдение (определяется наличием дорожки следов, параллельной дорожке следов потерпевшего), пассивное наблюдение (определяется в процессе анализа локализации следов преступления, с пространства которого просматривается обстановка происходившего преступного события), демонстрирует наличие рационалистического начала, проявляющегося в поведении преступника. Следовательно, совершение преступления без подготовки демонстрирует нам преобладание эмоционального начала человека, импульсивности как присущей преступнику черты характера.

Организация совершения преступления, направленная на сокрытие его следов (содержательная сторона способа сокрытия следов преступления) демонстрирует наличие криминального опыта у преступника. Соответственно, в процессе реконструкции личности преступника мы делаем предположение о наличии у него судимости. Казалось бы, что эффективно скрыть следы преступления может также и рациональный, логичный преступник, однако именно для подобного типа людей не характерна мобилизация психического потенциала в нестандартной стрессовой ситуации, так как рационализм как личностная черта базируется на опыте. Другой вопрос, что подобными лицами опыт приобретается быстрее, чем лицами с доминирующей эмоциональной сферой.

Организация отхода с места преступления совершившего его лица, подвергнутая анализу со стороны следователя, демонстрирует присутствие у преступника такой личностной характеристики, как сдержанность, которая проявляется во многих областях отношений преступника с реальностью. Спокойный, неторопливый отход с места преступления (определяется по средней длине шага, выраженной в дорожке следов) демонстрирует нам значительный волевой потенциал у преступника, так как подобное проявление собранности после стрессового события (преступления) выходит за рамки типичного поведения. Соответственно, малая длина шага демонстрирует либо особый цинизм, либо сильное эмоциональное переживание преступником случившегося, а большая длина шага показывает естественную потребность человека избежать наказа-

ния за содеянное. Чем в большей степени в походке проявляется элемент десинхронизации в процессе отхода преступника с места происшествия (варьирование в большом диапазоне длины шага, его ширины, угла разворота стопы), тем увереннее следователь реконструирует такую личностную особенность преступника, как стремление избежать ответственности.

Механизм отражения личностных свойств преступника в следах преступления выступает основным источником информации о личности преступника в процессе решения реконструктивно-поисковой задачи.

Методика построения психологического профиля неизвестного преступника разработана в конце 1980-х гг. группой американских исследователей во главе с Д. Дугласом и М. Олшейкером.

Теоретическая основа рассматриваемой методики базируется на утверждении о том, что личность преступника проявляется в его поведении. Постулируется, что некоторые часто повторяющиеся, привычные способы поведения человека доводятся до уровня автоматизма, неподвластного сознательному контролю. Следы, оставленные на месте преступления, являются своеобразными психологическими маркерами, позволяющими судить о привычных способах поведения, а через них – о личности преступника.

Задача составления психопрофиля неизвестного преступника заключается в том, чтобы на основе анализа преступной деятельности сделать предположения о психологических особенностях преступника, определив предварительно его личностные характеристики.

Содержание методики построения психологического профиля неизвестного преступника заключается в том, что на основании представленных данных работники ФБР США, специализирующиеся на составлении психологического профиля, составляют примерное описание преступника, в котором указываются предполагаемые возраст, раса, пол, семейное положение, служебный статус, сексуальная зрелость, возможное криминальное прошлое, взаимоотношения с жертвой, вероятность совершения преступления в будущем. Подобная информация устанавливается по следующей схеме:

– по результатам осмотра места происшествия (и / или трупа) определяется цель совершения данного преступления;

– содержание цели определяет мотив совершения преступления;

– содержание мотива совершения преступления является отражением личностных особенностей преступника (через мотив к потребностям, от потребностей к психологическим свойствам преступника);

– смоделированные личностные особенности выводят исследователя на формы их реализации у лица, совершившего преступление, в микросоциальной сфере (семья, работа, социальный статус, привычные модели поведения, типичные ролевые реакции), что и является непосредственно поисковым образом, конструирование которого становится важнейшей (но не единственной) задачей психопрофилирования;

– прогнозирование деятельности будущего преступника, разработка рекомендаций по захвату преступника, разработка эффективной линии допроса задержанного лица.

Индивидуальные особенности личности преступника определяются методом построения логических цепочек. В начале такой цепочки стоит действие преступника, которое было вычислено в результате реконструкции совершенного преступления. Затем, используя данную методику, собственный опыт и интуицию, следователь начинает строить предположения относительно той или иной характеристики преступника. Эти предположения «применяются» к тем или иным доказательствам поведения преступника и вещественным доказательствам, обнаруженным на месте происшествия. Характеристики из предполагаемой модели личности преступника, которые противоречат обстоятельствам дела, отбрасываются и замещаются сходными. Если в процессе поиска противоречий обнаруживается характеристика, которая не противоречит ни одному факту дела, она принимается за условно истинную.

Чтобы условно истинная характеристика стала истинной, она должна быть сопоставлена с другими условно истинными характеристиками. После того как следователь вычислил все возможные по данному делу истинные характеристики, он оформляет резуль-

таты своей работы в виде перечня установленных поисковых личностных особенностей предполагаемого преступника, который может быть использован следствием для поиска неизвестного преступника.

В каждом случае все признаки рассматриваются в совокупности, поэтому любые закономерности и выводы, на них построенные, не могут являться исчерпывающими и верными в ста процентах случаев.

Сфера применения психопрофиля – это преступления, в которых преступники в значительной степени индивидуализируют себя. Под этим понимается факт выражения в преступлении собственных фантазий. С определенным допуском можно сказать, что психопрофиль используется в случаях, когда есть основания подозревать наличие у преступника какой-либо формы социопатии.

Следует отметить, что преступления, в которых нет признаков выражения фантазии преступника, сильно ограничивают, но не исключают возможности использования метода построения психологического профиля в силу отсутствия отражения в преступном событии ярко выраженных индивидуализирующих психических параметров.

Рассматриваемая методика применима к расследованию значительного числа видов преступлений. Так, практика показала высокую эффективность ее использования при раскрытии убийств на сексуальной почве с признаками садистского истязания жертвы, безмотивных поджогов и взрывов, причинения увечий жертве, ритуальных убийств и изнасилований. Сфера применения психопрофиля при этом постоянно расширяется. Однако считается нецелесообразным применение данной методики без соответствующей адаптации в случаях, когда «жертва – лишь средство в достижении преступной цели», либо в случае нахождения преступника в момент совершения преступления в состоянии наркотического опьянения, нивелирующего психические особенности преступника. В то же время практика показывает, что метод психопрофиля может успешно использоваться при раскрытии и иных видов преступлений, например похищений людей и терроризма.

Функциональное назначение данной методики имеет следующую целевую нагрузку:

1. Сужение круга подозреваемых методом исключения из их числа лиц, не подходящих под описание психологического профиля преступника. Информация, содержащаяся в описании профиля, применима к достаточно большому числу людей, поэтому метод построения психологического профиля в состоянии, в котором он находится сегодня, является лишь одним из средств оптимизации процесса раскрытия преступления.

2. Обеспечение оперативно-розыскных органов информацией о личности неизвестного преступника. Основными источниками информации при этом обычно выступают фотографии места происшествия, специально созданные анкеты, заполняемые следователем во время проведения осмотра места происшествия, подробные результаты вскрытия трупа, подробная информация о жертве преступления (для создания виктимологического психологического профиля потерпевшего).

Некоторая проблематичность использования рассматриваемой методики возникает вследствие следующих причин:

1. Одним из источников информации, необходимой профилировщику, являются анкеты, заполняемые следователем при проведении осмотра места происшествия. Для полноты предоставляемой информации анкеты включают большое количество вопросов, и некоторые следователи относятся к заполнению анкет достаточно безответственно.

2. Одна из проблем практики применения психологического профиля получила название «слепота на связи», т.е. неспособность устанавливать взаимосвязь между различными событиями в силу недостатка информации. Способом ее преодоления выступает постоянное увеличение объема информации в базах данных, что порой бывает затруднительным вследствие организационных или финансовых проблем.

У вышеописанных методик реконструкции личности преступника по следам преступления есть одно серьезное ограничение – подобная реконструкция требует значительного объема навыков и

познаний, которыми не всегда обладает лицо, проводящее расследование преступления, поэтому подобная реконструкция является функцией специалиста, а в будущем, возможно, и эксперта.

Основные понятия темы: осмотр места происшествия, внимание, произвольное внимание, непроизвольное внимание, направленность, концентрический поиск, эксцентрический поиск, фронтальный поиск, принцип дополняемости психологических свойств, «мозговой штурм», аномалия цвета, аномалия плотности, аномалия объекта, психологический профиль, психологический «маркер», механизм отражения личностных свойств преступника в следах преступления.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2016. 344 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. 205 с.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск : Типо-лит. насл. Ф.В. Зельдович, 1895.
4. Дуглас Д., Олшейкер М. Погружение во мрак. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 445 с.
5. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2002. 448 с.
6. Осмотр места происшествия / под ред. В.М. Логвина. М. : Юрлитинформ, 2013. 376 с.
7. Сафаргалиева О.Н. Осмотр места происшествия и установление личности преступника по материальным следам преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1990.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается основное психологическое отличие осмотра места происшествия от иных процессуальных действий?
2. Назовите вид деятельности во время осмотра места происшествия, производство которой лично следователем крайне нежелательно.

3. Назовите преимущества и недостатки психологической природы концентрического метода.

4. Назовите преимущества и недостатки психологической природы эксцентрического метода поиска.

5. Назовите преимущества и недостатки психологической природы фронтального метода поиска.

6. Какие закономерности психического плана предопределяют необходимость исследования внимания применительно к оптимизации проведения осмотра места происшествия?

7. Какова необходимость использования «мозгового штурма» во время проведения осмотра места происшествия?

8. Применительно к каким категориям преступлений рационально использовать методику построения психологического профиля неизвестного преступника?

9. Каков механизм отражения личностных свойств преступника в следах преступления?

Тема 9. Психологические аспекты проведения обыска

Психологическая природа и понятие обыска

Обыск – психологически очень сложное следственное действие. Его информационная ценность для расследования крайне высока, что постоянно актуализирует исследовательские усилия психологов и криминалистов.

Для понимания психологической природы обыска необходимо учитывать следующие обстоятельства.

1. Обыск является разновидностью познавательной деятельности.

2. Познавательная деятельность в процессе обыска происходит в режиме поиска и непосредственного личностного восприятия следователем обыскиваемого пространства и личности обыскиваемого. Обыск как следственное действие носит ярко выраженный поисковый характер. Следователю и оперативным работникам необходимо найти объекты, имеющие значение для расследования конкретного уголовного дела, как правило, сокрытые обыскиваемым. Располагая обычно весьма ограниченными, неполными данными об условиях проведения обыска, объектах, подлежащих изъятию, местах их сокрытия, следователь функционирует в некомфортной психологической обстановке.

3. Познавательная деятельность в процессе обыска характеризуется наличием ролевого, а иногда и личностного конфликта между участниками.

4. Познавательная деятельность следователя в процессе проведения обыска регулируется рядом уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, с психологической точки зрения обыск – это конкретно-поисковая деятельность, происходящая в режиме непосредственного личностного восприятия следователем исследуемо-

го пространства и личности обыскиваемого в обстановке явного или скрытого конфликта.

Вероятно, для понимания психологических особенностей проведения обыска необходимо ответить на достаточно сложный вопрос – почему в любой (тоталитарной или демократической) системе проведение обыска сильно регламентировано и связано с жесткой процедурой согласования? Почему этого режима не наблюдается при задержании гражданина, ведь его последствия могут быть более травматичными для личности в плане физической безопасности?

Почему даже в тоталитарном обществе с его правовым беспределом (как пропагандируется сегодня) для проведения обыска необходимо выдержать достаточно «обременительную» процедуру получения ордера на обыск? Действительно, даже в одиозно тоталитарных государствах с их системой «остановил – обыщи», число которых весьма малочисленно (Британия, США), существует усложненная система проведения обыска в жилище, пусть и не такая строгая, как в нашей или в любой другой европейской стране.

Несмотря на, казалось бы, близкую для любого криминалиста идею оперативности проведения следственных действий, мы тем не менее не согласны со сложившейся практикой получения разрешения на обыск в США, где судье для решения о целесообразности его проведения достаточно устного утверждения полицейского («слово детектива»), что у последнего имеется оперативная информация (факт наличия и содержание которой, кстати, не проверяется) о необходимости проведения обыска в жилище (Гусakov А.Н., 1993).

Ответ на заданный вопрос коренится в мировосприятии современного человека. Современное общество ориентировано на необходимость существования в нем психически уравновешенных личностей, так как современный производственный цикл предполагает большую степень отдачи (в том числе и интеллектуальной) производственных единиц. Как следствие, современное общество должно оградить гражданина от невротических состояний, возникающих вследствие типичных страхов современного человека.

Особенностью психического существования является постоянная актуализация той или иной адаптивной для конкретной ситуации ролевой позиции. Ролевое поведение является неотъемлемым элементом существования современной личности. Однако следует отметить, что ролевое поведение, не совпадающее с наиболее удобными для личности ролевыми сценариями, является поведением, обуславливающим возникновение состояния стресса. Чем более разнятся эти позиции, тем более травматично для человека подобное ролевое поведение. Травматичность данного рода чревата невротической составляющей, возникающей вследствие роста неосознанного психического напряжения. Современному человеку необходимо пространство, в котором он чувствовал бы себя в безопасности, даже не отыгрывая роли, которые являются ожидаемыми сторонними наблюдателями.

Жилище – единственная возможность быть самим собой, так как вся остальная жизнь – жизнь в масках. В доме есть место максимальной концентрации, где человек чувствует себя наиболее защищенным.

Выходом из подобной ситуации является чувство покоя, которое человек испытывает в месте постоянного проживания, среди лиц, ролевое ожидание которых совпадает с комфортным для личности. Государство, усложняя процедуру доступа в жилище человека, как бы предоставляет этому человеку право на психическую релаксацию, на реализацию потребности в безопасности в полном объеме.

Проникновение в жилище – это всегда демонстрация на бессознательном уровне идеи уязвимости человека, усиление фактора его невротичности со всеми вытекающими последствиями. Сказанное определяет конфликтную природу обыска. Конфликт при обыске присутствует всегда, можно лишь спорить о степени его травматичности для психики обыскиваемого лица. Когда в нашем доме появляются незнакомые лица, мы **всегда** неосознанно готовы к конфликту.

Помимо сказанного, для обыска характерна противоположность целей следователя и других участников обыска, с одной стороны,

и обыскиваемого – с другой. Принудительный характер обыска и противоречие целей у лиц, принимающих в нем участие, обуславливают конфликтную ситуацию.

Степень конфликтности отношений между следователем и обыскиваемым в результате поисковых действий может быть уменьшена посредством разъяснения цели и необходимости обыска в связи с прошлыми действиями обыскиваемого лица.

В случае возникновения острых конфликтных ситуаций в процессе обыска может применяться такой метод воздействия, как внушение в форме приказа, что даст возможность резко изменить поведение обыскиваемого, вывести психическое отношение из состояния неуправляемого конфликта.

Учитывая сказанное, резюмируем: в процессе проведения обыска психическая деятельность обыскиваемого дезоптимизируется вследствие угнетения потребности в безопасности в силу одного лишь факта проникновения в место проживания обыскиваемого.

Однако есть и фактор, который оптимизирует психическую деятельность обыскиваемого.

Прежде всего необходимо учитывать важное в психологическом отношении условие, во многом влияющее на решение следователем творческих поисковых задач. Данное условие сводится к многообъектности обстановки, в которой проводится обыск. Известно, что с увеличением количества воспринимаемых объектов эффективность восприятия, полнота внимания человека резко снижаются, что приводит к понижению эффективности познавательной деятельности в целом. Чтобы нейтрализовать эти неблагоприятно действующие факторы необходимо овладеть специальными психологическими техниками, достаточно сложными в освоении. Но дело даже не в этом.

Следователь и оперативные работники во время обыска находятся на чужой территории, им все незнакомо, тогда как у хозяина вся расстановка, вещи и тому подобное вызывают оптимальные позитивные ассоциации, так как организация личного пространства происходит в рамках такого механизма психической защиты,

как проекция. Психически адаптивно организованное пространство для обыскиваемого и это же пространство, в лучшем случае незнакомое, в худшем – дезадаптивное, для следователя, обуславливает понижение познавательных возможностей лица, проводящего обыск. Описываемый фактор обеспечивает психологическое преимущество обыскиваемого лица.

Таким образом, тактическую эффективность поисковых мероприятий определяет фактор подавленной потребности в безопасности у обыскиваемого и фактор неадаптированности к информационному пространству у следователя. Отметим, что в процессе обыска сила действия этих факторов уменьшается в силу адаптивных возможностей участников обыска. Однако все же фактор подавленной потребности в безопасности у обыскиваемого в силу неосознанной природы уменьшается в гораздо меньшей степени, чем фактор неадаптированности к информационному пространству у следователя.

Можно сказать, что та сторона, которая будет с большей эффективностью использовать действие данных факторов, окажется в ситуации психологического преимущества.

К примеру, А.М. Бандурка совершенно справедливо отмечает, что психологическое воздействие на следователя оказывает и обстановка, которую он воспринимает в процессе производства рассматриваемого следственного действия. В зависимости от вида расследуемого преступления, характера искомых предметов у следователя формируется определенный стереотип ожидаемого в квартире обвиняемого. Совпадение или несовпадение этого стереотипа с действительностью вызывают у следователя, других участников обыска соответствующие эмоциональные состояния. При совпадении такого сложившегося стереотипа с ожидаемой реальной обстановкой следователь, другие участники обыска ощущают определенную уверенность, надеются на успех, испытывают положительные эмоции; у них наблюдается повышение активности. Напротив, обнаружив, что в квартире обвиняемого в хищении более чем скромная обстановка, следователь может испытывать чувство неуверенности, сомнения, и все это способно

снижать его активность, целеустремленность, отражаться на ходе производства обыска. Поэтому следователь должен хорошо представлять себе возможность отрицательного психологического воздействия обстановки обыска.

На обыске следователю необходимо оптимизировать свои способности, «стать на время сильнее предполагаемого преступника». Усиливая неосознанное давление от факта проникновения в жилище обыскиваемого, следователь в значительной степени уменьшает элемент противодействия усилий обыскиваемого лица. Результатом подобного усиления будет понижение способностей обыскиваемого, а конкретнее – уменьшение волевого порога обыскиваемого до минимума. Естественно, мы говорим о психических манипуляциях, не противоречащих букве закона; нарушение уголовно-процессуальных требований не может оправдать никакая тактическая целесообразность.

В процессе постановки задачи проведения обыска следователь, как правило, не фиксируется на мыслях о «доскональном» поиске скрытого, поиске, ориентированном на стопроцентную охватываемость обыскиваемого пространства, хотя, без сомнения, подобный настрой позитивен. Идея эффективной организации, включающей как подбор кадровой и технической базы, разработку поисковых версий, так и изучение личности преступника, предполагает затрату значительных усилий на стадии подготовки к проведению обыска.

На протяжении всего процесса обыска необходимо помнить о нравственно-этических принципах расследования преступлений. С начала и до конца обыска следователь обязан проявлять вежливость, корректность, не допускать грубости, оскорблений, высказываний каких-либо угроз, даже испытывая чувства гнева, возмущения, осуждения по отношению обыскиваемому. Однако все это не освобождает следователя от целесообразности быть сдержанным, особенно к иным участникам обыска. Если того не требует тактическая целесообразность, следователем должно быть проявлено чувство такта при знакомстве с документами: свидетельствами личной жизни обыскиваемых, их перепиской, фотографиями, дневниками.

Психологические аспекты подготовки к проведению обыска

Психологические аспекты подготовки к проведению обыска в основном могут быть представлены следующим образом:

- изучение личности обыскиваемого в ходе подготовки к проведению обыска;
- моделирование вероятностных мест сокрытия;
- определение приемов проникновения на место обыска.

Особенности изучения личности обыскиваемого лица в стадии подготовки. В стадии подготовки проведения обыска необходимо изучить личность обыскиваемого, и прежде всего его типологические и стрессоустойчивые характеристики, находящие отображение в его волевых, эмоциональных и интеллектуальных особенностях. Без сомнения, на первый план выходят волевые характеристики лица как представляющие тот «оборонительный» психический потенциал, который может быть противопоставлен усилиям следователя. Посредством опроса мы можем получить представление о сферах, в которых у обыскиваемого не наблюдается развитой установки на противодействие, речь идет о сферах, проблемных для обыскиваемого. Ранее уже говорилось, что конфликтность лица есть отражение его неосознаваемых психологических проблем, которые находят отображение в его деятельности. Оперативные усилия необходимо направить на выяснение обстоятельств обычных конфликтов обыскиваемого: в семье, на работе и в малых группах. Участники подобных конфликтов с удовольствием дадут информацию о поведении интересующего следователя лица в этих конфликтах.

Несмотря на то, что скрыть все психофизиологические проявления напряженности, свойственной обыску, удастся весьма редко, так как они находят отображение в целом комплексе психологических реакций на стресс, необходимо предусмотреть подобную способность у обыскиваемого. Без сомнения, необходимо также направить усилия на выяснение наличия у обыскиваемого низкой эмоционально-волевой устойчивости и повышенной тревожности.

Подобная степень устойчивости, с одной стороны, может облегчить работу следователя в силу наличия определенной рассогласованности в поведении обыскиваемого во время проведения у него обыска, возможности совершения им нерациональных действий. Но, с другой стороны, она может способствовать проявлению нежелательных невротических реакций, опасных для психики обыскиваемого, как реакции на психологическое воздействие со стороны следователя.

Такие свойства личности обыскиваемого, влияющие на выбор им способов сокрытия искомого, как жадность, аккуратизм, недоверчивость, могут предопределить места сокрытия и потенциальную степень противодействия. Трусость и эгоизм как личностные характеристики обыскиваемого также могут лечь в основу поведенческой стратегии следователя во время обыска. Элементами подобной стратегии являются рекомендации о том, «что:

- предусмотрительный, аккуратный человек прячет все дальше и тщательнее;

- самоуверенный, легкомысленный субъект не будет тратить много сил на устройство сложных тайников;

- рассеянный, ленивый человек даже при устройстве специального хранилища допустит ошибки, помогающие быстрейшему обнаружению искомого;

- жадный и недоверчивый прячет все близко, с тем чтобы можно было легко проверить, на месте ли скрываемое;

- трусливый и мнительный, наоборот, спрячет подальше».

Вероятно, можно согласиться и с авторами, утверждающими, что из всего спектра знаний о личности обыскиваемого наиболее значима информация о его образовании, профессии, хобби и увлечениях. Названные сведения о личности выступают значимыми для проведения обыска в силу того, что они предопределяют наличие у обыскиваемого навыков, которые можно задействовать при сокрытии чего-либо.

Установление профессиональных навыков необходимо, чтобы определиться с наиболее вероятными местами расположения тайников. Отметим, что взаимосвязь между профессией и местом

тайника не является обязательной, распространяясь, пожалуй, только на лиц с очень высокой квалификацией. В случаях же отсутствия профессиональных установок в психологии повседневного существования действует правило, что тайники могут быть оборудованы на первый взгляд бессистемно. Также выяснение информации о работе обыскиваемого будет способствовать выбору оптимального времени обыска.

Установление наличия и характера хобби и увлечений у обыскиваемого, а также его манеры проведения свободного времени может способствовать получению информации о некоторых жизненных приоритетах, так как выбор хобби и увлечений – это результат действия таких неосознаваемых механизмов психической защиты, как генерализация и проекция. Анализ практики показывает, что хобби гораздо в большей степени ориентирует человека на определение места тайника, нежели профессия.

Особенно актуально установление профессии, хобби и увлечений, связанных с владением оружием (огнестрельным или пневматическим), что предполагает принятие ряда мер, направленных на обеспечение безопасности участников обыска.

Установление степени эмоциональной близости обыскиваемого с родственниками и друзьями необходимо для принятия решения возможности проведения групповых обысков. Установление факта криминального опыта у обыскиваемого в прошлом является основанием для следователя сосредоточить внимание на следах уничтожения каких-либо объектов.

Даже информация о половой принадлежности обыскиваемого может оказаться ценной для последующего обыска. Так, создание тайников в полу, стенах требует или значительной физической силы, или развитых навыков работы с инструментами, поэтому наиболее вероятно создание подобных тайников мужчиной. Для женщины областью комфортного пространства, как правило, выступает территория концентрации обычных объектов бытового пользования, поэтому сокрытие происходит среди бытовых объектов: продуктов питания, предметов хозяйственного назначения в спальне, кухне, ванной.

Интеллектуальное развитие обыскиваемого в значительной степени предопределяет индивидуальный стиль деятельности, предполагающий руководство своими действиями, способность к абстрактному мышлению либо, наоборот, неспособность выйти за рамки привычного, стандартного, стереотипного. Уровень интеллектуального развития определяет также возможность обыскиваемого смоделировать поведение следователя и разработать способы противодействия его деятельности в процессе производства обыска.

Наиболее простая линия поведения обыскиваемого лица, направленная на сокрытие разыскиваемых органами следствия предметов, состоит в том, чтобы укрыть их:

- в труднодоступных местах из расчета на то, что следователь не в состоянии будет преодолеть существующие преграды;

- в местах, характеризующихся антиэстетикой из расчета на естественную брезгливость следователя либо его излишнюю интеллигентность;

- в легкодоступных местах из расчета на то, что все внимание следователя будет сконцентрировано на участках первой группы.

Сложная линия поведения обыскиваемого может предусмотреть многоходовые комбинации. Например:

- приобрести два пистолета;

- повредить ударно-спусковой механизм одного из них, остальные части первого пистолета выбросить;

- поместить в исправный пистолет сломанный ударно-спусковой механизм;

- исправный ударно-спусковой механизм спрятать среди похожих материалов и инструментов.

Схему эту простой можно назвать только условно. Незнакомый с ней следователь после обнаружения оружия переключит свое внимание на иные объекты. Последующая судебно-баллистическая экспертиза признает изъятое в ходе обыска оружие негодным. Это всего лишь один из распространенных творческих подходов к сокрытию объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Уже говорилось, что психически адаптивно организованное пространство для обыскиваемого и это же пространство, в лучшем

случае незнакомое, в худшем – дезадаптивное, для следователя, обуславливает понижение познавательных возможностей лица, проводящего обыск. Описываемый фактор обеспечивает психологическое преимущество обыскиваемого лица. В целях нейтрализации данного фактора следователю необходимо в деталях ознакомиться с планом территории, на которой будет происходить обыск. Желательно смоделировать в своем сознании устройство помещения посредством воспоминаний помещений с похожей планировкой, в которых следователь был лично.

Традиционный для поисковых следственных действий алгоритм изучения личности имеет ряд вариаций. Так, перед обыском заключенного в исправительном учреждении рационально изучить личность обыскиваемого, воспользовавшись такими источниками, как личное дело осужденного, дела оперативных учетов, показания сотрудников исправительного учреждения. Ранее мы говорили о сомнительной ценности характеристик как источника сведений о личности, но приведенные выше источники, будучи формализованными, заслуживают гораздо большего доверия.

Весь спектр профессиональных знаний и умений, личностных особенностей следователя находит отражение в процессе проведения обыска, но даже если этот потенциал значителен, без разработанной модели поисковых действий, алгоритма взаимодействия с оперативной группой эффективность обыска будет невысокой. Как и при производстве любого следственного действия, мыслительная, аналитическая деятельность следователя выступает в качестве доминирующей относительно остальных психических составляющих.

Приемы проникновения на место непосредственного обыска, несмотря на достаточную разработанность, предполагают привлечение следователем собственного творческого элемента. Типичные приемы проникновения могут быть сведены к следующим видам:

- силовое проникновение, часто сопровождающееся полным или частичным разрушением преграды и использованием специальных технических средств;
- проникновение «на плечах», когда обыскивающие проникают в помещение совместно с хозяином или его посетителем;

- предварительное легендированное проникновение, когда в помещение проникают заранее под видом клиента или специалиста;
- ролевое проникновение, когда представляются работниками почты, служащими районной администрации, представителями религиозных, общественных и политических организаций;
- проникновение с привлечением к проникновению в помещение лиц, знакомых хозяину этого помещения.

Отметим сразу, что к силовому проникновению, характеризующемуся высокой вероятностью ошибки, случайности, незапланированных последствий, следует прибегать только в исключительных случаях. Даже если входные двери укреплены и подходы к помещению контролируются подозреваемыми, возможно рассмотреть варианты несилового проникновения.

Применение ролевого проникновения также требует очень взвешенного решения. При современной информированности о тактических приемах маловероятно, что ролевое проникновение будет эффективным даже в отношении лица, не имеющего криминального опыта. Успешность ролевого проникновения была обусловлена невысоким уровнем преступности и высоким уровнем доверия к любым государственным структурам четверть века назад и фактически перестала существовать в наше время по понятным причинам.

При анализе общих тактических приемов проникновения на территорию обыскиваемого объекта мы уже говорили, что проникновение, при котором представляются работниками почты, управляющей компании, общественных, политических и религиозных объединений, малоэффективно в силу значительной информированности представителей криминального мира о приемах расследования.

Предлог для проникновения в обыскиваемое пространство выступает своеобразной «визитной карточкой» следователя. Но все многообразие поводов, кроме ранее перечисленных, может быть сгруппировано следующим образом:

- проникновение с использованием чувства страха перед чрезвычайными ситуациями;

– проникновение с использованием чувства страха перед определенными государственными структурами;

– проникновение с использованием комплекса неполноценности обыскиваемого.

Проникновение с использованием чувства страха перед чрезвычайными ситуациями происходит посредством моделирования признаков возгорания или задымления территории, прилегающей к обыскиваемому помещению. Так как необходимо предупредить соседей об отсутствии реальной опасности, что требует значительной организованности, данный способ на практике широкого распространения не находит.

Проникновение с использованием чувства страха перед определенными государственными структурами как разновидность проникновения в отечественной криминалистике не рассматривается. Причина видится в исследовательской традиции необъективно корректного восприятия отношений личность–государство.

Анкетирование 500 граждан показало, что восприятие ряда государственных служб характеризуется смещением в негативную сторону по шкале «нравится – не нравится». Так, служба судебных приставов гражданами воспринимается как полуанархическая корпорация с крайне невысокой степенью организации, предопределяющей систематические ошибки в деятельности работников этой службы. Работники ФМС рассматриваются как традиционные чиновники, в максимальной степени склонные к волоките и индивидуальному злоумышленничеству. Служащие МВД традиционно воспринимаются гражданами как основа коррупционных процессов, хотя справедливости ради отметим, что восприятие этого министерства перестало быть абсолютно негативным по сравнению с концом XX в. Чувство иррационального опасения опрошенные испытывают перед работниками Федеральной налоговой службы России, причем подавляющее большинство опрошенных (97%), в том числе имеющих высшее образование, не имеют четкого представления о функциях данного учреждения. Сказанное делает эффективным моделирование визита представителей налоговых органов как повод для проникновения на обыскиваемую территорию. Двойной

страх – опасения за свои финансы и боязнь неизвестного – с высокой степенью вероятности предопределяет не критическое восприятие информации о цели визита.

Проникновение с использованием комплекса неполноценности обыскиваемого в криминалистике рассматривается недостаточно. Вероятно, признание несбалансированности психики преступника является своеобразным табу для современной гуманистической парадигмы. Если исходить из того, что преступное поведение выступает отклонением, то следует признать, что психика человека, совершившего преступление, характеризуется большей психической напряженностью, чем психика нормального человека. Следовательно, психическое напряжение представителя криминального мира должно быть положено в основу разработки ряда тактических приемов. Возвращаясь к теме комплекса неполноценности представителей криминального мира, отметим, что, осознавая свою условную ценность для общества, преступники болезненно реагируют на посягательства, в том числе и невольные, на их статус. Неудивительно, что культура осужденных – это прежде всего культура статусов с четко прописанными ролями.

Примером повода для описываемой группы может служить имитация визита пьяного человека к своей избраннице, агрессивно требующего впустить его в помещение. Психологическая установка на обязательное отстаивание ценности своей личности и ее статуса, даже при случайном посягательстве на них, обусловит потребность обыскиваемого выйти и продемонстрировать себя как носителя высокого статуса. Если в квартире несколько лиц мужского пола с криминальным опытом, то сила проявления этой потребности объективно увеличивается.

Приведенные модели проникновения в обыскиваемое жилое помещение – лишь частные примеры тактики проникновения при обыске, которая, повторимся, является одним из показателей профессионализма следователя или дознавателя.

Отдельно необходимо остановиться на целесообразности привлечения к проникновению в помещение лиц, знакомых хозяину этого помещения. Неважно, идет ли речь о частном жилище или

корпоративном помещении, использование для проникновения лиц, знакомых хозяину, хотя и достаточно эффективно, но совершенно неэтично. До тех пор пока наши правоохранительные органы не будут способны защитить лиц, которые помогли следствию проникнуть в помещение, пользуясь знакомством с обыскиваемым, привлечение этих лиц к обыску будет в высшей степени аморальным. Непонятно, почему тактические приемы, содержащие незначительный элемент обмана допрашиваемого со стороны следователя, осуждаются значительным количеством исследователей, а тактические приемы, впоследствии ставящие под угрозу жизнь и здоровье добропорядочного гражданина, оказавшего помощь следствию, фактически не критикуются.

Психологические аспекты непосредственного проведения обыска

Из тактических положений, раскрывающих природу обыска, необходимо уяснить, что:

1) во время проведения обыска следователь непосредственно в поиске не участвует, концентрируясь на анализе поведения обыскиваемого, в случае необходимости оказывая на него непосредственное воздействие;

2) концентрический и эксцентрический методы не могут быть достаточно эффективными. Обыск ведется от двери по часовой стрелке вдоль стен, в последнюю очередь проверяется центр обыскиваемого пространства.

Так как значительная нагрузка у лиц, проводящих непосредственные поисковые мероприятия, во время обыска ложится на органы зрения, необходимо создавать такие условия, которые повышали бы порог их чувствительности, поддерживали визуальные возможности обыскивающих на оптимальном уровне. В этих целях на месте обыска должна быть обеспечена необходимая освещенность (речь идет о равномерном освещении, характерном для утреннего времени суток), следует применять научно-технические средства криминалистики и специальные приемы.

Общая поисковая направленность деятельности во время обыска отличается от таковой во время следственного осмотра не только элементом противодействия с обыскиваемым лицом. Вторым значимым отличием выступает специфика алгоритмов поиска. В условиях перенасыщенного (обыск жилого помещения) или ограниченного (личный обыск) пространства в чистом виде классические поисковые методы (эксцентрический, концентрический, фронтальный) ограничены в использовании. Правильнее сказать, что стратегия использования эксцентрического, концентрического и фронтального методов, характерная для применения на всей территории осмотра, может быть эффективной лишь на отдельных участках поиска в процессе обыска. Учитывая специфику поисковой деятельности при обыске, криминалисты разработали пары альтернативных поисковых стратегий, оптимизирующих проведение данного следственного действия.

В теории криминалистики выделяются стратегии последовательного и выборочного исследования. В первой стратегии следователь движется только в одном направлении, во второй приоритетно проверяются наиболее вероятные места сокрытия. Выбор из данных стратегий нам представляется возможным только для опытных следователей, так как неправильно определенная вероятность нахождения объектов на определенной территории приведет к необходимости начинать поиск заново с исчерпанным поисковым потенциалом. Таким образом, полноценной данную пару стратегий назвать нельзя.

Также выделяется совместный (следователь производит поиски, а его помощник выполняет техническую работу) и раздельный поиск (лица, производящие обыск, действуют самостоятельно). Данная пара стратегий имеет весьма условную ценность, так как в первом случае следователь не концентрируется исключительно на наблюдении за поведением обыскиваемого, а во втором случае отсутствует групповое взаимодействие.

Крайне спорным является выделение сплошной (поиск на всей территории обыска) и выборочной (поиск в пределах фрагмента территории обыска) стратегий поиска. Использование выборочной

стратегии при обыске нам видится допустимым в исключительных случаях при условии:

– отсутствия необходимости продолжения поиска ввиду достаточности найденных улик;

– понимания следователем бесперспективности дальнейшего поиска;

– необходимости скрыть информацию о знании следователем мест хранения искомого с целью обеспечения безопасности источника данной информации (т.е. фактически проводится не обыск, а выемка);

– необходимости оказания стационарной медицинской помощи обыскиваемому в ситуации отсутствия при обыске членов его семьи и, следовательно, необходимости прерывать обыск;

– поиска крупногабаритных объектов.

Наибольшую поисковую ценность имеет пара таких стратегий, как параллельное и встречное обследование. Традиционной является рекомендация о предпочтительности параллельного обследования на больших малонасыщенных территориях и встречного обследования на территориях, перенасыщенных объектами. Отметим также, что в силу значительного удаления при параллельном обследовании обыскиваемый, неосознанно стремящийся контролировать перемещения участников обыска, вынужден радикально рассредоточивать свое внимание, что увеличивает его стрессовое состояние.

Вне зависимости от избранной поисковой стратегии необходимо помнить, что утомляемость в ходе обыска лиц, проводящих его, имеет свои особенности по сравнению с утомляемостью лиц, производящих осмотр места происшествия. Причина в том, что исследуемое пространство во время обыска обследуется обыскивающими в незнакомой для них обстановке и в условиях активного противодействия со стороны обыскиваемого, что в совокупности само по себе является фактором, в сильной степени отвлекающим, рассеивающим внимание следственно-оперативной группы. Все это приводит к повышенной утомляемости, более быстрому снижению работоспособности, особенно к концу обыска. В силу сказанного

целесообразна организация перерывов по правилам, характерным и для осмотра места происшествия, но с учетом хода и последовательности поисковых действий.

В отличие от допроса в содержании обыска тактические приемы, ориентированные на личность обыскиваемого, не составляют большинства, тем не менее их количество достаточно, а ценность бесспорна. Целесообразно определить значимость использования данных о личности обыскиваемого в следующих аспектах:

- данные, позволяющие оптимизировать состояние обыскиваемого для успешного решения задач обыска;
- данные, позволяющие в рамках задач обыска оптимизировать процесс наблюдения за поведением обыскиваемого.

Оптимизация состояния обыскиваемого для успешного решения задач обыска достигается путем создания у последнего такого состояния, в котором он не сможет эффективно противодействовать усилиям следователя. Содержанием подобной оптимизации будет результат использования тактических приемов, выражающихся в модификации «Я-ценности» обыскиваемого путем навязывания ему ролевой позиции, в которой он будет чувствовать себя психологически некомфортно.

Необходимо отметить один крайне важный аспект поведения следователя во время обыска. Речь идет об актерской игре. Несмотря на то, что в специальной литературе этот вопрос напрямую не освещен, изложение предполагает высокую вероятность задействования актерских навыков следователя в случаях, диктуемых тактической целесообразностью. Однако это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное. Способность к актерской игре, как и волевые, эмоциональные и познавательные способности, может быть не развита у конкретной личности, а если говорить откровенно, то существует небольшое количество психологических типов, способных к убедительной актерской игре, не имея на то должного уровня познания в актерском ремесле. Стоит ли говорить, насколько нелеп следователь, психологически неадаптированный к данной деятельности при попытке актерской игры на «бытовом» уровне.

В чем же особенности отыгрывания роли следователем при обыске?

Особенности агрессивной роли. Целесообразность агрессивной роли весьма сомнительна, но далеко не по этическим соображениям. Дело в том, что люди, как правило, тяготеют к стереотипному поведению, руководствуясь проявлениями динамического стереотипа, установок и ролевых позиций. Уже говорилось, что человек, попадая в ситуацию, в которой разыгрывается ожидаемый сценарий, соблюдают ожидаемые роли и высказываются ожидаемые идеи, в значительной степени успокаивается. В ожидаемой ситуации психика стабилизируется. Одновременно с этим необходимо учесть, что, благодаря современным средствам массовой информации и проникновению в сознание законопослушных граждан элементов криминальной культуры (сленг, музыка, анекдоты), типовым продолжает оставаться восприятие следователя как носителя невысокой культуры, склонного к подавлению граждан, самоутверждающегося за счет последних. Таким образом, враждебная роль в ходе обыска, на которую может ориентироваться следователь, будет ожидаемой обыскиваемым с высокой степенью вероятности, что будет способствовать стабилизации его психики, а значит, усилению его возможностей противодействия усилиям обыскивающих.

Нежелательность агрессивной роли также диктуется нецелесообразностью ее серьезного усиления по отношению к обыскиваемому фактом проникновения в его жилище. Агрессивная роль в этих условиях может предопределить у обыскиваемого нервный срыв либо иные формы психологических эксцессов.

Если следователь решил отказаться от агрессивной роли, то для него становится крайне важным следить за собственным эмоциональным состоянием. По возможности следует нейтрализовать негативные эмоции, связанные с обследованием объектов, вызывающих чувство брезгливости, как способные затруднить интеллектуальную деятельность следователя. Конечно, не следует поддаваться растерянности в случае безрезультатности поисков, тем более показывать такое состояние обыскиваемому.

Особенности дружелюбной роли. На первый взгляд дружелюбная роль более предпочтительна в этическом плане как соответствующая требованиям профессиональной этики в процессе расследования. Проблема заключается в том, что вследствие психического напряжения ввиду ожидаемого посягательства на потребность обыскиваемого лица в безопасности любые попытки эмоционально позитивного поведения со стороны группы обыскивающих будут восприниматься обыскиваемым, осознанно или нет, как тонкое издевательство над ним.

Спорным вопросом можно считать необходимость проявления чувства такта при отыгрывании враждебной роли в процессе знакомства с документами: свидетельствами личной жизни обыскиваемых, их перепиской, фотографиями, дневниками. Мы полагаем, что чувство такта должно присутствовать, так как его отсутствие с высокой вероятностью будет способствовать соскальзыванию следователя в неуправляемый конфликт с обыскиваемым. Вероятно, исключением является следователь параноидного, застревающего и конформного психологических типов, имеющий внутренний иммунитет против подобного соскальзывания.

Особенности казенной роли. Добавим несколько моментов, крайне необходимых для отыгрывания казенной роли. Прежде всего необходимо хорошо знать расположение комнат, чтобы не обращаться за информацией к обыскиваемому, проявляя, таким образом, свою информированность в мелочах. Следственно-оперативная группа должна быть проинструктирована о последовательности обыска применительно к его отдельным участкам. Следователь не должен инструктировать группу в процессе обыска, так как это понизит планку профессионализма обыскивающих в глазах обыскиваемого. Начало непосредственного поиска целесообразно соотнести с условной фразой, произнесенной следователем. Для создания образа профессионалов следователю необходимо предупредить группу о минимальном уровне речевого взаимодействия. Вспомним, что активизация общения при выполнении профессиональной деятельности наступает в случае нежелания ее выполнять или в случае усталости от ее выполнения. Понятно, что

понимание последнего будет способствовать психической оптимизации обыскиваемого.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что казенная роль по соотношению «эффективность–корректность» является предпочтительнее, чем дружелюбная или враждебная.

Приемом воздействия на сферу ценностей обыскиваемого в рамках казенной роли следователя является деперсонализация личности обыскиваемого и всех остальных участников обыска, достигаемая исключением личностного элемента в общении (формально-статусное общение), ограничением объема общения в процессе производства обыска, высокой слаженностью следственно-оперативной группы, не нуждающейся в конкретных распоряжениях (последнее достигается путем четкого планирования распределения функций участников перед проведением обыска). Процесс деперсонализации, таким образом, ставит целью восприятие обыскиваемым себя не как индивидуума, а как носителя каких-то родовых признаков, что является для последнего стрессовым.

Следующий прием воздействия на сферу ценностей обыскиваемого, являющуюся структурным элементом криминалистической характеристики личности преступника, базируется на особенностях человеческого существования в рамках общества. Э. Фромм говорил, что обратная сторона свободы личности выражается в одиночестве этой личности. Повторимся – скованная рамками социальных, политических, экономических, религиозных, культурных, возрастных, гендерных ограничений, личность все время «играет» роль, содержание которой далеко от реальной. Как следствие, личности необходимо иметь «зону комфорта» для реализации реальной роли. Как правило, подобной «зоной комфорта» выступает место проживания. Именно поэтому право на неприкосновенность жилья является одним из базовых, а субъективно, пожалуй, самым важным правом личности.

Однако в силу совместного проживания с другими людьми (с супругом, детьми, родителями, родственниками) человек склонен в максимальной степени проецировать свой внутренний мир на отдельный участок в месте проживания. В сознании человека

этот участок становится как бы символом его самодостаточности, его независимого статуса и выступает в качестве «свобода-ценности». На этой территории человек отдыхает, снимая усталость, либо демонстрируя свой статус, либо и то и другое. Как правило, для мужчины это диван / кресло, с которого визуально просматривается пространство самого большого помещения в доме (чаще всего оно находится поблизости от телевизора), для женщины – косметический столик как место психологической разгрузки, для ребенка – письменный стол или книжная полка (расположение предметов на подобной книжной полке определяется не внешними факторами, т.е. формой, цветом, размерами, а факторами содержательными). При обыске по месту работы такой территорией выступает рабочее пространство обыскиваемого (рабочий стол, станок, личный шкафчик для вещей и др.). Описываемый отдельный участок легко идентифицируется по аномалии плотности или объекта.

Тактическое значение наличия подобного личностного места сводится к демонстрации следователем во время обыска фактического «права» на вторжение в «последний бастион» независимости человека. Воздействие здесь происходит в виде временной «оккупации» лично значимого пространства, однако, чтобы не спровоцировать конфликт с обыскиваемым, необходимо вести себя крайне осторожно. Соответственно, воздействуя на обыскиваемого, следователю необходимо, усадив обыскиваемого на стул или табурет, расположиться свободно в кресле, отодвинуть в сторону парфюмерные принадлежности, освобождая место для написания протокола, критически, однако соблюдая умеренную тональность голоса в рамках реализации казенной роли, изложить свою позицию о подборе предметов на книжной полке или письменном столе.

Психологические приемы наблюдения за обыскиваемым лицом

В основу воздействия на сферу отношений обыскиваемого в процессе обыска положено свойство человеческой психики кон-

тролировать потенциально-стрессовые объекты. Подобное свойство генетически уходит в мир психических реакций животных, обеспечивая функцию выживания организма. Воздействие на сферу отношений позволяет оптимизировать процесс наблюдения за поведением обыскиваемого.

Основная функция следователя в процессе обыска – наблюдение за поведением обыскиваемого, а для получения наиболее полных и достоверных результатов такого наблюдения необходимо знать основные психологические закономерности поведения в конфликтной ситуации.

Методика непосредственного наблюдения. Непосредственное наблюдение рассчитано на то, что при приближении обыскивающего к месту хранения искомым предметов наблюдается акцентирование в сознании обыскиваемого тех очагов, которые связаны с событием преступления и его последствиями, и это обстоятельство не может не сказаться на поведении обыскиваемого, так же как и удаление обыскивающего от «опасного места». Сказанное происходит в силу связывания обыскиваемым своего будущего с последствиями, определяемыми результатами обыска. Это приводит обыскиваемого в состояние сильного эмоционального возбуждения, которое он, естественно, стремится скрыть. Реакция может быть в форме изменения ритмики дыхания, появления тремора конечностей или вегетососудистых проявлений (покраснение, побледнение).

Рекомендации следователю обращать внимание на описанные изменения в поведении обыскиваемого известны давно и кажутся бесспорными, однако необходимо сказать, что стрессоустойчивость человека значительно выросла со времен «Русской правды» и «Законов Ману». Человек современного индустриального общества в лучшей степени контролирует свое поведение, просто в силу большей интенсивности, чем сто лет назад, что невозможно игнорировать при наблюдении за изменениями в его поведении при стрессе. Учитывая сказанное, в полной мере на описываемую технику наблюдения следует полагаться при обыске жилья несовершеннолетних лиц или лиц с выраженной невротичностью.

Методика «словесной разведки». Широко известна тактическая рекомендация, определяющая, что при производстве обыска надо как можно шире включать обыскиваемого в беседу, практиковать постановку вопросов о назначении тех или иных предметов, их происхождении и возможном отношении их к расследуемому событию. Если невербальное (пантомимическое) поведение в той или иной степени подлежит волевому контролю, то речь волевому контролю не поддается. Изменения тембра, тональности и громкости речи, структуры речевых конструкций (изменение среднего количества слов в предложениях, появление или исчезновение вступительных фраз, изменение количества слов, не несущих объективного смысла, резкая перемена темы или ее прерывание) свидетельствуют о внутреннем состоянии обыскиваемого лица, о его лично-тревожном отношении к действиям следователя или оперативных работников. Названные составные речевого поведения выступают надежным индикатором психического отношения обыскиваемого к происходящему.

Приемы анализа речевого поведения в процессе производства обыска используются в рамках применения специфического приема воздействия, который получил название «словесная разведка». Суть ее в том, что следователь опрашивает обыскиваемого о расположении помещений, назначении тех или иных предметов, принадлежности определенных вещей и при этом наблюдает за его состоянием, психофизиологическими реакциями. С психологической точки зрения в систему раздражителей включается новый дополнительный раздражитель – вербальный, который еще более усиливает процессы эмоционального возбуждения обыскиваемого лица, усложняя возможности контроля за собственным поведением и реакциями. Словесный раздражитель усиливается, если задаваемые вопросы исходят из контекста поисковых действий.

В процессе первоначального анализа обстановки обыскиваемого пространства целесообразно учитывать гармоничность, естественность наполнения этого пространства разнообразными объектами. Домашняя обстановка является результатом продуманной или неосознанной мыслительной деятельности, отражающей пси-

хотип, направленность и характер обыскиваемого лица. Наличие в обыскиваемом пространстве объектов, не гармонизирующих с окружающей обстановкой, может выступать результатом слабо развитого эстетического восприятия или объясняться низким материальным благосостоянием, но может также и проецировать некоторые элементы преступного события. В любом из описываемых случаев хозяева неосознанно предпочитают долго не обсуждать целесообразность подобных объектов, однако в целях усиления стрессового фактора целесообразно убедить их это сделать. Оптимальным будет выслушивание рассказа о причине этого несоответствия отдельно от каждого из проживающих в помещении лиц.

Существующие методики наблюдения за поведением обыскиваемого – «непосредственное наблюдение» и «словесная разведка» – не всегда оказываются эффективными. Дело в том, что средний и высокий волевые пороги обыскиваемого приводят к понижению эффективности первой методики, а отказ от общения в процессе обыска – к неэффективности второй.

Методика «трех засечек». Мы предлагаем подвергать анализу комплекс пространственных отношений, который определяется связью личности обыскиваемого и территории, на которой сокрыт объект поиска, имеющий значение для процесса расследования преступления.

Суть предлагаемого метода (метод «засечек») в том, что следователь фиксирует пространство, лежащее в области контроля обыскиваемого (большую часть пространства перед обыскиваемым в секторе 45° и часть пространства за ним в секторе 30°), в процессе перемещения лица, у которого производится обыск (Баев О., Мартынов В., 1984).

Содержание предложенного метода сводится к следующему. Один из оперативных работников предлагает обыскиваемому лицу выбрать и занять место (стул) в обыскиваемом пространстве. Следователем фиксируется зона контроля обыскиваемого. После этого под предлогом поиска в зоне, где располагается обыскиваемый, другой оперативный работник предлагает ему пересечь. Зона кон-

троля обыскиваемого вновь фиксируется. Процедура повторяется еще раз. Место совпадения зон контроля в трех случаях с высокой степенью вероятности указывает на место (места) сокрытия искомого.

Надо отметить, что фигура следователя воспринимается обыскиваемым как потенциально наиболее опасная, поэтому все предложения, исходящие от него, будут восприниматься обыскиваемым повышено критично, следовательно, инициатива описанных действий должна исходить только от оперативного работника.

Укажем еще на один момент, характерный для метода «трех засечек». Проблема использования методик «анализ реакции» и «словесная разведка» видится нам в крайней затруднительности их применения в случае знакомства обыскиваемого с содержанием этих методик. Лицо же, знающее о содержании методики «трех засечек», намеренно выберет позицию, в которой потенциально стрессовая территория (территория сокрытого) выходит за пределы его сферы контроля (располагается боком к ней или спиной на значительном удалении). В подобной ситуации нуждающийся в контроле за территорией сокрытого обыскиваемый будет стараться контролировать ее незаметно и эпизодически (с его точки зрения), стараясь не привлекать внимания следователя. Однако вынужденный бросать на данную территорию «косые» взгляды, обыскиваемый является идеальным объектом наблюдения. Дело в том, что подобные взгляды любым человеком воспринимаются как потенциально враждебные и фиксируются даже неосознанно. В случае же ожидания их со стороны следователя они могут быть легко перехвачены и соотнесены с местом последующего поиска.

Утомляемость в ходе обыска лиц, проводящих его, имеет свои особенности по сравнению с утомляемостью лиц, производящих осмотр места происшествия. Причина в том, что исследуемое пространство во время обыска обследуется обыскивающими в незнакомой для них обстановке и в условиях активного противодействия обыскиваемого, что в совокупности само по себе является фактором, в сильной степени отвлекающим, рассеивающим внимание следственной группы. Все это приводит к повышенной утомляемо-

сти, более быстрому снижению работоспособности, особенно к концу обыска. В силу сказанного целесообразна организация перерывов по правилам, характерным и для осмотра места происшествия, но с учетом хода и последовательности поисковых действий.

Отечественные исследователи рекомендуют сразу после обыска произвести допрос и очную ставку, чтобы закрепить полученные при обыске сведения новыми данными. Эта рекомендация актуальна в силу того, что обнаружение в ходе обыска изобличающих обвиняемого предметов ставит его в трудное психологическое положение, приводя к дезорганизации многих психических процессов, ослаблению волевых установок, направленных на сокрытие причастности к совершению преступления.

Психологические аспекты выемки

Выемкой является деятельность следователя по изъятию строго определенных объектов, индивидуальные признаки которых следователю заранее известны, в ситуации, когда точно известно, где и у кого эти объекты находятся. Данные о нахождении искомого объекта у конкретного лица могут быть получены как в процессе проведения следственных действий, так и в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

Процессуальные аспекты выемки и обыска достаточно схожи, что предопределило уверенность в малом отличии обыска и выемки не только в формальном (Строгович М.С., Карницкий Д.А., 1926), но и в содержательном (Баев О.Я., 2003) аспекте. По нашему убеждению, содержательные аспекты обыска и выемки имеют немного общего. При выемке нет непосредственного поиска и, как следствие, нет необходимости в тактических приемах нейтрализации противодействия со стороны оппонента и приемах, направленных на анализ его поведения. Выемка, в отличие от обыска, не носит ярко выраженного коллективного характера, сводя тактику взаимодействия в группе к минимуму. Самое же главное: выемка, в отличие от обыска, происходит в ситуации информационной определенности – следователь достаточно детально владеет ин-

формацией об изымаемом объекте. Выемка исчерпывается реализацией требования добровольной выдачи искомого, обыск же только начинается с данного требования.

Установление психологического контакта с лицом, у которого проводится выемка. Отказ добровольно выдать требуемые объекты не всегда связан с установкой на противодействие расследованию. Причиной подобного отказа может выступить несколько иная система ценностей, доминирующих в данный момент. Понимание этой системы ценностей возможно либо при предварительном глубинном исследовании личности лица, у которого производится выемка, либо при установлении психологического контакта с этим лицом. К сожалению, первый вариант значительно затрудняет такое свойство выемки, как оперативность ее проведения, предполагающая незначительное время на подготовку, что совершенно противопоказано для тактики обыска. Именно поэтому тактическая операция «выемка, переходящая в обыск», нам видится гораздо менее эффективной, нежели изначальная ориентация на проведение только обыска.

Для установления психологического контакта недостаточно понимания психотравмирующей природы проникновения в личное пространство, как и при обыске. Психологическому контакту будет способствовать понимание истоков негативного отношения данного лица к требованию о добровольной выдаче конкретного объекта. К наиболее часто встречающимся причинам подобного негативного отношения мы относим ситуации, в которых:

– отказ объясняется не чувством вины, а чувством боязни за разглашение обстоятельств интимной жизни, нежеланием причинить неприятность родственнику, знакомому, сослуживцу (Старичков М.В., 2010);

– отказ объясняется недовольством самим фактом проникновения на «личную» территорию;

– отказ предопределен негативным отношением к личности следователя;

– отказ является формой самоутверждения, следствием психологической защиты перед родными / близкими / коллегами, наблюдающими за процессом выемки;

– отказ проистекает из надежды затянуть производство выемки до ночного времени, что, по общим правилам, будет означать ее прекращение или приостановление.

Для преодоления первой разновидности негативного отношения в подобных случаях необходимо обратить внимание лица на то, что участники выемки предупреждаются об ответственности за разглашение выявленных обстоятельств интимной жизни лица.

Для преодоления установки на противодействие усилиям следователя, возникшей в силу негативного отношения к самому факту проникновения на «личную» территорию, необходимо несколько затянуть требование о предоставлении необходимого объекта. Длительность взаимодействия следователя и лица, у которого производится выемка, способствует уменьшению неосознанного раздражения, возникшего в силу вторжения на личную территорию.

Нейтрализация негативной установки, проистекающей из субъективного негативного отношения к следователю, может быть достигнута посредством отыгрывания «дружелюбной роли», которая, в отличие от ситуации обыска, для выемки более перспективна (Бакиров А.А., 2009).

Преодоление отказа выдать искомое в силу действия механизмов психической защиты, выражающихся в форме самоутверждения, целесообразно реализовывать в рамках «враждебной» роли. Содержанием названной роли будут разъяснения, что выемка может быть произведена принудительно, а действия данного лица – противоправны. Если лицо надеется на затягивание времени, полагая, что наступление ночного времени прекратит или приостановит проведение выемки, целесообразно объяснить, что в случаях, не терпящих отлагательства, выемка может быть произведена и в ночное время.

Основные понятия темы: обыск, поисковая деятельность, конфликт, ролевая позиция следователя, дружелюбная роль, враждебная роль, казенная роль, непосредственное наблюдение, словесная разведка, методика засечек, личностная зона в месте проживания.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2016. 344 с.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск : Типо-лит. насл. Ф.В. Зельдович, 1895.
3. Еникеев М.И., Черных Е.А. Психология обыска и выемки : практикум по юрид. психологии : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1986. 80 с.
4. Луценко О.А. Проведение обыска и выемки: процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов н/Д : Феникс, 2005. 63 с.
5. Бедняков И.Л. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения. М. : Юрлитинформ, 2010. 176 с.
6. Попов В.И. Обыск и выемка. М. : Прокуратура СССР [и др.], 1948. 40 с.
7. Черкасская Г.В., Бадхен М.Л. Управление конфликтами : учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 236 с.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается основное психологическое различие между осмотром места происшествия и обыском?
2. В чем причина изначальной конфликтности обыска?
3. Найдите взаимосвязь между навыками и местом расположения тайников.
4. Назовите основные типовые роли, доступные следователю во время проведения обыска.
5. Определите преимущества и недостатки методик наблюдения за обыскиваемым лицом во время проведения данного следственного действия.
6. Какие личностные и типологические особенности следователя предопределяют эффективность использования какой-то одной методики наблюдения за поведением обыскиваемого?
7. Какие личностные и типологические особенности следователя предопределяют неэффективность использования какой-то одной методики наблюдения за поведением обыскиваемого?
8. Какие факторы предопределяют затруднительность использования фронтального, эксцентрического, концентрического и квадратно-гнездового методов поиска во время обыска?

Тема 10. Психологические аспекты проведения допроса и очной ставки

Психологическая сущность допроса и его задачи

С процессуальной точки зрения допрос – это следственное действие, которое состоит в получении следователем от допрашиваемого лица устных сведений, имеющих значение по делу, с занесением показаний в протокол.

Допрос – психологически очень сложное следственное действие. Его информационная ценность для расследования крайне высока, что постоянно актуализирует исследовательские усилия психологов и криминалистов.

Для понимания психологической природы допроса необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Допрос является разновидностью познавательной деятельности.
2. Познавательная деятельность в процессе допроса происходит в режиме общения, сопровождающегося непосредственным личным восприятием следователем допрашиваемого лица. Допрос как следственное действие носит ярко выраженный коммуникативный характер. Особенностью межличностного общения при допросе выступает исходящая от следователя инициатива. Допрос, выступая, как правило, первоначальным следственным действием, объективно характеризуется наличием незначительного объема информации, имеющей значение для расследования преступления, у следователя, его расследующего.

3. В процессе получения значимой информации следователем оказывается воздействие на допрашиваемое лицо.

4. Познавательная деятельность в процессе допроса характеризуется ретроспективной направленностью.

Таким образом, с психологической точки зрения допрос – это познавательная коммуникативная деятельность, сопровождающаяся

непосредственным личным восприятием следователем допрашиваемого лица и имеющая ретроспективную направленность, характеризующаяся воздействием на личность допрашиваемого.

Именно в психологическом воздействии ряд авторов видят сущность допроса.

Цель допроса заключается в получении полных и объективно отражающих обстоятельства преступного события показаний. Эти показания являются источником доказательств, а содержащиеся в них фактические данные – доказательствами.

Общая задача допроса – получение, оценка и использование достоверных (соответствующих действительности) сведений о преступном событии. Для ее достижения следователю необходимо решить комплекс задач, определяемых позицией допрашиваемого в отношении целесообразности дачи правдивых показаний.

Независимо от желания допрашиваемого давать правдивые показания выделяют задачи уяснения тактической позиции допрашиваемого, установления факта наличия или отсутствия добросовестного заблуждения, установления факта наличия или отсутствия забывания необходимой для расследования информации.

В случае добросовестной позиции допрашиваемого следователь решает следующие задачи: установить возможность добросовестного заблуждения и неполноты восприятия; оказать помощь в восстановлении в памяти забытой информации, имеющей значение для расследования преступления.

В случае недобросовестной позиции допрашиваемого следователь решает следующие задачи: изобличить во лжи; активизировать установку на дачу правдивых показаний; оказать профилактическое воздействие на личность допрашиваемого.

Понятие психического воздействия.

Психологическая характеристика методов и средств правомерного воздействия

Воздействие как научная категория не нашло широкого отображения в криминалистической литературе. Возможно потому, что

некоторые авторы ассоциируют с ним действия по подавлению воли оппонента. Определение воздействия носит двоякий характер. Некоторые авторы полагают, что воздействие – это то, что способно изменить установки и поведение индивида или тип отношений между участниками деятельности. Позиция же других исследователей сводится к тому, что воздействие – это целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому. Нам ближе позиция второй группы авторов, так как она напрямую не предполагает негативности воздействия.

В последнее время термин «воздействие» стал часто встречаться в работах, посвященных отдельным вопросам правовой психологии. Дело в том, что результатом развития учений о ролевом поведении и жизненных сценариях явилось понимание воздействия как неотъемлемого атрибута взаимодействия индивидуумов.

Учитывая, что категория воздействия является основным содержательным фоном существования такого образования, как тактический прием, мы посчитали целесообразным рассмотреть содержание и механизм воздействия более подробно. Воздействие – это ведущий внутренний механизм всякого тактического приема, определяющий результативность использования последнего применительно к конкретному субъекту.

Известны общедозволяющий и разрешительный типы и методы правового регулирования. Как отмечается в литературе, в основе их разделения лежит соображение обеспечения безопасности для окружающих в случае, если уполномоченные субъекты будут недобросовестно пользоваться своими правами.

Исследователи едины в мнении, что в основе процесса воздействия должны лежать следующие принципы:

- учет психологических особенностей (свойств и состояний) личности допрашиваемого;
- использование приемов психологической стимуляции и наказания;
- конкретность приемов воздействия;
- законность приемов воздействия.

Воздействие есть непрменный элемент общения в частности и взаимодействия лиц в целом. Представляется, что разрешительный тип правового регулирования содержания и степени воздействия на подследственного нецелесообразен ввиду слишком большого количества сфер, в которых подобное воздействие должно быть предусмотрено и регламентировано. Объективно поэтому использование типа общедозволительного, направленного на те формы воздействия, которые прямо не регламентируются уголовно-процессуальным и уголовным законами. Уголовно-процессуальный и уголовный законы запрещают незначительный по объему список мер воздействия (уголовный кодекс РФ включает норму о запрете оскорбления и клеветы, уголовно-процессуальный – шантаж, угрозы, пытки, наводящие вопросы, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение). Весь остальной спектр воздействия на подследственного закон оставляет на усмотрение уполномоченных лиц.

Особенности данного спектра позволяют в целях достижения желаемого результата использовать такие разновидности правомерного воздействия, как метод передачи информации, метод убеждения, метод приказа, метод примера, метод постановки и варьирования мыслительных задач.

Этический аспект воздействия на лицо в процессе расследования преступлений чрезвычайно сложен. С одной стороны, отношения, соответствующие этическим нормам и морально-нравственным традициям, предполагаются обязательными для всех членов общества. С другой – некоторые разновидности профессиональной деятельности предполагают и даже считают целесообразным игнорирование ряда этических запретов. Так, врач ради психологического комфорта обманывает тяжелобольного, говоря ему о перспективах выздоровления, педагог ради сохранения мотивации к обучению вводит в заблуждение ученика о степени его способностей, психолог ради адаптации клиента не раскрывает ему в полной мере причины его психотического отклонения, офицер в целях повышения личной дисциплины солдата существенно ограничивает его потребность в свободе. Подобный список

безграничен, а сама возможность его существования предопределена объективной необходимостью, вытекающей из потребности человека в профессионалах определенного типа.

Рассмотренные формы отхода от канонических этических правил являются нарушением с точки зрения общей этики, но объективно необходимы с точки зрения этики профессиональной. Представляется, что следственная деятельность регулируется преимущественно нормами профессиональной этики, которая предполагает в зависимости от ситуации любое психологическое воздействие на подследственного, если оно прямо не противоречит уголовно-процессуальному закону. При проведении отдельных следственных действий прежде всего необходимо определить потенциальные возможности воздействия на подследственного, после чего выделить те элементы его психики, которые не приспособлены к воздействию, и раскрыть формы подобного воздействия.

Несмотря на высокую значимость воздействия на подследственного в процессе допроса, необходимо затронуть вопрос о степени характерности его и для схожих следственных действий. Разнообразные способы получения информации, имеющей значение для расследования преступления, обусловили выделение самостоятельных следственных действий. Понятно, что ряд следственных действий по своему содержанию радикально отличаются друг от друга.

В вопросе о содержательной классификации следственных действий мы склонны ориентироваться на классификацию следственных действий на вербальные и невербальные, которую предложил В.А. Образцов.

Несмотря на то, что в основу рассматриваемой классификации положен только речевой фактор (фактор формы общения), представляется, что именно он и делит на два массива столь различные образования, как следственные действия. Действительно, степень отсутствия или наличия в следственном действии возможности общения радикально меняет характер и – главное – спектр используемых тактических приемов.

Ранее уже говорилось, что одним из базовых элементов общения является воздействие. Соответственно, группировка следственных

действий производится, исходя из возможности воздействия следователя на иных участников расследования. Воздействие на преступника наблюдается фактически во всех следственных действиях, однако в одних следственных действиях потенциал его крайне велик (допрос; очная ставка), в других – значителен (обыск; возможно, хотя и не бесспорно, – выемка), в третьих – не первостепенен, однако само проведение следственного действия крайне затруднительно, если подобного воздействия не наблюдалось в начальной стадии данного следственного действия (воздействие в форме оптимизации психологического состояния лица, его адаптация к условиям проведения следственного действия во время предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента).

Вышеназванные следственные действия входят в группу вербальных, а приемы воздействия, используемые при их проведении, определяют их эффективность.

С учетом сказанного сформулируем базовые алгоритмы воздействия на личность преступника в процессе проведения вербальных следственных действий. Принцип преемственности идей в научном исследовании предполагает ориентацию на структуру криминалистической характеристики личности преступника как общей познавательной модели. Специфику тактического аспекта использования криминалистической характеристики личности преступника мы видим не в выделении новых структурных элементов этой характеристики, а в приспособлении ранее выделенных к целям рассматриваемого криминалистического раздела. Итак, областями воздействия на личность преступника (естественно, в определенной степени условными, так как любые сложные структуры являются в этой же мере условными) будут являться:

– сфера ценностей личности (то, **что представляет** для человека интерес во внешнем мире);

– сфера отношений личности (то, **чем руководствуется** человек для достижения своего интереса);

– сфера притязаний личности (то, **каким способом человек реализует** свой интерес).

Результатом воздействия со стороны следователя на личность преступника будет либо трансформация элементов психики преступника, либо их ситуационная модификация. В идеале целью тактического приема является достижение таких изменений в личности преступника, которые бы обладали свойствами длительности и глубинности. Например, преступник, уличенный следователем во лжи, признает свое поражение и дает чистосердечное признание, признавая свою неправоту и / или интеллектуальное превосходство следователя (трансформация тактически значимых элементов психики преступника). Однако на практике гораздо чаще встречаются ситуации, когда избалованный во лжи преступник конструирует новую ложь, неважно, сформулированную непосредственно на допросе либо запасенную домашнюю «заготовку». Важно, что вторая попытка потому преступником неосознанно считается запасной, что качественно уступает основной. Как следствие – развенчать вторую попытку проще, чем первую. Чем больше таких поражений терпит воздействуемое лицо, тем выше вероятность формирования установки на неотвратимость разоблачения подобных попыток следователем. Именно это мы подразумеваем, говоря о ситуационных модификациях элементов криминалистической характеристики личности преступника как результате воздействия со стороны следователя.

На схеме (рис. 2) отражен результат воздействия на психику допрашиваемого: обведенная сплошной линией зона – содержание воздействия, над чертой – результат воздействия в виде трансформации, под чертой – в виде модификации структур криминалистической характеристики личности преступника.

Эффективное воздействие на элементы психики личности преступника немислимо без исследования определенных данных, характеризующих личностную сферу лица, на которое оказывается воздействие. Так, ценностно-нормативная сфера (уровень ценностей личности преступника) является результатом социализации человека в обществе. Показателем данной социализации выступает прежде всего такая составная часть личности, как характер – центральная единица психологического статуса личности преступника. Биогра-

фические данные о личности преступника, соответственно проанализированные, продемонстрируют следователю возможность эффективного воздействия на уровень ценностей личности преступника.

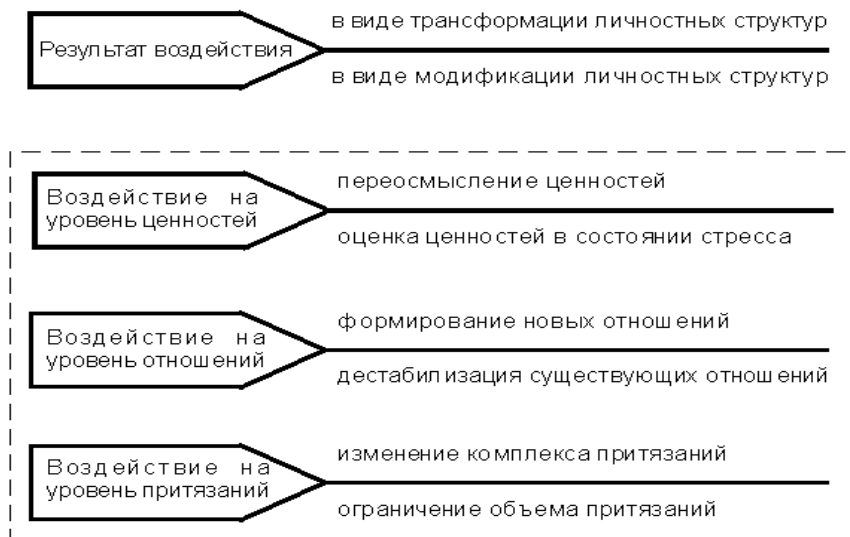

Рис. 2. Результат воздействия на психику допрашиваемого

Поведение личности есть проявление ее адапционных процессов в конкретных жизненных ситуациях. Именно поэтому поведенческие реакции демонстрируют нам характерные черты уровня отношений личности преступника. Информационными блоками, на базе которых происходит анализ содержания уровня отношений рассматриваемой личности, будут выступать вербальные и невербальные реакции.

Выделив факторы психологического статуса и поведенческих реакций, т.е. категории, ориентированные на элементы личности и элементы реакции личности в среде, необходимо выделить фактор, который связывает два вышеназванных. Это фактор психологических состояний личности (в тактическом аспекте являющийся содержанием уровня притязаний личности преступника), который базируется на психологическом статусе, адаптируя поведенческие реакции.

Эффективность воздействия может быть усилена использованием следующих приемов:

– создание у допрашиваемого субъективных преувеличенных представлений об объеме собранных доказательств и оставление его в неведении в границах допустимого;

– демонстрация возможностей следователя установить обстоятельства преступного события независимо от показаний допрашиваемого;

– использование фактора внезапности в представлении доказательств и постановке вопросов;

– использование неадаптивного темпа допроса. Для лиц интровертного типа динамика ускоренная, вопросы кратко сформулированы, ориентированы не на отношение, а на факты. Для лиц экстравертного типа динамика замедленная, вопросы предельно детализированы, ориентированы не на факты, а на отношения.

В процессе допроса для более эффективного воздействия также можно задействовать группу методов, связанных с выявлением и использованием противоречий, таких как следственная хитрость, допущение и пресечение лжи, отвлечение внимания. Указанные приемы давно исследованы криминалистической наукой и подтвердили свою эффективность.

Изучение личности допрашиваемого лица

Перед проведением допроса у следователя должно быть сформировано представление об образе допрашиваемого, однако проблемой являются источники получения информации о нем. В отечественной литературе практически все ученые рекомендуют в целях изучения личности допрашиваемого изучать характеристики на него и заслушивать показания близких ему лиц.

Характеристика на человека выступает весьма сомнительным источником данных о нем. Причин здесь две.

1. Лицо, составляющее характеристику, как правило, не имеет развитых навыков оценки человека и способно к этому, скорее, на уровне бытовой аргументации. Если же быть совсем откровенным,

то все знают о практике самостоятельного составления характеристики характеризваемым и последующего ее визирования начальником, разве что после правки грамматических ошибок.

2. Содержание характеристики лица отображает мнение руководителя и нередко строится на основе межличностных отношений с характеризваемым. Возникает вопрос: зачем следователю информация, данная о неизвестном ему лице неизвестным ему лицом, руководствовавшимся непонятной мотивацией? Вероятно, более оптимальным был бы запрос личного дела с места работы, учебы или службы. Информация, содержащаяся в личном деле, была внесена в него как минимум на основании каких-то документов, а не чьего-то, подчас субъективного, мнения.

Малоцелесообразной выступает также информация о допрашиваемом, поступающая из источников, образующих привычный круг жизнедеятельности последнего. Если отношения некоторых лиц с изучаемым положительные, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта негативная составляющая. Если же отношения лиц с изучаемым отрицательные, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта позитивная составляющая. Если отношения лиц с изучаемым нейтральные, то в их информации, скорее всего, будет сокрыта объективная составляющая ввиду вторичности этой информации.

Любая оценочная информация, оцененная, в свою очередь, следователем, может потерять всякую объективную ценность. Следователю необходима информация, не прошедшая посторонней оценки, информация фактическая. Хорошо, если она поступает от оперативных работников, проводящих наблюдение за допрашиваемым, однако возможность задействовать этих работников по всем делам ничтожно мала ввиду их загруженности. Кстати, если говорить об информации, полученной из названного источника, отметим, что следователю крайне полезной будет информация о типе реакции человека на стрессовые ситуации.

Для изучения личности допрашиваемого перед допросом целесообразно руководствоваться специальными алгоритмами анализа информации, содержащей объективные сведения о человеке.

Оптимальным методом познания выступает биографический метод. Если вспомнить о сомнительности тезиса о свободе воли, станет легче принять постулат о том, что человек, организуя свою жизнь, реализует неосознанное субъективное понимание личного предпочтения того или иного жизненного сценария. Если отвлечься от наукоемкости, то этот тезис будет звучать так: человек живет так, как ему удобно жить.

Совершая тот или иной выбор на протяжении всей жизни, человек реализует наиболее гомеостатический вариант существования. Поэтому, если проанализировать точки выбора, будет намного легче уяснить тот комплекс психологических детерминант, что стояли за каждым из этих выборов. К сожалению, в данном алгоритме присутствует одно затруднение, которое может свести на нет весь процесс анализа. Речь идет о феномене политкорректности.

Политкорректность – проблема не столько политики, сколько любого научного знания гуманистического плана. Личность, в том числе и личность преступника, – это совокупность биологических, социальных и индивидуально-личностных качеств. Если исследователь, боясь упреков в политической некорректности, будет игнорировать какое-либо из этих трех качеств, то исследования, им проводимые, изначально могут считаться ущербными, ибо слово определяет не столько форму, сколько содержание. Понятно, что современный настрой гуманистической науки базируется на благих желаниях не «обидеть» какую-либо социальную общность, и чем более ущербна эта общность, тем нежелательнее попытки исследовать ее объективно.

Идеи свободы выбора модели поведения (например, необходимость воспитывать детей конкретной парой, естественно, предварительно породив их на свет), пропагандируемые в современном обществе, позитивны, особенно для лиц, имеющих проблемы с подобным выбором, но использовать утверждения об объективности этой свободы в рамках научного исследования будет классическим приспособленчеством.

Для объективной трактовки следователь, рассматривая биографический факт, должен задавать себе вопрос: «Какие свойства

личности предопределили данный выбор?» В качестве примеров подобных вопросов можно привести следующие:

– Какие свойства личности предопределили факт сожительства в течение года перед официальной регистрацией брака?

– Какие свойства личности предопределили факт рождения первого ребенка через два года после официальной регистрации брака?

– Какие свойства личности предопределили факт выбора конкретной профессии при наличии образования в иной сфере?

– Какие свойства личности предопределили факт заболеваний желудочно-кишечного тракта?

– Какие свойства личности предопределили факт сохранения стабильных эмоциональных отношений с родителями второго супруга после развода?

– Какие свойства личности предопределили факт приобретения автомашины конкретного типа, цвета, статусной принадлежности? И т.д.

Крайне значимо не ограничиваться найденным ответом на конкретный вопрос, а анализировать все ответы в совокупности: те индивидуально-психологические особенности, которыми наиболее вероятно объяснить большинство выборов, и образуют предполагаемую модель личности допрашиваемого.

Изучение личности допрашиваемого в процессе допроса с точки зрения практической не имеет никаких объективных сложностей. К примеру, проявление психотипологических особенностей допрашиваемого лица во время допроса принципиально не отличается от их проявления в процессе обычной жизнедеятельности. А возможность анализировать это поведение следователем вытекает из знания типовых поведенческих моделей данного типа.

Психологические приемы допроса в его структуре

Выделяя в структуре допроса четыре стадии (анкетная стадия, свободный рассказ, стадия уточняющих вопросов, стадия допол-

нительных вопросов), мы полагаем, что целесообразно использовать классификацию тактических приемов по кругу допрашиваемых лиц. Установление психологического контакта не является стадией допроса, так как для данного установления не свойственно получение информации, значимой для процесса расследования преступления. Действия по достижению психологического контакта являются содержанием тактических приемов, а в наиболее сложных случаях – содержанием тактических операций.

В вопросе понимания природы и содержания психологического контакта мнения исследователей разделились и представлены следующими подходами:

– Психологический контакт – форма оптимального взаимодействия следователя и допрашиваемого. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерны элементы взаимопонимания, взаимопомощи и аналитического мышления.

– Психологический контакт – форма достаточного взаимодействия следователя и допрашиваемого, готовность к совместной деятельности (пусть и в конфликтной форме). Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерны элементы взаимопонимания и аналитического мышления.

– Психологический контакт – форма минимального взаимодействия следователя и допрашиваемого. Существует возможность (пусть исчезающе малая) получения информации, значимой для уголовного дела. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерен элемент аналитического мышления.

Использование данных, актуальных для повышения эффективности допроса, ориентирует на выделение разновидностей допроса, исходя из особенностей следующих групп допрашиваемых:

– добросовестный допрашиваемый (лицо, желающее давать правдивые показания);

– недобросовестный допрашиваемый (лицо, намеренное давать неискренние показания);

– несовершеннолетний допрашиваемый.

Выделение в рамках одной классификации видовых групп на основании двух различных оснований (добросовестность / возраст)

является на первый взгляд не совсем целесообразным, ведь несовершеннолетний допрашиваемый может быть как добросовестным, так и недобросовестным. Однако особенности психики несовершеннолетнего лица (дискретность проявления волевого порога, полярность эмоциональной сферы, особенности ролевого поведения) предполагают этическую целесообразность воздействия на рассматриваемое лицо совершенно на ином уровне конфликтности, независимо от отношения несовершеннолетнего допрашиваемого к целесообразности сообщения следователю правдивой информации о преступлении.

Выделение стадий допроса – это не просто исследовательский прием; ситуационные реалии в различных стадиях допроса хотя и объединены общей его целью, однако имеют различные задачи и решаются посредством использования различных психологических приемов. Соответственно, в различных стадиях допроса содержание воздействия будет определяться особенностями того или иного структурного блока психики личности допрашиваемого. Рассмотрим особенности подобного воздействия.

Анкетная стадия допроса решает три задачи: удостоверительную (следователь убеждается в том, что допрашивается желаемое лицо), ознакомительную (допрашиваемый знакомится с правовыми нормами, регулирующими процесс допроса) и ситуационно-ролевою (следователь оптимизирует состояние допрашиваемого лица до тактически целесообразного). Последнюю задачу рассмотрим более подробно, поскольку именно в ней содержится возможность воздействия на личность допрашиваемого.

Казалось бы, при наличии подготовки к проведению допроса со стороны следователя маловероятно получение новой информации о биографии допрашиваемого лица. Нормы уголовно-процессуального закона, о которых информирует следователь (право на адвоката, переводчика, ответственность за дачу ложных показаний и т.д.), благодаря средствам массовой информации хорошо известны обывателю. В чем же смысловая нагрузка анкетной стадии допроса, определяющая ее криминалистическую ценность? На наш взгляд, ценность ее определяется потенциалом воздействия на

допрашиваемого, обусловленным характером ролевых взаимодействий, а также установлением необходимого для допроса оптимального распределения психологических ролей.

Допрос является чрезвычайно сложным следственным действием вследствие фактического «неравноправия» участников. Допрашиваемый часто защищен «презумпцией невиновности» и, в принципе, имеет возможность получить информацию о тактических приемах, ознакомившись со специальной литературой. Поэтому как бы для уравнивания возможностей участников допроса следователю дано право демонстрировать свою власть в сфере, которую в обычной жизни человек признает только за собой (вербальной формулой, выражающей содержание рассматриваемой демонстрации, часто выступает фраза допрашивающего «Здесь вопросы задаю я»). Речь идет об изложении «идентифицирующей» информации. Задавая вопросы о фамилии, имени и отчестве, судимости, семейном положении и прочем, допрашивающий демонстрирует ярко выраженную подчиняющую позицию, что неосознанно «тяготит» допрашиваемого, так как каждый человек негативно воспринимает идею недозволенного ролевого господства над ним. Подобное негативное отношение проистекает из наличия в шкале ценностей установки на самоуважение допрашиваемого, проявлением которой выступает осознание себя как независимого, самостоятельного субъекта.

Как уже было сказано, смысловая нагрузка анкетной стадии допроса выражается в уравнивании потенциалов участников допроса вследствие формирования у допрашиваемого нетипичной ролевой позиции, что приводит к усилению у него стресса и, как следствие, понижению волевого порога. Понижение волевого порога ведет к уменьшению своеобразного «коэффициента полезного действия» интеллектуальной и эмоциональной сфер, что является позитивным при допросе недобросовестного допрашиваемого, но одновременно может выступать негативным моментом при допросе добросовестного лица, так как подавляет эффективность таких сфер, как память и ассоциативное мышление.

При воздействии на уровень ценностей недобросовестного лица следователь акцентирует внимание на анкетной стадии допроса,

понижая волевой порог допрашиваемого позицией, в которой допрашиваемый чувствует себя носителем несамостоятельной роли, ситуативно регрессируя до детской установки на необходимость в отчете перед более автономным лицом. Именно приведение недобросовестного допрашиваемого к описываемой роли является содержанием ситуативно-ролевой задачи анкетной части допроса. При допросе же добросовестного лица анкетную стадию необходимо провести, как это ни парадоксально, не в начале допроса, а в конце, в противном случае эффект восприятия ролевой позиции следователя, пусть и неосознанно, негативно скажется на мыслительных процессах допрашиваемого лица. Соответственно, демонстрация со стороны следователя уважения к той составной уровню ценностей допрашиваемого, которая отвечает за самоуважение, позитивно скажется на психических процессах допрашиваемого. Сказанное относится и к несовершеннолетним допрашиваемым, так как в период полового созревания самоуважение как личностная ценность является крайне актуальным. Независимо от добросовестности несовершеннолетнего допрашиваемого необходимо исключить негативное воздействие на рассматриваемую ценность, учитывая нестабильность психики несовершеннолетнего лица, о чем нами говорилось выше. Как же реализовать подобную мобильность в рамках анкетной стадии допроса?

Естественно, мы не можем перенести анкетную стадию в полном объеме на финальную часть допроса, так как законодатель обязывает следователя проинформировать допрашиваемого о его правах и обязанностях. Но законодатель не обязывает выяснять данные о допрашиваемом в начале процедуры допроса, что позволяет отложить подобное выяснение, конечно, если следователь уверен в правильности оценки личности допрашиваемого, что возможно только при наличии должной подготовки к допросу.

Следующей стадией допроса, которую мы рассмотрим, выступает *стадия свободного рассказа* допрашиваемого. Данная стадия представляет собой повествование допрашиваемого о преступном событии. Понятно, что следователь является относительно пассивной фигурой в данной стадии и в тактическом аспекте ориентиру-

ется на те тактические приемы, которые сводятся прежде всего к оценке и анализу сказанного допрашиваемым. Содержательной стороной подобных тактических приемов выступают смысловой анализ речи допрашиваемого и его поведенческая реакция при сообщении информации, имеющей отношение к расследуемому преступлению.

«Слово не столько обозначает, сколько обладает ценностью». Из данного утверждения следует, что знаковая форма речи есть функция не первостепенная, в слово человек вкладывает смысл, определяемый его жизненным опытом, который, в свою очередь, как уже говорилось, является отражением личностного уровня отношений допрашиваемого. Именно поэтому уровень отношений личности допрашиваемого становится объектом анализа следователя в процессе свободного рассказа допрашиваемого. Положение же о том, что сенсорное возбуждение получает свою эмоциональную окраску, наблюдаемую извне, демонстрирует практическую возможность фиксации следователем в процессе наблюдения за допрашиваемым лицом утверждений, не соответствующих уровню отношений допрашиваемого.

В отечественной литературе относительно нечасто встречаются описания содержания тактических приемов, ориентированных на их использование во время свободного рассказа. Редким исключением из этого правила является работа В.А. Образцова и С.Н. Богомоловой «Криминалистическая психология». В ней, в частности, авторы указывают, что отношение допрашиваемого лица к сообщаемой информации (исходящее из осознания ее истинности или ложности) характеризуется определенной сбалансированностью объема повествования. Речь идет о сбалансированности вводной (информация о том, что было до преступления), основной (информация о том, что было во время преступления) и заключительной (информация о том, что было после преступления) частей повествования допрашиваемого, выраженной в равном соотношении этих частей 1/3 : 1/3 : 1/3.

Знание типового соотношения объема показаний допрашиваемого относительно обстоятельств до, во время и после преступле-

ния позволит следователю уже во время допроса оперативно и с высокой вероятностью определить факт сообщения допрашиваемым неадекватной информации. Это делается путем сравнения типового соотношения частей повествования с соотношением, характерным для показаний конкретного допрашиваемого.

В методике анализа речи, адаптированной в США, в процессе допроса важную роль играет анализ временных форм, используемых допрашиваемым, например оговорки типа «Дженни замечательная дочь» – «Дженни была замечательной дочерью», однако подобные оговорки применительно к показаниям на русском языке – достаточно нечастое явление. Мы полагаем, что неосознанное выражение своего отношения к предмету общения в форме использования неправильных временных связей в нашей речевой культуре встречается не так часто в силу наличия в русском языке только трех временных форм, в то время как в английском языке их чуть ли не в десять раз больше.

Возвращаясь к вопросу о сбалансированности показаний допрашиваемого лица в стадии свободного рассказа как проявлению уровня отношений допрашиваемого, отметим один из результатов нашего исследования, характерный для лиц, говорящих на русском языке. Сбалансированность показаний определяется не только сбалансированностью объемов частей текста, изложенного в процессе описания события до, во время и после преступления, но также и частотой встречаемости вводных слов в указанных частях повествования допрашиваемого. Для речи лиц с высшим образованием характерна сбалансированность количества вводных слов в предложениях и величины самих предложений в описании всех стадий преступления.

Вопрос использования приемов анализа проявления отношений допрашиваемого к сказанному, отразившихся в пантомимических формах, в отечественной и зарубежной психологической литературе рассмотрен достаточно.

Стадия свободного рассказа оптимальна для использования «экспресс-методик» изучения личности допрашиваемого, ориентированных на выявление доминирующих свойств личности и определения их влияния на поведение допрашиваемого.

Добавим, что методика, доработанная названными авторами, является логическим продолжением изучения текстовой атрибуции. История атрибуции текста насчитывает уже не одну сотню лет, но только в новейшее время стали проводиться исследования, результаты которых смогли быть адаптированы в правовую психологию.

Так, во время второй мировой войны был разработан индекс удобочитаемости Флэша (*TFI – The Flesh Index*), использовавшийся военными психологами для установления авторства захваченных документов. Индекс Флэша применялся при судебных разбирательствах на Гамбургском и Нюрнбергском процессах, когда установление авторства определенных документов было важно для привлечения к суду конкретных лиц. Этот индекс рассчитывается по формуле: $TFI = 0,39a + 11,80b - 15,59$ (a – средняя длина предложений по количеству слов; b – среднее количество слогов в слове).

Следующая стадия допроса – *стадия уточняющих вопросов* – посвящена детализации показаний, данных допрашиваемым на стадии свободного рассказа. Задачей данной стадии является создание уверенности у допрашиваемого, что его показания воспринимаются как правдивые (для недобросовестных допрашиваемых) или достаточно информативные (для добросовестных допрашиваемых) в целях возможной дезориентации допрашиваемого в следующей стадии допроса. Задачей этой стадии допроса также является получение от допрашиваемого лица информации о преступлении, исключающей возможность иной смысловой и фактической трактовки показаний допрашиваемого, а также детализация показаний, полученных от него на стадии свободного рассказа. Каким же образом достигнуть подобного результата?

Самый простой способ воздействия – воздействие на уровень ценностей личности. Пусть допрашиваемый излагает свое видение проблемной ситуации, пусть самоутверждается в своих глазах. Добросовестный допрашиваемый успокаивается, наблюдая, что следователь спрашивает его о деталях преступного события, которые он не затронул в силу предполагаемой элементарности. Для каждого человека существуют одна или несколько сфер восприятия реальности, которые в силу психотипологических особенно-

стей являются более развитыми за счет иных сфер восприятия. То же относится и к эмоциональному восприятию.

Недобросовестный допрашиваемый в этой стадии пусть убедится, что направление допроса затрагивает только те аспекты и в том объеме, которые он счел нужным изложить в стадии свободного рассказа.

Несовершеннолетний допрашиваемый пусть почувствует собственную ценность, ведя бесконфликтный диалог с взрослым человеком, обладателем более высокого социального статуса.

Применительно к добросовестному лицу в рамках воздействия на уровень ценностей (точнее, таких ценностей, лежащих в основе его самоуважения допрашиваемого, как «Я-ценности», самооценности) следовательно целесообразно применять тактические приемы снятия напряжения, выраженные в демонстрации уверенности в успехе взаимодействия и выжидании, суть которых сводится к ожиданию момента, когда в сознании допрашиваемого сформируется достаточное по объему количество ассоциативных связей, необходимых для оптимизации процессов памяти, отвечающих за воспроизведение информации.

Применительно к несовершеннолетним допрашиваемым приоритет отдается использованию приемов выжидания, так как процессы мышления, памяти, внимания у представителей данной группы характеризуются большим потенциалом, но относительно невысокой степенью адаптации.

Применительно к недобросовестным допрашиваемым в рамках воздействия на самоуважение допрашиваемого целесообразно применение таких тактических приемов, как допущение легенды (имитация принятия ложной версии допрашиваемого в целях детализации обстоятельств, которые в силу своей искусственности будут противоречить друг другу) и отвлечение внимания (имитация неосведомленности следователя и несформированности у него мнения о причастности допрашиваемого к совершению преступления в форме проявления интереса к малозначительным, не угрожающим разоблачением или иными негативными последствиями деталям). Подобное обусловлено тем, что акцентирование на существенных

моментах может стать причиной мобилизации внимания у допрашиваемого лица, даже по сравнению с повышенной степенью внимания, характерной для допроса.

Завершающая стадия допроса, выделенная нами, – это *стадия дополнительных вопросов*. Целью данной стадии является получение информации, скрываемой допрашиваемым лицом, на основе анализа неполноты или противоречивости информации, полученной на предшествующих стадиях допроса. Соответственно, воздействие на допрашиваемого проводится для изменения его уверенности в себе (воздействие на уровень ценностей в структуре его личности) либо изменения поведения, выражающегося в твердой установке на противодействие усилиям следователя (воздействие на его уровень притязаний). На первый взгляд второе есть внешнее выражение первого, и они соотносятся как причина и следствие. Однако с точки зрения содержания последующего воздействия это различные точки приложения усилий следователя. Так, если в результате анализа личности допрашиваемого у следователя появляется основание для предположения о том, что допрашиваемый готов к даче искренних показаний, то целесообразно сделать акцент в воздействии на уровень ценностей допрашиваемого. Если же следователь полагает, что в силу криминальных привычек, низкого интеллектуального потенциала, упрямства как характерологической черты личности, страха перед третьими лицами и иных факторов допрашиваемый готов до последнего отстаивать лживую позицию, постоянно перестраивая линию своей защиты, то целесообразна постановка акцента в воздействии на уровень притязаний.

Изменения уверенности допрашиваемого лица в своих силах (изменение содержания «Я-ценности») этично достигать путем создания уверенности в превосходстве следователя над допрашиваемым. Традиционно для этой цели используются следующие тактические приемы:

– демонстрация возможностей следователя (чаще всего содержанием этого приема являются изложение современных возможностей криминалистической науки, описание использования в практике расследования преступлений новых исследовательских методик,

ненавязчивая демонстрация свидетельств признания профессиональных навыков следователя);

– создание у допрашиваемого лица преувеличенного представления об осведомленности следователя (смысл приема в изложении допрашиваемому лицу малозначительных, но не широко известных сведений о личности допрашиваемого, с целью создания у последнего уверенности, что следователь собрал информацию о нем в намного большем объеме, чем необходимо для процесса расследования).

Названные тактические приемы не характеризуются конфликтностью, так как допрашиваемый неосознанно полагает, что решение о даче искренних показаний он принимает сам, потому что прямого воздействия на его психику в подобных тактических приемах (а иногда и наличия самих тактических приемов) он не замечает. К сожалению, подобное объективно не характерно для тактических приемов, воздействующих на уровень притязаний допрашиваемого, атмосфера использования которых почти всегда конфликтна, хотя, конечно, проявление агрессивности обеих сторон обязательным фактором не является.

В стадии дополнительных вопросов формы воздействия на уровень притязаний допрашиваемого, т.е. на то, как реализует допрашиваемый свой интерес, могут быть следующими:

– пресечение лжи (следователь указывает на противоречивость сообщенной на ранних стадиях допроса информации, полученной от допрашиваемого). Тактическая эффективность данного приема тем больше, чем большая уверенность в доверии к ранее сказанному допрашиваемым на стадии уточняющих вопросов была продемонстрирована следователем;

– предъявление доказательств (использование доказательств при допросе представляет собой тактический прием по реализации находящейся в распоряжении следователя доказательственной информации как путем непосредственного его предъявления, так и опосредованными способами ознакомления с ней);

– внезапность вопроса (тактический прием, рассчитанный на создание стрессового состояния у допрашиваемого вследствие

резкого изменения тематики общения при неизменности тона и темпа речи).

Содержание и проблемы использования методик анализа истинности показаний допрашиваемого лица

Комплекс проблем, свойственный методикам определения истинности сообщаемой информации, применяемым в процессе допроса. В основном для определения истинности информации, сообщаемой допрашиваемым, должны использоваться приемы логико-психологической природы. Однако если тактические приемы, в своей основе разработанные на законах логики, в достаточной степени полно используются криминалистикой, то методики, определяющие достоверность сообщаемой информации, основанные на знании психологических закономерностей, раскрываются в лишь в небольшом количестве монографий.

Криминалисты, признающие одинаковую важность методик, построенных преимущественно на логических приемах, и методиках, основанных на психологических данных, рекомендуют обращать внимание на невербальную жестикуляцию, следить за изменениями мимики и производить психолингвистический анализ речи. В основе всех этих методик лежит постулат основателя современной теории нейроанатомии эмоций, утверждавшего, что сенсорное возбуждение получает свою эмоциональную окраску, наблюдаемую извне. В данных методиках используется метод стандартизированного наблюдения, применяемого в тех случаях, когда у наблюдающего имеется достаточно полный перечень признаков, относимых к изучаемому феномену. Однако данный метод имеет ряд недостатков, свойственных методу наблюдения вообще. Так, истинность информации, полученной в результате наблюдения, зависит от следующих факторов.

Фактор 1. Зависимость от компетентности наблюдателя. От наблюдателя требуются не только знания теоретических и практиче-

ских основ определенной методики, но и способности разбираться в нюансах, вызванных индивидуальностью исследуемого объекта. В основном же методики, основанные на методе наблюдения, не представляют большой сложности в освоении, не требуют глубоких теоретических знаний, а возможность постоянно практиковаться в их применении у следователя всегда имеется.

Фактор 2. Значительный недостаток этого метода заключается в том, что когда наблюдаемый осознает, что является объектом наблюдения, он пытается путем волевого контроля снизить степень проявления эмоций. Контрдействием против подобных попыток будет применение следователем метода наблюдения на более тщательном уровне, так как полностью скрыть свою реакцию на раздражитель способны очень немногие допрашиваемые.

Фактор 3. Основной недостаток подобных методик проявляется в случаях, если наблюдаемый владеет данной областью знаний и знает (или догадывается) о факте применения подобной методики. В таком случае наблюдающий должен обратить внимание на наличие двух противоположных реакций (первой – естественной, второй – искусственной, которая контролируется волевым усилием) и по неестественности проявления одной из них определить реакцию, в отношении которой наблюдалась попытка сокрытия.

Следует также подчеркнуть, что помимо данного комплекса проблем, свойственного методу наблюдения в целом, следователь на практике сталкивается со специфическими проблемами, характерными для конкретных методик наблюдения за допрашиваемым.

Проблема применения методик расшифровки невербальных элементов и их комплексов. В невербалистике или пантомимике сегодня сложились три достаточно самостоятельные школы, отличающиеся друг от друга не предметом исследования, а в большей степени методами научного поиска. Р. Бердуистелл, представляющий Западно-Пенсильванский исследовательский институт, делает акцент на изучении отдельных жестов, разделяя их на составляющие элементы, являясь тем самым представителем функциональной невербалистики, в которой жест понимается как совокупность элементов, его составляющих. Другая группа исследователей –

А. Пиз, Д. Ниренберг, Г. Каллеро – основной упор в своих исследованиях делают на комплексы жестов (позы, движения и т.д.), представляя тем самым структурную невербалистику, в которой жест понимается как элемент определенной системы. Третье направление в большей степени представляют отечественные психологи, исследующие в основном теоретические аспекты невербалистики.

Возвращаясь к затруднениям, возникающим перед следователем в процессе допроса при применении данной методики, следует отметить, что основные трудности связаны со следующим комплексом проблем.

Во-первых, сама психологическая атмосфера, свойственная допросу. В подобной ситуации человек, находясь в состоянии так называемой защитной доминанты, максимально мобилизует свой потенциал в целях сдержанного проявления эмоций в каком бы то ни было виде. Надо также отметить, что волевой контроль за жестикуляцией осуществляется с большей легкостью, чем за мимикой и лексикой, так как данные невербальные проявления внутреннего эмоционального состояния являются по своей природе макродвижениями, задействующими большие группы мышц, что позволяет допрашиваемому обнаружить данное проявление реакций на раздражитель уже в самом начале этой реакции и предпринять меры по ее прерыванию.

Во-вторых, позиция, когда между участниками допроса, сидящими лицом к лицу, находится стол, практикуемая большинством следователей, сужает область наблюдения, к тому же неосознанно изначально провоцирует допрашиваемого на негативную оценку следователя как оппонента.

В-третьих, допрашиваемый, знакомый с методами наблюдения за невербальными проявлениями эмоционального состояния и расшифровкой невербальных элементов, может ввести в заблуждение следователя ложными жестами (если последний не наблюдает рассогласованности жестов у допрашиваемого лица) или в крайнем случае уйдет в закрытое положение, тем самым сведя к минимуму информативность своей жестикуляции.

В-четвертых, в невербалистике, как в никакой другой методике, необходимо учитывать социальные, культурные и национальные особенности допрашиваемого.

В-пятых, одной из основных трудностей при расшифровке невербальных элементов и их компонентов является установление природы жестов. Здесь необходимо дать ответ на вопрос, является ли содержанием жеста психическое свойство либо следователь имеет дело с проявлением психического состояния. Данная проблема разрешается путем комплексного анализа всех наблюдаемых жестов.

Проблемы применения методики расшифровки мимических элементов. Пожалуй, нет автора-криминалиста, который не рекомендовал бы в процессе допроса наблюдать за мимикой лицевых мышц допрашиваемого. Но на сегодняшний день информацию, содержащую практические советы в данной области, можно почерпнуть фактически только из физиогномики, которая имеет значительный практический опыт, но крайне неразработанную теоретическую базу. Возможности использования данных физиогномики тоже ограничены в силу ряда причин.

Во-первых, как уже было сказано, научно разработанных методик, на теоретическом уровне объясняющих взаимосвязь мимической активности и психических проявлений, не существует. И следовательно приходится ограничиваться эмпирическим материалом, довольно значительным по объему, но крайне несистематизированным и неструктурированным.

Во-вторых, психологии известен тот факт, что представители разных типов нервной системы обладают достаточно специфичными проявлениями мимической активности. Так, представители флегматического типа не имеют достаточно выраженной мимики, в то время как представители сангвинического типа хотя и имеют достаточно развитые выразительные движения мышц лица, но способны контролировать проявления подобной активности.

В-третьих, сложно использовать знания в области физиогномики в случаях заболеваний, при которых в цепочке мимических рефлексов некоторые звенья анатомически интактны.

В-четвертых, у некоторых лиц наблюдается «аномальная» мимика, возникающая вследствие специфического психического склада. Причиной «аномальной» мимики выступают группы лицевых мышц, имеющих отклонения по тону от нормы. И.А. Сикорский приводит четыре типичных варианта «аномальной» мимики: преобладание лобной мимики над лицевой; совместное сокращение мышц лобной, сдвигающей брови и пирамидальных; резкое сокращение квадратной мышцы верхней губы при слабом сокращении большой скуловой мышцы; слабое сокращение всех лицевых мышц.

Проблемы применения метода психолингвистического анализа речи. Представляется, что метод психолингвистического анализа речи является наиболее сложным из всех вышеперечисленных методов. При использовании этого метода перед исследователем встает комплекс следующих проблем.

Во-первых, при применении данного метода, наиболее остро стоит проблема профессионализма следователя, которому необходимо иметь достаточный практический и теоретический уровень владения лингвистическими знаниями.

Во-вторых, за малыми исключениями, в отечественной криминалистике не разрабатывались методики определения истинности информации, сообщаемой допрашиваемым, которые используют психолингвистический анализ.

В-третьих, лингвисты, исследуя вопрос о воздействии ложной информации на лицо, ее сообщаемое, рассматривают в основном вопрос о «преодолении значительных тормозов, с которыми связан процесс лжи», создающий своеобразное переплетение в сознании говорящего двух картин: истинной и ложной. Фактически не ведутся исследования в области познания этих картин с целью выработки рекомендаций, пусть даже в силу своей неоднозначности не носящих детального характера.

В-четвертых, исследования в области трансформации данных, возникающей на разных стадиях изменения содержания показаний, проводились только в отношении свидетельских показаний. Полноценные исследования в отношении обвиняемых фактически не проводились.

Эти проблемы больше характеризуют сегодняшнее состояние подобных методик; что же касается их применения, то представляются очевидными три проблемы.

Во-первых, существуют речевые различия представителей разных социально-культурных страт. Хотя, с другой стороны, интегративные свойства современного общества снижают степень различия между представителями разных социокультурных групп.

Во-вторых, следователю в процессе допроса необходимо полностью отказаться от применения наводящих вопросов. Это обусловлено не этическими (как обычно аргументируется в отечественной психологической литературе), а чисто прагматическими целями. Дело в том, что допрашиваемый, находясь в уже упомянутом нами состоянии защитной доминанты, в процессе допроса неосознанно пытается подстроиться под матрицу поведения следователя, используя в своих ответах семантические конструкции, прозвучавшие в вопросе следователя (явление персеверации), вкладывая в них, возможно, совершенно иной смысл, нежели лицо, проводящее допрос. Теоретическую основу данного положения представляют научные исследования структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра, утверждавшего, что «слово не столько обозначает, сколько обладает ценностью, которая состоит исключительно в соотношениях и различиях с другими терминами языка».

В-третьих, при применении методов контент-анализа (анализа содержания речи), рекомендуемого психолингвистами для выявления информации, неадекватной происшедшему событию, необходимо акцентировать внимание не на отдельных словах, а на всей речи в целом. Это, в свою очередь, может привести к тому, что следователь, одновременно проводящий контент-анализ речи и наблюдающий за допрашиваемым, может, сконцентрировавшись на отдельных моментах допроса (тактической стороне), потерять линию стратегии проведения допроса, чем резко снизит его качественную сторону.

Хочется отметить также, что в современной психологической литературе фактически отсутствуют методики определения ложности показаний допрашиваемых, которые базируются на элемен-

те вокальной мимики, включающем в себя динамическую сторону речи (интонации, тембр, ритм, вибрато голоса).

Проблемы применения методик выявления ассоциативной связи. Одно из главных понятий психоанализа, выдвинутое З. Фрейдом и развитое Ж. Лаканом, – это понятие «последствия». Применительно к целям допроса оно означает, что психотравмирующее событие, частным случаем которого является преступление, заново переживается под влиянием какого-то нового жизненного события. Впоследствии К. Юнг установил, что для подобного переживания не обязателен факт нового события, достаточно применить слово-раздражитель, которое по ассоциации вызовет переживание психотравмирующего события. К. Юнгу принадлежит идея возможности использования методики словесных ассоциаций для определения истинности информации. В этой методике используется список слов, специфичных для каждого вида преступления, на которые исследуемому предлагается дать слово-ассоциацию. Анализ содержания ответа, время реакции «вопрос–ответ» и факт беспокойства при даче ответа используются в качестве индикатора лжи. При использовании методики ассоциативного эксперимента возникают определенные проблемы.

Во-первых, в случае сообщения испытуемым слова-реакции на слово-раздражитель, не соответствующего истинной ассоциации, невозможно выяснить, является ли данная словесная реакция первой осознанной испытуемым или до нее был ряд других, отесненных звеньев, т.е. можно диагностировать «лишь конечный выявившийся этап ассоциативного процесса – слово-реакцию».

Во-вторых, в этой методике не учитываются аффективные следы, отражающиеся на периферической деятельности, моторной сфере и т.д.

В-третьих, представляется крайне сложным составление списков слов-раздражителей в связи со спецификой взглядов на сотрудничество со следователями со стороны лиц, для которых данные списки будут разрабатываться. Представляется, что трудно решить проблему валидности и надежности по отношению к подобным спискам в связи с постулатом де Соссюра, о котором уже говорилось.

Очевидно, что от подобных недостатков свободен ассоциативно-моторный метод (сопряженная методика), разработанный А.Р. Лурией, в котором в методику словесных ассоциаций были внесены измерения реакции периферической деятельности моторной сферы (хотя основоположником метода инструментальной детекции лжи считается американский исследователь Киллер). Две вышеуказанные проблемы были решены. Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи при использовании ассоциативно-моторного метода, – это индивидуальность реагирования на слово-раздражитель лиц с разной внушаемостью, возбудимостью и т.д.

Наконец, как видится, главная проблема применения как методики словесных ассоциаций К. Юнга, так и сопряженной методики А.Р. Лурии (а также более современных методик, основанных на этом методе) носит не психологический, а правовой характер. Так, говорить о ценности методики определения истинности показаний допрашиваемого, наверное, не имеет смысла, если допрашиваемое лицо может отказаться от подобного обследования, ссылаясь на то, что данная информация к делу не относится. Получается, что подвергнуть лицо обследованию можно, только признав его преступником, а признать его преступником мы можем порой только в результате обследования. Круг замкнулся.

Что же касается ошибки в оценке эмоционального состояния допрашиваемого, возможной в результате использования полиграфа, то видится логичным напомнить о том, что ошибки возможны и в экспертном заключении, однако подобное не служит основанием отказываться от экспертизы вообще.

Тактические приемы стимуляции психики допрашиваемого (оказание помощи в припоминании забытого и получение дополнительной информации)

Для раскрытия последующего материала необходимо отметить, что даже в правдивых показаниях сообщаемые сведения могут

оказаться недостоверными или неполными, главным образом по причинам добросовестного заблуждения допрашиваемого в силу:

- 1) сложности восприятия события или его неполного восприятия;
- 2) «наслоений», образовавшихся в процессе хранения воспринятого в памяти;
- 3) забывания;
- 4) незнания актуальности для следователя той или иной информации;
- 5) субъективных недостатков воспроизведения.

Первые три фактора связаны с особенностями памяти допрашиваемого, четвертый и пятый факторы определяются характерологическими особенностями личности допрашиваемого.

Психологические аспекты функционирования памяти. Память – это мыслительный процесс, включающий в себя запись, хранение и извлечение информации. Запись информации осуществляется посредством акта запоминания, а ее извлечение – посредством акта вспоминания. Качество запоминания обусловлено вниманием человека к объекту записи. Необходимо отметить, что объем памяти и эффективность запоминания зависят от внешних / внутренних условий и являются величинами, скорее переменными. К числу наиболее важных условий следует отнести пол, возраст, профессию, актуальность информации, настроение, общее развитие психики.

Образы, сохраненные в памяти, называются представлениями. Представления вступают в связь между собой, которую называют ассоциацией. Ассоциированные образы могут вызывать друг друга, что лежит в основе рассматриваемой группы тактических приемов допроса.

Механизм записи и хранения представлен взаимодействием кратковременной и долговременной памяти.

Кратковременная память – это оперативная память, способная удерживать информацию в течение полуминуты. Этот вид памяти фильтрует актуальную для человека информацию. Информация сохраняется, обрабатывается и интерпретируется. В случае актуальности информации она передается на долговременное хранение, в противном случае забывается.

Долговременная память регулируется более сложными механизмами фиксации информации, действующими на чувственном, эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Признанная актуальной информация из кратковременной памяти хранится в памяти долговременной.

Запоминание и воспроизведение, в которых присутствует осознанная цель запомнить или припомнить, называется произвольной памятью, а память, в которой отсутствует такая цель – непроизвольной. Оговоримся, что произвольная память не гарантирует эффективности запоминания (Шульговский В.В., 2000). Отметим, что непроизвольное запоминание не сводится к случайному, а соотносится с ним как общее и частное.

В целях исследования алгоритмов извлечения информации из памяти традиционно выделяются такие виды памяти, как двигательная, эмоциональная, образная, словесная. Установление вида памяти, доминирующего у допрашиваемого, происходит в процессе анализа свободного рассказа в показаниях.

1. Двигательная память – это память на движения. Как правило, двигательная память исследуется в рамках следственного эксперимента или проверки показаний на месте.

2. Эмоциональная память – память на чувства. Эмоциональная память имеет очень важное значение в жизни человека, но, как правило, мало значима для расследования.

3. Словесная память – это память на конкретные семантические формы, выражающие образы предметов. Содержанием словесной памяти являются прежде всего наши мысли. Без сомнения, тактические приемы оптимизации словесной памяти значимы для допроса, но играют второстепенную роль.

4. Образная память – это память на воспринятые объекты, процессы, явления в виде визуальных, аудиальных, кинестетических представлений. В рамках образной памяти различают зрительный, слуховой, двигательный и смешанный типы памяти. Образная память – наиболее криминалистически значимый тип памяти.

Активизации памяти допрашиваемого в процессе допроса. Недостоверность и неполнота правдивых показаний добросовестного

допрашиваемого корректируется использованием тактических приемов, направленных на активизацию памяти допрашиваемого в процессе допроса.

Центральным психологическим процессом, определяющим эффективность стадии дополнительных вопросов, является воспроизведение информации – преднамеренное восстановление образов, нередко сопровождающееся произвольными, ассоциативными воспоминаниями (Еникеев М.И., 2001).

Для криминалистики в первую очередь значимо, что механизм воспроизведения информации заключается в активном осознанном последовательном припоминании обстоятельств события посредством извлечения из памяти сохраненной там ранее информации. В контексте возможностей следователя необходимо отметить, что различают воспроизведение непосредственное и опосредованное.

Механизм непосредственного воспроизведения не включает в себя промежуточные ассоциации, представляя использование твердо усвоенной человеком информации. Так, в рамках рассматриваемого механизма могут быть реконструированы профессиональные навыки, пусть даже некоторое время и не используемые. Данный вид воспроизведения более актуален для тактики следственного эксперимента.

Механизм опосредованного воспроизведения включает в себя промежуточные ассоциации в виде слов, образов, чувств, действий, с которыми связан объект воспроизведения.

Процессу припоминания информации способствуют вопросы, вызывающие промежуточные ассоциации, подводящие людей все ближе к цели. Припоминание информации часто требует высокой степени концентрации внимания, что является достаточно энергозатратным с психологической точки зрения. Последнее положение ввиду сложности памяти как психологического феномена предполагает перенос акцента в тактике стадии дополнительных вопросов с тактических приемов на тактические комбинации.

Забывание является естественным процессом, но не является процессом необратимым. Ранее говорилось, что информация фиксируется в памяти не автономным блоком, а в контексте со схожей

информацией, связи между информационными блоками называются ассоциациями. Актуализация необходимого для припоминания информационного блока влечет за собой актуализацию других блоков, связанных с ним. Таким образом, использование механизма ассоциаций выступает основным содержанием тактических приемов, направленных на активизацию памяти добросовестного допрашиваемого лица. Приемы по активизации ассоциативных связей вполне целесообразно использовать в случаях, когда добросовестный допрашиваемый дает неверные показания, добросовестно заблуждаясь.

Ассоциативные связи можно условно разделить на ассоциации по смежности, сходству и контрасту. Рассмотрим каждую из разновидностей.

1. Ассоциации по смежности (человек – место преступления – растерянность). В процессе формирования показаний в памяти допрашиваемого образуются ассоциации по принципу смежности между образами объектов, процессов, явлений в том одновременном или последовательном порядке, в каком они воспринимались. В целях оказания помощи допрашиваемому в припоминании забытого последнему посредством напоминания об объекте, процессе, явлении, которые находились с предметом допроса в логической связи, предлагается припомнить забытый факт. С этой целью следователь может перебирать стимулы, находящиеся в связи с искомой информацией, например: «Попробуйте вспомнить состояние растерянности, которое охватило Вас на месте преступления». Использование данного тактического приема наиболее целесообразно в случае помощи в припоминании, оказываемой лицу эмоциональному, чувственному. Вопросы, сформулированные с помощью рассматриваемых ассоциаций, привычны для эмоционального типа, что мобилизует его психику.

2. Ассоциации по сходству (синий–фиолетовый). Аналогичную функцию, что и в предыдущем приеме, выполняет предложенный следователем раздражитель, который может вызвать в памяти допрашиваемого образ устанавливаемого объекта, процесса, явления. «Сравните цвет этой кожаной сумки и цвет кожаного пальто, в ко-

торое был одет неизвестный». Отметим, что информация о сходных явлениях, событиях, предметах часто сливается в сознании, и, если присутствует ее избыток, может возникнуть эффект «ассоциативного шума», который затруднит получение объективных показаний. Так, если лицо наблюдало во дворе своего дома за последние дни большое количество людей, то скорее всего ассоциации по сходству не возникнут и следователь не получит информацию о подозреваемом, который был одним из наблюдаемых лиц. Традиционной выступает рекомендация целесообразности выяснения на допросе, не мешают ли сходные явления, события, предметы вспомнить подробности, и если да, то, с одной стороны, нужно попытаться отграничить их, опираясь на ассоциацию по смежности, с другой – при оценке показаний учесть наличие этого факта, сравнительно часто являющегося источником ошибок в показаниях.

3. Ассоциации по контрасту (высокий–низкий). Использование данного типа ассоциаций основано на использовании временных связей в памяти допрашиваемого, включающих представления об антагонистических объектах, процессах, явлениях. К примеру, если человек не может вспомнить, что слышал крик из квартиры на первом этаже, то, заведя разговор о крыше здания, можно достигнуть воспроизведения информации в памяти у допрашиваемого. Во всяком случае, так предполагается в теории. К сожалению, наш опыт дополнительных вопросов с использованием ассоциации по контрасту на зачетах и экзаменах говорит о незначительной (менее 10%) результативности этого приема, даже не принимая во внимание вероятность случайного ответа экзаменуемого.

4. Причинно-следственные ассоциации (например, алкоголь – потеря контроля). Следователь, направляя усилия допрашиваемого на хронологическое или пространственное структурирование рассказа, оказывает серьезную помощь в припоминании забытого. Понятно, что использование данного тактического приема наиболее целесообразно в случае помощи лицу логичному, рациональному. Вопросы, сформулированные с помощью рассматриваемых ассоциаций, привычны для рационального типа, что мобилизует его психику.

В процессе активизации памяти допрашиваемого следователю целесообразно учитывать ряд факторов, к которым относятся следующие:

1. Профессия допрашиваемого. Наша память определяется в том числе интересами и склонностями человека, информация о которых обладает более высоким приоритетом и забывается медленнее. Названная особенность проявляется в памяти, относящейся к выполнению профессиональных обязанностей. «Особенно ярко это выражено в тех случаях, когда память по тем или иным причинам, например под влиянием преклонного возраста, начинает слабеть. В этих случаях все, что связано с профессиональными интересами человека, нередко удерживается в памяти по-прежнему с большой легкостью и безошибочно» (Смирнов А.А., 1948). Учитывая сказанное о природе ассоциаций по сходству, следователь получает серьезный инструмент для оптимизации памяти допрашиваемого.

2. Значение эмоций в механизме памяти. На запоминание и воспроизведение большое влияние оказывает эмоциональная насыщенность информации, которая может проявляться и как состояние, и как свойство допрашиваемого. Как психическое состояние эмоции негативно влияют на процесс запоминания, если они вызваны посторонними причинами, и положительно, если вызваны или связаны с самим предметом запоминания. В последнем случае эмоции повышают продуктивность как преднамеренного, так и непреднамеренного запоминания. Как психическое свойство конкретный вид эмоций отражается в характере человека, найдя отражение в положении о том, что «при прочих равных условиях одни люди будут более склонны к запечатлению приятного, другие – неприятного (в зависимости от бодрого, оптимистического, жизнерадостного или от пессимистического склада их личности)» (Рубинштейн С.Л., 1958).

3. Состояние осознанной концентрации. В следственной практике все чаще встречаются случаи, когда граждане преднамеренно или произвольно обращают внимание на какое-нибудь обстоятельство и, сознавая, что о воспринятом им впоследствии придется

рассказать следователю, преднамеренно запоминают воспринятые обстоятельства, чтобы не забыть. Необходимо только отметить, что, будучи беззащитным перед преступниками, свидетели через некоторое время «убеждают» себя в неактуальности для расследования воспринятой ими информации. Такое состояние компенсируется воздействием не столько на механизм памяти, сколько на состояние страха, блокирующее этот механизм.

4. Субъективизм восприятия и процессы памяти. Без сомнения, отношения между участниками расследования далеки от эмоционально комфортных, что часто порождает негативное восприятие ими друг друга. Установка на негативную оценку одного участника другим предопределяет отнюдь не положительные искажения его образа, мотивов и действий. Специфическое влияние пережитого в криминальной ситуации на психику потерпевшего приводит к некоторой критичности сообщаемой им информации. Восприятие действительности может преобразоваться воображением под влиянием желаний, симпатий и антипатий. Естественно, степень критичности данного преобразования не соответствует заявлению А.Ф. Кони о том, что «...потерпевшие от преступления всегда и при этом часто с полной добросовестностью склонны преувеличивать обстоятельства или действия, в которых выразилось нарушение их имущественных или личных прав» (Кони А.Ф., 1958). Приведенная цитата доказывает, что А.Ф. Кони искал дополнительные обоснования для усложнения процесса расследования скорее как профессиональный адвокат, нежели как исследователь. Однако учитывая, что объективность, хоть и малая, в приведенном высказывании А.Ф. Кони присутствует, приемы использования ассоциативных связей, направленных на негативную характеристику черт предполагаемого преступника, могут эффективно стимулировать память потерпевшего или даже свидетеля.

5. Оптимизация памяти допрашиваемого посредством концентрации его внимания. Часто, пытаясь сосредоточиться на воспроизведении информации из памяти, человек концентрирует внимание на ее отдельном элементе, становясь своеобразным заложником избыточной концентрации. Следователь имеет возможность

нейтрализовать подобную избыточную концентрацию внимания допрашиваемого путем рассредоточения внимания. Для этого следователю необходимо в своем вопросе перечислить несколько обстоятельств, составляющих содержание события, несколько вероятных свойств, несколько вариантов. «В замеченной Вами машине человек располагался на переднем левом, на переднем правом сиденье, на заднем сидении слева или на заднем сидении справа?» Этот же эффект достигается, если следователь предложит описать ситуацию о том же событии или о тех же обстоятельствах в разных планах.

С учетом актуальности дополнительных вопросов целесообразно рассмотреть эффективность воспроизведения информации в контексте повторного допроса. В процессе проведения повторного допроса допрашиваемый может вспомнить забытую им на первом допросе информацию. Объясняется это психологическим механизмом реминисценции, под которым понимается явление усиления в памяти новых смысловых связей при отсроченном воспроизведении. Этот механизм проявляется в более полном и точном воспроизведении сохраненного в памяти материала по сравнению с первоначально запечатленным.

Опыты Б.П. Красильщикова показали, что «реминисценцию больше всего показывали дети, но большой процент имеется и у взрослых испытуемых, улучшивших второе воспроизведение» (Красильщиков Б.П., 1940). Учитывая сказанное, целесообразно определить с рациональностью проведения повторного допроса.

Аргументами за проведение допроса выступают следующие доводы:

1. Явление реминисценции памяти может способствовать дополнительному воспроизведению информации.

2. Целесообразно повторить допрос, если на первом допросе следователь зафиксировал состояние сильного эмоционального возбуждения.

3. Адаптация к обстановке допроса в силу повторности раздражителя вполне может стимулировать дополнительное воспроизведение временно не восстановленной из памяти информации (Образцов В.А., Богомолова С.Н., 2002).

4. Ко второму допросу следователь всегда лучше подготовлен, имея расширенный список дополнительных вопросов, увеличенный объем приемов, использующих ассоциативные связи, актуальные для личности допрашиваемого.

Серьезный аргумент против проведения повторного допроса только один: предполагая повторность допроса, следователь не станет психологически мобилизовываться перед первым допросом. Возможность последующего исправления всегда негативно влияет на собранность, по нашему мнению, формируя порочную тактику формальных допросов, часто наблюдаемую сегодня.

Получение дополнительной информации от добросовестного допрашиваемого. В процессе свободного рассказа допрашиваемый может сообщить не всю известную ему и значимую для расследования информацию. Проигнорированная добросовестным допрашиваемым информация может быть структурирована в рамках нескольких блоков.

1. Информация, по мнению допрашиваемого, не интересующая следователя и не относящаяся к расследованию данного преступления. В качестве примера можно привести особенности восприятия несовершеннолетних. Восприятие несовершеннолетних характеризуется высокой степенью избирательности, которая относится прежде всего к динамизму развития события, интенсивности переживаний и яркости раздражителей. К примеру, допрашиваемый несовершеннолетний свидетель в деталях опишет произошедшую драку, степень повреждений у участников и последовательность нанесения ударов. Предкриминальной же ситуации, пусть и воспринятой в достаточном объеме, несовершеннолетний вполне может не уделить внимания, опустив информацию о ней при даче показаний. Уверенность в правильности подачи материала у несовершеннолетнего допрашиваемого будет крыться в понимании задач расследования как установления непосредственного факта события, а не его причин и условий.

2. Информация, по мнению допрашиваемого, являющаяся естественной и не нуждающейся в упоминании. К примеру, лица, давно знакомые, при описании друг друга часто игнорируют необходимость припоминания информации о характере, которая порой

является чуть ли не базовой для описываемого человека. Мужчина ближневосточной ментальности может при описании одежды женщины ограничиться описанием ее цвета и состояния (последнее гораздо реже), но посчитает излишним указать, что женщина была одета в платье. Действительно, если в сознании такого лица существует установка на нормальность, привычность платья как женской одежды, то указывать на факт его наличия он просто не будет, как не будет обычный человек уточнять, что у встреченного прохожего голова росла из шеи. Тот же механизм обусловит умолчание допрашиваемого офицера о том, что встреченный солдат, находящийся в отпуске, был в военной форме. Здесь установка офицера на естественность военной формы для солдата в любой обстановке может привести к недопониманию со следователем.

3. Информация, на воспроизведение (воспоминание) которой необходимо затратить много усилий. Так, значительное количество лиц мужского пола не акцентируют внимание, а следовательно, плохо запоминает внешний вид (стиль и состояние одежды, манеру нанесения макияжа и ношения бижутерии окружающих людей). Исходя из сказанного, мужчины часто просто игнорируют актуальность той части показаний, которая затрагивает внешность, хотя информация о ней в памяти мужчин, конечно, сохраняется.

4. Информация, детализировать которую мешают моральные, этические и эстетические взгляды допрашиваемого. Так, жертва преступления, психологически «защищаясь» от осуждения модели ее поведения, которая в определенной части предопределяет событие преступления, не станет излагать подробно все обстоятельства преступного события.

5. Информация, проистекающая из особенностей доминирующих в мышлении допрашиваемого установок. В большинстве случаев данная информация является затрудненной или проблемной для допрашиваемого лица. Так, «женщины, особенно малолетние и несовершеннолетние девочки, склонны к переоценке продолжительности событий» (Кирюшина Л.Ю., 2007), поэтому временные характеристики события ими обычно обозначаются весьма неуверенно. Отметим, что данная неуверенность определяется часто не

отсутствием информации, а недостаточностью навыка ее оценки. Другим примером может выступать нежелание представителя интровертного типа (кроме сенситивного и конформного типов) говорить подробно об эмоциональной основе его взаимоотношений с людьми либо других лиц между собой. Однако, как и в предыдущем случае, нежелание не является признаком неспособности, хотя в определенной степени невысокая развитость эмоциональной сферы характерна для рассматриваемых лиц.

Объективность процесса «умолчания» части информации добросовестным допрашиваемым предопределяет актуальность разработки тактических приемов, реализуемых в стадии дополнительных допросов.

К примеру, то, что контакт с женщинами-наркоманками в силу корыстности последних может быть более продуктивен, если у допрашиваемой будет оставаться надежда на получение выгод, даже небольших, можно использовать для стимулирования дачи показаний, которые ранее допрашиваемая не планировала озвучивать в силу установки на формальное взаимодействие со следователем (отвечать следователю только на задаваемые вопросы).

Понимание того факта, что для любой групповой общности существует достаточное количество субъективно привычных обстоятельств, которые воспринимаются естественными, требует реализации этого понимания в тактике проведения рассматриваемой стадии допроса. Умение поставить себя на место допрашиваемого, временно принять круг его ценностей и привычек, признать ценность стереотипов допрашиваемого, ситуативно адаптируясь под иной тип жизненного опыта, – один из признаков профессионализма лица, проводящего предварительное расследование.

Основные понятия темы: воздействие, убеждение, внушение, вербальное общение, невербальное общение, ролевое общение, формальное общение, психологический контакт, защитная доминанта, «свободный рассказ», угроза, оскорбление, наводящий вопрос, обман, пантомимика, воспоминание по ассоциации, добросовестное лицо, недобросовестное лицо.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
2. Барabanщиков В.А., Жегало А.В. Айтрекинг: методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М. : Когито-центр, 2014. 128 с.
3. Бертовский Л.В. Допрос. Технологии и тактика. М. : Экзамен, 2015. 303 с.
4. Веллман Ф.Л. Искусство перекрестного допроса. М. : Американская ассоциация юристов, 2011. 294 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск : Типо-лит. насл. Ф.В. Зельдович, 1895.
6. Кертес И. Тактика и психологические основы допроса. М. : Книга по требованию, 2012. 166 с.
7. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.

Контрольные вопросы

1. Какими механизмами психической защиты обусловлено существование феномена невербального общения?
2. Какие мероприятия определяют содержание изучения личности допрашиваемого при подготовке к допросу?
3. Что такое психологический контакт в процессе допроса?
4. Какие способы психологического воздействия при допросе законодатель отнес к неправомерным способам?
5. Назовите основные методики определения истинности показаний допрашиваемого.
6. Определите преимущество убеждения перед внушением, и наоборот, в различных ситуациях.
7. Какова структура допроса?
8. Какова структура допроса добросовестного лица?
9. Какова структура допроса недобросовестного лица?
10. Каковы психологические особенности допроса несовершеннолетнего лица?
11. Что такое «свободный рассказ» допрашиваемого?

Тема 11. Судебно-психологическая экспертиза

История становления судебно-психологической экспертизы

Начало психологических экспертных исследований относится к рубежу XIX–XX вв. Можно утверждать, что в данный период психология перешла от умозрительных заключений к данным, получаемым экспертным методом. К. Марби, В. Штерн были основоположниками возникновения новой области знания – судебно-психологической экспертизы (СПЭ). Так, В. Штерн полагал, что «психологическую экспертизу будут проводить в исключительно сложных случаях, когда возникнет сомнение в отношении достоверности наиболее важных свидетелей и их показаний. В. Штерн также считал, что со временем институт психологической экспертизы упразднят, поскольку судьи основательно овладеют научно-психологическим знанием и смогут самостоятельно давать точную оценку свидетельским показаниям, а при необходимости подвергать свидетелей психологическим испытаниям.

Наиболее приоритетное направление того времени – экспертиза свидетельских показаний. Названные авторы вскрыли основные факторы, влияющие на показания участников уголовного процесса. Результаты исследований способствовали совершенствованию уголовно-процессуального законодательства (например, запрет на использование наводящих вопросов) и тактико-криминалистических рекомендаций (особенно при производстве допроса). Характерной особенностью экспертного исследования того времени было расширительное толкование в пределах своей компетенции. Четкого представления о целях и задачах СПЭ на тот момент сформировано не было, что является естественным для первоначального периода формирования любого знания.

Однако некоторые реакционные ученые были категорически против СПЭ. Так, А.Ф. Кони был убежден, что введение в уголовный процесс психологической экспертизы для установления достоверности свидетельских показаний может подорвать основы судоустройства, так как, во-первых, «показания свидетеля, пройдя через психологическую редакцию и цензуру эксперта, утратят свою непосредственность»; а во-вторых, недоверие к возможности свидетелем адекватно воспринимать обстоятельства дела поставят под сомнение свойства внимания, памяти судей и присяжных заседателей, которым приходится запоминать большой объем информации.

В начале советского периода, до конца 1920-х гг., препятствий для данного вида исследований не было, и их проведение даже приветствовалось. В качестве примера можно привести монографию А.Е. Брусиловского, написанную в 1929 г. А.С. Тагер и Я.А. Канторович в 1924 г. указывали, что основным нововведением в уголовный процесс будет институт психологической экспертизы свидетелей и их показаний.

Но начиная с 1930-х гг. о судебно-психологических исследованиях стали забывать, что объясняется коренной перестройкой методологической базы научных исследований, а также рядом общественно-политических процессов. Так, по прошествии шести лет после издания своей монографии о предмете, методике и пределах СПЭ А.Е. Брусиловский уже не акцентирует внимание читателя только на психологических аспектах этих исследований. В качестве эксперта он ссылается на позицию исследователей, которые известны по ряду работ в области судебной психиатрии, а не психологии. СПЭ объективно не вписывалась в идею фактически инквизиционного процесса, характерного для 30-х гг. XX столетия. Известно высказывание Р.Д. Рахунова, утверждавшего, что «применение психологической экспертизы, даже в таком частном вопросе, как определение способности лица давать показания... противоречит принципам советского уголовного процесса». Это связано с тем, что психология подверглась существенно-идеологическому усечению, некоторые ее направления были

объявлены антинаучными. Только к началу 1960-х гг. появились первые предложения возродить данный вид исследований, а концу 1960-х – первые удачные попытки подобного возрождения.

Целесообразность проведения СПЭ становилась общепризнанной. Пожалуй, только два автора в нашей стране в 1970-х гг. продолжали выступать против. Р.Д. Рахунов повторял свой прежний тезис, что психологическая экспертиза «умалывает роль внутреннего убеждения судей». И.И. Мухин заявлял, что «психологическая экспертиза ни с теоретической, ни с практической точки зрения не приемлема для советского уголовного процесса».

Методологические аспекты судебно-психологической экспертизы

Общая задача СПЭ – оказание помощи органам правосудия в решении вопросов психологического содержания, в том числе в получении новых фактов, позволяющих точно и объективно оценить многообразные индивидуальные особенности обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

Эксперт должен давать оценку выявленных фактов. Экспертное заключение должно содержать суждения об отношении данных фактов к событию преступления, степени влияния этих фактов. Не исключено, что основной целью СПЭ может быть обобщение интерпретированных данных с использованием психологических методик.

Ясное представление о предмете и объекте СПЭ принципиально важно, так как его отсутствие приводит на практике к провоцированию психологов к выходу за пределы своей профессиональной компетенции, что совершенно недопустимо. Необходимо отметить, что психологическая наука на данный момент все-таки слабо формализована и вероятность исследовательской ошибки крайне высока, хотя, конечно, подобное положение дел и отрицается большинством психологов, как правило, в силу действия механизма отрицания.

Объектами судебной экспертизы называют закрепленные в материалах дела и предусмотренные уголовно-процессуальным и

гражданско-процессуальным законодательством источники информации.

Однако более верной позицией, вероятно, следует считать мнение В.В. Мельника и В.В. Яровенко, полагающих, что объектом СПЭ являются психика испытуемого лица и материалы уголовного дела, в которых могли получить свое выражение особенности психики обследуемого.

Так как объект научного исследования детализируется пониманием сути предмета этого исследования, необходимо затронуть вопрос о содержании предмета СПЭ.

По мнению И.А. Кудрявцева, предметом СПЭ следует считать «фактические данные о результатах влияния на психическое отражение окружающего, рефлексию и регуляцию своего поведения подэкспертным непатологических факторов: возрастного, ситуационного, эмоционального, личностного».

Несколько упростив данное определение, можно утверждать, что предметом СПЭ выступают компоненты психической деятельности человека в ее целостности и единстве, установление и экспертная оценка которых имеют значение для выяснения истины по делу.

Существует необходимость определения компетенции СПЭ. Под компетенцией психологической экспертизы следует понимать совокупность задач, стоящих перед экспертами, их возможностей и полномочий.

Компетенция СПЭ, по общепризнанному мнению, ограничена тремя критериями:

1. Юридический критерий заключается в том, что предметом СПЭ не могут быть вопросы, имеющие правовую природу: о виновности или невиновности обвиняемого, определение признаков субъективной стороны преступления, оценка правдивости показаний, вопросы правовой квалификации и т.д. Данный критерий характеризуется авторами как постоянный и имеющий негативное значение, поскольку он определяет вопросы, которые должны решаться исключительно судом. Отметим, что ряд вопросов современные исследователи практически единодушно исключили из компетенции СПЭ (установление достоверности показаний, факта

оговора и самооговора). Понятно, что в данном случае актуализируются не столько вопросы установления истинности, сколько «правила игры», наделяющие судебные органы рядом прав, от которых они никогда не откажутся. Существует также ряд вопросов (о мотиве преступного поведения, выявлении лидерства в преступных группах, оценке морального ущерба, возникшего вследствие действий третьих лиц, и др.), которые значительным количеством исследователей относятся к компетенции СПЭ, несмотря на существующее противодействие юристов.

2. Гносеологический критерий содержательно характеризуется возможностью постановки перед экспертом-психологом лишь таких вопросов, на которые позволяет ответить современный уровень развития психологии, т.е. имеются строго научные, объективные, поддающиеся проверке методы решения интересующих вопросов. К сожалению, данный критерий в значительной степени связан с исследовательскими традициями конкретной страны, однако его отсутствие совершенно размывает грань между научным знанием и знанием псевдонаучным.

3. Моральный критерий характеризуется тем, что СПЭ не может решать вопросы общей моральной оценки личности и поступков подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), потерпевших и свидетелей. Казалось бы, этот критерий в полной мере обладает признаком научности, однако феномен морали настолько тесно связан с полем деятельности человека, что порой препятствует современным научным исследованиям, например о степени «вины» жертвы преступления.

Дать исчерпывающий перечень вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение СПЭ, невозможно в силу многогранности системы «человек–право». Поэтому компетенцию необходимо ограничить через указание основных проблем в уголовном процессе, при решении которых СПЭ может оказать помощь. Конкретные вопросы будут определяться фабулой дела и конкретными обстоятельствами. Практическое значение имеет разрешение компетенции между СПЭ, психолого-психиатрической экспертизой, судебно-психиатрической экспертизой.

Подготовка и назначение судебно-психологической экспертизы. Экспертное заключение

Назначать СПЭ целесообразно, когда есть полная уверенность в психической целостности исследуемого лица, так как базовым методологическим знанием выступает знание психологическое, ориентированное на исследование психической деятельности в норме. Если есть сомнение в адекватности исследуемого, то назначается судебно-психиатрическая или психолого-психиатрическая экспертиза. Последнюю рекомендуется назначать для решения пограничных проблем, например в случае изучения психической деятельности лица, у которого есть признаки олигофрении в степени дебильности, в случае изучения подростков с невротическими состояниями, в отношении лиц с признаками психопатии, для диагностики аффекта, если имеются данные о психическом заболевании.

Общие начала организации СПЭ определяются в УПК РФ. Следователь, выбирая эксперта, должен исходить прежде всего из его специализации. Учитывая гуманитарную ориентированность психологического знания, требование к четкой формулировке вопросов становится повышено актуальным. Необходима тщательная подготовка материалов, в противном случае эксперт может отказаться от дачи заключения. Следователь должен собрать всесторонние данные о личности в разные периоды ее развития, чтобы отразить динамику личностного развития. Имеют значение отношения со сверстниками и взрослыми, типичные реакции в конфликтных ситуациях, данные о поведении субъектов в кризисный период. Эту информацию получают из характеристик, протоколов допросов, личных дел, выписок из истории болезни.

Раскрывать личность в материалах уголовного дела необходимо посредством изложения содержания деятельности исследуемого, системы его доминирующих ценностей, отношений и притязаний. При недостаточности раскрытия личности исследуемого в матери-

алах уголовного дела эксперт-психолог должен поставить перед следователем вопрос о необходимых дополнениях в отношении конкретных характеристик личности, нуждающихся в дополнении.

Помимо материалов уголовного дела, раскрывающих действия и переживания исследуемого относительно преступного события, не меньший интерес и практическую важность для СПЭ имеют неофициальные личные документы и продукты творчества исследуемых (содержание общения в социальных сетях, перечень актуальных направлений деятельности в них, дневники, записные книжки, результаты творческой деятельности самих исследуемых и лиц, чья творческая деятельность была признана исследуемыми достойной). Перечисленные источники могут обладать гораздо большей информативной ценностью о личности исследуемого, чем показания участников расследования и мнения окружающих исследуемого лиц.

Основанием проведения экспертизы является постановление о назначении экспертизы всех поступивших на экспертизу материалов. Для экспертов – сотрудников судебно-экспертных учреждений – дополнительным основанием проведения экспертизы является поручение (письменное распоряжение) руководителя экспертного учреждения, которое передается эксперту вместе с постановлением (определением) о назначении экспертизы и всеми поступившими на экспертизу материалами. Процессуальная форма назначения и производства экспертизы призвана обеспечить законность, обоснованность и научную достоверность заключения экспертов.

Экспертное заключение состоит из трех частей: 1) вводная часть; 2) исследовательская часть; 3) заключительная часть.

Вводная часть экспертного заключения посвящается описанию обстоятельств события.

Во вводной части указываются:

– номер и дата составления заключения, должность эксперта, наименование экспертно-криминалистического подразделения, фамилия, имя, отчество эксперта, образование, специальность, стаж экспертной работы;

– основания для производства экспертизы (постановление следователя, лица, производящего дознание, прокурора или определение суда);

– номер уголовного дела или дела об административном правонарушении, краткое изложение обстоятельств совершенного преступления или административного проступка, относящегося к предмету экспертизы;

– вид экспертизы;

– перечень объектов, представленных на экспертизу;

– перечень вопросов, поставленных перед экспертом;

– при повторной экспертизе во вводной части заключения дополнительно указываются сведения об эксперте, проводившем первичную экспертизу, выводы первичной экспертизы, а также мотивы назначения повторной экспертизы.

В исследовательской части содержится описание процесса и результатов проведенного исследования; особое внимание необходимо обращать на ценностную составляющую используемых экспертом методик, их апробированность и распространенность. Данная часть включает: краткое описание исследуемых объектов; примененные при исследовании криминалистические средства, методы и полученные результаты; проведенные эксперименты (их цель, содержание, условия, количество, устойчивость полученных результатов, использованные для их фиксации средства и методы); выявленные в результате исследования существенные признаки и свойства объекта; способы и приемы сравнительного исследования выявленных признаков, результаты оценки установленных между ними совпадений и различий.

Заключительная часть содержит выводы эксперта и ответы на поставленные вопросы. В выводах в краткой, четкой, не допускающей различных толкований форме излагаются ответы на поставленные перед экспертом вопросы. Ответ на каждый вопрос должен быть дан по существу, а если сделать этого не удастся, следует указать на невозможность решения вопроса.

Основные требования, которым должен удовлетворять вывод эксперта, можно сформулировать в виде следующих принципов, выделенных Ю.К. Орловым.

1. Принцип квалифицированности – эксперт может формулировать только такие выводы, для построения которых необходимы соответствующие специальные знания, определенная квалификация. Вопросы, не требующие специальных познаний, не должны ставиться перед экспертом и решаться им, а если все же они были поставлены и эксперт решил их, то выводы по ним не имеют доказательственного значения.

2. Принцип определенности – недопустимы неопределенные выводы, позволяющие различное их толкование.

3. Принцип доступности – выводы эксперта должны быть доступны по своему содержанию и изложению для следователей, судей и других участников судебного разбирательства. Они не должны требовать для их понимания каких-либо специальных познаний.

Виды судебно-психологической экспертизы

Наиболее актуальными в настоящий период являются следующие виды СПЭ.

1. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ).

В ряду наук о человеке видное место занимают психология и медицина (последняя в части психиатрии и медицинской психологии). Общим объектом их научного изучения является психика человека, что предопределило возникновение в начале 1970-х гг. во ВНИИ общей и судебной психиатрии комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

КСППЭ – это наиболее эффективная процессуальная форма реализации общенаучного комплексного подхода к экспертному исследованию имеющих значение для дела сторон, свойств и функциональных особенностей психической деятельности исследуемого лица.

Если СПЭ устанавливает наличие или отсутствие принципиальной способности лица к осознанию своих действия и контролировать их, то КСППЭ позволяет более точно определять конкретную меру проявления этих способностей у исследуемого.

Безусловное преимущество назначения КСППЭ – объективная интеграция двух научно-исследовательских парадигм: естественно-научной и гуманитарной, синтез которых порождает более целостное восприятие исследуемого лица, а следовательно, более точную информацию, которая может быть положена в основу судебного решения.

КСППЭ назначается в отношении обвиняемых, свидетелей или потерпевших, выявляющих признаки пограничного состояния психического здоровья. К пограничным состояниям целесообразно относить минимальную мозговую дисфункцию, интеллектуальную недоразвитость в форме олигофрении, психопатии, неврозы и т.д. Следует отметить, что нецелесообразно назначать КСППЭ, когда есть возможность назначить отдельные судебно-психиатрическую и СПЭ. Свидетельством пограничных состояний как основания для назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы может быть информация об исследуемом, содержащаяся в медицинских документах, показаниях свидетелей и потерпевших, а также само поведение обвиняемого, свидетеля или потерпевшего, наблюдаемое в процессе расследования. Рассматриваемая экспертиза наиболее распространена в современной практике расследования преступлений.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Выявляет ли испытуемый признаки пограничных проявлений нормы и психопатологии, если да, то в чём конкретно они выражаются?

– Учитывая состояние психического здоровья исследуемого и особенности исследуемой ситуации, в какой мере он мог осознавать значение своих действий?

– Учитывая состояние психического здоровья исследуемого и особенности исследуемой ситуации, в какой мере он мог руководить своими действиями?

– Каковы индивидуально-психологические особенности исследуемой личности, перенесшей нервно-психические заболевания и имеющей признаки пограничной психической патологии, а также каково их влияние на поведение в интересующий следователя и суд момент?

– Какова природа эмоциональных реакций в интересующий следователя и суд момент у лиц с признаками психической патологии или перенесших нервно-психические заболевания?

– Установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий и определение, в какой мере они способны руководить ими. Основанием для назначения экспертизы в этих случаях являются симптомы замедленного психического развития несовершеннолетнего.

– Каковы особенности способностей обвиняемых, свидетелей и потерпевших, перенесших те или иные нервно-психические вредности и обнаруживающих признаки психической патологии, правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания?

– Было ли способно малолетнее, несовершеннолетнее или иное лицо, обнаруживающее признаки психических отклонений или перенесшее нервно-психические заболевания, правильно понимать характер и значение действий виновного и оказывать сопротивление?

В завершение отметим, что, несмотря на распространенность, рассматриваемый вид экспертизы является весьма проблемным в плане надежности получаемой информации, прежде всего в силу крайне выраженной вторичности психологической составляющей экспертного исследования. Дело в том, что данная экспертиза производится, как правило, в государственных медицинских учреждениях, где специалисты-психологи плохо вписываются в естественнонаучную медицинскую парадигму и крайне пассивны при проведении экспертных исследований.

Качество проводимых экспертных исследований также нельзя считать достаточным. Отсутствие конкуренции ведет к стагнации, что хорошо иллюстрирует рассматриваемый вид наиболее часто используемого в расследовании преступлений экспертного психологического знания.

2. *Комплексная медико-психологическая экспертиза.* Назначается, если обвиняемый, потерпевший или свидетель обнаруживает

сенсорную недостаточность, обусловленную недоразвитием зрения, слуха, тактильных способностей.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Обладает ли исследуемый недоразвитием зрения, слуха, тактильных способностей?

– В какой степени недоразвитие зрения, слуха, тактильных способностей повлияло на восприятие обстоятельств дела?

В практике расследования преступлений рассматриваемая экспертиза производится, как правило, в рамках расследования преступных нарушений ПДД. При расследовании остальных видов преступлений зачастую достаточно проведения вместо рассматриваемой экспертизы следственного эксперимента по установлению возможности и способности лица воспринимать определенные события, явление, объект.

3. *Комплексная психолого-искусствоведческая экспертиза.* Необходимость в проведении такой экспертизы возникает, когда нужно установить направленность и степень воздействия на психику личности. Чаще всего на исследование представляются материалы порнографического или садистского содержания.

В процессе исследования решается вопрос:

– Носят ли представленные на экспертизу материалы порнографический (провоцирующий особую жестокость и пр.) характер?

Несмотря на кажущуюся простоту, проведение данной экспертизы крайне проблематично: во-первых, в силу отсутствия в правовых нормах легальной дефиниции исследуемых объектов, во-вторых, в силу отсутствия реального социального заказа на противодействие информации порнографического или садистского содержания в современном обществе.

4. *Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого.* Нередко в практике расследования преступлений возникает необходимость установления отставания в психическом развитии у подростка, совершившего преступление. При анализе самого деяния подростка может отмечаться несоразмерность объективного содержания его поведения поставленным им перед собой целям. Отставание психического развития не обязательно

детерминируется органическими нарушениями. Способность подростка полностью сознавать значение своих действий и осуществлять их контроль зависит не только от интеллектуального потенциала несовершеннолетнего, но и в значительной степени является производным от особенностей эмоциональной, волевой сферы, мотивации и социального опыта. Следует отметить существование вероятности того, что психически адекватный человек, выявляющий низкий уровень психического развития, в экстремальных ситуациях будет не в состоянии полностью осознавать значение своих действий и руководить ими.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Имеются ли у исследуемого признаки отставания психического развития, не связанные с психическим заболеванием, или иные аномалии психического развития неклинического характера, и если имеются, то в чем конкретно они выражаются?

– Учитывая уровень психического развития исследуемого и особенности исследуемой ситуации, был ли он в состоянии полностью сознавать значение своих действий?

– Учитывая уровень психического развития исследуемого и особенности исследуемой ситуации, был ли он в состоянии полностью руководить своими действиями?

Назначение и проведение рассматриваемой экспертизы имеют смысл только в случаях, когда существуют реальные предпосылки для положительного ответа на первый вопрос. Если таких предпосылок нет, то личность несовершеннолетнего исследуемого целесообразно изучать в рамках экспертного исследования при СПЭ личности обвиняемого или СПЭ свидетелей и потерпевших.

5. Судебно-психологическая экспертиза свидетелей и потерпевших. Индивидуальные особенности восприятия, переработки и хранения информации часто способствуют противоречивости свидетельских показаний. Данный феномен был исследован еще В. Штерном. Рассматриваемую противоречивость детерминируют две группы факторов. К группе внешних факторов относят условия восприятия исследуемых событий. В сложных ситуациях восприятие человека характеризуется фрагментарностью. К группе

внутренних факторов относят особенности анализаторных систем и личностные особенности лица, детерминированные его социальным опытом и характером, а также особенности эмоционального состояния лица в момент восприятия события.

Поводами для назначения данного вида психологических экспертиз могут выступать:

- данные о малолетнем или преклонном возрасте свидетеля, его низком интеллектуальном развитии, недостаточность жизненного опыта, акцентуированные свойства;
- данные о неблагоприятных условиях восприятия интересующей следствие информации;
- сведения о необычном психическом состоянии исследуемого;
- информация о возможности влияния на исследуемого со стороны третьих лиц.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

- Каковы основные индивидуальные особенности познавательной деятельности исследуемого лица?
- Учитывая индивидуальные особенности восприятия и конкретные условия, в которых происходило событие, мог ли исследуемый воспринимать значимые для дела обстоятельства?
- Каково было психическое состояние исследуемого в момент восприятия исследуемого события, был ли он способен правильно воспринимать важные для дела обстоятельства?
- Учитывая уровень психического развития исследуемого, его психическое состояние в момент описываемого события, мог ли он правильно понимать его внутреннее содержание?
- Обладает ли исследуемый абсолютной чувствительностью анализатора, необходимого для восприятия раздражителя в имевших место условиях?
- Имеются ли у исследуемого признаки повышенной внушаемости?
- Может ли исследуемый давать правильные показания при выявленном у него уровне развития речи?

6. Судебно-психологическая экспертиза личности обвиняемого. Недостаточная информативность характеристик подозреваем-

мого с места работы или учебы актуализировала проблему поиска нового источника сведений о центральной фигуре расследования преступления. Рассматривая мотивацию как составляющую личности обвиняемого, СПЭ не выходит за границы своей компетентности. Отметим также, что доказательственное значение заключения эксперта об индивидуально-психологических особенностях личности обвиняемого намного выше в силу объективности и научности, нежели эта же информация из других источников.

В процессе исследования решается следующий вопрос:

– Какие индивидуально-психологические особенности исследуемого могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

Назначение СПЭ личности обвиняемого олицетворяет индивидуальный подход к нему в процессе расследования и судебного рассмотрения дела. В идеале данная разновидность экспертного судебно-психологического исследования должна стать обязательным источником данных о преступном событии и личности преступника.

7. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по фактам сексуального насилия. При расследовании преступлений, связанных с сексуальным насилием, важно установить факт беспомощности жертвы преступления, так как изнасилованием является половое сношение, совершенное именно с использованием беспомощного состояния жертвы преступления. Беспомощное состояние может возникнуть в силу не ситуационных, а индивидуально-психологических особенностей жертвы преступления. Именно последние особенности и выступают предметом исследования в рассматриваемой разновидности СПЭ.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Имеются ли у испытуемой индивидуально-психологические особенности, которые могли существенно повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации?

– Каково было психическое состояние потерпевшей в ситуации, составляющей содержание уголовного дела?

– Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой и содержание исследуемой ситуации, была ли испытуемая в состоянии понимать характер и значение совершаемых с нею действий?

– Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой и содержание исследуемой ситуации, была ли испытуемая в состоянии оказывать сопротивление?

Как назначение СПЭ личности обвиняемого должно стать обязательным источником данных о преступном событии и личности преступника в материалах расследования и рассмотрения дела в суде, так и результаты рассматриваемой экспертизы должны характеризовать потерпевшее лицо в каждом уголовном деле. Вероятно, именно данная разновидность судебно-психологического исследования личности олицетворяет идею справедливого рассмотрения криминального инцидента, направленного на защиту прав потерпевшего лица.

8. *Судебно-психологическая экспертиза преступной группировки.* Рассматриваемое исследование целесообразно проводить в тех случаях, когда преступление совершено группой лиц и обвиняемые дают противоречивые показания о роли каждого в совершенном преступлении, а также в случаях, когда члены группы решают давать показания, в которых большая часть вины возлагается только на одного из них. Данное заключение всегда будет включать вероятный выбор, хотя точность его очень высока. Помимо материалов уголовного дела, основную информацию эксперт получает в процессе психологического исследования индивидуально-психологических характеристик членов группы.

В процессе исследования решается следующий вопрос:

– Учитывая индивидуально-психологические особенности исследуемых, а также обстоятельства совершенного ими деяния, кто из них мог быть лидером группы?

Ни для кого не секрет, что нередко соучастники преступления выставляют в качестве наиболее виновного (организатора, исполнителя):

– психически наименее устойчивого и целостного посредством угроз в его адрес;

– имеющего наименьший финансовый статус посредством заключения своеобразной сделки с предоставлением определенной суммы денег;

– имеющего наименьший социальный статус посредством заключения своеобразной сделки с предоставлением обещания повлиять на строгость наказания или его отбывания, используя свои связи.

Понятно, что чем более коррумпировано общество, чем меньшую роль в иерархии уголовно-процессуальных принципов играет принцип справедливости, тем меньше актуальность рассматриваемого вида экспертного исследования.

9. *Судебно-психологическая экспертиза по делам о моральном ущербе.* Данная экспертиза сравнительно недавно появилась в практике расследования преступлений в нашей стране. Назначение данной экспертизы целесообразно потому, что иначе судья вынужден будет принимать решение, руководствуясь обывательским представлением о том, что такое моральный ущерб и каковы его признаки. Однако подобное понимание не может быть обыденным в ситуации, когда психологическая наука достигла уровня научного понимания проблемы. В действительности же только эксперт-психолог может установить наличие либо отсутствие признаков причиненного личности морального ущерба (Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С., 1996).

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Каковы индивидуально-психологические особенности личности исследуемого, которые могли оказать существенное влияние на глубину и интенсивность субъективных переживаний им действий и высказываний ответчика?

– В какой мере отразились действия и высказывания ответчика на основных показателях психического состояния и деятельности исследуемого?

– Учитывая индивидуально-психологические особенности исследуемого, какова степень переживаний им описанных действий ответчика, нарушена ли иерархия основных жизненных ценностей; причинены ли исследуемому мучения и личностный дискомфорт?

Практика назначения и проведения СПЭ по делам о моральном ущербе косвенно свидетельствует о степени финансовой свободы граждан.

Здесь можно рассуждать по аналогии с правом человека на самозащиту. Чем строже государство карает своего гражданина за превышение пределов необходимой самообороны, тем самым отказывая ему в праве на самозащиту, а если совсем точно, то в праве на жизнь, тем меньше оно признает ее ценность, тем больше опасается принятия этим гражданином самостоятельных решений. Именно об отсутствии экономических свобод говорит неразвитая практика назначения, проведения и использование в суде результатов СПЭ по делам о моральном ущербе.

10. *Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний* – вторая по распространенности СПЭ. Аффект – это сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, имеющее импульсивный характер и сопровождающееся резко выраженными двигательными и вегетативными проявлениями. Как правило, в состоянии аффекта сфера восприятия предельно зажужена, событие в значительной степени амнезируется.

Классическим пониманием природы аффекта является его трехструктурность – аффективность ситуации, аффективное поведение во время аффекта и постаффективное поведение. Именно наличие всех трех элементов позволяет предположить наличие аффективного состояния у исследуемого лица

Аффективность ситуации. Аффективность ситуации обозначает соответствие ее трем условиям: конфликтности, внезапности и реальности. Отметим только неверность часто встречающегося экспертного вывода о том, что алкогольное опьянение не противоречит диагностике физиологического аффекта. В ситуациях, в которых обвиняемый находился в легкой форме алкогольного опьянения и в то же время выявлял признаки аффективного состояния, мы сталкиваемся не с физиологическим аффектом, а с аномальным (не путать с патологическим аффектом). Аффект на фоне алкогольного опьянения является разновидностью аномального аффекта, поскольку алкогольное опьянение влечет за собой изменение

функционирования психики человека на биологическом и психологическом уровнях, что и служит «аномальной почвой». Природа аномального аффекта не обязывает дифференцировать ответственность за совершенные деяния, а только предполагает такую возможность, так как в состоянии опьянения человек вводит себя сам, в отличие от физиологического аффекта.

Аффективное поведение. Второй критерий физиологического аффекта включает стереотипную моторную активность, вегетативные сдвиги и частичную амнезию на детали криминального события. «Чувство не может существовать без своих физических проявлений. Уничтожьте у испуганного человека все симптомы страха, заставьте его пульс спокойно биться, верните ему твердый взгляд, здоровый цвет лица, сделайте его движения быстрыми и уверенными, его речь сильной, а мысли ясными, что тогда останется от его страха?» (Ланге К.Г., 1896).

а) Стереотипная моторная активность проявляется в бессмысленных перемещениях на местности, совершении большого количества беспорядочных движений, нанесении множества ранений своей жертве. Отметим, что во многих изученных экспертных заключениях никак не отражена суженность сознания как проявление аффективного поведения. Часто в стереотипную моторную активность также не вписывается характеристика ран, локализованных на небольшой площади, имеющая выраженный функциональный характер.

б) Вегетативные сдвиги – проявления в виде изменения частоты дыхания, интенсификации сердечной деятельности, покраснения или побледнения кожных покровов, изменения тембра голоса и пр. В изученных материалах уголовных дел отсутствуют показания свидетелей об этом факторе.

в) Частичная амнезия у лица, пережившего аффективное состояние, сводится к забыванию деталей криминального события, касающихся содержания аффективных действий. Типичной картиной описанных случаев из практики является крайне избирательная амнезия, в которой лицо не помнит содержания преступного действия, но хорошо «припоминает» действия по ми-

нимизации преступных последствий (к примеру – не помнит, как от движений ножа слева направо перешел к движениям ножа от себя вперед).

Постаффективное поведение в состоянии физиологического аффекта выражается в проявлении астенического синдрома. Для состояния, характеризующего астенический синдром, характерно то, что человек выявляет заторможенность, безразличие, подавленность, слабость, упадок сил, возможно также неадекватное поведение. Проявление астенического синдрома исключает активную творческую деятельность по созданию ложной мотивации совершения преступления преступником, что часто встречается на практике.

«На природу отчаяния указывает внутренняя форма этого слова: отчаяние – это утрата надежды. Движения в будущее невозможно» (Тиллих П., 1994). Состояние психической напряженности – еще одна форма эмоционального состояния человека, имеющая юридическую значимость.

Эмоциональное состояние может включать состояние фрустрации. А. Маслоу различал фрустрацию, вызванную депривацией базовых, врожденных потребностей (в пище, безопасности, любви) и приобретенных потребностей. По его мнению, именно депривация базовых потребностей вызывает патогенный характер фрустрации (Маслоу А., 1943).

Состояние фрустрации характеризуется наличием стимулированной потребности, не нашедшей своего удовлетворения. Фрустрация определяется как состояние, которое возникает в жизнедеятельности человека в ситуации неуспеха и которое вызвано субъективно непреодолимыми препятствиями на пути к достижению цели (Левитов Н.Д., 1967). Состояние фрустрации и состояние психической напряженности (состояние, возникающее у человека в стрессовой ситуации) выступают «облегченными» вариантами аффективного состояния.

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Находился ли исследуемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии физиологического аффекта?

– Находился ли исследуемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии аномального аффекта?

– Находился ли исследуемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния в эмоциональном состоянии, которое могло существенно повлиять на его сознание и психическую деятельность? Если да, то как?

– Учитывая психическое состояние исследуемого, его индивидуально-психологические особенности, а также обстоятельства дела, мог ли он точно соотносить свои оборонительные действия объективным требованиям ситуации?

Часто в экспертных заключениях увязывается ситуационное состояние аффекта исследуемого с его индивидуально психологическими особенностями, проявляющимися в виде акцентуированных черт характера. Однако акцентуация (за исключением у эпилептоидной) не предполагают какого-либо особенного протекания механизма аффектации.

11. *Судебно-психологическая экспертиза психологического воздействия по уголовным делам.* Рассматриваемая экспертиза является подвидом экспертно-психологического исследования, направленным на выявление следов противозаконного вторжения в психическую сферу деятельности личности, если результатом последнего являются негативные последствия для ее здоровья, социального статуса и / или финансового и имущественного положения (Чижова Д.С., 2003).

В процессе исследования решаются следующие вопросы:

– Имеется ли у исследуемого повышенная склонность к внушаемости?

– Имелась ли у исследуемого на момент воздействия способность оказывать ответное психологическое воздействие?

– Содержится ли в вопросе, поставленном перед исследуемым в описываемой ситуации, психологическое воздействие, направленное на его личность со стороны следственных органов и других лиц?

– Содержится ли в действиях, направленных на исследуемого в описываемой ситуации, психологическое воздействие, направ-

ленное на его личность со стороны следственных органов и других лиц?

Для ответа на два последних вопроса изучаются продукты деятельности, документально запечатленные на различных носителях, на предмет определения неправомерного психологического воздействия на испытуемого (Енгальчев В.Ф., 2003).

Применительно к вопросам, предположительно содержащим неправомерное психологическое воздействие, объектом анализа выступают вопросы:

- наводящие, включающие в себя ответ;
- подавляющие волю подозреваемого;
- призывающие что-либо вспомнить;
- включающие утверждения разных лиц по одной проблеме.

Применительно к действиям, предположительно содержащим неправомерное психологическое воздействие, объектом анализа выступает следующее поведение:

- предписывающие действия (указания на направление или место сопровождения – впереди или по бокам, прикосание);
- демонстрирующие действия (приведение примеров);
- подавляющие действия (демонстрация физического превосходства следователя или бессилия исследуемого, прямые угрозы в адрес последнего).

Значимость и объективная ценность рассматриваемой экспертизы далеко не однозначна. Вероятно, это самая субъективная разновидность судебно-психологического исследования. Ведь мало того, что категория воздействия – материя достаточно эфемерная, если не говорить о ее пиковых проявлениях, так еще и индивидуально-психологическое восприятие разными лицами психологического давления сильно затрудняет объективизацию данных, подлежащих анализу экспертом.

Конечно, в идеале развитая практика назначения и проведения данного вида экспертизы должна свидетельствовать об уровне защиты прав подозреваемого и обвиняемого (именно в отношении их назначается, как правило, данная экспертиза). Однако мы опасаемся, что данная экспертиза будет использоваться как еще один

инструмент осложнения деятельности следователя по расследованию преступлений, понижения роли тактической составляющей его деятельности, реализуя вектор патологической либерализации практики современного расследования преступлений.

Еще раз отметим, что практика назначения и проведения определенных видов судебно-психологических экспертиз может выступать индикатором реализации основных уголовно-процессуальных принципов и даже основных векторов развития современного общества.

Основные понятия темы: судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний, судебно-психологическая экспертиза свидетелей и потерпевших, судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого, судебно-психологическая экспертиза личности обвиняемого, судебно-психологическая экспертиза по делам о моральном ущербе, судебно-психологическая экспертиза потерпевших по фактам сексуального насилия, психолого-психиатрическая экспертиза, психолого-искусствоведческая экспертиза, психолого-медицинская экспертиза.

Литература

1. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза : методическое руководство. Калуга, 1996. 156 с.

2. Иванова Т.В., Холопова Е.Н. Теоретические и правовые основы судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых. М. : Юрлитинформ, 2008. 160 с.

3. Назаров О.А. Теория и практика судебно-психологической экспертизы. М., 2013.

4. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 309 с.

5. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы : справочное пособие. М. : Юрлитинформ, 2000. 160 с.

6. Желтов В.М., Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза по гражданским делам: правовое регулирование и правоприменительная практик. М. : Юрлитинформ, 2014. 256 с.

7. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Судебная экспертиза : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2018. 288 с.

Контрольные вопросы

1. Назовите причины популярности судебно-психологической экспертизы в наше время.
2. Определите разграничение компетенции между экспертами при проведении психолого-психиатрической экспертизы.
3. Определите комплекс знаний, необходимых при проведении экспертизы, предметом которой является изучение личности обвиняемого.
4. Определите комплекс знаний, необходимых при проведении экспертизы, предметом которой является эмоциональное состояние исследуемого лица.

Тема 12. Пенологическая и пенитенциарная психология

Методология пенологической и пенитенциарной психологии

Терминологическое единообразие есть залог самой возможности научного познания. Когда в научных исследованиях наблюдается терминологическая чехарда, это крайне редко является следствием низкого профессионального уровня исследователя. Неопределенность терминов есть показатель или неопределенности самого явления, или неопределенности в необходимости изучения этого явления. Сказанное очень наглядно проявляется в психологических исследованиях человека после вынесения ему приговора. Неудивительно, что политическая ангажированность темы предопределила два совершенно разных вектора изучения рассматриваемого феномена, разделяя пенологические и пенитенциарные исследования.

Пенология (лат. роена «наказание» + ...логия) – систематическое изучение наказания, особенно связанного с лишением лица свободы, за совершенное преступление. Термин был введен в XIX столетии вместе с реорганизацией тюремной системы и одновременно с крупными дебатами о целях заключения. Таким образом, пенологическая психология в своей основе строится на исследовании психологических проблем отбывания наказания, возможности исправления осужденного.

Пенитенциарная психология (от лат. роenitentia «раскаяние, покаяние» + ...логия) изучает психологические основы ресоциализации осужденных: восстановление у них нарушенных социальных личностных качеств, динамику их личностей в процессе исполнения наказания (т.е. отбывания срока), их поведение. Таким образом, пенитенциарная психология в своей основе строится на ис-

следовании психологических проблем реабилитации осужденного, фактически оставляя «за бортом» проблемы его исправления.

Целевая ориентация уголовно-исполнительной системы как исходная посылка для научных исследований

Без сомнения, идеологическая, пропагандистская функция права выступает в качестве одной из основных функций любой правовой системы. Неудивительно, что декларативная составляющая конституции и кодифицированных актов любой страны напрямую направлена на формирование убеждения населения в правовой праведности господствующей в государстве идеологии. Идеологическая обработка населения необходима и приоритетна для системы правового знания. Также идеологическая обработка является системообразующим элементом формирования правовой культуры у населения в целом и у отдельной личности в частности. Надо ли объяснять, что в зависимости от развития личности, ее профессионального уровня уровень аргументов меняется, причем порой качественно. Идеологическая правовая обработка населения ориентирована на массового типового члена социума и только в плане формирования убеждений на бытовом уровне.

Проблемной становится ситуация, в которой на основе, без сомнения, правильных, но декларативных норм исследователи пытаются разрабатывать комплексы правовых подсистем, к примеру подсистем предупреждения преступлений, борьбы с преступностью или ее контроля. При подобной разработке как бы забывается, что правовое регулирование ориентировано на конкретный результат, подчас не совпадающий с целью идеологической обработки, содержащейся в декларативных нормах.

Право есть формализованная в правовых нормах воля господствующей группы людей – это не обязательно для понимания населением, но необходимо для понимания исследователями, чтобы не скатиться в околону научную демагогию, примером которой выступает политкорректность, которая, теоретически будучи кон-

цепцией состоятельной, на практике реализуется только за счет адекватного большинства населения и в ущерб ему.

В качестве примера целевой ориентации правовой подсистемы рассмотрим, как реализуются в разных уголовно-исполнительных системах декларативно-постулируемые цели перевоспитания и кары преступников, в какой степени они присутствуют в каждой системе и какую роль там играют. Напомним, что традиционно доминирование функции перевоспитания характерно для уголовно-исполнительных систем тоталитарных государств (СССР, КНР, ГДР), которые «заинтересованы» в борьбе с преступностью, так как последняя не интегрирована в экономику государства. Доминирование же функции кары характерно для так называемых стран «свободного» мира, где функция исправления осужденных ориентирована, скорее, не на государственный, а на общественный уровень.

Для того чтобы понять, что далеко не перед каждой уголовно-исполнительной системой стоят традиционно провозглашаемые задачи перевоспитания и кары осужденных, необходимо рассмотреть фактически существующие и существовавшие уголовно-исполнительные правовые подсистемы через призму их целевой ориентации.

Карающая уголовно-исполнительная система характерна для общества средних веков, хотя и проявляется эпизодически в ранней стадии индустриальной эпохи в виде каторжных работ. Совмещающая жестокость и равнодушие, она не преследовала никакой цели, кроме кары, сведя к основной задаче изоляцию или ограничение криминального потенциала заключенных путем калечения. Отметим, что невысокий уровень эффективности данной системы кроется в немалой степени в «пестовании» социального стратоса «тюремщиков», которые объективно были распространителями незитичной парадигмы жестокости к слабым. То есть проблема данной системы скорее социопсихологическая, чем структурно-функциональная.

Коррекционная уголовно-исполнительная система, без сомнения, является олицетворением здравого гуманизма, своей целью

выставляя исправление осужденных с контролем последующей их интеграции в законопослушный социум. Основным способом достижения цели исправления и ресоциализации была реализация созидательного потенциала человека. Данная система в истории цивилизации как масштабный эксперимент характерна, пожалуй, только для Германии и Советского Союза 20-х гг. прошлого века. В обоих случаях существование этой системы происходит в условиях крайне слабой государственной власти. Эксперимент ЧК по исправлению криминального контингента, реализуемый Антоном Семеновичем Макаренко вплоть до его перевода в НКВД Украины, был впоследствии признан предельно успешным, а сам Макаренко в 1988 г. был назван ЮНЕСКО одним из четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления современности. Колоссальная эффективность исправления по Макаренко, вероятно, была возможна только в условиях невмешательства государства, формируя анекдотичный вывод – эффективнейшая уголовно-исполнительная система – это система с крайне ограниченным вмешательством государства. Отметим, что степень свобод осужденного в рассматриваемой системе максимально ярко выражена по сравнению с иными системами. Заметим также, что значительный комплекс свобод всегда сочетается с реализацией созидательного потенциала человека и отдельно нецелесообразен.

Отдельно отметим, что одним из первых шагов деструкции уголовно-исполнительной системы в нашей стране в конце XX в. было ограничение производственных мощностей исправительно-трудовых учреждений. Тем самым был ликвидирован элемент коррекционной уголовно-исполнительной системы, свойственный уголовно-исполнительной системе Советского Союза.

Идеологическая уголовно-исполнительная система была представлена в 30–50-х гг. XX в. в Советском Союзе и 60-х гг. XX в. в Китае. Ее основная идея сводилась к клеймению части популяции, противопоставлению криминального меньшинства законопослушному большинству в государстве. Концепция «врага народа» подавляла не столько политическое инакомыслие, сколько крими-

нальную ментальность. Недаром «уголовные» заключенные активно противопоставляли себя заключенным «политическим», впрочем, достаточно безуспешно. Для рядового гражданина слова «враг народа» и «зэка» очень часто были синонимами. Собственно, и перевоспитание, и наказание, и реализация трудового потенциала заключенных в идеологической уголовно-исполнительной системе предельно вторичны, хотя, без сомнения, и характерны для нее. Главная цель рассматриваемой уголовно-исполнительной системы – консолидировать общество, противопоставив его в том числе внутреннему врагу – «врагам народа».

Мобилизационная уголовно-исполнительная система была представлена в нацистской Германии 30–40-х гг. XX в. и эпизодически в системе британских концентрационных лагерей на территории Африки, Индии и Австралии со второй половины XIX в. до середины XX в. Основная целевая ориентация рассматриваемой системы сводилась к мобилизации трудового потенциала собственных и оккупированных государств. Рассматриваемая система объективно возникает в случае активной колониационной и захватнической политики государства, радикально опережающей темпы прироста населения. Естественно, каких-либо попыток исправления за совершенные преступления как приоритетных она не включала, так же как и попыток наказания. По своему наполнению человеческим материалом она была неоднородна, так как включала в себя не только осужденных преступников, но и ряд иных категорий лиц. Естественно, этически несостоятельная, она не могла существовать достаточно долгое время и была объективно обречена на модификацию.

Ротационная уголовно-исполнительная система – предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально развитых демократий с начала XX в. Прежде всего, перед данной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме, тем самым решая ряд подзадач. К числу данных подзадач относятся: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве; обеспечение рабочих мест в уголовно-исполнительной системе для зако-

но послушных граждан; внедрение в социум центробежных идей; формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности. В последнее время с распространением частных тюрем стала актуализироваться и задача извлечения прямого дохода от трудовой деятельности заключенных, что привнесло в рассматриваемую систему элемент мобилизационной системы. Задачи кары и исправления перед данной системой *de facto* не стоят, впрочем, как и постулируемая задача защиты прав и свобод.

Комплексная уголовно-исполнительная система представлена исправительной системой, существовавшей в Советском Союзе. Она в значительной степени интегрировала достоинства вышеназванных правовых систем, аккумулируя и их недостатки. Анализ уровня преступности в СССР и современной России, не говоря уже о США, демонстрирует высокую результативность как в плане кары, так и в плане перевоспитания, характерную для комплексной системы.

Целью данного обзора не была пропаганда приоритетности какой-либо из уголовно-исполнительных систем, ведь, кроме мобилизационной, все остальные системы лишь отражают объективные закономерности, происходящие в конкретном обществе, являясь элементом объективной реальности на конкретном этапе этического развития общества. Рассмотрев основные уголовно-исполнительные системы, мы пришли к выводу, что для подавляющего большинства из них не характерны в качестве цели ни перевоспитание осужденного, ни его кара. Понятно, что мероприятия по функционированию современной уголовно-исполнительной системы с целью оптимизации элементов перевоспитания либо кары для большинства рассматриваемых систем безрезультатны и сводятся только к затрате бюджетных средств и формальной отчетности реализации идеологических установок, свойственных правовой доктрине.

К таким же результатам приведут несистемные попытки разработки реальных форм борьбы с коррупцией в рыночном государстве, борьбы с незаконным оборотом наркотиков в современном индустриальном обществе, борьбы с терроризмом. Современный

исследователь, чтобы не выглядеть оторванным от жизни теоретиком, на первом этапе должен решить проблему целесообразности разработки той или иной подсистемы правовой реальности в рамках цели и задач, действительно, а не декларативно стоящих перед этой подсистемой.

Выводом может служить положение о том, что, проводя исследование той или иной подсистемы правовой реальности, исследователь должен изначально выяснить, какова цель существования данной подсистемы в данном обществе на данном историческом промежутке времени и в конкретных этнокультурных условиях.

С учетом сказанного можно сказать, что для коррекционной и комплексной уголовно-исполнительных систем актуальны психологические исследования. В обществах с коллективной культурой преобладает идея исправления осужденных. Следовательно, основной акцент в психологических исследованиях делается на «выравнивание» психики заключенного и законопослушного гражданина.

С другой стороны, для ротационной уголовно-исполнительной системы актуальны пенитенциарные исследования. В обществах с индивидуальной культурой человек психологически не доверяет окружающим его людям, «делает ставку» на органы государства. Люди договориться друг с другом не могут. В индивидуальной культуре заботу о заключенных берет на себя государство, но оно обязуется только на время изолировать преступников. Государство не берет на себя функцию исправления как доминирующую. Следовательно, основной акцент в пенитенциарных исследованиях делается на «выравнивание» статуса заключенного и законопослушного гражданина.

Сегодня все более настойчиво стали звучать призывы активно внедрять в практику исправительных учреждений психологически обоснованные технологии ресоциализации осужденных. Однако подобные призывы не будут реализованы, пока не будет исследован ряд проблем в рассматриваемой сфере. Трудно провести грань между психологической и пенитенциарной психологией, по сути, имеющими единый объект, а возможно, даже и предмет. И у той и у другой науки в список базовых задач входят исследование и

оценка деятельности пенитенциарных институтов и выработка путей более эффективного достижения целей и задач этих институтов. Однако нельзя соотносить пенологическую и пенитенциарную психологию как часть и целое.

Отличие этих двух областей научного знания определяется также доминирующим массивом заимствованных методов. Если пенитенциарная психология своей материнской наукой может считать криминологию (а через нее науку уголовного права), то специфику генезиса пенологической психологии следует искать в социологических и психологических исследованиях.

Методы, используемые пенологической психологией, тождественны методам общей психологии с поправкой на изучаемый контингент лиц, обладающий психологической, культурной, нравственной спецификой. С учетом сказанного особенности психики лица, отбывающего наказание, далее будем рассматривать в рамках пенологической парадигмы.

Воздействие на комплекс потребностей осужденного: общая характеристика и алгоритм

Если цель наказания – исключительно кара, то она достигается методами недопущения функционирования системы потребностей человека в гомеостатическом режиме. Чем более базовой является потребность, тем более эффективно воздействие на нее с точки зрения кары в «чистом» виде. Намного более сложным является воздействие в процессе наказания, преследующее цели осознания вины осужденным, принятия им новой (более адекватной, социально признанной) этической системы и внутриличностной коррекции в рамках принятой новой этической системы. Понятно, что если подобная цель связана с переосмыслением, с адаптацией, то целевым объектом воздействия выступают Б-потребности как локализованные в области гетеростатической. Однако подобное вероятно, только если В-потребности (витальные, базовые) удовлетворены, т.е. в своем содержании не являются дефицитарными.

Улучшение ряда условий (без сомнения, относящихся к оптимизации удовлетворения осужденным В-потребностей) отбывания наказания осужденными детерминируется не стремлением к гуманизации всего и вся, а рациональностью подхода в создании условий, в которых у осужденных формируется социально приемлемая система ценностей. Повторимся: гуманизация, не важно, предложенная очередным съездом КПСС ранее или очередным сбором правозащитников из Европейского Союза в наши дни, может лишь совпадать с тенденциями научных исследований, но не определять их.

Воздействие на Б-потребности осужденного выражается в стремлении довести до сознания осужденного наличие собственных метапотребностей, заглушенных этическим «террором среды». Технология подобного воздействия аналогична психоаналитической практике доведения до сознания клиента факта наличия и состояния удовлетворенности его витальных, базовых потребностей, а также отработке приемов отслеживания возникновения неосознаваемого психического напряжения в случае их последующей неудовлетворенности. Современная гуманистическая психология исходит из идеи о том, что человеку необходимо жить в красоте, а не в уродстве, поэтому воздействие на осужденного сводится первично к пробуждению его понимания красоты, а потом уже к соотношению содержания содеянного с вновь возникшим пониманием.

Страдания Р. Раскольникова являются идеалом этической метаморфозы преступника именно в силу ее относительно редкой встречаемости в реальной жизни. Что же делать, если подобные этические метаморфозы у осужденного не наблюдаются, а воздействия на латентные метапотребности осужденного малоэффективны вследствие явного несоответствия, к примеру, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, количеству консультантов-психологов гуманистической ориентации? Выход видится в изменении комплекса потребностей осужденного иными методами, с использованием иных приемов, методик и средств, естественно, в стадии реализации не противоречащих существующему законодательству.

Базовыми потребностями человека являются потребности существования. Неудовлетворение потребностей данной группы чревато гибелью индивида: физической или психологической. Человек, фиксирующий свое сознание на неудовлетворенной потребности (например, потребности в воде), как личность исчезает, так как все многообразие психологического сводится к неконтролируемой, животной мотивации. Естественно, речь идет о крайних формах неудовлетворенности потребностей.

К потребностям существования необходимо относить потребности в пище, питье, физической активности, сне, сенсорной стимуляции, существовании в неагрессивной среде (оптимум температуры, давления, содержания газовой смеси для дыхания, достаточности территории существования). Потребности существования являются самыми неотложными и приоритетными, подчиняясь в максимальной степени закономерностям гомеостатического существования. Меры наказания, ставящие целью позитивные трансформации личности осужденного, окажутся неэффективными, если в процессе своей реализации ориентированы на формирование ярко выраженной дефицитной потребности существования. У человека не может возникнуть вышестоящих потребностей при неудовлетворенности потребности существования. Исключением, возможно, являются личности невротического плана, одурманенные какой-либо агрессивной идеологией, которая, как правило, усилена стадным инстинктом. Однако особенности их психического функционирования лежат в плоскости не психологической, а, скорее, психиатрической науки.

Необходимо заметить, что когда говорится о необходимости удовлетворения потребностей существования, речь не идет об удовлетворении их в полной степени. В целях активизации вышестоящих потребностей необходимо обеспечить тот минимум, который отвечает подобной активизации. Излишний комфорт, который осужденный получает, полностью удовлетворив потребности существования (излишним мы называем комфорт, соответствующий или превышающий уровень удовлетворения потребностей, существовавший у осужденного до момента начала наказания,

естественно, если этот уровень комфорта допускает минимально допустимый), делает неактуальной идею внутреннего роста, предполагающего трансформацию потребностной сферы, существующей у человека.

По своей природе потребности в безопасности так же ориентированы на существование, как и предыдущие. Однако ориентация потребностей в данной группе носит характер долговременного существования. Возникновение актуальности удовлетворения потребности безопасности детерминирована удовлетворением потребностей существования. К потребностям безопасности относят: потребности в организации, стабильности, некритичности условий существования, в уверенности существования и реализации правовых норм, норм социальных групп, правил межличностного взаимодействия, в возможности предвидения негативных изменений существования, в отсутствии явно выраженных возможностей прерывания жизнедеятельности и возникновения болезненного состояния.

Человек – не анархическое существо. Идея абсолютной свободы как фактора реального (нефилософского) восприятия окружающего человеку чужда. Отсутствие зависимости неосознанно приводит к осознанию незащитности, так как обязывание всегда происходит со стороны более сильных, социально значимых, адаптированных или опытных лиц.

Потребность человека в безопасности, как одна из ведущих, раскрыта в работе Э. Фромма «Бегство от свободы». Испытывая необходимость в защите долговременного характера, к примеру, участники социальных катаклизмов по истечении определенного времени формируют жестко иерархичные авторитарные государственные образования, наделяя их таким огромным количеством карательных функций, которые несопоставимы с объемом подобных функций у аналогичных государственных органов, существовавших в государстве до революции.

Природа потребностей человека в безопасности носит характер преимущественно гомеостатической системы, поэтому лица, осужденные судом, в процессе отбывания наказания должны быть

помещены в условия, в которых могут быть реализованы рассматриваемые потребности. В рамках процесса наказания необходимо обеспечить формирование и удовлетворение потребностей в безопасности в двух формах: это потребность в безопасности в процессе отбывания наказания и та же потребность, спроецированная на время после отбывания наказания.

Потребности в безопасности в процессе отбывания наказания ориентированы, прежде всего, на недопущение угрозы со стороны социально дезадаптированных лиц, число которых по понятным причинам в окружении осужденного выше среднестатистического. Также сюда необходимо включить меры по обеспечению компенсации в случае реализации рассматриваемой угрозы, например меру, обеспечивающую осужденному (прежде всего, конечно, к лишению свободы) уверенность в реализации потребности в безопасности. Мероприятия по страхованию жизни и здоровья отбывающего подобное наказание значительно оптимизируют состояние внутреннего психофизического состояния равновесия. Мы не говорим здесь об удовлетворении потребности в обязывании осужденного со стороны уполномоченных государством третьих лиц, потому что оно пронизывает весь процесс отбывания наказания.

Потребности в безопасности, спроецированные на время после отбывания наказания осужденного, имеют достаточно выраженную степень вариативности. Естественно, здесь не может быть и речи об уверенности осужденного, что после отбывания срока наказания государство поможет ему в трудоустройстве либо даст какие-либо льготы существования. Естественность данного положения вытекает из неуместности любых «извинительных» форм в отношении осужденного лица, отбывшего наказание за преступление, совершая которое он принизил идею целесообразности существования государства, функцией которого является также функция защиты законопослушных граждан. Только государство, ненавидящее своих законопослушных граждан, будет предоставлять льготы бывшим осужденным за счет первой группы лиц.

Когда мы говорим о реализации у осужденного рассматриваемой потребности, мы имеем в виду создание условий или невоз-

препятствование созданию условий, в которых осужденный за счет своих усилий создает обстоятельства, способствующие его уверенности в будущем. Примерами подобных усилий могут служить создание сберегательных счетов в банке или приобретение новых профессиональных навыков.

Следующий ряд в пирамиде потребностей представлен потребностями принадлежности. Актуальность данного уровня возникает при удовлетворении ранее описанных потребностей. Содержание потребностей принадлежности выражается в необходимости вхождения человека в какую-либо референтную группу. Потребность в принадлежности является развитой формой потребности в безопасности, однако она ориентирована не на избегание страха перед будущим и формирование «круга защитников», а на приискание условий, в которых социальная составляющая личности стремится к эволюции. Потребности принадлежности ориентированы на установление отношений привязанности, первой эмоциональной формы взаимодействия с окружающими.

Потребность в принадлежности имеет не исключительно гомеостатическую природу. Воздействие на реализацию данной потребности не является чреватым для жизни и здоровья осужденного лица. Однако необходимо учитывать, что в силу дискретности гомео-гетеростатических отношений крайние формы воздействия на рассматриваемую потребность допустимы только в течение незначительного времени. В противном случае, ввиду отсутствия фактора гомеостаза, подобное может привести к нервному срыву, результатом которого является фиксация человека на реализацию потребностей в безопасности за счет вышестоящих потребностей.

В процессе наказания комплекс потребностей в принадлежности у осужденного представлен двумя относительно самостоятельными блоками.

1. Потребность в принадлежности к микросоциальным образованиям. Удовлетворение данной потребности более актуально на первоначальном этапе отбывания наказания. Данная потребность носит преимущественно гомеостатическую природу, поэтому в

рамках воздействия необходимо ориентироваться на удовлетворение данной потребности, не допуская (разве что в рамках специфики индивидуально личностного воздействия) перехода этой потребности в группу неудовлетворенных. Данная потребность удовлетворяется, если формировать коллективы осужденных по принципу психологической дополняемости. Неосознанное удовлетворение данной потребности находит отражение в традициях криминального шансона, одна из магистральных идей которого выражается в том, что несправедливо оторгнутый от общества осужденный попадает в большую семью таких же несправедливо обиженных лиц.

2. Потребность в принадлежности к макросоциальным образованиям. Понятно, что актуальность удовлетворения данной разновидности потребности в принадлежности повышается в процессе отбывания наказания. Природа описываемой потребности ориентирована на принцип гетеростаза, поиск более оптимальных форм функционирования (эволюционного вектора). Следовательно, в рамках воздействия на осужденного мы можем создавать условия, детерминирующие как дефицитарность, так и профицитарность удовлетворения данной потребности. Реализация рассматриваемой потребности прежде всего включает факт обладания информацией о жизнедеятельности группы, к которой человек стремится принадлежать. Непосредственные контакты с представителями социальной группы, в отношении которой существует потребность в принадлежности, кратко- и долговременные, являются способом удовлетворения потребности принадлежности к макрогруппам.

Следующий уровень потребностей представлен потребностями в любви. Данная потребность по сравнению с ранее рассмотренной представляет собой качественно новое образование. Потребности в любви базируются на необходимости реализации эмоциональной гаммы человека. Эмоциональный мир человека представлен широким спектром реакций и переживаний. В ходе удовлетворения потребности в любви человек актуализирует достаточно сложные образования эмоционального спектра. В силу этого потребность в любви относят к потребностям эволюционной, гетеростатической

природы, а значит, такая потребность может эффективно выступать в качестве объекта воздействия.

Формирование или стимуляция потребности в любви у осужденного с последующим определением степени разрешаемой реализации данной потребности – вот содержание воздействия на рассматриваемый структурный блок иерархической системы «потребности человека».

Потребность лица в уважении представлена в следующем уровне потребностей человека. Потребность в уважении у человека дифференцируется на два относительно самостоятельных блока: потребность самоуважения и потребность уважения другими.

Уважение человека другими лицами базируется на понимании и чувствовании того, что окружающие лица признают адекватность социального статуса развитию внутреннего мира человека и в идеале в той или иной степени полагают, что некоторые свойства человека могут быть эталонными для них.

Игнорирование, неудовлетворение потребности в уважении приводит к возникновению комплекса неполноценности, а самое главное – к осознанию бессмысленности последующего, а может быть, и предыдущего психологического эволюционного движения. Защитной реакцией человека на непризнание его окружающими, как правило, является формирование установки о непонимании лица в силу природной глупости окружающих, что приводит к полярности восприятия многих социальных групп и социальных институтов. Полярность восприятия является одним из условий перехода данной и нижестоящих потребностей в режим гомеостаза, исключающий возможности коррекции личности осужденного.

Потребности уважения, выражающиеся в осознании и чувствовании своей действительной, а не статутной значимости, изначально присутствуют у всех людей, но удовлетворены далеко не у каждого. Исходя из этого следует сделать вывод, что перед непосредственным воздействием на данную потребность необходимо повысить осознание ее актуальности и степени реализации у осужденного лица.

Финальный уровень потребностей представлен потребностями развития, которые называются также потребностями самоактуализации. Их содержанием является стремление к максимальному использованию собственного потенциала. Процесс самоактуализации подчинен законам гетеростаза, однако актуализировать личность со стороны невозможно, актуализация проистекает исключительно по воле самого лица. Этим потребность в самоактуализации отличается от потребности в уважении.

Идея труда в процессе отбывания наказания в наши дни медленно подвергается научному остракизму. Однако неэффективность в процессе отбывания наказания показал труд нетворческий, не предполагающий индивидуального подхода к осужденному, а подобный остракизм в большей степени объясняется российской ментальностью, характеризующейся тенденцией к огульному отвержению всего достигнутого при наступлении периода изменения социальной парадигмы.

Потребности человека носят преимущественно или гомеостатическую (тенденция достижения гармонии), или гетеростатическую (тенденция к достижению возможности эволюционного развития) природу. В рамках процесса наказания, ориентированного на изменение личности осужденного, воздействие на гомеостатические потребности нецелесообразно, так как их дефицитарность и профицитарность не приводят к актуализации более сложных потребностей, являющихся условием желаемой, социально приемлемой трансформации личности осужденного. Гомеостатические потребности должны быть удовлетворены в объеме, необходимом для возникновения потребностей более высоких уровней.

Гетеростатические потребности по природе своей предполагают возможность трансформации личности, однако их необходимо развить у осужденного лица до уровня, необходимого для воздействия. Сформированные и ставшие актуальными гетеростатические потребности являются объектом целевого воздействия, направленного на трансформацию личности. Формами воздействия могут быть как стимулирование сформированных рассматриваемых потребностей, так и их угнетение.

Тревожность как основа переживаний осужденного лица и как результат лишения потребностей

Рассмотрев общие вопросы природы потребностей осужденного, перейдем к изучению процесса воздействия на них в целях, которые стоят перед наказанием. Содержание данного процесса является отражением логических связей между:

- определением комплекса потребностей осужденного;
- задействованием мер по трансформации либо модификации потребностей осужденного;
- созданием состояния дефицитарности значимых потребностей у осужденного;
- формированием тревожности на основе данного состояния;
- управлением тревожностью в целях вариации состояний и степени проявления вины у осужденного.

Первые три пункта мы рассмотрели ранее, в этом разделе раскроем содержание этапа по формированию состояния тревожности у осужденного лица.

Логика воздействия на осужденного в процессе отбывания наказания определяется, очевидно, комплексом причинно-следственных связей между существующими у него потребностями и таким состоянием осужденного, в котором наиболее эффективно создается или усиливается состояние вины.

Личность – крайне сложное эволюционное образование, наделенное высокоразвитой способностью субъективного восприятия мира. Реальность существующая и реальность, воспринимаемая человеком, различаются, порой весьма радикально.

Напомню, что отношение – это целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, которая выражает ее собственный опыт, внутренне определяет ее действия и переживания.

Частным примером отношений в контексте рассматриваемой проблемы выступает отношение осужденного к наказанию за совершенное преступление. Отношение к преступлению мы определя-

ем как целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности, совершившей преступление и несущей за него наказание, с претерпеванием самого наказания, выраженную в аффективно-когнитивной структуре, где когнитивной частью представлены убеждения, опыт, ценности и другие продукты мышления, связанные с данным объектом аффективным компонентом.

При этом отношение к преступлению является результатом, продуктом целой системы отношений, установок, убеждений, жизненных позиций, самооценки, содержания «Я-концепции», т.е. одним из результатов продуцирования психического, и его нельзя рассматривать статично, поскольку речь идет о постоянно изменяющемся процессе жизнедеятельности человека.

Структура отношения к наказанию состоит из вины, переживаемой (не переживаемой) за свое преступление, и отношения к самому преступлению.

Сказанное наглядно демонстрирует субъективность отношения как психического образования. Естественно, в целях оптимизации наказания, повышения его эффективности нельзя оставлять процесс формирования отношения к наказанию у осужденного бесконтрольным.

Редко говорится о том, что осознание вины за содеянный деликт у осужденного – процесс неопределенный. Дело в том, что любой человек склонен рационализировать свои суждения об окружающем мире и о себе, оправдывая себя. Подобное является отражением одного из видов неосознанной психической защиты, направленной на избегание повышения напряженности в бессознательном. Таким образом, неосознание вины является нормальным с точки зрения механизмов психической защиты человека; данный тезис находит многочисленные подтверждения в идеях, отраженных в лирических произведениях криминальной субкультуры.

Соответственно, формирование круга отношений осужденного к наказанию целесообразно проводить, подвергнув метаморфозам его личностные особенности, сделав его более внушаемым. Подобное достигается в процессе формирования у осужденного такой характеристики, как тревожность.

Тревожность как психическое понятие. Эмоциональные и чувственные реакции человека представляют собой психическое отражение реальной действительности, реализуемое в форме переживаний. К.Э. Изард предложил дифференцировать эмоциональные реакции на две группы: фундаментальные и производные. К фундаментальным исследователь относит интерес-волнение, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вину.

Остальные эмоционально-чувственные проявления личности К.Э. Изардом отнесены к производным. Из соединения фундаментальных эмоций образуется такое комплексное эмоциональное состояние, как тревожность, которая может сочетать в себе и страх, и страдание, и вину, и волнение.

Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельности личности. У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности – это так называемая адекватная тревожность. Сама способность оценки человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля. Таким образом, подобная способность выступает своеобразным индикатором адекватности мировосприятия лица внешней обстановке существования. Повышенный или пониженный уровень тревожности является субъективным проявлением неблагоприятия психического в личности.

Проявления тревожности в различных ситуациях неодинаковы. В одних случаях люди склоны вести себя тревожно всегда и везде, в других они обнаруживают свою тревожность лишь время от времени, в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Тревога как состояние, в котором пребывает личность, соотносится по своей эмоциональной окраске с субъективно негативными ощущениями внутреннего психического дискомфорта, негативным восприятием реальности и себя в ней, пессимистической установкой. Физиологической характеристикой тревожности как состояния является активизация автономной нервной системы. Обусловленность генезиса состояния тревоги характеризуется

восприятием личностью определенного объекта или ситуации как несущей потенциальную опасность для его существования (физического, психического, морально-нравственного и т.д.). Соответственно, в течение относительно недолгого времени (как свойства, характерного для всех психических состояний) проявление тревоги может изменяться по степени проявления.

К пониманию тревоги как состояния близко понимание так называемой «ситуационной тревожности», несмотря на некоторое отличие постановки познавательного акцента. Ситуативно изменчивые проявления тревожности именуют ситуативными, а особенность личности, проявляющей такого рода тревожность, обозначают как «ситуационная тревожность». Указанное состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Подобное состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разным по интенсивности и динамичным (но относительно недолговременным) во времени.

Тревога как психическое свойство более адекватна термину «тревожность», в значительно большей степени является устойчивым во времени образованием. Характерологическая природа тревожности выражается в склонности личности повышено часто переживать состояние тревоги, что приводит к возникновению в структуре личности тревожности как ее черты, т.е. к образованию малоконтролируемого, в определенной степени автономного от волевых усилий контроля субъективного ощущения внутреннего напряжения.

Ситуативно-устойчивые проявления тревожности принято называть личностными и связывать с наличием у человека соответствующей личностной черты (так называемая «личностная тревожность»). Это устойчивая индивидуально-психологическая характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать неадекватно широкий спектр ситуаций как угрожающий, формируя на каждую из них специфическую реакцию. Как предрасположенность, личностная тревожность активизируется при восприятии

определенных стимулов, расцениваемых человеком, как опасные, связанные со специфическими ситуациями угрозы его престижу, самооценке, самоуважению.

Материя, исследуемая нами, сегодня ориентирует на необходимость изучения долговременных личностных проявлений, поэтому акцент мы сделаем на тревожности как свойстве (личностной тревожности).

Личности, относимые к категории высокотреховных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма напряженно, выраженным состоянием тревожности.

Поведение людей с повышенной тревожностью в деятельности, направленной на достижение успехов, имеет следующие особенности:

1. Высокотреховные люди хуже, чем низкотреховные, работают в стрессовых ситуациях или в условиях дефицита времени, отведенного на решение задачи.

2. Личностная тревожность предрасполагает индивида к восприятию и оценке многих объективно безопасных ситуаций, как таких, которые несут в себе угрозу.

3. Высокотреховные индивиды эмоционально острее, чем низкотреховные, реагируют на сообщения о неудаче.

4. Опасение неудачи одновременно с ожиданием ее – черта, характерная для высокотреховных людей. Это опасение у высокотреховных лиц доминирует над стремлением к достижению успеха.

5. Мотивация достижения успехов преобладает у низкотреховных людей. Обычно подобная мотивация доминирует над опасением возможной неудачи.

6. Для высокотреховных людей большей стимулирующей силой обладает сообщение об успехе, чем о неудаче.

Деятельность человека в конкретной ситуации зависит не только от самой ситуации, наличия или отсутствия у индивида личностной тревожности, но и от ситуационной тревожности, возникающей у данного человека в данной ситуации под влиянием складывающихся обстоятельств.

Воздействие сложившейся ситуации, собственные потребности, мысли и чувства человека, особенности его тревожности как личностной тревожности определяют когнитивную оценку им возникшей ситуации. Эта оценка, в свою очередь, вызывает определенные эмоции. Информация обо всем этом передается в кору головного мозга человека, воздействуя на его мысли, потребности и чувства.

Аналогичная когнитивная оценка ситуации одновременно автоматически вызывает реакцию организма на угрожающие стимулы, что приводит к появлению контрмер и соответствующих ответных реакций, направленных на понижение возникшей ситуационной тревожности. Итог всего этого непосредственно сказывается на выполняемой деятельности. Данная деятельность находится в непосредственной зависимости от состояния тревожности, которое не удалось преодолеть с помощью предпринятых ответных реакций и контрмер, а также адекватной когнитивной оценки ситуации.

Таким образом, деятельность человека в порождающей тревожность ситуации непосредственно зависит от силы ситуационной тревожности, действенности контрмер, предпринятых для ее снижения, точности когнитивной оценки ситуации.

Выделяют следующие виды тревожности:

– Нерегулируемая осознаваемая тревожность – сильная, проявляемая через внешние поведенческие признаки форма тревожности. Состояние тревожности четко осознается человеком, в определенной степени осознаются и факторы, ее вызвавшие.

– Регулируемая, компенсируемая тревожность – форма тревожности, неосознанно маскируемая под определенные модели поведения. Носители данного вида личностной тревожности испытывают сильный дискомфорт от ее присутствия и желают от нее избавиться.

– Культивируемая тревожность – данная разновидность тревожности воспринимается ее носителем как нечто ценностное для него, как способ реализации индивидуально-психологических особенностей личности. Отметим, что данная форма тревожности наименее подвержена коррекции в сторону уменьшения, так как ее носитель видит выгоду в присутствии у себя тревожности.

Вышеперечисленные формы тревожности примерно равномерны по встречаемости. Различные степени осознанности тревожности характерны для всех ее видов, но одновременно с этим необходимо отметить, что элемент неосознаваемого, как бы мал он ни был в отдельных случаях, приводит к стремлению человека (также неосознанному) избавиться от личностной тревожности. Попытки неосознанно избавиться от тревожности приводят к появлению стихийно образуемых способов ее компенсации. Таким образом, действие защитных механизмов психики отрабатывает поведенческие модели преодоления тревожности. К подобным моделям целесообразно отнести уход в болезнь, агрессивность, зависимость, апатичность, уход в фантазии.

Если в ходе отбывания наказания мы ставим цель обеспечить определенный уровень страданий за содеянное у осужденного лица, необходимо раскрыть вопрос о динамике тревожности как показателя страдания осужденного, а также определить механизм возможного понижения у него тревожности и усилия, предпринимаемые им в целях уменьшения степени переживания страданий.

Тревожность как процесс и его регулирование. При любом нарушении сбалансированности «человек–среда» недостаточность психических или физических ресурсов индивидуума для удовлетворения актуальных потребностей, рассогласование самой системы потребностей, опасения, связанные с вероятной неспособностью реализовать значимые устремления в будущем, а также с тем, что новые требования среды могут обнаружить несостоятельность, являются источником тревоги.

Любое психическое образование личности в своем проявлении занимает положение между психической нормой и психической патологией. Принципиальное разделение личностной тревожности на нормальную и патологическую привело к выделению многочисленных промежуточных зон: нормальная тревожность, невротическая тревожность, психотическая тревожность. Однако по своей сути и механизму образования тревожность выступает как единый феномен, содержательно независимый от внешних форм выраженности. Нормальная тревожность может приобрести пато-

логический характер при неадекватной усиленности, генерализации или стимульной локализации.

Страдание как содержательная сторона наказания предполагает проявление у осужденного лица тревожности, однако не в калечащих его личность формах. То есть целям наказания соответствует поддержание уровня тревожности у осужденного на таком уровне, который предполагал бы претерпевание лицом определенной степени страданий, но не разрушал бы целостность его личности, а также не позволял бы осужденному адаптироваться к данному страданию (на рис. 3 показаны три варианта развития тревожности у человека, пунктиром выделена условная область целесообразного страдания осужденного в целях наказания).

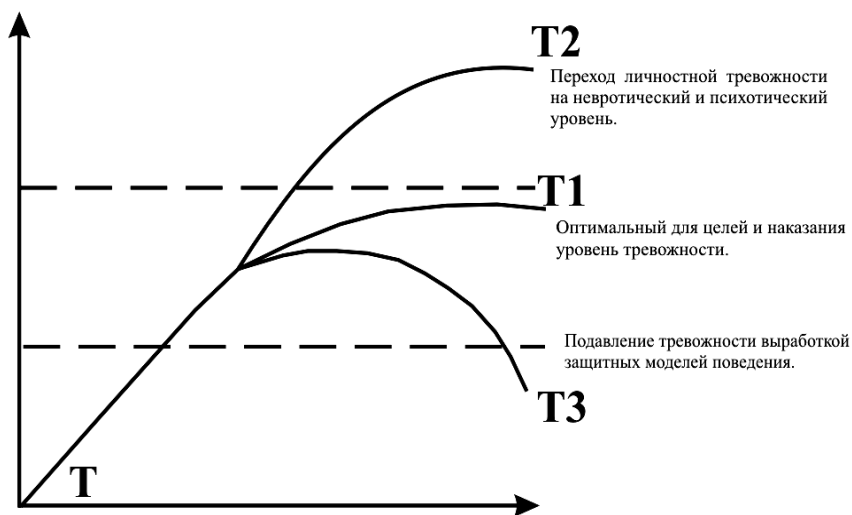

Рис. 3. Варианты развития тревожности у человека

Способы недопущения перехода тревожности на невротический и психотический уровень (T–T2) прекрасно представлены в современной психологической науке. Методиками, направленными на стабилизацию подобного личностного свойства у человека (возврат тревожности с формы T–T2 на уровень T–T1), владеют подавляющее большинство психологов, работающих в пенитенци-

арных учреждениях. Это неудивительно, ведь само существование традиционной психологической науки направлено на улучшение состояния человека, мобилизацию его творческих способностей. Однако существование самого института наказания предопределено нахождением в социуме определенной группы лиц, которые радикально отличаются от иных членов социума, поэтому государство берет на себя неприятную обязанность причинить им определенный спектр страданий за содеянные деликты; психологическая же наука обязана разработать способы достижения подобной цели.

Именно это обстоятельство актуализирует необходимость разработки методов недопущения в процессе отбывания наказания развития тревожности у осужденного по схеме Т–ТЗ (подавление тревожности осужденным в процессе выработки защитных поведенческих моделей), возвращая подобную тревожность в режим Т–Т1 (проявление оптимальной для целей наказания тревожности). Учитывая стрессовую природу тревожности, рассмотрим некоторые аспекты природы стресса вообще в целях выработки рекомендаций по поддержанию тревожности осужденного на желаемом уровне.

Тревожность как форма стресса. Родившись в результате серии психофизиологических исследований, концепция канадского ученого Г. Селье оказала большое влияние на различные направления наук о человеке. Названный автор определил стресс как неспецифическую реакцию организма на любое предъявленное ему требование.

С точки зрения стрессовой реакции не имеет значения, приятна она или неприятна, – важна лишь интенсивность потребности в перестройке или адаптации. Г. Селье продемонстрировал, что процесс приспособления не зависит от характера раздражителя или степени его проявления. Еще исследования В. Кеннона в конце 20-х гг. XX в. показали, что организм вообще и психика в частности стремятся обеспечить постоянство уровней функционирования всех своих систем, т.е. стремятся к гомеостазу. Когда же возникают новые, нестандартные условия, происходит перестройка, кото-

рая через цепь преобразований восстанавливает прежнее равновесие, но уже на другом уровне.

Р. Лазарус, развивая учение о стрессе в 1970 г., доработал концепцию, согласно которой разграничиваются физиологический стресс (связанный с реальным раздражителем) и психический (эмоциональный) стресс, при котором человек оценивает предстоящую ситуацию как психотравмирующую.

Совокупность психических и соматических проявлений в организме при стрессовых ситуациях получила название общего адаптационного синдрома и делится на три стадии развития.

1. Реакция тревоги, во время которой сопротивление организма понижается, а затем включаются защитные механизмы. Данная стадия образно отождествляется некоторыми исследователями с детством, для которого характерны низкая сопротивляемость и чрезмерная реакция на внешние раздражители. На данной стадии в психике возникают сигналы о несбалансированности стрессовых факторов и ответов организма на них, что приводит к мобилизации потенциала организма.

2. Стадия сопротивления, когда напряжением функционирования систем достигается приспособление организма к новым условиям. Данная стадия условно отождествляется с периодом зрелости человека, для которого характерны адаптация к наиболее частым раздражителям и увеличение потенциала сопротивляемости психики.

3. Стадия истощения, в которой выявляется несостоятельность защитных механизмов и нарастает нарушение согласованности жизненных функций, ассоциируется со старостью вследствие типичности проявления потери приспособляемости. На данной стадии в психике возникают упомянутые сигналы о несбалансированности стрессогенных факторов и ответов организма на них, однако мобилизации не происходит ввиду истощенности психики.

Оценка ситуации как угрожающей вызывает эмоции и такую же адаптационную перестройку в организме, как и любой другой внешний раздражитель. Но если при физиологическом стрессе перестройка наступает при встрече с раздражителем, то при психи-

ческом стрессе адаптация наступает заблаговременно и предшествует ситуации. И если прогноз человека был неверен и наступившие изменения не являются адекватными наступившей ситуации, то это может привести к усилению стресса, так как сила его удваивается.

Стрессовые ситуации делятся на кратковременные, когда активизируются программы реагирования, которые в человеке всегда «наготове», и длительные, которые требуют адаптационной перестройки функциональных систем человека, иногда субъективно напряженной и подчас вредной для его здоровья. При наличии определенных условий возможен переход кратковременных стрессов в длительные. Повторяющиеся экстремальные условия могут стать причиной длительного стресса. Адаптация к таким факторам возможна, если организм человека успевает мобилизовать глубинные ресурсы психики, способствующие адаптации. Основными причинами длительных стрессов могут быть периодически повторяющиеся отрицательные воздействия (долгая изоляция, усталость, страх, вина, безнадежность).

Каждый человек реагирует на события в соответствии со своей интерпретацией внешних стимулов, которая зависит от его индивидуально-психологических особенностей. Повышенная эмоциональная возбудимость, тревожность, невротичность приводят к тому, что человек порой реагирует на слабый раздражитель так же, как если бы он попал в экстремальную ситуацию.

Стабилизировать стресс, поддерживая его на определенном желательном для поставленных целей уровне, возможно двумя способами.

Способ первый. Усиление стрессового фактора либо варьирование быстроты его возникновения (чем неожиданнее стрессовый фактор, тем меньше вероятность мобилизации психики человека). Подобное воздействие быстро формирует тревожность как личностное свойство, однако степень переживания человека, подвергающегося стрессу такой силы, растет со скоростью, которая не гарантирует успешности возможного манипуляционного вмешательства в случае выхода переживания человека за пределы, детерми-

нированные его потенциальным волевым порогом. Возможная неконтролируемость результатов развития стресса по рассматриваемой схеме приводит к нецелесообразности использования его в рамках решения задач наказания.

Способ второй. В целях недопущения адаптации психики осужденного к стрессу, одновременно не задействуя опасные для психики последствия стрессовой ситуации, возможно варьирование ряда различных стрессоров невысокой силы. Целесообразность использования данного способа для поддержания психики в стрессовом состоянии в целях порождения и поддержания определенной степени тревожности, желательной для конкретного вида наказания, нам видится в следующем.

Общий адаптационный синдром в стадии сопротивления реализуется в силу включения у человека механизмов адаптации по истечении определенного времени, необходимого на данную адаптацию.

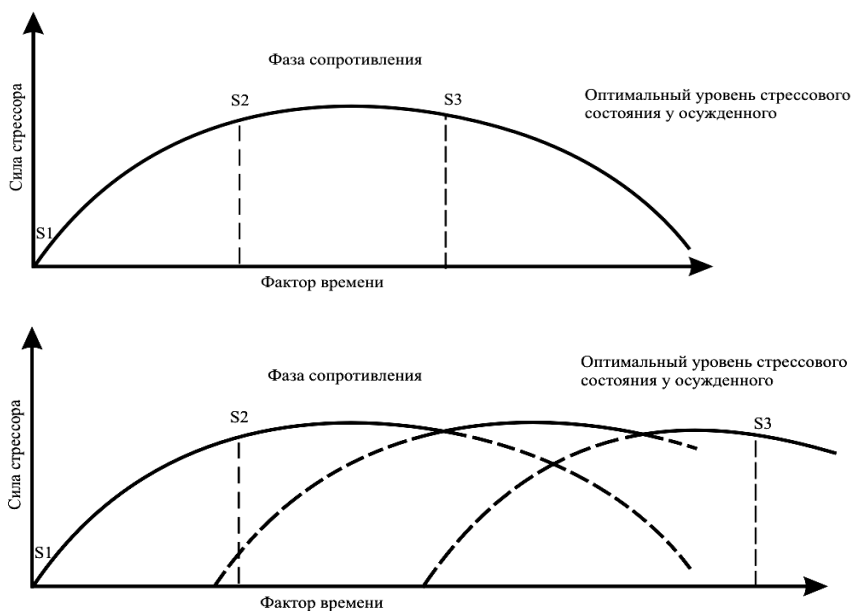

Рис. 4. Поддержание оптимального уровня стресса путем введения дополнительных стрессовых факторов

Соответственно, если мы вводим дополнительный стрессовый фактор в момент, когда идет адаптация к первоначальному стрессору, то ко времени конечной адаптации к первому стрессору включается стадия сопротивления применительно ко второму стрессовому фактору. По той же схеме мы вводим третий, четвертый и последующие факторы (рис. 4). Естественно, ввиду того что психическая энергия человека не бесконечна и во время адаптации ко второму стрессору потенциал его сопротивления падает, необходимо соблюдать правило угасания силы стрессора, представляя последующие стрессовые факторы обстоятельствами и мероприятиями, менее сильными, чем первоначальные.

Все сказанное ранее можно свести к следующим тезисам:

1. Человек – крайне сложное эволюционное образование, наделенное высокоразвитой способностью субъективного восприятия мира. Взаимосвязь человека и реальности реализуется посредством такого психического проявления, как отношение. Отношение связывает человека не столько с внешними сторонами явлений, сколько с самими явлениями. Не существует оптимального вида наказания для всех преступников, эффективность наказания зависит от отношения человека к нему, подобное отношение базируется на прошлом опыте осужденного. Эмоции выступают своеобразным фоном, на котором существуют отношения, следовательно, они выступают оптимизатором воздействия на личность осужденного в процессе отбывания наказания.

2. Сочетание эмоционально-чувственных реакций человека в целях наказания реализуется формированием у осужденного тревожности путем создания определенных (лично-актуальных) дефицитарных потребностей. В процессе формирования у осужденного тревожности усилия воздействия акцентированы на создании личностной тревожности (проявление тревоги как психологического свойства). Личностная тревожность, выступая в различных формах, характеризуется, прежде всего, протяженностью во времени. Выделены признаки личностной тревожности, целесообразный объем которых варьирует в зависимости от вида назначенного осужденному наказания.

3. Контроль оптимальности проявления осужденным тревожности выражается в недопущении перехода оптимальной для наказания тревожности:

– в тревожность невротическую и психотическую (т.е. выше необходимого уровня);

– в подавленную тревожность вследствие выработки осужденным защитных поведенческих моделей (т.е. изменение тревожности ниже необходимого уровня).

4. Тревожность имеет стрессовую природу. Соответственно, для тревожности характерны формы и приемы регулирования стрессового состояния. Способность к психическому регулированию у человека предопределена наличием адаптационных механизмов к стрессогенным факторам, что в конечном счете уменьшает элемент страданий осужденного лица, которые связаны с отбыванием наказания, делая последнее неэффективным. Выделяется три фазы адаптации к стрессу: реакция тревоги, во время которой сопротивление организма понижается, а затем включаются защитные механизмы; стадия сопротивления, когда напряжением функционирования систем достигается приспособление организма в соответствии с новыми условиями; стадия истощения, в которой выявляется несостоятельность защитных механизмов и нарастает нарушение согласованности жизненных функций.

В процессе оптимизации степени страданий осужденного целесообразно ориентироваться на третью фазу стресса ввиду возможных негативных для целостности психики осужденного последствий. Делая акцент воздействия на вторую фазу адаптации к стрессу, мы варьируем различные стрессоры средней величины вместо усиления какого-либо одного стрессора, что, повторимся, чревато негативными последствиями для осужденного.

Определив степень воздействия в целях поддержания у осужденного оптимального для целей наказания уровня тревожности, рассмотрим природу того образования, которое является наиболее ярким проявлением тревожности, – вину.

Содержательная характеристика понятия «вина» и ее значение в пенеологических исследованиях

Уголовно-правовое понимание вины предопределено потребностью регулировать соответствующие отношения в целях отправления правосудия. Однако природа вины представлена не столько уголовно-правовой составляющей, сколько составляющей личностной, психологической. Учитывая сказанное, необходимо остановиться на феномене вины более подробно в рамках психологического подхода. Это обусловлено тем, что воздействие, которое оказывает наказание на личность человека, его правомерность целиком и полностью связаны с моментом переживания вины, возникающей в связи с противоправным деянием. Долгое время в литературе идет дискуссия по поводу того, чем является для заключенного наказание: принуждением, репрессией или карой.

Ранее мы уже говорили, что феномен наказания рационально рассматривать в рамках одного из трех качественно различных базовых подходов, так как по своей сути они не полярны, а разновекторны. В основном выдвигаются две противоположные точки зрения: одни авторы полагают, что наказания представляют собой только репрессию и ничего, кроме мучения, под собой не имеют; другие считают, что функцией наказания является воздаяние, которое содержит в себе элементы принуждения, но целью наказания являются восстановление социальной справедливости и исправление осужденного.

Решение указанных задач возможно, если осужденный испытывает переживания несправедности совершенного, в противном случае действие механизма психической рационализации приведет к самооправданию лица, совершившего преступление. Рассматриваемые переживания детерминированы содержанием когнитивных структур совести. Именно они ответственны за возникновение криминального инсайта – осознания справедливости и адекватности кары за совершенное преступление, что ведет к переоценке

взглядов, антагонистичных тем, которые образуют правопослушное поведение.

Прежде всего необходимо отметить, что в процессе формирования аффективно-когнитивных структур совести, детерминирующих феномен вины, как и в процессе становления сложных аффективно-когнитивных поведенческих паттернов нравственности, главнейшую роль играет именно вина – необходимейшая из всех эмоций.

Каждое социальное образование имеет свои нормы морали и этические принципы, формирующие условные сигналы вины, которые предписываются стандартами поведения и внушаются подрастающему поколению. Вина представляет собой обвинение себя самого с точки зрения своей эталонной группы.

Несмотря на то, что ученые еще не пришли к согласию относительно природы эмоций, теоретические и практические достижения позволяют нам пользоваться теорией дифференциальных эмоций. Данный подход характерен тем, что эмоциональные проявления и состояния представлены не в континууме категорий «приятное–неприятное», «гомеостатичное–гетеростатичное», а характеризуют свойства и функции каждой отдельно взятой эмоции, а также особенности отношений между различными эмоциями и их взаимодействие.

По мнению К.Э. Изарда, эмоция – это нечто, переживаемое как чувство, одновременно мотивирующее, организующее и направляющее восприятие, мышление и действия. Эмоция – это сложный феномен, включающий в себя нейрофизиологический, двигательно-экспрессивный и чувственный компоненты. Процесс взаимодействия компонентов, в результате которого возникает эмоция, является результатом эволюционно-биологических процессов. Так, у человека особенности переживания и выражения гнева являются врожденными, панкультурными и универсальными.

Когда эмоция возникает как отклик на конкретный ментальный образ, будь то символ, понятие или мысль, можно говорить о возникновении связи между чувством и мыслью, или о формировании аффективно-когнитивной структуры.

В качестве аффективного компонента может выступать отдельная эмоция либо эмоциональный паттерн, а когнитивный компонент складывается из сети образов, представлений и символов, связанных с этими эмоциями. Аффективно-когнитивные структуры могут приобретать характер личностной черты.

Эмоция в сознании может быть представлена очень слабо, и ее влияние может быть почти неуловимым, но это влияние присутствует постоянно, оно проявляется в трансформации когнитивных процессов или даже в конкретных действиях.

Теория дифференциальных эмоций утверждает, что эмоция может существовать в сознании независимо от когнитивных процессов, и именно поэтому человек может реагировать эмоцией, не осознавая и не обозначая ее как таковую. Аффективная и когнитивная системы выполняют разные функции и могут функционировать до некоторой степени независимо друг от друга. Так, эмоции дают возможность человеку мгновенно реагировать на стимул, руководствуясь лишь сенсорикой, информацией или на основе процесса восприятия. Затем включаются когнитивные функции логического анализа и планирования.

Таким образом, вина как эмоция влияет на процессы восприятия, мышление, поведение человека.

Для возникновения чувства вины необходимо принятие личностью внешних стандартов поведения. Диктуемые стандарты поведения переходят из разряда внешних в разряд внутренних. Однако это не простое их принятие и заучивание, а интернализация на основе опыта, включающего их в свою систему ценностей. По сути, человек становится хранителем этих норм, они уже часть его мировоззрения. Он несет ответственность за свои поступки в первую очередь перед собой и поэтому чувствует себя виноватым, если его поведение не соответствует усвоенным им нормам.

Необходимо также оговориться, что система ценностей и стереотипы поведения у каждого различны. Хотя они формируются и преподносятся окружающей средой, но процесс их интернализации может как наступить, так и не наступить. Мы здесь сталки-

ваемся с влиянием социального на биологическое, которое и формирует личность в конечном результате.

Уже говорилось, что вина представляет собой обвинение себя самого с точки зрения своей ЭТАЛОННОЙ группы. Выделенный фактор на первый взгляд принципиальным не является, однако необходимо учитывать, что воздействие на личность происходит преимущественно со стороны не всего общества, а лишь микросоциума, того небольшого количества референтных групп, которые взаимодействуют с личностью. Соответственно, личность ориентируется не столько на морально-этические императивы общества, сколько на нормы поведения, которые разделяются членами референтной группы. Исследования криминологов давно продемонстрировали неблагоприятные социальные корни современной преступности, поэтому осужденный будет переживать состояние вины, если совершенное им противоречит морально-этическим стандартам его референтной группы. Подчас же подобные стандарты резко отличаются от общепринятых, и, как следствие, переживание вины осужденным становится скорее исключением, чем правилом.

На основе изложенного можно утверждать, что переживание осужденным чувства вины зависит от того, насколько криминальной является микрогруппа, в которой осужденный отбывает наказание. Учитывая понятный уровень принятия криминальных установок в коллективе осужденных, следует поставить под большое сомнение вероятность переживаний эмоций вины осужденным, не находящимся в одиночном заключении, что на данный момент организационно реализовать невозможно. Единственное возможное решение (насколько возможно вообще существование какого-либо решения в столь патовой ситуации) заключается в формировании коллектива осужденных на основе тождественности тяжести совершенных преступлений.

Преступая норму, человек обречен на наказание – реальное или предвосхищаемое, внешнее (страх) или внутреннее (вина). Человек неминуемо наносит себе вред, преступив интернализированный стандарт. Следует отметить, что если человек, знакомый

с социальным запретом, который тем не менее он не признает, преступает подобный запрет, то чувства вины он, скорее всего, испытывать не будет, чего нельзя сказать о чувстве страха. Таким образом, субъективное переживание в виде страха наказания за совершенное (как в виде государственного осуждения, так и в виде осуждения членами социума) предопределяет в определенной степени психическое переживание факта нарушения запрета и факта наказания за подобное нарушение.

Д. Осьюбел (1955) не указывал прямо на биологические механизмы вины, однако утверждал, что эта, по сути, очень человеческая эмоция лежит в основе развития и уничтожения социальных норм и потому с неизбежностью представлена во всех культурах. Названный ученый выделил три психологические предпосылки развития вины:

- принятие общих моральных ценностей;
- интернализация этих ценностей;
- способность к самокритике, развитая настолько, чтобы воспринимать противоречие между реальным поведением и интернализированными ценностями.

К.Э. Изард утверждал, что «неверный поступок может вызвать стыд, но в том случае, когда поступок осознается неверным не вообще, а только в связи с чувством поражения, несостоятельности, неуместности. Если человек, нарушивший нормы, испытывает стыд, то, скорее всего, потому, что ему не удалось скрыть свой поступок. Стыд в данном случае нужно рассматривать как результат повышенного самосознания, вызванного разоблачением неверного поступка».

В основе стыда лежит осуждение извне, поскольку данный поступок не нарушает внутреннюю норму. В противоположность стыду вина не зависит от реального или предполагаемого отношения окружающих к поступку. Переживание вины сопрягается с самоосуждением, снижением самооценки, раскаянием. Вина возникает в ситуациях, связанных с чувством ответственности. Существует тесная взаимосвязь между чувством ответственности и порогом вины: поводом для стыда, как правило, становятся дей-

ствия окружающих, для вины, напротив, собственные действия человека или неспособность к действиям. Несмотря на то, что стыд и вина очень похожи и нередко их можно спутать, мы видим очевидность различий этих эмоций и дальнейших поступков.

Если стыд, испытываемый за действие или бездействие, не вызывает раскаяния, и наказание воспринимается как досадная ошибка, то вина вызывает необходимость исправить содеянное, и в этом случае наказание воспринимается как благо.

Специфическая функция вины заключается в том, что она стимулирует человека исправить ситуацию, восстановить нормальный ход вещей, и именно только это избавляет от внутреннего конфликта.

Вина неотделима от ответственности, принимаемой за данный поступок, вернее, принятие ответственности за содеянное и порождает данную эмоцию, происходит принятие ответственности не только за реальный вред, за последствия, но и за само нарушение внутренней нормы.

Эмоцию вины как таковую или эмоциональный паттерн, включающий в себя переживание вины, можно рассматривать как личностную черту или комплекс личностных черт. Это положение подтверждено теоретическими и эмпирическими исследованиями. Вину можно определить в терминах индивидуального порога вины либо как предощущение наказания за нарушение усвоенных норм. Вина исполняет функцию регулятора поведения, предупреждает о неправильных мыслях и поступках. Зрелый человек более склонен испытывать чувство вины, чем инфантильный, это связано с предъявлением больших требований к себе и принятием ответственности.

Анализ корреляционных зависимостей, связывающих различные шкалы вины Мошера на выборке правонарушителей, показал, что вина и преступление находятся в очень сложных взаимоотношениях. Например, шкалы вины, рассматриваемой как черта личности и как состояние, значимым образом связаны с типом преступления и его тяжестью. Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования вины как черты личности и как состояния.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Влияние, оказываемое переживанием вины на мышление, является побудителем для искупления причиненного поступком. Вина независима от ответственности, и наказание воспринимается как благо и единственная возможность для дальнейшего существования, однако подобное происходит только в случае нарушения норм, моральность соблюдения которых признается человеком. Вина является побудительной функцией для изменения и переоценки личности, в отличие от стыда, который испытывается за осуждение извне. Он не является репрессивным и не вызывает внутреннего конфликта между поступком и нормами и ценностями личности за содеянное, в отличие от вины. Это происходит потому, что вина является эмоцией, возникающей при нарушении внутренней нормы личности поступком, противоречащим всей системе ценностей человека. В совокупности с когнитивными компонентами она образует такую категорию, как совесть.

Вина непосредственно влияет на восприятие, организует мышление и деятельность.

Уголовно-правовой подход необходим для понимания совершенного преступления, однако в отношении наказания и исправления полезнее было бы обратить более пристальное внимание на понимание вины с точки зрения психологии, поскольку на данном этапе преследуются иные цели, одна из которых – исправление.

Необходимо оговориться, что не всегда совершенное деяние для данного субъекта является преступным либо не всегда он берет на себя ответственность за совершенный поступок: все это заложено в аффективно-когнитивной структуре, где немалое значение имеет переживание чувства вины. Зачастую вина вообще не переживается, а заменяется другими эмоциями, например стыдом, и в результате наказание превращается в реессию, а вместо исправления возникает обратный эффект.

Известно высказывание Э. Фромма о том, что «переживания, которые люди принимают за чувство вины, исходящие якобы из совести, на самом деле есть ни что иное как их страх перед авто-

ритетом. Собственно говоря, такие люди испытывают не чувство вины, а чувство страха. При формировании совести такие авторитеты, как родители, государство и тому подобные сознательно или бессознательно признаются в качестве нравственных и моральных законодателей, чьи законы и санкции усваиваются, интернализируются индивидом. Таким образом, законы и санкции внешнего авторитета становятся частью индивида, вместо чувства ответственности перед кем-то внешним появляется ответственность перед своей совестью».

Основные понятия темы: пенитенциарная психология, гомеостаз, гетеростаз, наказание, кара, исправление, отношение, стресс, тревожность, психологическая коррекция, ресоциализирующая деятельность, социальная реадaptация, самоосуждение, вина, катарсис.

Литература

1. Антонченко В.В., Климова О.М., Шиманская О.А. Пенитенциарная педагогика и пенитенциарная психология : курс лекций. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2012. 186 с.
2. Ахмедшин Р.Л. Основы пенитенциарной психологии : учеб. пособие. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2013. 68 с.
3. Бохан Н.А., Кривулин Е.Н. Реабилитационно-профилактическая помощь осужденным с расстройствами адаптации и аддиктивными состояниями в условиях социальной изоляции : учеб. пособие. Томск ; Челябинск : Изд-во ПИРС, 2013. 88 с.
4. Глоточкин А.Д., Пирожко В.Ф. Исправительно-трудовая психология. М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1974. 426 с.
5. Дмитриев Ю.А. Пенитенциарная психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 682 с.
6. Литвишков В.М. Социально-педагогические основы исправления несовершеннолетних осужденных : учеб. пособие. М. : Московский психол.-соц. Ин-т, 2006. 464 с.
7. Преступление и наказание от «А» до «Я» : словарь по пенитенциарной психологии. М. : Моск. психол.-соц. Ун-т, 2009. 456 с.

Контрольные вопросы

1. Какие психические состояния наиболее свойственны личности осужденного?
2. Что такое позитивная и негативная адаптация осужденного лица?
3. Как оптимизировать стрессовое давление на осужденного, не рискуя его психологической целостностью?
4. Какие основные способы исправления и перевоспитания осужденного существуют?
5. Дайте характеристику процессу катарсиса осужденного.
6. Назовите основные психологические проблемы социальной реадaptации лиц, отбывших уголовное наказание.
7. Чем отличается «вина» в психологическом и уголовно-правовом понимании?
8. Раскройте основные проблемы этического, идеологического и экономического характера «модификации поведения» осужденных.

Тема 13. Судебная психология

Предмет, задачи и методы судебной психологии

Судебная психология исторически является уже сложившимся разделом правовой психологии. Предмет ее – психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек – процесс судопроизводства». Данный раздел правовой психологии исследует психологические проблемы судопроизводства, балансируя между социальным заказом государства и объективными научно-познавательными тенденциями.

Задачами судебной психологии традиционно являются:

- оптимизация судопроизводства психологическими средствами;
- исследование особенностей профессиограмм участников рассмотрения дела в суде;
- исследование роли личностного и ситуационного факторов в судопроизводстве;
- изучение возможности корректировки преступных установок посредством психологического воздействия в процессе судопроизводства;
- интеграция психологического знания о личности преступника в иные правовые науки;
- поиск компромисса между этическими, социально-политическими, с одной стороны, и научными основами изучения личности – с другой.

Последняя задача представляет фактически нерешаемую проблему, так как доктрина права, выступая в качестве своеобразного социального государственного заказа, требует только таких результатов исследований, которые ей бы не противоречили. Идео-

логическая составляющая процесса судопроизводства часто определяется регламентировано закрепленными задачами в ущерб правосудию, этике и морали. Минимизация этой предопределенности также является одной из задач, может быть, даже основной задачей судебной психологии.

Существует специфика в использовании отдельных психологических методов при решении задач судебной психологии. Так, в целом правовая психология заимствует методы исследования у психологии общей ввиду достаточной схожести предмета исследования. Иная картина в судебной психологии. Ситуация противостояния исследователя и исследуемого делает непродуктивным использование большинства известных методов.

Отношения, которые рассматриваются в судебной психологии, преимущественно антагонистичны по направленности и конфронтационны по содержанию, поэтому использование традиционных методов возможно только в случае оптимизации их для целей судебной психологии.

Особенностью исследования личности подсудимого практически всегда является ее конфликтность, фрагментарность (исследование личности преступника в обстановке, не включающей преступную составляющую). Вспомним, что если мы определяем преступное поведение как результат воздействия среды на лично значимые компоненты психики, то исследование этих компонентов вне влияния среды всегда будет содержать коэффициент погрешности.

Психологические аспекты судопроизводства

Разновекторность частно- и публичноправовых отношений предопределяет и несколько различную их психологическую природу. В рамках закономерностей судебной психологии целесообразно говорить о психологических аспектах гражданского судопроизводства и психологических аспектах уголовного судопроизводства.

Психологические аспекты гражданского судопроизводства

Частное и публичное право есть два разновекторных направления правовой реальности государства. Каждая из этих подсистем права, осуществляя собственные специфические функции, по-особому воздействует своими нормами на регуляцию социальных отношений людей. Единство системы права предопределяет обособленность каждой отрасли в этой системе, а также содержание и границы их действий.

Современное общество выступает крайне сложной системой, которая на текущей ступени развития систем управления плохо поддается урегулированию на уровне бытовых отношений и конфликтов. Таким образом, цивилизованное общество базируется на гармонизации большого количества отношений, направленных на внеделиктную защиту прав и свобод человека в рамках гражданского судопроизводства.

Примером таких отношений могут быть урегулированные нормами частного права отношения родителей и детей.

Другим примером может быть адекватность общественным канонам информационных потоков. К примеру, соответствие рекламной или иной кинематографической продукции моральным границам нравственного пространства в обществе.

Таким образом, судебная психология в рассматриваемом аспекте в рамках гражданского судопроизводства исследует психологическую составляющую конфликтов, возникающих в силу споров в имущественной и связанной с ней неимущественной сферах.

Особенностями рассмотрения конфликтов в рамках гражданского судопроизводства выступают следующие психологические особенности сторон:

- достаточная степень и давность знакомства участников гражданско-правовых споров;
- невыраженность или невысокая выраженность общественной опасности поведения, обусловившего нарушение отношений, урегулированных нормой права;

– выраженная конфликтность, имеющая, скорее, не аффективный и глубинный характер (как в уголовном судопроизводстве), а выраженный «мещанский» подтекст.

Три вышеназванных пункта крайне оспоримы, особенно с позиции, согласно которой «поскольку товарно-денежные отношения складываются между людьми, это одновременно и межличностные отношения, в которых обязательно присутствуют не только стремление к прибыли, но также мотивация и мораль».

Гражданское судопроизводство требует от его участников глубокого понимания закономерностей человеческой психики. В спектр явлений, познание которых предопределяет понимание произошедшего, входят как система мотивации участников процесса, структуры эмоциональной, познавательной и волевой регуляции их поведения, так и система межличностных отношений. Эти понятия широко отражены в гражданском праве, так как указанные психические явления обязательно представлены во всех сферах частной жизни граждан: производстве и бизнесе, решении жилищных и иных имущественных проблем; в жизни семьи (вопросы брака и развода, воспитания детей, усыновления, лишения родительских прав и т.п.) (Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В., 2002).

В ситуации выраженного конфликта в рамках гражданского судопроизводства, особенно в силу активности адвокатов, одна или обе стороны осуществляют действия, существенно ущемляющие интересы другой стороны. Почти всегда при неконструктивном конфликте стороны прибегают к аморальным методам борьбы. Тогда на основе первоначального конфликта надстраивается нравственный конфликт и применяются психотравмирующие средства взаимодействия. Возникает парадоксальная ситуация, когда действия во имя поддержания одной моральной нормы ведут к нарушению других.

Понятно, что надеяться на этичность и нравственность адвокатов в гражданско-правовых спорах не приходится, так как, являясь наемными работниками, они защищают позицию своего клиента, очень часто только стимулируя конфликт.

Разрешение таких конфликтов в теории происходит «при осознании противоборствующими сторонами сущности проблемы, вовлекаемых в спор моральных ценностей и нахождении взаимоприемлемого компромиссного решения».

Разрешение таких конфликтов на практике происходит в силу достаточно жесткого вмешательства третьей – нейтральной – стороны. Речь идет, конечно, о судьбе. Вероятно, способности к урегулированию межличностных конфликтов между участниками гражданско-правовых споров выступают наиболее наглядным показателем профессионализма судьи.

Учитывая, что сфера гражданско-правовых отношений, а тем более частноправовых споров, пересекается с областью морали преимущественно в теории, для судебной психологии крайне актуальна разработка рекомендаций достижения понимания сказанного участниками гражданско-правового спора. Проблема в том, что большинство исследователей не признают вышесказанного, отстаивая выдуманные идеалы, поэтому разработка рекомендаций преодоления сторонами беспредметных поисков абстрактной справедливости в каждом конкретном деле происходит крайне медленно.

Психологические аспекты уголовного судопроизводства

Как уже отмечалось, цивилизованное общество базируется на гармонизации большого количества отношений, направленных на внеделиктную защиту прав и свобод человека в рамках гражданского судопроизводства. Однако если деликтное событие происходит, то величину и природу его последствий устанавливают в процессе уголовного судопроизводства. Перечень деликтов огромен, и их рассмотрение в суде, не порождая субъективных прав и обязанностей конкретных лиц, способствует защите основных прав и свобод граждан.

Общественная опасность преступных деяний детерминирует особо тщательное их рассмотрение, что предопределяет повышенный формализм уголовного судопроизводства. Общие правила

судебного разбирательства (непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства, равенство прав всех его участников, руководящая роль председательствующего в суде) предполагают уникальное психологическое наполнение уголовного судопроизводства.

Особенностями рассмотрения конфликтов в рамках уголовного судопроизводства выступают следующие психологические особенности сторон:

- выраженная полярность позиций участников, проблемность достижения компромисса;
- частая неоднозначность установки сторон на возмещение причиненного вреда одной стороны другой;
- выраженность общественной опасности поведения, обусловившего нарушение отношений, урегулированных нормой права;
- выраженная конфликтность, имеющая, скорее, аффективный и глубинный характер.

Психологические аспекты судебного разбирательства определяют выделение достаточно уникальных по содержанию и комплексу проблем стадий, таких как:

- стадия подготовки;
- стадия судебного следствия;
- стадия прения сторон, в которую содержательно с психологической точки зрения целесообразно включить последнее слово подсудимого;
- стадия формирования и вынесения приговора.

На подготовительной стадии судебного разбирательства судья должен принять решение, очевидность которого сразу и не просматривается: насколько критически необходимо анализировать материалы уголовного дела, представленные следствием? Ведь, анализируя по документам, судья никогда не поймет живую картину произошедшего деликта. К тому же в области расследования, как показывает практика, далеко не каждый судья способен к аналитической деятельности. Парадокс заключается в принципиально непрофессиональной природе анализа судьей материалов уголовного дела, что составляет крайне сложную с психологиче-

ской точки зрения проблему подготовительной стадии судебного разбирательства.

В меру своих возможностей, не понимая их ограниченности, судья формирует собственную обоснованную модель исследуемого события, сравнивая ее с исходной моделью предварительного следствия.

Судье необходимо предельно нейтрально отнестись к материалам предварительного расследования, предоставляющим ему уже готовую модель подлежащего исследованию события, действий и взаимоотношений в том виде, в каком они представляются в результате завершения расследования. Естественно, критичность восприятия материалов предварительного следствия присутствовать должна, но она должна быть вторичной по отношению к пониманию целесообразности этих материалов и актуальности опоры на них. Судья не должен уподобляться дешевому журналисту или малолетнему блогеру, исповедуя презумпцию вины следователя.

В стадии судебного следствия судья выявляет наиболее актуальную информацию для рассмотрения уголовного дела в суде. Принципиальная проблема предыдущей стадии решается посредством активного привлечения экспертов. К сожалению, последнему препятствуют как финансовые возможности судебной системы, так и активная позиция адвоката, традиционно опирающегося на такую достаточно эфемерную, как показали опыты В. Штерна, материю, как показания вовлеченных в преступное событие лиц.

Понимание закономерностей формирования криминального и виктимного поведения способствует более глубокому и объективному пониманию сути произошедшего события. Повторим ранее озвученную мысль: виктимное поведение не является основанием для рассуждений о «вине» жертвы. Виктимное поведение жертвы определяет степень виновности преступника, а не его жертвы.

Приемы проведения судебного следствия в психологическом плане содержательно мало отличаются от приемов, исследуемых в рамках криминалистической психологии (психологии следственных действий). Суд в своей деятельности еще больше, чем следствие, хронологически отдален от исследуемого события, что еще

больше понижает эффективность любых форм познания. Это необходимо помнить, исследуя материалы уголовного дела.

Помимо материалов уголовного дела, в большинстве случаев основным источником дополнительной информации о событии преступления выступают показания осведомленных лиц. В отличие от допроса на предварительном следствии, допрос в суде носит публичный характер, что, как правило, дезорганизует допрашиваемого.

С другой стороны, допрашиваемый уже многократно допрашивался на предмет выявляемых обстоятельств, что нередко включает механизм ложной уверенности допрашиваемого в незыблемости им воспринятого ранее. Даже неуверенный человек, многократно допрошенный на предмет обстоятельств произошедшего события, в объективности которых он сам сомневался, начинает со временем намного не критичнее относиться к оглашаемой им информации. Одновременно с этим в силу волнения допрашиваемый вполне может допустить ошибки, оговорки, пойти на поводу у судьи, ставящего наводящие вопросы, и пр.

Использование приемов прямого или косвенного повышения эмоциональной напряженности допрашиваемого всегда входило в арсенал как обвинителя, так и защитника, следовательно, судья должен особенно внимательно следить за этими двумя фигурами в процессе судебного допроса.

Для уголовного судопроизводства еще в большей степени характерна ситуация, в которой надеяться на этичность и нравственность участников не приходится, так как, имея выраженные, зачастую эмоционально окрашенные антагонистические установки, они очень часто только стимулируют конфликт.

Допрос в суде может происходить не только в традиционной его форме, включающей две стороны. Речь идет о многосторонних допросах, которые можно определить как «перекрестные» и «шахматные».

Перекрестный допрос. В правовой системе нашей страны термин «перекрестный допрос» применяется неофициально, будучи урегулирован ст. 177 ГПК РФ и ст. 278 УПК РФ. Термин

«перекрестный допрос» традиционно используется в системах права, в которых в качестве системообразующего признан принцип состязательности.

Задача перекрестного допроса – получить от свидетеля ответы, представляющие интерес для всех участников процесса. Понятно, что информация, которую желают получить стороны, различна и направлена на подкрепление собственной позиции, а не на выяснение истины. Как правило, вопросы, которые ставятся перед свидетелем, достаточно категоричны и не предполагают нескольких трактовок.

При «шахматном» допросе одним допрашивающим лицом допрашивается несколько лиц. «Шахматный» допрос тактически радикально не отличается от типового, в то время как перекрестный допрос в силу своей интенсивности и полярности позиций допрашивающих в криминалистическом аспекте представляет собой уникальное явление. Проявление конформности допрашиваемого достигает в процессе перекрестного допроса своего максимума, поэтому «для людей честных и умелых это средство раскрыть то, что без того осталось бы недоступным для суда, но когда это острое оружие используют нечестные и неумелые люди, оно может превратиться в то искусство, посредством которого можно заставить человека отречься от всего, что он знает, и назвать себя не своим именем» (Сергеич П., 1998).

Преимуществом перекрестного допроса выступает его потенциальная объективность, недопущение ситуации, в которой допрашиваемому навязывается мнение только одной стороны. К сожалению, природа перекрестного допроса предопределяет навязывание допрашиваемому чуждого ему видения ситуации деликта, но его позитивность в том, что навязывается мнение двух антагонистически настроенных лиц.

Допрашиваемый в процессе перекрестного допроса находится в ситуации чрезвычайного психологического давления, предопределяющего такие моменты, как забывание деталей, проблемы концентрации внимания, всплески эмоциональных состояний, и раскрывающего его слабости.

И положительные, и отрицательные стороны перекрестного допроса могут быть скорректированы судьей, руководящим процессом перекрестного допроса. Судья управляет перекрестным допросом, оценивая относимость, этичность, корректность и четкость вопросов, которые стороны ставят перед допрашиваемым.

Традиционно рекомендации лицам, проводящим перекрестный допрос, содержательно сводятся к следующим советам:

- искать в показаниях лица противоречия, не соответствующие отстаиваемой допрашивающим позиции, ведь, усомнившись в малом, мы склонны не доверять человеку в целом;

- искать в показаниях лица ошибки, противоречащие отстаиваемой допрашивающим позиции, ведь, усомнившись в человеке, мы склонны не доверять его показаниям;

- ставить перед допрашиваемым наводящие вопросы, подавая его ответы в нужном вам виде;

- ставить перед допрашиваемым закрытые вопросы, требующие ответа «да», ведь соглашающийся с вами свидетель противной стороны создает иллюзию вашей правоты;

- не затягивать допрос, так как это может вызвать неприятие вас со стороны уставших судей и присяжных;

- не вступать в дискуссию со свидетелем, создавая иллюзию его небольшой значимости для рассмотрения дела;

- завершать вопросом, имеющим яркую эмоциональную окраску, выделяя его тоном, жестами или оригинальными оборотами речи.

Обсуждая природу перекрестного допроса, необходимо остановиться на так называемых наводящих вопросах. Целесообразность запрета наводящих вопросов достаточно неоднозначна, недаром подход отечественного законодателя к проблеме необходимости запрета наводящих вопросов не является общепризнанным в мире. Так, в ч. 7 ст. 352 Криминально-процессуального кодекса Украины (в редакции от 23.05.2013) говорится: «После прямого допроса противоположной стороне уголовного судопроизводства предоставляется возможность перекрестного допроса свидетеля. Во время перекрестного допроса разрешается задавать наводящие вопросы». В англосаксонской системе права во время перекрестного

допроса допустимыми являются всякие вопросы, цель которых – проверить первоначальные показания свидетеля, и не важно, являются ли они наводящими или нет. Хотя одновременно с этим существует запрет на постановку наводящих вопросов в процессе расследования как со стороны специалистов, так и со стороны работников полиции. Понятно, что спорным выступает запрет на постановку наводящих вопросов на допросе в процессе расследования и разрешение на их постановку на перекрестном допросе в процессе судебного заседания, так как тезис о профессиональном превосходстве судьи над следователем, мягко говоря, весьма полевичный.

Крайне значимо, кто является арбитром допроса – профессиональный судья или обыватель из числа присяжных. Во втором случае, руководствуясь принципом «для суждения о виновности... нужны только здравый смысл и совесть», допрашивающий более свободен в области и объеме использования манипулятивных методов спекулятивного и демагогического характера, выступающих неотъемлемым атрибутом суда присяжных. К сожалению, на этапе становления суда присяжных в нашей стране сторона обвинения игнорировала эту особенность и проявляла склонность в подаче материала фактического, а не декларативного, поэтому часто терпела поражение.

Судебные прения как стадия судебного процесса по уголовным делам состоит из обмена выступлениями участников процесса.

В идеале судебные прения в основной своей части представлены дискуссией сторон. Считается, что эта форма коммуникативного взаимодействия наиболее оптимально способствует принятию обоснованных решений по сложным делам.

Чтобы дискуссия, которая независимо от уровня профессионализма ее участников всегда происходит в обстановке конфликта (скрытого или явного), была результативной, судья предпринимает усилия ограничения ее по времени при исчерпании сторонами своих аргументов. Сказанное способствует недопущению эскалации конфликта.

Основной психологической составляющей этой стадии, ее квинтэссенцией, выступают природа и содержание финальной судебной речи основных участников процесса.

Профессиограммы основных участников судебного заседания

Психологическое своеобразие судебной деятельности детерминирует необходимость научной организации труда в сфере судопроизводства. Особенности профессиональной деятельности не могут не предопределять типовые требования к работникам этой области. Сказанное актуализирует создание юридических профессиограмм. Профессиограмма – это набор основных личностных характеристик, наличие которых обуславливает высокую эффективность реализации профессиональных навыков в конкретной сфере.

Говоря о профессиограмме, следует помнить, что нет необходимости включать в нее весь набор положительных характеристик, так как мы просто не найдем специалистов, им соответствующих. Образ сферического коня в вакууме применительно к профессиограмме судьи ли, следователя ли вызывает у обывателя только усмешку и сомнение в научности всей правовой психологии в целом.

Профессиограмма судьи. В деятельности судьи реализуется значительное количество личностных качеств и навыков, определяя его профессиональный потенциал.

В общем виде профессиограмма судьи включает в себя следующие характеристики:

– Педантизм – в силу четкой регламентированности законом его деятельности.

– Личная ответственность – в силу того, что судья выступает от имени государства.

– Ситуационная храбрость – в силу возможной угрозы судье со стороны криминального сообщества.

– Системная храбрость – в силу возможной угрозы судье со стороны представителей власти и их «спонсоров». Отметим, что

данная личностная особенность крайне востребована для судебного корпуса сегодняшнего дня. Отсутствие этой характеристики нивелирует наличие всех остальных положительных свойств. Для любого индустриального государства современности мало характерна системная храбрость судебсого корпуса.

– Склонность к закрытости личной жизни. Любсй человек не совершенен. Легко сказать, что судья должен быть образцом гражданина, но сказанное реализовать сложно даже в тоталитарном обществе, а уж в современном либеральном – крайне сложно. Выходом может служить закрытый образ жизни, некая изолированная элитарность.

– Богатый жизненный опыт. Именно богатый жизненный опыт, а не информационная эрудированность, позволит правильно воспринимать исследуемые обстоятельства. Например, судья, не имеющий детей, проблемы воспитания подсудимого осознать не способен, даже при наличии очень высокого интеллекта.

– Сбалансированная психика. Перенос собственного негативногс опыта на профессиональную деятельность – явление крайне распространенное. Регулярные психологические реабилитационные сеансы для судьи позволят ему не приносить в деятельность суда свои проблемы.

– Самоуважение – в силу необходимости производить положительное впечатление на участников процесса. Понятно, что закомплексованный человек внешне агрессивен, высокомерен или равнодушен, что не внушает уважения к судье и к правосудию в целом.

– Тактичность, вежливость, сдержанность в манерах поведения, эмоциях, речи – в силу актуальности для всех юридических профессий.

– Беспристрастность и выдержка – в силу необходимости поддерживать неконфликтную атмосферу судебного заседания.

– Достаточный уровень профессионализма, выраженный в навыках квалификации дела и навыках работы с документами.

Оговоримся, что развитая интуиция не входит в профессиограмму судьи, так как антагонистична познанию, базирующемуся на анализе.

Мы повторимся – требовать в теории от судьи кристальной чистоты можно, но либо неразумно, либо лицемерно. На уровне пропаганды, конечно, нужно воспевать мнение о том, что «главное – в самой психологии судьи, в его философском осмыслении отношения к человеку и обществу... Суд не служба, суд – высокое общественное служение, и слепой судья народу не слуга» (Медынский Г., 1966). Однако реализовывать это в жизни в массовом порядке – затея утопическая.

Профессиограмма прокурора. Деятельность работников прокуратуры, связанная с защитой законных прав и интересов граждан в суде, достаточно многогранна, но ответственна.

В общем виде профессиограмма прокурора включает в себя следующие характеристики:

– Выраженное причинно-следственное мышление как гармоничное сочетание анализа и синтеза. Прокурор в суде – это прежде всего аналитик.

– Быстрота мышления – в силу необходимости оперативно переосмысливать имеющуюся информацию.

– Целеустремленность – в силу того, что суд не выступает правоохранительным органом по своей сути. Прокурор – единственный участник судебного заседания, который отстаивает истину и справедливость в ее классическом, «человеческом» понимании. Прокурор защищает не только жертву преступления, но и сами устои общества. Судья же нередко, а может быть, и часто защищает интересы государства, которые идентичны интересам общества в основном лишь в трудах теоретиков-правоведов.

– Тактичность, вежливость, сдержанность в манерах поведения, эмоциях, речи – в силу актуальности для всех юридических профессий.

– Беспристрастность и выдержка – в силу необходимости поддерживать неконфликтную атмосферу судебного заседания.

– Достаточный уровень профессионализма, выраженный в навыках квалификации дела и навыках работы с документами.

– Педантизм – в силу четкой регламентированности законом его деятельности.

– Личная ответственность – в силу того, что прокурор выступает от имени государства.

– Информационная эрудированность – в силу того, что прокурору необходимо вникать в самые мельчайшие подробности дела. Оговоримся, что высокий уровень информационной эрудированности не исключает актуальности богатого жизненного опыта, который, в отличие от профиограммы судьи, не является системообразующим элементом.

Профиограмма адвоката. Деятельность адвоката, связанная с защитой законных прав и интересов граждан в суде достаточно немногочисленна, но ответственна.

В общем виде профиограмма адвоката включает в себя следующие характеристики:

– Критическое мышление как гармоничное сочетание анализа и синтеза. Адвокат в суде – это не столько аналитик, сколько оратор, чье назначение – не столько породить новую информацию, сколько критиковать имеющуюся.

– Быстрота мышления – в силу необходимости оперативно переосмысливать имеющуюся информацию.

– Целеустремленность – в силу того, что адвокат выступает наемным работником, он обязан отработать условия договора, независимо от любых условий.

– Морально-нравственная гибкость – в силу необходимости самооправдания себя, которая присуща любому этически адекватному человеку. Наивны утверждения, что адвокат (от лат. *advocatio* «призывать на помощь») защищает не преступление, а человека. Понятно, что адвокат часто защищает человека, совершившего преступление, значит защищает преступление. Скажем больше, учитывая, что некоторые адвокаты находятся фактически на содержании преступных сообществ, говорить о какой-то их нравственности затруднительно.

– Информационная эрудированность – в силу того, что адвокату необходимо вникать в самые мельчайшие подробности дела. Оговоримся, что высокий уровень информационной эрудированности не исключает актуальности богатого жизненного опыта,

который, в отличие от профиограммы судьи, совершенно не является системообразующим элементом.

– Склонность к компромиссам – в силу того, что, как правило, адвокат противодействует результатам работы правоохранительной системы, что предопределяет явное неравенство сил.

– Беспристрастность и выдержка – в силу необходимости поддерживать неконфликтную атмосферу судебного заседания.

– Достаточный уровень профессионализма, выраженный в навыках квалификации дела и навыках работы с документами.

Отметим, что традиционные элементы профиограммы, такие как тактичность, вежливость, сдержанность в манерах поведения, эмоциях, речи, для адвоката актуальны в меньшей степени, чем для работников остальных юридических профессий.

Вышесказанное не отменяет высокую социальную значимость адвокатуры, но переоценивать ее, а тем более возвышать, нецелесообразно.

Психологические аспекты судебной речи

Судебная речь – возможно, важнейший момент судебного разбирательства, оказывающий воздействие на вынесение приговора или вердикта. Конечно, судебная речь может определяться и как искусство оратора, но в рамках судебной психологии она изучается как явление объективное, подлежащее измерению и оценке.

Судебная речь – форма взаимодействия в судебном процессе защитника, обвинителя и подсудимого, имеющая природу монолога.

Содержательно судебная речь состоит из нескольких элементов:

- поданной информации о фактах рассматриваемого события;
- информации, носящей эмоциональную оценку этих фактов;
- информации, содержащей шаблоны оценки поданной информации;

– информации, скрыто подавляющей волю иных участников судебного заседания или в косвенной форме негативно характеризующей их.

Судебная речь неотделима от личности ее произносящего, т.е. по умолчанию обладает:

- ориентированностью на определенную целевую аудиторию, которая предопределяется комфортностью восприятия особенностей речи говорящего лицами, воспринимающими речь;

- недостатками речи ее автора, проистекающими из его психологических свойств;

- недостатками речи ее автора, проистекающими из особенностей его нахождения в определенном психологическом состоянии;

- недостатками речи ее автора, проистекающими из особенностей его психических процессов;

- наличием личной оценки происходящего, которая может не совпадать с позицией, оглашаемой в речи.

Структура судебной речи выражает логику ее построения и последовательность изложения ее содержания. В ораторской технике принято структурировать подаваемый материал, выделяя вступительную, основную и заключительную части судебной речи. При определении композиции и выборе речевых средств следует учитывать психологические закономерности восприятия людьми большой по объему речевой информации: особенности их внимания, зрительных и слуховых восприятий, эмоций, мышления, памяти. Известно, что наиболее эффективно запоминаются начальная и конечная части сообщений, поэтому данный закон памяти необходимо учитывать в начале и в конце судебной речи.

Назначение вступительной части речи – сконцентрировать на ней внимание участников судебного процесса. Сказанное достигается или оригинальностью подаваемой мысли, или ее эмоциональной насыщенностью. Учитывая, что ни оригинальные идеи, ни идеи, требующие яркой эмоциональной окраски, не могут быть объемно значимыми, вступительная часть судебной речи достаточно краткая. Элемент трагедийности психологически наиболее оптимален именно для вступительной части судебной речи.

Основная часть судебной речи имеет наибольшую длительность по времени. Содержательно в ней должны прослеживаться отдельные тезисы. Психологически мы склонны к восприятию

привычной нам информации, поэтому названные тезисы должны многократно повторяться. Повторение тезисов служит удерживанию внимания воспринимающих речь и несколько увеличивает уровень не критичности восприятия у них.

Фабула произошедшего, раскрываемая путем оглашения фактов, установленных в судебном следствии, есть связующая материя между повторяемыми тезисами. Отметим, что чем выше уровень профессионализма воспринимающего речь, тем четче и суше должно быть описание самих фактов.

Традиционно удержанию внимания способствует создание иллюзии, что воспринимающие являются участниками диалога; это достигается путем обращения к ним в процессе рассуждений (зрительный контакт, использование местоимений «мы» и пр.).

Небольшие, на 1–2 минуты, отступления также способствуют удержанию внимания на речи говорящего и созданию иллюзии понимания ее.

У произносящего речь первым есть некоторое преимущество. Он может злоупотребить вниманием слушающих, исчерпав его потенциал и «передавая» их своему оппоненту уже уставшими и не склонными к аналитической деятельности. Неудивительно, что несмотря на протяженность речи первого оратора, второму перед оглашением своей речи целесообразно попросить перерыв. Необходимо помнить, что после достаточно длительного перерыва эмоциональное сопереживание сказанному оратором значительно уменьшается.

С другой стороны, защитник имеет возможность переубедить участников процесса, отметить слабые стороны речи прокурора, тем самым сказать «последнее слово».

Содержательно судебная речь имеет своего приоритетного адресата, которым выступают, как правило, судья или присяжные в суде присяжных. Во втором случае особенно актуальным становится такое требование к судебной речи, как ее простота, доступность для присутствующих, независимо от уровня их развития. Каноническим стало высказывание известного английского юриста Р. Гарриса: «Люди не столько слушают большую речь, сколько

видят и чувствуют ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их».

Полемиическая составляющая часть судебной речи может быть направлена по двум разным векторам, сочетание которых пересложнит судебную речь.

Первый полемиический вектор – это усиление аргументами своей позиции. Второй полемиический вектор – критика аргументов оппонента. Для воздействия на профессиональных судей эффективен первый вектор, для воздействия на присяжных – второй.

Традиционно и усиление, и критика аргументов локализованы в сфере:

- фактов, подтверждающих или опровергающих событие преступления;
- фактов, подтверждающих или опровергающих конкретный состав преступления;
- фактов, подтверждающих или опровергающих отдельные эпизоды обвинения;
- сведений о личностных характеристиках подсудимого и потерпевшего.

В идеале психологическая характеристика личности в судебной речи должна строиться строго на фактах, полученных при расследовании уголовного дела. Однако даже поверхностный анализ материалов уголовных дел демонстрирует недостаточность отражения в них сведений о личности даже обвиняемого, не говоря уже об остальных.

В судебной речи не должно быть аргументов, которые напрямую связывают негативные биографические факты человека и совершенный им проступок. Иначе может возникнуть вполне анекдотичная ситуация, когда жертва попытки изнасилования заявляет, что «я понимаю потерпевшего, у него было тяжелое детство, поэтому он попытался меня изнасиловать, но у меня тоже было тяжелое детство, поэтому я его убила».

Неудивительно, что прокурор, говоря о личности подсудимого, останавливается на его негативных характеристиках, защитник – на его характеристиках положительных. Требования в адрес про-

курора быть объективным и затронуть положительную сторону оцениваемого лица так же нелепы, как и требование к защитнику реализовывать обвинительную функцию. Отдельно скажем, что необходимость в сверхобъективности для прокурора – это «тяжкое» наследие советского уголовного процесса, от которого мы отказались в пользу состязательности. Состязательность не предполагает выполнения работы своего антагониста, и даже сама постановка этого вопроса говорит о лицемерии исследователя-теоретика либо о непрофессионализме исследователя-практика. Напомним, что, к примеру, А.Ф. Кони, который был сторонником рассматриваемой сверхобъективности, «отметился» в 1878 г. как председательствующий в суде присяжных, вынесшем оправдательный приговор по делу В. Засулич. Такого беспрецедентного оправдания террориста история суда, возможно, не знала никогда.

Личностные особенности лица, произносящего судебную речь, предопределяют наличие в ней:

- активной мимики и пантомимики;
- позерства и фальшивого пафоса;
- риторических вопросов.

Понятно, что лицу с сензитивной, конформной и, конечно, истероидной акцентуацией будут доступнее названные приемы, и даже их переизбыток вполне может не испортить их речь. Для шизоидов, параноидов и застревающих ситуация прямо противоположная.

В основной части судебной речи должны присутствовать промежуточные выводы, содержательно мало отличающиеся от повторяемых тезисов говорящего.

Отметим, что эмоциональный накал основной части судебной речи должен быть гораздо ниже, чем вступительной. От эмоционального переизбытка люди склонны уставать не меньше, чем от переизбытка информационного.

Заключительная часть судебной речи, как и ее вступительная часть, должна быть незначительной по объему, но четкой и ясной. Содержательно в ней на высоком эмоциональном уровне дублируется содержание тезисов, которые уже звучали неоднократно.

Окончательная правовая оценка рассмотренных фактов интонационно выделяется.

Техника подготовки судебной речи зависит от личностных особенностей выступающего, поэтому выделяют две базовые стратегии оглашения своей речи в суде.

Стратегия первая сводится к тому, что повышенная уверенность в сказанном у говорящего не может быть не оценена воспринимающими, поэтому необходимо придерживаться подготовленного содержания речи (П.С. Пороховщиков). Стратегия вторая предполагает значительный объем импровизации в отношении первоначального плана (А.Ф. Кони), так как реагирование воспринимающих речь смоделировать достаточно сложно.

Восприятие живой речи, а не речи «с листа», с одной стороны, более эффективно, но с другой стороны, требует значительной подготовки в каждом конкретном случае.

В завершение отметим особенности судебной речи отдельных участников судебного заседания. Сюда также включено последнее слово обвиняемого, так как структурно оно мало отличается от судебной речи прокурора и защитника.

Особенности судебной речи прокурора:

- произносится после окончания судебных прений;
- имеет категорически утвердительный, наступательный характер;
- по содержанию категорична и обвинительно ориентирована;
- имеет выраженный внешний бескомпромиссный характер.

Особенности судебной речи защитника:

- произносится после судебной речи прокурора;
- имеет категорический или условный отрицающий, защитный характер;
- по содержанию оправдательная и может быть как компромиссной, так и категоричной;
- имеет выраженный внешний компромиссный характер.

Особенности судебной речи подсудимого (последнего слова обвиняемого):

- произносится последней;

- имеет выраженный сумбурный характер, даже если подготавливалась заранее;
- слабоструктурированная и не аргументированная системно.

Психологические аспекты вынесения приговора

В основе вынесения приговора судьей в идеале должны быть только объективные факты и непредвзятое мнение судьи. Однако объективное мировосприятие – это миф. На судью влияет значительное количество факторов, способствующих признанию, а главное – оценке той или иной информации. В основе судебных ошибок нередко, но далеко не всегда, как бы ни утверждали иное, лежит «человеческий фактор».

«Человеческий фактор» в феномене приговора определяется индивидуально-психологическими особенностями восприятия и оценки информации, свойственными лицам, принимающим итоговое решение в рамках судебного процесса. Конечно, можно называть «человеческим фактором» феномен внутренней убежденности, но от этого он менее субъективным не становится.

Содержательно «человеческий фактор» предопределяется, как правило, сочетанием нескольких обстоятельств психологической природы, к которым относятся следующие.

– Особенности межличностного взаимодействия членов судебной коллегии или присяжных, представляющих собой в первом случае формальную, во втором – *de facto* стихийную малую группу.

– Типологические и индивидуально-психологические особенности участников названных групп. Речь идет прежде всего о таких характеристиках, как конформность, принципиальность, конфликтность, индивидуализм, коллективизм. Естественно, негативные факторы, проистекающие из этих личностных особенностей, могут быть как усилены, так и ослаблены наличием профессионального опыта.

– Нравственная сфера личности судьи, его готовность искать оптимальное решение как в рамках закона, так и на его грани.

– Общий спектр психологических установок как проявление уровня неосознанной мотивации. Человек не может существовать

без установок как отражений его жизненного опыта, совокупности удач и неудач, им пережитых, способов стереотипизации, прежде всего мыслительной деятельности. Установка – это почти всегда некритичное восприятие реальности, и наличие значительного стажа по времени на него фактически никак не влияет. Установка – это то, что корректируется профессиональным психологом, а это, к сожалению, в отечественной культуре, особенно судебной, пока не осознается. Одной рефлексии мало для самоконтроля за личностными установками, но в ситуации отсутствия профессиональной помощи психолога она остается единственным способом преодоления рассматриваемой формы стереотипизации мышления. Из сказанного следует частично парадоксальный вывод о том, что наиболее объективный судья – это судья равнодушный.

– Особенности межличностного и типологического взаимодействия между судьей и остальными участниками судебного заседания. Неприятие типовых особенностей личности судьей нередко предопределяет предельный субъективизм воспринимаемого им лица или оценки действий этого лица.

– Особенности абстрагирования судьи от характеристик участника процесса, свойственных ему или незначительно, или ситуационно (небрежный вид, неприятные черты внешнего облика, раздражающие монотонностью, неэстетичностью или неординарностью привычки).

– Умение понимать приоритетную роль ситуационных или личностных факторов, которые заложили основу и предопределили развитие деликтной ситуации.

– Способность определять истинность информации, полученной о человеке. Вина – это не только субъективное осознание содеянного и отношение к нему, но и осознание неправильности произошедшего, осуждение своей причастности к деликту. Чистосердечное публичное признание своей вины на первый взгляд свидетельствует об этом, но часто является просто маской, притворной попыткой уменьшить размер наказания.

Психологический аспект вынесения приговора, без сомнения, несет не только карательные, но и воспитательные функции правосудия. Эти воспитательные функции реализуются посредством:

- наглядности действия принципа справедливости как фактора, демонстрирующего работоспособность всей судебной системы;
- наглядности действия принципа справедливости в отношении осужденного лица;
- наглядности действия принципа справедливости в отношении остальных участников процесса;
- последующего контроля судьбы осужденного путем отслеживания его поведения в уголовно-исполнительном учреждении при решении вопроса о досрочном или условно-досрочном освобождении осужденного.

Признаком предельного непрофессионализма судьи, его неспособности к организации судебного процесса служит использование конфликтного поведения потерпевшего как основания для смягчения наказания подсудимому. Судья всегда должен понимать, что потерпевший – самый бесправный участник современного уголовного процесса, и его местами неадекватное поведение – явление объективное.

Нельзя считать провоцирующее поведение потерпевших основанием для смягчения наказания, если отсутствие провоцирующего поведения потерпевших не влечет усиления этого наказания. Лицемерие недопустимо в судебной деятельности, а «высасывание из пальца» смягчающих обстоятельств является как раз таким лицемерием.

Сильное психологическое восприятие праведности происходящего в судебном заседании производит судебная атрибутика. Традиционно к судебной атрибутике относят организацию пространства, перенасыщенность объектами, носящими символический характер, такими как книги, государственные символы, одеяние судей. Ритуальная сторона судебного процесса, помимо сказанного, настраивает его участников на осознание себя как причастных к поиску истины и / или справедливости.

Условно можно выделить три типовые комбинации судебной атрибутики.

1. Атрибутика пыточной: ограниченное по объему пространство; недостаток света; доминирование фигуры судьи как едино-

лично принимающей решение; символика несет выраженный агрессивный характер; идея опасности сопротивления.

2. Атрибутика казенного учреждения: ограниченное по объему пространство; искусственный свет; невыраженность фигуры судьи (ее психологическая обезличенность) как единолично принимающей решение; символика несет выраженный нейтральный характер (свитки, книги, компьютерные технические средства); идея бессмысленности сопротивления.

3. Атрибутика «старшего брата»: значительное по объему пространство; избыток естественного света; доминирование фигуры судьи как единолично принимающей решение; символика несет выраженный официальный характер; идея мнимой свободы.

Судебная атрибутика предопределяется не только историческими традициями общества, но и сложившимися в нем социальными явлениями. Умение анализировать смысловые составляющие судебной атрибутики позволяет определить не декларируемые, а реальные задачи, стоящие перед правосудием в государстве.

Психологические особенности суда присяжных заседателей

В теории права суд присяжных часто воспринимается как институт судебной системы, явившийся следствием развития потребности в защите прав граждан от произвола судебных чиновников. Принято считать, что исторически суд присяжных был способом обеспечения безопасности прежде всего отдельной личности. Подаваемый как достижение цивилизации, суд присяжных, как и любое социальное явление, тем не менее имеет и иные смыслодержательные уровни.

Одним из таких уровней является иерархично-регулятивная функция суда присяжных. Традиционно круг лиц, которые могли быть присяжными, ограничивался и порождался механизмом отбора тех граждан, кто представлял собой выходцев из стабильных социальных страт с выраженной законопослушностью (буржуа, интеллигенция, мещане). Неудивительно, что при рассмотрении

уголовных дел присяжные неосознанно или вполне осознанно склонны принимать решение в пользу наиболее близкого им по социальному статусу лица. Статусная предпочтительность наиболее часто предопределяет вердикт присяжных. Таким образом, это институт, скорее, сдерживания тех асоциальных страт, которые, как правило, в силу своей экономической несостоятельности склонны к криминальному поведению.

Сословно ориентированная природа суда присяжных никуда не делась, она просто сместилась с представителей среднего класса на представителей класса малоимущих.

В одних странах этот механизм выражен очень сильно (США), в других слабее (Россия). Сказанное происходит в силу того, что выбор присяжных во втором случае предопределен случайной выборкой по спискам избирателей (социологический метод).

Первый фильтр, который проходят в сознании присяжных подсудимый и потерпевший, – это фильтр «свой–чужой».

Для усиления действия этого фильтра в суде присяжных существует в большей степени психологический механизм допуска уже выбранных в рамках конкретного дела присяжных к судебному заседанию. Процедура допуска включает в себя условно объективную и манипулятивную части.

В условно объективную часть отбора присяжных включают мотивированный отбор. Мотивированный отбор присяжных преследует цель исключения из состава жюри лиц с выраженной установкой на восприятие информации независимо от ее содержания. Эта установка может проистекать из факта знакомства с участниками судебного процесса, имеющими специфическое к ним отношение (наличие в микростратосе присяжного работников правоохранительных органов или осужденных за рассматриваемые преступления и пр.).

В манипулятивную часть отбора присяжных включают безмотивный отбор кандидатов в жюри. Понятно, что стороны пытаются отвести лиц, обладающих признаком психологической сопричастности (отношение к подсудимому, полу, возрасту, культурной, религиозной, национальной, социально-экономической и профес-

сиональной идентичности). К счастью, абсолютизировать состав коллегии крайне проблематично, так как любая из сторон может апеллировать к тенденциозности и необъективности состава коллегии.

В целом процедура отвода ориентирована на понижение условного критического восприятия анализируемой информации.

Таким образом, при мотивированном отборе отводятся самые необъективные, а при немотивированном – самые объективные. Вот такой парадокс.

Еще одним бросающимся в глаза смыслодержательным уровнем является ориентированность суда присяжных на защиту финансово обеспеченных клиентов. Логика тут проста. Услуги высокопрофессионального адвоката стоят дорого, поэтому в суде присяжных выигрывает наиболее «обеспеченная» сторона. Неудивительно, что именно это обстоятельство, а не «непонимание его социальной ценности, духовного и правозащитного потенциала» (Мельник В.В., 2003), предопределило крайне настороженное отношение к суду присяжных в нашем обществе.

Основная особенность суда присяжных – потенциальная манипулятивность мнением непрофессионалов, осознающих себя принимающими решение по конкретному делу. Манипулирование сознанием присяжных – основная психологическая составляющая суда присяжных. Для более оптимального понимания природы этого манипулирования необходимо понимать, что лицо, избранное присяжным в судебном процессе:

- испытывает осознание собственной значимости;
- чувствует себя защищенным от ошибки в силу коллегиальности предстоящего решения;
- осознает себя чуждым в обстановке судебных атрибутов, что склонно компенсировать категоричностью, подаваемой как уверенность в собственных силах.

Испытываемые присяжным ощущения предопределяют эффективность воздействия на них в неявной, завуалированной форме. Для эффективности заявленного воздействия необходимо понимать следующие моменты.

Познавательные способности присяжных заседателей нестабильны во времени. Присяжные часто склонны, прислушиваясь к говорящему, корректировать свою оценку происходящего.

На мнение присяжных значительное влияние оказывают внешность и поведение участников судебного процесса, особенно подсудимого и потерпевшего. Говоря о потерпевшем, необходимо помнить, что люди часто не столько сочувствуют жертве, сколько анализируют ситуацию через призму «а что бы при этих условиях делал бы я?» Но так как подобное моделирование происходит в контролируемой обстановке, результат предполагаемого собственного поведения очень часто оказывается более оптимальным, чем у потерпевшего. Если это происходит, то к последнему складывается отношение несколько свысока, и степень пережитого им в сознании присяжного значительно уменьшается. Таков механизм смягчения отношения к подсудимому за счет умаления личности жертвы.

В определенный момент времени присяжные начинают больше прислушиваться к тому, что происходит в их кругу, а не непосредственно на сцене суда. В описываемый момент психологически неустойчивые присяжные ищут лидера или контрлидера.

Приписывание причин преступления личности подсудимого обычно ведет к его обвинению, ситуации и среде – повышает шансы на оправдание.

На начальном этапе судебного заседания присяжные ориентируются в значительной степени на поведение судьи как лица, обладающего признаками наиболее высокого статуса. Эмоции судьи, манера его обращения к сторонам вполне может сформировать у присяжного установку на восприятие происходящего.

«У присяжных существуют определенные мнения относительно участников процесса. В 1994 г. опрос присяжных в Московском областном суде до и после процесса показал, что такие черты, как справедливость, объективность, беспристрастность, присяжные приписывают (в порядке убывания): себе, судье, прокурору, адвокату». Защитник в целом предстает во мнении присяжных как своего рода механизм защиты, активно сопротивляющийся нападкам

обвинителя, его моральный облик не кажется присяжным кристально чистым («спасает виновного от ответственности») (Мамонтова С.Н., 2002).

В завершение отметим, что несмотря на отсутствие у судьи активной позиции в суде присяжных, он не должен быть инертным. Обязанность судьи – создавать условия для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела в суде.

Участие в суде присяжных психологически более комфортно защитнику как человеку автономному, внесистемному и малокомфортно для работников прокуратуры, иерархия службы которых предопределяет ориентирование на конкретные факты, а не на оценку этих фактов. Неудивительно, что эффективность участия прокурорских работников в суде присяжных невысока, а адвокатов – наоборот. Естественно, это не значит, что суд присяжных следует отменить, речь идет о необходимости подготовки прокурорских работников, может быть, их некоторой психологической переориентации для выступлений в судах присяжных.

В целом существуют три тактические линии, которые в той или иной степени оказываются эффективными в суде присяжных.

Первую линию условно можно обозначить как «клоун». Она сводится к максимальному проявлению у участников артистических способностей, оглашению невнятных по содержанию реприз, направленных на эмоциональное их восприятие присяжными. «Подсудимый столько лет прощал вам ваши грехи, простите и вы ему его грех», «бранное слово – это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, душевные речи» и пр. Эта внешне эффектная линия тем результативнее, чем ниже уровень познавательных особенностей присяжных.

Вторую линию условно можно обозначить как «сухарь». Это линия, которой придерживаются современные работники прокуратуры в судах присяжных. Их поведение не адаптировано к особенностям восприятия фактов в сфере события преступления непрофессионалами. Такая внешне неэффективная линия тем результативнее, чем выше уровень познавательных особенностей присяжных и чем более выражена у них установка разобраться в деле.

Третью линию условно можно обозначить как «советник». Придерживаясь этой линии, т.е. излагая факты напрямую, а их оценку в неявной форме, участник судебного заседания предоставляет присяжным уже структурированный материал, сохраняя у них иллюзию самостоятельности и независимости. Представляет из себя компромисс между первой и второй линиями поведения в суде присяжных.

Громадное количество недостатков, присущих суду присяжных, отмечено афоризмами величайших ученых.

«Присяжные добрые люди, но плохие музыканты», неспособные судьи, ибо не могут быть хорошими судьями люди «без знания права, которое достигается только внимательным его изучением, без сознания ответственности, которое приобретается профессией, вырабатывается лишь практикой, люди, часто приходящие в суд уже с предвзятым мнением вследствие ходячих газетных сплетен, покорные речи защитника и всевозможным общественным влияниям» (Р. Иеринг).

«Суд присяжных – это суд, пригодный для варваров, но недопустимый у нас» (И. Бентам).

«Девяносто процентов всех практиков-юристов и большая часть образованной публики убеждены в том, что достоинства суда присяжных ничтожны, а опасность его для правосудия огромна» (Г. Гросс).

«Если бы хотели учредить премию за изобретение самой плохой формы суда, то эту премию получил бы изобретатель суда присяжных» (А. Вах).

Для понимания полезности суда присяжных сегодня необходимо еще раз критически проанализировать наличие общественных предпосылок его существования в нашей стране. К сожалению, его сторонники пока могут апеллировать только к демагогическим и наивным, но внешне милым и интеллигентным заявлениям, в которых они обращаются к таким категориям:

– «интеллектуально-духовный потенциал здравого смысла как формы практического мышления при исследовании вопросов о виновности в процессе доказывания»;

– «совесть – нравственная основа судопроизводства и защиты в суде с участием присяжных заседателей»;

– «общечеловеческие потребности и чувства, лежащие в основе общественной гуманистической совести коллегии присяжных заседателей».

Основные понятия темы: судебная психология, профессиограмма, перекрестный допрос, «шахматный» допрос, судебная речь, судебная атрибутика, приговор, некарательное воздействие в суде, суд присяжных, тактическая линия в суде присяжных.

Литература

1. Грищенкова А.В. Психология и убеждение в судебном процессе. М. : Статут, 2018. 192 с.

2. Дмитриева Т.Б., Сафуанов Ф.С. Медицинская и судебная психология : курс лекций. М. : Генезис, 2015. 314 с.

3. Емельянов С.М. Конфликтология : учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 322 с.

4. Медицинская и судебная психология : курс лекций : учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 4-е изд., испр. и доп. М. : Генезис, 2016. 658 с.

5. Панасюк А.Ю. Судебная психология : избранные лекции. М. : Норма, 2007. 160 с.

6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. 352 с.

7. Черкасская Г.В. Управление конфликтами : учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 236 с.

Контрольные вопросы

1. В чем заключаются отличия сущности гражданского и уголовного судопроизводства?

2. Каковы отличия профессиограмм судьи, прокурора и адвоката?

3. В чем отличия допроса на предварительном следствии и перекрестного допроса в суде?

4. Какова структура судебной речи?
5. В чем заключается основное отличие судебной речи в обычном суде и суде присяжных?
6. Какова психологическая роль судебной атрибутики?
7. Каковы сферы возможной психологической оптимизации судебного процесса?
8. Каковы основные тактические линии у сторон в суде присяжных?

ГЛОССАРИЙ

АНКЕТИРОВАНИЕ – метод, заключающийся в проведении опроса посредством специально оформленного списка вопросов. Принадлежит к группе социологических методов.

БЕЗНАДЗОРНОСТЬ – модель воспитания, характеризующаяся отсутствием интереса к ребенку и контроля за его поведением.

ВИКТИМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «жертва–преступление».

ВИКТИМНОСТЬ – совокупность характеристик личности субъективного и объективного плана, которая послужила причиной наступления для нее неблагоприятных последствий преступного события. Закономерные активные жертвы характеризуются виктимностью в форме легкомыслия или в форме агрессии. Закономерные пассивные жертвы характеризуются виктимностью в форме дезадаптивности или в форме анадптивности.

ВНИМАНИЕ – избирательная направленность восприятия на тот или иной объект. Выделяют произвольное и произвольное внимание. Произвольное внимание – внимание, избирательная направленность которого характеризуется задействованием волевых психических процессов. Непроизвольное внимание – внимание, избирательная направленность которого не характеризуется задействованием волевых психических процессов.

ВОЗДЕЙСТВИЕ – целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому.

ГЕТЕРОСТАЗ – свойство любой системы, в том числе и психики, выражающееся в стремлении к развитию, энергозатратному поведению.

ГИПЕРТИМ (гипертимный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная постоянным повышенным фоном настроения в сочетании с жадой деятельности, высокой активностью, предприимчивостью.

ГИПЕРОПЕКА – модель воспитания, характеризующаяся чрезмерным вниманием к ребенку, желанием создать из него вундеркинда, подавлением самостоятельности, диктатом в отношении каждого шага.

ГИПОТИМ (гипотимный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная постоянным пониженным фоном настроения в сочетании с фиксацией на мрачных сторонах жизни, идеомоторной заторможенностью.

ГИПООПЕКА – модель воспитания, характеризующаяся недостаточностью внимания ребенку, верой в целесообразность автономности ребенка.

ГОМЕОСТАЗ – свойство любой системы, в том числе и психики, выражающееся в стремление к покою, энергоэкономному поведению.

ДЕПРЕССИЯ – синдром, характеризующийся пониженным настроением, торможением интеллектуальной и моторной деятельности, снижением витальных побуждений, пессимизмом в отношении себя и окружающей действительности.

«ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ» – модель воспитания, характеризующаяся систематическими угрозами наказания ребенка, подавлением его инициативы.

ЗАКОНОМЕРНЫЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – лица, своим поведением создающие или облегчающие условия совершения преступления. Среди них можно выделить отдельные подгруппы: активные жертвы и пассивные жертвы. Закономерные пассивные жертвы преступлений – это лица, которые своим неосмотрительным либо неосторожным поведением способствуют созданию криминальной ситуации. Закономерные активные жертвы преступлений – это лица, которые своим аморальным либо противоправным поведением создают криминальную ситуацию и провоцируют совершение в отношении них преступления.

ЗАСТРЕВАЮЩИЙ (застревающий акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная существованием у лица склонности к дисциплине, повышенной упорядоченности деятельности и скрупулезности.

«ЗОЛУШКА» – модель воспитания, характеризующаяся отсутствием внимания со стороны родителей с одновременной эксплуатацией ребенка, чрезмерным привлечением его к труду.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ – совокупность характерных особенностей и свойств, отличающих один индивидуум от другого; своеобразии психики и личности индивида, ее неповторимость, уникальность.

ИНТЕЛЛЕКТ – качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способностей к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний в повседневной деятельности.

ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ – метод, заключающийся в проведении разговора между исследователем и субъектом по заранее разработанному плану. Принадлежит к группе социологических методов.

ИНТРОВЕРСИЯ–ЭКСТРАВЕРСИЯ – распространенный в психологии критерий категоризации или показатель измерения черт личности. Наиболее известны два несколько отличающихся понятия интроверсии–экстраверсии, принадлежащих К. Юнгу и Г. Айзенку. Основным критерием, различающим экстравертов и интровертов, К. Юнг считал «направление движения либидо». Согласно Юнгу, экстраверсия проявляется в направленности жизненной энергии человека на внешний мир, в том, что экстраверт предпочитает социальные и практические аспекты жизни, операции с реальными внешними объектами, а интроверт предпочитает погружения в мир воображения и размышлений.

ИСТЕРОИД (истероидный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная высоким уровнем демонстративности.

КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ – естественная для людей форма межличностного агрессивного поведения. Содержательно конфликт характеризуется следующими свойствами: конфликт есть внутреннее, психическое состояние человека, характеризующееся острой психической напряженностью; конфликтное начало находит отображение на вербальном и невербальном уровнях че-

ловческого поведения; конфликт является особым эмоциональным состоянием, характеризующимся преобладанием негативных эмоций.

КОНФОРМНЫЙ (конформный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная склонностью к страхам, повышенной робостью и пугливостью, высоким уровнем тревожности.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ВНИМАНИЯ – способность к удержанию внимания на каком-либо объекте.

КОНЦЕНТРИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОИСКА – поиск от границ исследуемой территории к ее центру (от периферии к центру). Концентрический метод поиска используется в случае отсутствия явной локализации следов преступления (место перестрелки, место обрушения здания, места массовых убийств в ходе боевых действий).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек – следственное действие».

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «преступник–преступление».

КРИМИНАЛЬНЫЙ ИНСАЙТ – осознание справедливости и адекватности кары за совершенное преступление, что ведет к переоценке взглядов, антагонистических тем, которые образуют правоупослушное поведение.

«КУМИР СЕМЬИ» – модель воспитания, характеризующаяся культивированием у ребенка чувства исключительности, освобождением от всех тягот, исполнением любых прихотей.

МЕТОД ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ – сложный метод, заключающийся в получении новой информации посредством анализа имеющейся информации с помощью специальных алгоритмов и баз данных. Общенаучный метод.

МЕХАНИЗМ (неосознаваемой) психической защиты – алгоритм стабилизации психического напряжения, возникающего

вследствие несовпадения векторов бессознательного и сознательного.

ЛИДЕРСТВО – психологический феномен, детерминирующий перераспределение властных полномочий в малой группе, предопределяется феноменом «бегства от свободы», описанного Э. Фроммом.

ЛИДЕР-ИСПОЛНИТЕЛЬ – носитель наиболее ярко выраженного деятельностного начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к тактическому планированию.

ЛИДЕР-ОРГАНИЗАТОР – носитель наиболее ярко выраженного аналитического начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к стратегическому планированию.

ЛИДЕР ОППОЗИЦИИ – член малой группы, в лице которого высмеиваются тенденции, опасные для лидера группы, чтобы не допустить раскола среди ее участников. Оппозицией в прямом смысле не является.

ЛИДЕР – ХРАНИТЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ – носитель наиболее ярко выраженного эмоционального начала группы, лицо, в наибольшей степени склонное к пониманию глубинных потребностей участников группы.

ЛИЧНОСТЬ – субъект отношений и сознательной деятельности, носитель устойчивой системы социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности.

ЛОЖЬ – в отличие от заблуждения умышленное искажение действительности в знании. В психологии и криминалистике актуальным считается выделение следующих видов лжи: активная ложь – сообщение заведомо ложных сведений; осознаваемая ложь – сокрытие информации, когда лицо сознательно искажает факты, соответствующие реальной действительности; неосознаваемая ложь, вытекающая из эмоционального состояния напряжения, – не всегда точное воспроизведение произошедшего и неосознанное искажение фактических событий в силу повышенной внушаемости лица; патологическая ложь имеет место тогда, когда человек трансформирует реальную действительность в силу характерологических особенностей.

МАЛАЯ ГРУППА – нецелевое добровольное объединение нескольких лиц, характеризующееся фиксированным численным составом, наличием общих интересов, непосредственностью общения, устойчивой структурой.

«**МАСКА НОРМАЛЬНОСТИ**» – способность высокоактуализированных преступников выглядеть социально адаптированными в силу способности сбросить весь груз бессознательного напряжения в одноволевом акте, что приводит к исчезновению предпосылок действия механизмов защиты психики.

МЕТОДИКА «АНАЛИЗ АНОМАЛИЙ» – техника поиска, основанная на положении о том, что стрессовость ситуации совершаемого преступления предопределяет неосознанную ориентацию внимания человека на характерных, отличных от «среднего фона» участках местности. Выделяют несколько видов аномалий. «Аномалия цвета» – участок местности, сильно отличающийся по разновидности и / или интенсивности цветовой гаммы от «среднего» цветового фона. «Аномалия объекта» – участок местности, предметно содержательно отличающийся от общей «предметной» свойственности территории, на которой производится поиск. «Аномалия плотности» – участок местности, сильно отличающийся по степени насыщенности объектами от «среднего» фона территории, на которой производится осмотр места происшествия.

МЕТОДИКА ЗОНИРОВАНИЯ – техника осмотра, заключающаяся в выделении сегментов территории поиска с целью недопущения уничтожения следов преступления.

МЕТОДИКА «МОЗГОВОГО ШТУРМА» – техника коллективного анализа исходной информации, позволяющая преодолеть инертность поведения участников группы. На первом этапе «мозгового штурма» генерируются идеи, которые оптимизируют процесс поиска и направляются на уяснение исходной информации и моделирование преступного события. Критика выдвинутых идей не допускается. На втором этапе происходит анализ выдвинутых версий.

МЕТОДИКА НЕПОСРЕДСТВЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ – техника, используемая при проведении обыска и рассчитанная на то,

что при приближении обыскивающего к месту хранения искомых предметов наблюдается акцентирование в мозгу обыскиваемого тех очагов, которые связаны с событием преступления и его последствиями, и это обстоятельство не может не сказаться на поведении обыскиваемого, так же как и удаление обыскивающего от «опасного» места.

МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА (профилирования) – техника, в которой на основе анализа преступной деятельности формируются предположения о психологических особенностях преступника, определив предварительно его личностные характеристики.

МЕТОДИКА «СЛОВЕСНОЙ РАЗВЕДКИ» – техника, используемая при проведении обыска и рассчитанная на то, что при приближении обыскивающего к месту хранения искомых предметов наблюдается изменения в речи обыскиваемого, и это обстоятельство не может не сказаться на речевом поведении обыскиваемого, так же как и удаление обыскивающего от «опасного» места.

МЕТОДИКА «ТРЕХ ЗАСЕЧЕК» – техника, используемая при проведении обыска и рассчитанная на то, что следователь способен фиксировать пространство, лежащее в области контроля обыскиваемого (все пространство перед обыскиваемым и часть пространства за ним), которое с высокой вероятностью указывает на место сокрытия.

«МИЛЛЕРОВСКАЯ СЕМЕРКА» – установленное экспериментальным путем количество объектов, которые человек способен воспринимать без излишнего перенапряжения ресурсов психики, бытовой уровень комфортного восприятия. Последующие исследования уточнили «комфортное» число объектов, установив его в пределах 7–9.

НАБЛЮДЕНИЕ – метод непосредственного восприятия исследуемого объекта. Принадлежит к группе социологических методов.

ОБЪЕМ ВНИМАНИЯ – количество однородных объектов, которые могут восприниматься одновременно и с одинаковой четкостью.

«ОТВЕРЖЕННЫЙ» – член малой группы, за счет которого активно самоутверждаются другие члены группы. Данная фигура характерна для групп, участники которых характеризуются очень невысоким уровнем психического развития.

ПАРАНОИД (параноидный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная существованием у лица склонности к формированию сверхценных идей.

ПЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек–наказание».

ПЕРЕКЛЮЧАЕМОСТЬ ВНИМАНИЯ – сознательное и осмысленное, преднамеренное и целенаправленное, обусловленное постановкой новой цели изменение направления сознания с одного предмета на другой.

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ – обозначение науки о психологических закономерностях в системе «человек и право».

ПРАВОСОЗНАНИЕ – совокупность представлений и чувств, взглядов и эмоций, оценок и установок, выражающих отношение людей к действующему праву.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ – изменение психических характеристик личности, которые появляются под влиянием выполнения профессиональных обязанностей.

ПСИХИКА – системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении субъектом объективного мира, в построении субъектом неотчуждаемой от него картины этого мира и саморегуляции на данной основе своих поведения и деятельности.

ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ – отдельные кратковременные проявления психической деятельности человека, изучаемые в динамике и условно вычленяемые в качестве относительно изолированных объектов исследования.

ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – проявление психической деятельности человека, изучаемое в статике и условно вычленяемое в качестве относительно изолированного объекта исследования.

ПСИХИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО – устойчивое психическое проявление, характерное для индивида, преобладающее в его психической деятельности, закрепленное в структуре личности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТАКТ – состояние взаимоотношений следователя и подследственного в процессе проведения следственного действия. Психологический контакт возможен в трех формах. Психологический контакт – форма оптимального взаимодействия следователя и подследственного. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерны элементы взаимопонимания, взаимопомощи и аналитического мышления. Психологический контакт – форма достаточного взаимодействия следователя и подследственного. Готовность к совместной деятельности (пусть и в конфликтной форме). Для данной формы психологического контакта характерны элементы взаимопонимания и аналитического мышления. Психологический контакт – форма минимального взаимодействия следователя и подследственного. Существует возможность (пусть исчезающе малая) получения информации, значимой для уголовного дела. Для данной формы психологического контакта в полном объеме характерен элемент аналитического мышления.

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ЭРГОНОМИКА – раздел правовой психологии, изучающий алгоритмы оптимизации организации юридического труда.

ПСИХОТИП – типовая совокупность психологических свойств, присущая личности и в значительной степени предопределяющая ее поведение и даже мировоззрение.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВНИМАНИЯ – субъективно переживаемая способность человека удерживать в центре внимания определенное число разнородных объектов одновременно.

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психопрофилактику стрессов у работников правовых специальностей.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ – потребность человека в духовном развитии, венчающая пирамиду потребностей личности А. Маслоу.

«СВЯЗНОЙ» – член малой группы, который одновременно состоит в другой малой группе, с которой имеются стабильные

связи. Наличие данной фигуры позволяет превысить верхний количественный предел членов группы, не повышая в ней напряженности. Как правило, выступая в одной группе связным, в другой группе это лицо является помощником лидера.

СЕНЗИТИВ (сензитивный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная высоким уровнем развития эмоциональности (области тонких эмоций).

САМОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА – сознание субъектом самого себя в отличие от окружающего мира.

СЛЕДСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «следователь–право».

СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – лица, поведение которых не было негативным и никоим образом не вызывало преступных действий.

СОЗНАНИЕ – сформированная в процессе общественной жизни высшая форма психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в форме словесных понятий и чувственных образов.

СТАДИИ ДОПРОСА – этапы допроса, отличающиеся по содержанию и задачам, которые решаются в них. В анкетно-формальной стадии решается процессуально-ознакомительная задача. В анкетно-контактной стадии допроса решаются удостоверительная и ситуационно-ролевая задачи. Стадия свободного рассказа допрашиваемого представляет собой его повествование о преступном событии. Стадия уточняющих вопросов имеет цель сформировать у следователя убежденность, что полученная им в стадии свободного рассказа информация воспринята адекватно. На стадии дополнительных вопросов ставится задача получения криминалистически значимой информации, которая ранее не была сообщена следователю в силу недобросовестности или заблуждения допрашиваемого.

«СТРАЖ» – член малой группы, выполняющий функцию контроля стабильности психического напряжения в группе, выполнения ее внутригрупповых этических норм.

СТРЕСС – состояние человека, его неспецифические реакции на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях, возникающие в ответ на чрезвычайно сильные экстремальные ситуации.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – раздел правовой психологии, изучающий психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек – судебное заседание».

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА – разновидность судебной экспертизы, предметом в которой выступают компоненты психической деятельности человека в ее целостности и единстве; их установление и экспертная оценка имеют значение для выяснения истины по делу.

СФЕРА ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ – то, что представляет для человека интерес во внешнем мире.

СФЕРА ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ – то, чем руководствуется человек для достижения своего интереса.

СФЕРА ПРИТЯЗАНИЙ ЛИЧНОСТИ – то, каким способом человек реализует свой интерес.

ТЕСТИРОВАНИЕ – выполнение определенного объема заданий с заранее установленным диапазоном нормы, характерной для исследуемой выборки. Принадлежит к группе социологических методов.

ТРЕВОГА – состояние, в котором пребывает личность, соотносящееся по своей эмоциональной окраске с субъективно негативными ощущениями внутреннего психического дискомфорта, негативным восприятием реальности и себя в ней, пессимистической установкой.

УСТОЙЧИВОСТЬ ВНИМАНИЯ – длительность, в течение которой концентрация внимания сохраняется на одном уровне.

ФРОНТАЛЬНЫЙ МЕТОД ПОИСКА – поиск по фронту, т.е. по линии движения вперед. Фронтальный метод поиска представлен двумя функциональными разновидностями: поиск в узких протяженных пространствах (фронтально-секторный) и поиск достаточно габаритных объектов на очень большой территории (фронтально-линейный).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФИГУРЫ МАЛОЙ ГРУППЫ – члены малой группы, которые не претендуют на лидерство, однако желают принимать активное участие в деятельности малой группы, концентрируются на преимущественной реализации одной функции.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОСНИК ЛЕОНГАРДА–ШМИШЕКА – личностный опросник, который предназначен для диагностики типа акцентуации личности, является реализацией типологического подхода к ее изучению.

ЦИКЛОИД (циклоидный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная частой сменой гипертимной и гипотимной фаз.

ЧЕЛОВЕК – субъект, обладающий сознанием, в чистом виде признаком, присущим всем *Homo sapiens*.

ШИЗОИД (шизоидный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная инертностью психических процессов, самопогружением в свой внутренний мир.

«ШУТ» – член малой группы, выступающий своеобразной мишенью для иных участников группы с целью понижения психического напряжения в группе.

ЭКСПЕРИМЕНТ – проводимый в специальных условиях опыт для получения новых знаний о психологии путем целенаправленного вмешательства исследователя в жизнедеятельность испытуемого посредством моделирования конкретной ситуации. Принадлежит к группе социологических методов.

ЭКЗОГЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ (по классификации С.В. Познышева) – лица, совершившие преступления вопреки своим расчетам и ожиданиям.

ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОИСКА – поиск от центра исследуемой территории к ее границам (от центра к периферии). Эксцентрический метод поиска используется в случае наличия явной локализации следов преступления (труп при убийстве, взломанная дверь при краже, очаг возгорания при поджоге).

ЭНДОГЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ (по классификации С.В. Познышева) – лица, предрасположенные к известным видам преступ-

ной деятельности: они сами ищут условия для реализации своего преступного замысла.

ЭПИЛЕПТОИД (эпилептоидный акцентуированный тип) – типовая совокупность психологических свойств, предопределенная повышенной импульсивностью, ослаблением контроля над влечениями и обсуждениями.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ – устаревшее на сегодняшний день обозначение науки о психологических закономерностях в системе «человек и право». Отказ от термина предопределен несовпадением термина «юридическая» и расширившегося круга психологических явлений, изучаемых в системе «человек и право». Термин сохраняется в силу академической непластичности.

Учебное издание

Библиотека магистранта

АХМЕДШИН Рамиль Линарович

**ЛЕКЦИИ ПО ПРАВОВОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

Учебное пособие

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 18.10.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 26,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 3999.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-850-4

9 785946 218504